

Чума в Милане в 1630 году

Джузеппе Рипамонти

LA
PESTE DI MILANO
DEL
1630

DI
GIUSEPPE RIPAMONTI

MILANO
1841

Электронная книга проекта Gutenberg « » Чума в Милане 1630 года

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге « » или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Чума в Милане 1630 года

Автор: Джузеппе Рипамонти

Переводчик: Франческо Кузани

Дата выпуска: 21 марта 2023 г. [Электронная книга № 70335]

Язык: итальянский

Оригинальное издание: Италия: Pirota, 1841

Благодарности: Барбара Магни и команда онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ЧУМА В МИЛАНЕ 1630 ГОДА» ***

Чума в Милане 1630 года

ЧУМА В МИЛАНЕ

1630ГОДА ПЯТЬ КНИГ

ВЫДЕРЖАННЫЕ ИЗ ЛЕТОПИСЕЙ ГОРОДА
И НАПИСАННЫХ ПО ПРИКАЗУ LX ДЕКУРИОНОВ

Каноником делла Скала

ДЖУЗЕППЕ РИПАМОНТИ

МИЛАНСКОГО ИСТОРИОГРАФА

ВПЕРВЫЕ ПЕРЕВЕДЕННЫЕ С ЛАТИНСКОГО ОРИГИНАЛА ФРАНЧЕСКО КУЗАНИ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ

Милан

Типография и книжный магазин Pirota e C.

1841

СОДЕРЖАНИЕ

СВОИМ СОГРАЖДАНАМ ЭТО ПОВЕСТЬ О СТРАШНОЙ КАТАСТРОФЕ, ОПУСТОШИВШЕЙ ОБЩУЮ РОДИНУ, ОТ САМОГО КРАСНОРЕЧНОГО МИЛАНСКОГО ИСТОРИКА ТОГО ВРЕМЕНИ, ПЕРЕДАННАЯ ПОТОМКАМ НА ЯЗЫКЕ ЛАЦИО, А ТЕПЕРЬ ПЕРЕВЕДЕННОМ НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК, ЧТОБЫ ВСЕМ БЫЛИ ПРИМЕРОМ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ, ОШИБКИ И БЕДСТВИЯ НАШИХ ПРЕДКОВ, С ЧЕСТНЫМ НАСТРОЕНИЕМ ПРЕДЛАГАЕТ **ФРАНЧЕСКО КУЗАНИ**

Введение ИЗ НЕВЫПУЩЕННОГО РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЛАВНЫХ МИЛАНСКИХ ИСТОРИКАХ И ХРОНИСТАХ

ФРАНЧЕСКО КУЗАНИ

I.

Мы находимся в испанскую эпоху, которая охватывает период в сто семьдесят лет, начиная с того момента, когда победоносные войска Карла V и Кембриджский договор присоединили нашу страну к бескрайним владениям этого монарха, и до прихода австрийцев в начале прошлого века. Это была роковая эпоха, о которой у ломбардов остались горькие воспоминания! Короли были далеки и тем более недоступны, что для того, чтобы добраться до Мадрида, нужно было пересечь Францию, которая почти всегда находилась в состоянии войны с Испанией, или другие итальянские государства, чтобы сесть на корабль в каком-нибудь порту Средиземного моря. Губернаторы, представлявшие монарха, чуждые законам, обычаям, нашему языку, жадные к удовлетворению своей амбиции и алчности, не управляли, а угнетали страну, оставленную им на три года на произвол судьбы. Сенат, в основном состоявший из испанцев, выносил приговоры, которые были окончательными, *как приговор Бога. Тайный государственный совет; Магистрат здравоохранения; Шестьдесят декурионов; Капитан правосудия; Обычный магистрат, Чрезвычайный магистрат* — все эти власти действовали независимо в своей сфере, часто сталкиваясь и вступая в конфликт при осуществлении своих не слишком четко определенных полномочий. Веселье и природная активность ломбардов сменились мрачной надменностью, высокомерием и испанской леностью; поэтому дворяне отказались от торговли, считая ее бесчестной для своего рода; промышленность пришла в упадок, искусство и наука были заброшены, общественные работы пренебрегались, короче говоря, наша страна, постепенно угасая от медленного голода, из процветающей и богатой превратилась в бесплодную и безжизненную из-за отсутствия сельского хозяйства, промышленности и гражданской энергии.

Однако приписывать упадок и разрушение Ломбардии исключительно испанскому господству, как это сделали многие писатели, мне кажется преувеличением. И правда в том, что эти беспорядки были в значительной степени следствием бурления идей и страстей, общего для народов Европы, которые, недавно выйдя из средневековья, начинали строить свои правительства на новых принципах.

Но, возвращаясь к нам, я полагаю, что испанскую эпоху можно разделить на два периода: с 1537 по 1632 год и с этого года по 1705 год, когда пришли австрийцы. Две эпидемии чумы

1576 и 1630 годов являются, безусловно, наиболее важными событиями первого периода, а Св. Карло и Федерико Борромео — его самыми известными деятелями. Второй период не отмечен никакими грандиозными событиями, поскольку, измученная голодом и эпидемиями, а также замедлившаяся под влиянием этих двух архиепископов, Ломбардия погрузилась в все более глубокую летаргию.

Изучая исторические традиции, сохранившиеся среди народа до наших дней, я показал, что их мало и они спутаны, и постарался выяснить причины [этого \[1\]](#). Итак, от испанского господства, самого длительного из всех, в народе не сохранилось никаких воспоминаний, кроме воспоминаний о Св. Карло и чуме, произошедшей во время его понтификата.

Посещения всей миланской епархии, реформы многих злоупотреблений, учреждение школ христианского вероучения, щедрые и постоянные пожертвования бедным всех классов, его ревность и выдающаяся милосердность во время чумы глубоко укоренили в душах горожан и крестьян память о святом Карло.

Конгрегация Облатов, основателем которой он был, на протяжении веков, посредством семинарий, поддерживала в миланском духовенстве память о его благодеяниях. К этому следует добавить почитание народа, который стекается молиться у могилы святого архиепископа и каждый год, в день его памяти, останавливается перед картинами, изображающими основные события его жизни, чтобы вновь почтить его память. Таким образом, эта религиозная и гражданская традиция сохранялась на протяжении веков, и если мы внимательно рассмотрим выдающиеся заслуги Борромео, то неудивительно, что его имя олицетворяет целую эпоху для миланского народа. Из множества испанских правителей и наших сограждан, которые также прославились своими добродетелями или преступлениями, он не сохранил память ни об одном имени.

А тем, кто упомянул бы кардинала Федерико, достойного подражателя добродетелей святого Карла, и чуму 1630 года, без сомнения более смертоносную, чем предыдущая, я ответил бы, что было бы ошибкой полагать, что до публикации *«Жениха и невесты»* о нем сохранилась народная традиция. Исследовать здесь вероятные причины такого забвения было бы слишком долго. Достаточно сказать, что Федерико, по своему характеру и своим занятиям, был гораздо менее популярен, чем его двоюродный брат, герой «». Что касается эпидемии 1630 года, то народ, который очень часто путает эпохи, объединил ее с предыдущей, память о которой сохранилась благодаря Борромео. В доказательство этого, если сегодня спросить простых людей о чуме в Милане, они ответят, упомянув только чуму Святого Карла, как будто других чум никогда не было.

Слава же Александру Манцони, который, используя с такой силой своего гения богатейшие материалы, которыми переполнены истории и архивы, пролил столь яркий свет на этот трагический эпизод нашей истории и привлек внимание к людям и событиям, которые были почти забыты!

Теперь, переходя к миланским историкам и летописцам испанской эпохи, я начну с [\[2\]](#)...

II.

Вот и мы подошли к Джузеппе Рипамонти, одному из самых выдающихся и заслуженных писателей о родине. Я буду говорить о его произведениях и жизни дольше, чем о других историках, потому что первые очень важны, а вторая до сих пор оставалась окутанной своего рода таинственным облаком, которое я постараюсь рассеять.

Все современные миланские писатели, которые говорят о Рипамонти, восхваляя его знания и элегантный латинский стиль, очень мало говорят о его судьбе. И как бы я ни искал, мне не удалось найти ни слова о суде и пятилетнем заключении, которое он перенес.

Даже в Библиотеке Амброзиана, где он был доктором, нет никаких следов, кроме одной записи [3], в которой говорится, что Рипамонти был исключен, а затем вновь принят в колледж, и ничего больше. Джироламо Легнано, один из 60 декурионов, который поручил ему написать историю Милана и после его смерти опубликовал «Decade V.^a», содержащую жизнь Федерико Борromeо, также хранит абсолютное молчание. В краткой биографии, предваряющей V.^a Decade, он пишет: «Он пережил различные удачи и неудачи, но его дух всегда оставался непоколебимым»; это настолько расплывчатое понятие, что оно ничего не значит. Сам обвиняемый в своих более поздних произведениях никогда не упоминает о своих делах. И все же процесс был настолько долгим и громким, что современники не могли его не знать. Почему же тогда такое всеобщее и абсолютное молчание? Из уважения к докторам Амброзианы и конгрегации Облатов, многие члены которой не слишком хорошо проявили себя в том процессе. Вероятно, к молчанию побудило и почтение к кардиналу Федерико, поскольку, хотя он не только смягчил наказание Рипамонти, но и впоследствии держал его рядом с собой, осыпая его милостями, тем не менее он оставил его томиться в тюрьме много лет из-за медленного хода судебного разбирательства. Все это станет ясно из того, что мы будем излагать далее.

Первым, кто пролил свет на жизнь Рипамонти, был Игнацио Канту, посвятив ему главу XLI своей книги «*Vicende della Brianza*» (*События Брианцы*).

Он изучил объемный процесс, проведенный нашим историком, который был найден в архиве семьи Борromeо, ценном архиве, содержащем важнейшие документы по истории родины [4]. Граф Виталиано Борromeо, с присущей ему любезностью, разрешил мне изучить документы, касающиеся Рипамонти и чумы 1630 года, и я извлек из них много новых подробностей, которые, несомненно, помогут полностью прояснить эту историческую загадку, что не может не порадовать любителей отечественной истории.

III.

Джузеппе Рипамонти родился в 1577 году в Теньоне [5], деревушке прихода Миссалья в Брианце [6]. Его родственники не были богаты, но, не возделывая землю, жили скромно на доходы от своих полей. Мальчик, красивого телосложения, рос крепким на благоухающем воздухе этих улыбчивых холмов; и поскольку он проявлял раннюю и очень живую интеллигентность, родители предназначили его к церковной карьере, которая в то время открывала широкие возможности для чести и удачи даже для молодых людей из среднего класса.

Приятно слушать, как сам Рипамонти рассказывает о своих занятиях.

«До 17 лет я воспитывался моим дядей, священником из Барзано [7], по имени Баттиста Рипамонте, который уже умер. Я изучал грамматику, которой меня учил мой дядя. После 17 лет я поступил в семинарию по настоянию моего дяди, который научил меня части иврита, которым увлекался господин кардинал, и господин кардинал экзаменовал меня и поместил в семинарию в канониках, где я пробыл год. В этом семинарии господин кардинал заставил меня заниматься ивритом, и я преподавал его некоторым другим молодым людям. А поскольку мой дедушка не мог или не хотел платить за семинарию, я ушел оттуда и

поселился в комнате недалеко от Бреры в компании священника Антонио Джудичи из Макконаги, ходил в Бреру на уроки логики и пробыл там год. По окончании года я порвал со своим дедом, г-н , и пошел жить к г-ну Джакомо Реста в Милан, чтобы быть учителем его сына, которого сегодня зовут г-н Дж. Баттиста, с которым я прожил четыре года. Затем я переехал к епископу Новары, монсеньору Бескапе, который хотел научить меня писать его письма, и прожил с ним шесть месяцев. Затем монсеньор Сеттала, архипресвитер Монцы, отправил меня в Монцу в качестве учителя этой общины, где я прожил два года, и я уехал из Новары, потому что мне не нравилось служить этому епископу, и из Монцы я уехал по приглашению почтенного господина кардинала Борромео в семинарию Милана, где я прожил в качестве учителя грамматики около четырех лет. В это время , под руководством и наставничеством того же господина кардинала, я приступил к изучению истории, а также греческого, еврейского и халдейского языков; достигнув некоторых успехов в изучении этих языков, кардинал приказал мне заниматься только историей. По истечении этих четырех лет [8], проучившись два года в семинарии тому, что велел мне кардинал, я был принят в Колледж Амброзиано и получил там степень доктора, хотя пробыл еще четыре года в семинарии Каноника. Затем, из-за споров с ректорами семинарии, которые требовали, чтобы я платил за проживание, а я не хотел этого, кардинал по своей доброте принял меня в свой дом за свой счет, и я продолжал учиться в Колледже Амброзиано, откуда получал зарплату в размере 1000 лир в год [9]».

Из этого отрывка ясно видно, какое предпочтение Федерико отдавал Рипамонти с тех пор, как познакомился с ним в юности. В 1609 году, учреждая Амброзиану, он назначил его доктором, поручив ему почетную задачу написать историю родины; а позже, чтобы избавить его от ссор, в которые он был вовлечен со своими коллегами из семинарии, принял его в своем архиепископском дворце. Получил ли Федерико благодарность? Не слишком. Рипамонти, высокомерный и беспокойный по натуре, склонный к сплетням, был, надо сказать, скандалистом: он нажил себе врагов в лице ректора семинарии Бернардо Райнони, постоянно издеваясь над ним за заикание, и других коллег, не желая подчиняться строгой дисциплине конгрегации. Правда, эти люди были не слишком умны и педантичны, поэтому с трудом терпели превосходство литератора, который жил, полностью поглощенный учебой.

Дела с врачами Амброзианы шли не лучше, как из-за его вспыльчивости, так и из-за зависти, которую вызывала к нему благосклонность кардинала. Один из коллег, теолог Антонио Руска, однажды украл и спрятал медаль, которую Рипамонти носил на шее в качестве знака отличия своей должности. Между обиженным и обидчиком сначала прозвучали оскорбления, а затем дело дошло до драки. Даже с первым библиотекарем Антонио Ольджато с Джиджео и Сальмазия были острые и повторяющиеся ссоры, которые, хотя и были вызваны пустяковыми причинами, настолько обострили отношения с Рипамонти, что вскоре разразилась буря. Первая декада *«Церковной истории Милана»*, вышедшая в свет в 1617 году, получила всеобщее признание, и сам Фредерик похвалил ее автора. Но его противники обвинили его в том, что он рассказал о своих собственных делах, а также в том, что он то и дело порочил злобными намеками доброе имя нескольких своих коллег, как из семинарии, так и из библиотеки, и что, рассказывая о событиях, связанных со священником Фортунато, он искажил письма Святого Григория Великого, из которых он взял этот эпизод.

Ходят слухи, что во время печати он вставил эту историю в рукопись, уже одобренную цензором Бариолой, членом Священной Канцелярии.

Рипамонти ответил, что получил устное разрешение, но, поскольку цензор между тем умер, выяснить правду было невозможно. Между тем, неустойчивый характер, любовь к наживе и, возможно, больше всего предчувствие угрожающей мести побудили Рипамонти принять

предложение графа Толедо, губернатора Милана, который хотел увезти его в Испанию, нанимая его за зарплату для записи историй. Федерико, ревностный покровитель наук и сам хороший литератор, конечно же, не мог остаться равнодушным к потере своего протеже, который, несмотря на вспыльчивый и беспокойный характер, приносил славу зарождающемуся Колледжу Амброзиано и приносил честь архиепископу и родине, продолжая публиковать свои «Декады». Однако Федерико, как того требовало его достоинство, не препятствовал отъезду Рипамонти, ограничившись молчаливым неодобрением. Этого было достаточно, чтобы заставить нашего писателя, который был беспрецедентно нестабилен, усомниться.

Тот, кто не имел терпения проследить за его долгим процессом, с трудом поверит, сколько раз он менял свое решение: то он был счастлив отправиться в Испанию, то сожалел о том, что покидает родину и своего прославленного покровителя. В этих сомнениях прошла весна 1618 года. Наконец, годовая зарплата в 400 дукатов и половина этой суммы, выплаченная ему в июле секретарем Толедо, победили нерешительность Рипамонти уехать без явного согласия кардинала. Но через несколько дней он в сотый раз раскаялся и с помощью отца Игнатия капуцина, «который оказал услугу [10]», вернул 200 дукатов. В то же время он послал аббата Чиаравалле, чтобы тот вымолил прощение у Федерико, который находился в своей вилле в Гроппелло, умоляя его позволить ему остаться там, потому что он боялся мести губернатора. Архиепископ не захотел его принимать и ответил: «Пусть делает то, что ему выгодно, я не хочу ничего больше знать [11]». Однако он посоветовал ему отправиться в дом проповедника Мельци в Каноника, недалеко от Ваприо (29 июля): «И ему (Рипамонти) это понравилось, и он пошел и попросил меня, чтобы, как только отец капуцин вернет вышеупомянутые деньги, я немедленно послал за ним человека для его утешения, потому что он не смог бы уснуть, пока не получит известие о возвращении денег: я утешил его на следующее утро [12]». Но утешение было очень кратким, потому что в начале августа он был там арестован.

Видя, что дело плохо, он нашел способ тайно отправить письмо секретарю графа Толедо: «Со мной обращаются жестоко, — писал он, — завтра меня увезут в другое место, и я не знаю, куда. Поэтому я умоляю Ваше Преосвященство выручить меня, потому что я в любом случае хочу поехать с ним в Испанию [13]».

Но старый и причудливый испанец, как бы он ни стремился иметь в своем распоряжении элегантного историка, не был человеком, готовым навлечь на себя серьезные претензии со стороны церковной власти, чтобы защитить человека с таким непостоянным характером [14]. На следующий день Рипамонти был переведен в Милан, где его заключили в тюрьму в одной из комнат архиепископского дворца, и началось инквизиционное расследование.

Обвинения были следующими:

Включение в первую декаду своей «Церковной истории Милана» во время печати истории священника Фортунато после проверки цензором, в которой под именем Фортунато рассказывалось о делах Райони, ректора семинарии. — Вспомнил некоторые поступки святого Августина до его обращения, о которых было бы лучше промолчать, и высмеял канонизацию святого Карла. — Ему вменялось в вину, что под именами некоторых вымышленных священников, живших во времена святого Амвросия, он изображал некоторых своих коллег, высмеивая их злобными намеками. — В те годы, когда он был учителем в семинарии, он пренебрегал религиозными обязанностями настолько, что никто никогда не видел, чтобы он читал молитвы или даже крестился. — В конце концов его даже обвинили в атеизме и отрицании бессмертия души. — Рипамонти также был обвинен в

позорных пороках, но с самого начала стало очевидно, что это была клевета, и , что об этом больше не упоминалось ни в ходе судебного разбирательства, ни в приговоре.

Угнетенный столь серьезными обвинениями и движимый естественным стремлением к свободе, подсудимый попытался соблазнить тюремщика, пообещав ему двадцать пять скудов, если тот поможет ему бежать и укрыться у герцога Савойского, который, как мы уже говорили, пригласил его в свой двор с высоким жалованьем. Узнав, что тот неподкупен, однажды вечером он тихо вышел и, заперев его в соседней комнате, уже собирался незаметно выйти из архиепископства, когда его догнал стражник, которого освободили товарищи, прибежавшие на его крики.

Эта попытка побега, которую Рипамонти пытался оправдать, говоря, что боялся, что кардинал хочет убить его в тюрьме, усложнила процесс, тем более что тюремщик Э , из тупости или из мести, обвинил его в одержимости. Строгость наказания усилилась, и ему не разрешалось читать ни одной книги, кроме Бревиария; только на Пасху 1619 года ему разрешили читать «Сочинения Цицерона». Отсутствие книг должно было быть очень мучительным для человека, с детства привыкшего большую часть дня посвящать учебе. Были допрошены все доктора Амброзианской библиотеки, облаты семинарии и все, кто имел какое-либо отношение к Рипамонти, и их показания усугубили положение обвиняемого.

Епископский викарий Арчелли, которому было поручено вести дело, был его личным врагом и, кроме того, человеком низкого происхождения [15].

Реальные проступки Рипамонти и внушения его многочисленных врагов уравнивали в сердце кардинала его уважение и привязанность к нему, поэтому он не мог решиться ни осудить, ни оправдать его. В качестве доказательства приведем несколько отрывков из писем, написанных его поверенным в суде Рима, которые свидетельствуют о доброжелательном и умеренном характере выдающегося Федерико.

Монсеньору Сеттале.

Рим, 19 сентября 1618 г.

Рипамонти не находится в частной тюрьме, а в официальной тюрьме с тех первых дней, когда его держали в камере до тех пор, пока не будут улажены некоторые вопросы, касающиеся его личности. Его удерживают, чтобы не дать ему уйти и служить господину Д. Пьетро ди Толедо, но по причинам, которые будут видны в свое время из самого процесса, который ведется в соответствии с законом. Следует постараться установить истину с помощью некоторой ловкости и за короткое время, вместо того чтобы применять жесткие меры пыток и тому подобное. Поскольку невозможно помешать миру говорить то, что он считает нужным в этом, как и в остальных случаях, Ваше Сиятельство заверите Нашего Господа и всех, с кем придется иметь дело, что, увидев процесс, который будет отправлен, они останутся довольны тем, как он проходит, и увидят цели, которые преследуются в этом деле, и т. д.

Монсеньору Безоццо.

28 марта 1619 г.

Займитесь отправкой дела Рипамонти, оставайтесь в согласии с отцом комиссаром, который сообщит вам обо всем, что будет происходить здесь. И что нужно думать

только о безопасности, чтобы этот человек не стал для всех предметом сожаления; и что это моя цель и страх. Потому что, если бы не это, я бы уже шесть месяцев назад выпустил его из тюрьмы, и т. д.

Монсеньору Безоццо.

17 апреля 1619 года.

Я не могу согласиться с пожизненным заключением, к которому некоторые призывают приговорить Рипамонти, считая его слишком суровым наказанием. Но я бы хотел, чтобы он отбыл несколько лет, как я уже писал вам. И с намерением через некоторое время помочь ему всеми возможными средствами, не давая ему впасть в бедственное положение или отчаяние. Однако постарайтесь, чтобы дело было устроено так, чтобы у нас осталась возможность проявить милосердие, если будет видно, что Рипамонти исправил, и есть надежда вернуть его на путь истинный. По крайней мере, можно прибегнуть к уловке, немного отложив дело и оставив его в подвешенном состоянии, чтобы дать немного времени для более тщательного обдумывания. И время покажет, что нужно делать. А если Святейшество опасается каких-либо неприятностей, которые могут возникнуть из-за того, что дело будет отложено, ответьте, что когда что-нибудь станет известно, можно будет сразу же принять решение, не медля. Так мы избежим опасностей с обеих сторон и т. д.

Тому же.

11 мая 1619 г.

В деле Рипамонти, чтобы все было хорошо, он не должен знать, что там было решено, потому что он станет высокомерным и с каждым днем будет становиться все хуже. Поэтому я хочу, чтобы его держали в страхе, а потом посмотрим, и т. д. [16].

Из этих писем вы, читатели, могли заметить, как Папа и конгрегация кардиналов взяли на себя, как высшие судьи в церковных делах, дело Рипамонти. Отец обвиняемого обратился к Папе весной 1619 года со следующей апелляцией, которая находится в материалах процесса и которую мы приводим как очень важный документ.

«Бартоломео Рипамонти, преданный слуга Вашего Святейшества, смиренно излагает, как его сын Джузеппе, священник и автор «Церковной истории Милана», после долгого служения господину кардиналу Борромео как в семинарии, так и в амброзианском колледже и при других случаях, подвергся преследованиям со стороны некоторых своих завистников и злоумышленников, которые с помощью дьявольских внушений и ложных предлогов неустанно настраивали его против господина кардинала, и уже много месяцев находится в заключении в архиепископском дворе, причем причина его заключения остается неизвестной. Несмотря на многочисленные просьбы предоставить копию обвинения или обеспечить ему безопасность, а также обещания о его освобождении, ничего не было достигнуто, и не было видно, чтобы против него было возбуждено другое дело. Поэтому бедный проситель, отчаявшись добиться справедливости в этом суде или у кого-либо из его министров, и видя явную опасность для своего сына из-за его слабого здоровья, ухудшенного длительным пребыванием в тюрьме, умоляет Ваше Святейшество снизить и распорядиться, чтобы дело было рассмотрено по

справедливости и завершено одним из кардиналов Священной Конгрегации епископов или другим судьей этого суда, с предписанием передать инквизицию и процесс против него, если таковой имеется, что будет милостью Вашего Святейшества, quia Deus, ес.

*Джованн Амброджо Кривелли
От имени просителя.*

Действительно, кардиналы Миллино и Кадониси по приказу Папы написали Федерико, чтобы он завершил процесс, удерживая обвиняемого под стражей и информируя Рим о его действиях [17]. Но как бы то ни было, в течение двух лет дело оставалось в подвешенном состоянии, и в процедуре имеется пробел с 1620 по 1622 год.

Заклученный, томившийся в тюрьме четыре года и пришедший в очень плохое состояние здоровья, настаивал, чтобы его отправили в Рим для суда; также Конгрегация требовала его отправки туда; и действительно, кардинал Миллино, среди прочих писем, написал 22 апреля 1622 года, что отец Рипамонти подал новую апелляцию Папе: *который приказал привезти его в Рим вместе с его делом, и для исполнения этого Его Святейшество поручил мне написать Вашему Преосвященству, чтобы вышеупомянутый Джузеппе был освобожден с возобновлением данной ранее гарантии в 4000 скудов, что он прибудет сюда в течение 20-25 дней и явится в это Святое Управление, одновременно прислав соответствующие документы* [18]. Тогда Федерико, оказавшись в затруднительном положении и не считая целесообразным, чтобы такой вспыльчивый человек, раздраженный длительным заключением, отправился в Рим, передал дело генеральному инквизитору Аббондио Ламбертенги и викарию Антонино, сменившему Арчелли. В июле после столь долгого времени были впервые заслушаны свидетели защиты. Исповедник семинарии, различные приходские священники и священники, некоторые секретари Сената и многие люди с безупречной репутацией из Милана, Павии, Лоди и других городов все дали показания в пользу Рипамонти. Каноник Россиньоли из собора, назначенный официальным защитником вместе с двумя другими адвокатами, в значительной степени опроверг обвинения, и 16 августа того же года был наконец вынесен приговор.

В преамбуле было заявлено, что он заслуживает сурового наказания, но что следует проявить некоторую снисходительность, и он был приговорен:

I. Подвергнуться церковному осуждению Латеранского собора, но с правом просить о прощении.

II. К трем годам заключения в архиепископских тюрьмах и еще двум годам в каком-либо благочестивом месте по выбору архиепископа в качестве исправления, с обязательством предоставить надлежащую гарантию.

III. Приостановка публикации его истории до тех пор, пока она не будет переиздана с необходимыми исправлениями.

IV. Запрещена публикация других произведений без специального разрешения Священной Канцелярии.

V. Ему было предписано поститься в течение года каждую пятницу и читать розарий каждую неделю.

Архиепископу и инквизиторам было предоставлено право изменить и смягчить приговор.

Был ли этот приговор справедливым, а суровое наказание соразмерным тяжести вины? Вот сомнение, которое возникает в душе каждого беспристрастного читателя. Позвольте же мне изложить то, что, после тщательного изучения, которое я был вынужден провести, процесса и других документов, по моему мнению, является правдой или, по крайней мере, весьма вероятным.

Обвинение в том, что он искажил слова святого Григория, рассказывая о случаях со священником Фортунато, является ложным, и для доказательства этого достаточно простого сравнения двух текстов [19]. Что касается отрывков, в которых наш автор был обвинен в клевете на святого Карла и святого Августина, то это обвинение весьма расплывчато и несостоятельно, если допустить хотя бы разумную свободу мнений у историка.

Серьезное обвинение в атеизме и материализме не только не имеет реальных доказательств, но и опровергается весьма весомыми свидетельствами обратного. Эти свидетельства людей, известных своей ученостью и благочестием, не были недостаточны для Рипамонти, чтобы оправдать его за то, что он всегда пренебрегал своими церковными обязанностями.

Достойная порицания холодность в выполнении обязанностей своего сословия, не заботясь ни о чем, кроме учебы, вспыльчивый характер и нетерпеливость к любой дисциплине, склонность высмеивать любого, кто ему не нравился, несколько чрезмерная любовь к деньгам и малое благодарность своему благодетелю архиепископу; вот истинные и доказанные проступки Рипамонти, которые делали его достойным наказания, но которые были чрезмерно преувеличены глубокой ненавистью его многочисленных врагов.

Убеденный в том, что он не заслуживал сурового наказания, назначенного ему приговором, он хотел подать апелляцию в Рим; но, успокоившись после первоначального возмущения, по более мудрому совету он обратился с просьбой о помиловании к архиепископу, который, будучи добродушным и считая его достаточно наказанным, заменил тюремное заключение простым арестом в его дворце. Восхищенный такой милостью, которая почти полностью смягчила суровый приговор, Рипамонти утром 29 сентября продиктовал следующее заявление:

«Я, священник Джозеф Рипамонти, в присутствии нас, нотариуса и нижеподписавшихся свидетелей, заявляю и протестую, что ни в прошлом, и не является таковым в настоящее время, что, отказавшись от апелляции, которую я подал на приговор, вынесенный против меня господами судьями, назначенными моим господином и повелителем, достопочтеннейшим кардиналом Боромео, архиепископом Милана, полностью доверившись милосердию достопочтеннейшего господина, чтобы он изменил наказания и покаяния, наложенные на меня в указанном приговоре, никто не обращался с апелляцией к Папе Римскому или другому высшему начальству с целью пересмотра или отмены указанного приговора, и если такая апелляция была подана после моего отказа, то это было сделано без моего согласия, и я не хочу, чтобы она имела какое-либо действие. И поскольку, как мне было сообщено вчера нотариусом, Его Преосвященство распорядился, чтобы я был освобожден и мне был предоставлен (по его милости и доброте) весь архиепископский дворец, при условии, что я сначала дам гарантию, что не уеду без специального разрешения, я заявляю и протестую, что мое намерение состоит в том, что когда я буду освобожден, в этом случае я смогу по своему усмотрению общаться со своими родственниками и друзьями

и давать им те указания, которые мне покажутся необходимыми для моего служения, если снова будет предпринята какая-либо попытка обратиться от моего имени или в мою пользу к Папе Римскому или другим вышестоящим лицам, как указано выше, это не будет считаться сделанным с моего согласия, если это не будет подтверждено каким-либо документом, составленным или, по крайней мере, подписанным моей рукой, потому что я не намерен обращаться за помощью к какому-либо другому высшему начальнику, кроме вышеупомянутого моего господина и пронацистского монсеньора, от милосердия которого я надеюсь получить всякую справедливую милость [20].

Урок был горьким, но не бесполезным для нашего историка, поскольку, с энтузиазмом вернувшись к прерванным занятиям, он восстановил дружбу и покровительство Фредерика, и перед ним открылась широкая карьера, полная почестей и удачи. «Он был вновь принят в число докторов Амброзианы, более того, было объявлено, что он никогда не будет уволен, и ему было предоставлено повышение жалованья до 1600 лир в год в соответствии с желанием кардинала [21].

Назначенный королем Испании каноником Санта-Мария-делла-Скала и королевским историографом [22] маркизом Легнанесом, губернатором Милана, который некоторое время держал его при себе [23], он напечатал вторую (1625), а затем третью часть (1628) своей *«Церковной истории Милана»*.

После окончания чумы Генеральный совет поручил ему написать ее историю, и Рипамонти опубликовал ее в 1640 году. Три года спустя он опубликовал первые десять книг грандиозного труда, порученного ему тем же Советом, который избрал его летописцем страны, а именно *«Историю Милана»* с 1313 года, где заканчивается история Тристиано Калео, до смерти Федерико Борромео [24]. Он собирался завершить эту работу, но долгие и кропотливые исследования и тяжелая болезнь () во время пребывания в заключении () измотали его крепкий организм. Его охватила медленная лихорадка, и из-за водянки у него опухли живот и ноги. Самые опытные врачи по публичному указу взялись за его лечение, но лекарства оказались бесполезными [25]. Тогда они решили, как всегда, что единственная надежда на выздоровление заключалась в том, чтобы он дышал родным воздухом. Больной отправился в Брианте, в Рованьяте, в дом священника, но водянка прогрессировала, и 14 августа 1643 года он с христианским смирением скончался [26].

Известие о его смерти опечалило Милан и литераторов [27], и я нашел в некоторых мемуарах, что Сенат приостановил заседание в знак траура по потере историка родины. Но это был мимолетный энтузиазм, который иссяк в большом количестве эпиграмм, в которых, со всей помпезностью XVII века, восхвалялись его гений и произведения, и даже ругали Парку, осмелившуюся прервать его жизнь. Я избавлю вас от этого, читатели, и если вам угодно с ними ознакомиться, вы найдете их напечатанными на титульных листах различных томов его историй. Не было даже установлено надгробие, которое указывало бы на его могилу в церкви Рованьяте, более того, он был настолько забыт, что его судьба и даже время его смерти оставались загадкой до наших дней. Никто не удивится этому, поскольку во все эпохи было бесконечное множество примеров безразличия и неблагодарности по отношению к заслуженным людям своей страны!

Мы завершим эту биографию, которую читатели, возможно, простят мне за то, что я, из-за своей симпатии к этому историку и желания восстановить его память, сделал ее слишком длинной, портретом, который оставил о нем его современник. «Он так быстро выучил греческий и еврейский языки и достиг в них такого совершенства, что легко мог бы убедить

людей, что он родился и вырос скорее в Афинах или Иерусалиме, чем в Ломбардии. О том, что он очень хорошо владеет латинским языком, я не буду утомлять вас, поскольку он владеет им так же прекрасно, как другие своим родным языком. Небеса наделили его такой стойкой памятью, что он отчетливо помнит все, что прочитал, и этой особой способностью он неоднократно пользовался, слушая проповеди, которые он уносил с собой в сокровищницу своей памяти и переводил на латинский язык так, как слышал их на народном языке. В настоящее время он пишет биографию кардинала Федерико [28].

IV.

Теперь перейдем к рассмотрению произведений Рипамонти в хронологическом порядке.
Церковная история Милана...

История чумы 1630 года, написанная, как мы уже отмечали, по приказу 60 декурионов, была опубликована в 1640 году и посвящена Генеральному совету и самим декурионам. Это том в 4-х частях, около 400 страниц, разделенный на пять книг. Голод и чума. — Заразители. — Деяния Федерико Борромео и духовенства во время эпидемии. — Действия органов здравоохранения и других судебных органов. — Параллель между предыдущими эпидемиями и эпидемией 1630 года.

Это очень важная книга с точки зрения достоверности, как потому, что автор был очевидцем большей части событий, так и потому, что он имел в своем распоряжении публичные архивы с необходимыми документами. Рассказ величественный, энергичный, живописный; язык изысканный, элегантный, поскольку Рипамонти знал и владел латынью на уровне мастера. Однако стиль страдает от ложного вкуса того времени: сложные предложения, антитезы, витиеватость, напыщенность мыслей и образов. Эти недостатки делают эту книгу весьма труднопонятной даже для опытных латинистов.

Манцони, который несколько раз цитирует его в «*Женихах*», говорит: «Это повествование намного превосходит все остальные по выбору фактов и еще больше по способу их осмысления».

Декады III, IV, V Истории в продолжение Тристиана Калько...

V.

Алессандро Тадино, происходивший из древнего и знатного миланского рода, был принят в Медицинский колледж в 1603 году. «Человек, — говорит Арджеллати, — который сочетал в себе большой ум и знания с многогранным опытом и ловкостью в делах». Направленный Магистратом здравоохранения в качестве комиссара на озеро Комо и в Брианцу, с приближением чумы он принял отличные меры. Когда зараза проникла в Милан, Тадино с неустанным рвением приступил к работе и, можно сказать, взял на себя всю тяжесть обязанностей Суда здравоохранения, одним из членов которого он был, поскольку главный врач Сеттала был неспособен выполнять свои обязанности из-за преклонного возраста.

Тадино умер в возрасте восьмидесяти лет [29] 26 ноября 1661 года и был похоронен в церкви капуцинов Порты Ориентале, хотя еще в 1617 году Энрико Кампио () в соответствии с нередким в том веке обычаем установил следующую надгробную плиту в церкви Санта-Мария-делла-Пассарелла.

АЛЕССАНДРО ТАДИНО ФИЛОСОФ И ВРАЧ
И ДЖОВАННА ТАДИНО ДОНЕГАНА

СУПРУГИ ПОЛОЖИЛИ

Он оставил после себя несколько медицинских трудов и отчет о чуме 1630 года, о котором мы расскажем, поскольку именно благодаря ему мы включили его в число наших историков. Он носит помпезное название «Отчет о происхождении и ежедневных событиях великой заразной и злобной чумы, поразившей Милан и его герцогство с 1629 по 1631 год». Книга в 4-х томах, 150 страниц, напечатана в 1642 году и посвящена викарию Франческо Орригоне.

Тадино говорит, что он был в замешательстве, на каком языке писать, «поскольку несколько лет назад Д. Джузеппе Рипамонти выпустил книгу на латинском языке. Я решил использовать естественный язык, также потому, что это было очень желательно для публики, так как так ее будет легче читать любому человеку... Мой труд содержит все, что произошло в этой эпидемии от начала до конца. Подробный и четкий отчет обо всех случаях, произошедших время от времени и в разных местах, в целом и в частности, с указанием многих распоряжений и мер, принятых в интересах общественности».

И это действительно так, поскольку эта *книга* содержит исторические, медицинские и статистические сведения, которые тщетно искать где-либо еще. Что же касается литературной ценности книги, то Тадино стоит по отношению к Рипамонти так же, как бесцветный, но точный прозаический рассказ стоит по отношению к элегантному и образному поэтическому повествованию.

Агостино Лампуњяни, бенедиктинец, умерший в 1646 году в Сан-Симпличано, где он был приором, в 1634 году опубликовал небольшую книжку, в которой нет ничего важного и которая написана настолько фальшивым и барочным стилем, что хуже и быть не может. Я цитирую его только потому, что он был первым, кто написал о чуме: «Прошло четыре года, — говорит он, — с тех пор как она прекратилась, но, видя, что еще не вышло ни одной книги на эту тему, я решил рассказать вам то небольшое, что я заметил, находясь в ее эпицентре».

Пью della Croce, настоятель капуцинов, пятьдесят лет спустя составил, по-видимому, на основе хроники, хранившейся в его монастыре в Порта Ориентале, «» (*Историческое воспоминание*) о примечательных событиях, произошедших в Милане во время этой эпидемии, и «*Ricorso dei signori della città ai Padri Cappuccini pel governo del Lazzaretto*» (*Обращение господ города к отцам-капуцинам по поводу управления Лазаретом*). Книга посвящена маркизу Джузеппе Арконати, правнуку того, кто в 1630 году отличился как президент здравоохранения, и подробно описывает деятельность капуцинов во время эпидемии. С этой точки зрения она представляет большой интерес, поскольку известно, как много добра сделали эти отцы, проявляя неустанную ревность.

Граф Карло Каваццо della Сомалья в своей работе «*Alleggiamento dello Stato di Milano per le imposte*, ес.» (Облегчение государства Милана в отношении налогов и т. д.), о которой мы поговорим позже, приводит важные статистические и экономические данные о пандемии.

Опуская множество других книг и сочинений на эту тему, перечисление которых было бы утомительным и излишним, я закончу одним из наиболее важных. Это рукопись кардинала Федерико Борромео, хранящаяся в библиотеке Амброзиана, написанная его собственной рукой, под названием: *De Pestilentia quæ Mediolani anno 1630 magnam stragem edidit*. Изложение различных событий, свидетелем которых был Федерико, его мнения об «заразителях», импульс, который он дал своему духовенству, являются ценными данными для тех, кто изучает этот период. Рипамонти перенес в третью книгу своей истории наиболее важные фрагменты этого рассказа.

И этого достаточно, поскольку наши публичные архивы и архивы многих частных семей переполнены эдиктами, судебными процессами, письмами и документами всех видов, касающимися чумы 1630 года, так что историку, имеющему в своем распоряжении такое изобилие материалов, трудно сделать выбор.

Переходя теперь к миланским историкам, писавшим во второй период испанского владычества, и т. д....

Желание познакомить моих сограждан с этой историей чумы, которая неизбежно оставалась неизвестной для большинства читателей, побудило меня перевести ее. Как мне это удалось, пусть судят умные латинисты, которые, я надеюсь, простят недостатки перевода, учитывая чрезвычайную сложность текста, порой почти непонятного.

Что касается примечаний, то я взял их из работ современных авторов и неопубликованных документов, и я надеюсь, что меня не будут упрекать в том, что я переборщил с ними, если учесть, что они служат для освещения самого трагического и печального периода в истории Милана.

Переводчик.

Иллюстрированным господам ВИКАРИЮ И СЕМЬДЕСЯТИ ДЕКУРИОНАМ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ГОРОДА МИЛАНА

Прошло три года с тех пор, как Генеральный совет, по указу Иллюстрированных Декурионов, поручил мне собрать документы отечественной истории и упорядочить их в непрерывном повествовании от основания нашего города до начала правления Филиппа II и смерти Св. Карла. И поскольку наше произведение объединяло под церковным названием «» (Священные и светские) как священные, так и светские вещи, было решено, чтобы служить славе Милана, что воспоминания, собранные мной впоследствии, должны быть написаны на латинском языке, как на языке, который всегда считался подходящим для истории и который единственный может сделать вечной память о человеческих событиях. Так постановили два мудрых декуриона Джованни Мария маркиз Висконти и Джероламо Легнани [30], которым было поручено хранить историю родины. Они полагали, что мои сочинения, добавленные к уже опубликованным мною томам, вместе составят полное и единообразное историческое сочинение, памятник, которого среди многих других в Инсубрии до сих пор не хватает ученым.

Воспоминания об Инсубрии и Милане, от его основания до наших дней, были, правда, переданы нам многими и ясными авторами; но ни искусство, ни усердие в них не равны, и не все из них, составляя их, использовали один и тот же язык. Иногда они противоречат друг другу; и история Милана, как и история великих империй, страдает избытком материалов, отчего, так сказать, гибнет под собственным весом.

Трудно найти где-либо еще такое многочисленное созвездие писателей, какое предлагает Милан, город, названный поэтом Авсонием, наставником цезарей, «Вторым

Римом»; по мере того как в нем происходили события, среди людей умственных способностей росло желание оставить о них память в своих произведениях. Это произошло во времена Республики, то есть когда свободные миланцы правили Инсубрией с режимом, почти равным римскому, и тем более, когда эта Республика перешла по наследству к герцогам. В конце концов, число писателей увеличилось после того, как миланская республика прекратила свое существование, а затем вымер род герцогов, и наш город был присоединен к империи католического монарха.

Поэтому, повторяю, было множество историков, которые писали либо по собственной инициативе, либо по приказу правителей, и которые различались между собой по характеру и склонностям. Гальвано Фьямма охотно склоняется к сказочным рассказам, черпая из героических времен имена самых знатных семей, всегда смешивая с произошедшим какое-нибудь чудо, стремясь поведать невероятные вещи даже там, где голой правды было бы достаточно, чтобы привлечь читателей. Другие, искренние писатели, теряются в тумане времени и считают достоверным только то, что находят в архивах. Некоторые из наших историков изучали краткость стиля, а Арлуно, с его напыщенными словами и многословностью, испортил свои истории пустословием, как Платон рассказывает о ораторе Альцидаманте.

Некоторые оставили дневники о событиях, произошедших в их время в Милане. Бонавентура Кастильони, бывший каноник Скалы и наш коллега, собрал надписи и мраморные плиты и, приложив немало усилий, хотя многие и считали его педантичным, отмечая места, эпохи, имена и с помощью долговечной памяти надгробий, сделал так, что родина, так сказать, рассказала о своих делах, став историей самой себя. Тристано Калько и Симонетта, единственные двое из наших, которые пытались достичь гениальности древней римской истории, оставили свои работы незавершенными; Симонетта свою «Сфорцеиду», а Калько «Историю Милана», которая не продолжалась после смерти императора Генриха III.

По этой причине два вышеупомянутых декуриона сочли, что будет проще и уместнее, если я, возобновив нить «» (Истории Милана), которую я написал и опубликовал ранее, продолжу ее тем же методом. Три года назад они поручили мне эту задачу: в то время как Висконти умер, его выживший коллега, Легнано, продолжал настаивать, чтобы я приступил к истории, которую он мне поручил и которую он сам мог бы прекрасно написать. Я решил, что не стоит больше откладывать, и, начав с конца правления Филиппа II и с принципов двух Борромеев, сначала регента викария Сормани, а затем викария Арчинти, я решил рассказать о событиях и действиях этого периода, а также о войне, которая сейчас ведется безжалостно и жестоко между двумя королями и которая будет известна даже будущим поколениям. Один том этой истории я передал декуриону Легнано, чтобы он, изучив его в соответствии со своими обязанностями, решил, следует ли немедленно приступить к его печати или же отложить, в зависимости от того, одобрит он мое сочинение или нет. Между тем, собрав множество заметок и воспоминаний о чуме, которая была в Милане в 1300 году, я решил, отчасти чтобы отплатить Легнано, отчасти по настоятельной просьбе викария Кастильони, а затем его преемника Альфиери, опубликовать рассказ об этой чуме, разделив его на пять книг и напечатав их без промедления, отдельно от основного текста истории. И это по примеру знаменитых историков, которые отделяли некоторые фрагменты своих работ, когда величие события превосходило все остальное, или когда восхищение, которым они были охвачены, побуждало их описать его с большей тщательностью. Позвольте мне последовать их примеру, хотя я и не могу сравниться с ними по достоинствам.

Я постарался придать большую честь этой моей скромной и меланхоличной работе, опубликовав ее от имени Генерального совета и посвятив ее вам, достопочтенные декурионы, как и полагается. Рожденная под вашим покровительством, она была посвящена вам, которые в то страшное время были отцами отечества и этого города. Ваш орден во время той бойни выделил столько денег, что другим людям покажется невероятным, как их удалось собрать, если они не увидят в подробном исследовании газет и книг, на что они были потрачены. И действительно, ваши щедрые пожертвования были такими, что по стоимости равнялись пожертвованиям других городов.

Джузеппе Рипамонти

ПЕРВАЯ КНИГА СОСТОЯНИЕ МИЛАНА ДО ВСПЫШКИ ЧУМЫ. — ГОЛОД. — ЧУМА.

I [31]

Как итальянские, так и иностранные писатели рассказывали о происхождении и зарождении города Милана, а также о том, что произошло в нем впоследствии, что запомнилось благодаря порокам и добродетелям горожан и переменам в судьбах людей. Не так давно мы тоже взялись за эту историю, изложив в тридцати книгах многие события, достойные упоминания. И действительно, после римской эпохи и того Сената, который правил миром, не было, по моему мнению, ни одной республики или народа, которые больше, чем миланцы, давали бы примеры добра и зла, а также более непрерывную смену миров, войн и гражданских исследований. В Милане эти исследования процветали больше, чем где-либо, и писатели здесь направляли свой талант на просвещение людей. Все это, как я полагаю, я изложил в упомянутой моей истории.

Но теперь, когда я собираюсь рассказать об ужасных жертвах чумы, о городе, измученном смертями, и о нарушении самых священных прав природы, мне необходимо просить о снисхождении читателей, которые, в своей политической серьезности, возможно, будут презирать меня и мой рассказ, читая эту ужасную и печальную историю, похожую на унылую пустыню. Однако не будет бесполезно обратиться к вашему разуму: честные люди, уставшие от мошенничества и печали, которые омрачают наши анналы, увидят в этом рассказе наказание за пороки и должным образом оценят вещи, которые так сильно их беспокоят, когда увидят, как тысячи людей погибли от их отравленного дыхания, как тысячи семей остались без наследников, метрополию опустошенной, а славу и известность имени оскорбленной (). Наконец, чтобы показать, насколько фатальна эта слава, которой некоторые так горды, и чтобы лучше понять жестокость чумы и то, из каких источников она возникла, постепенно став такой разрушительной, я приведу некоторые сведения о положении и состоянии Милана до катастрофы, которая едва не уничтожила его.

II. Положение и состояние города до чумы.

Милан, расположенный на открытой равнине, получает чистейшие лучи солнца, что является редким преимуществом для любого города. Здоровый воздух не загрязнен парами

орошаемых земель, которые дают обильные урожаи, поэтому мягкий климат и плодородная почва () не оставляют желать ничего лучшего для питания людей и обеспечения им приятной жизни; нигде жизнь не протекает дольше и счастливее, если только неумеренность не уничтожает эффект стольких даров природы. Хороший урожай пшеницы экспортируется в Швейцарию, Граубюнден и другие страны, где мало пахотных земель; благодаря этому часто удается заключить с ними союзы и получить от них залог верности, что они не откроют врагу проходы через свои горы в Ломбардию. Так же и князь, чтобы вознаградить их за верность, иногда дает им разрешение на добычу зерна, деля пополам прибыль от транспортировки. Губернаторы часто использовали этот быстрый способ зарабатывания денег, так велико изобилие зерна в плодородных землях Милана.

Две знаменитые реки, Адда и Тичино, облегчают импорт и экспорт. Первая вытекает из Вербано, вторая из Ларио, охватывая всю ширину миланской территории, и, впадая разными путями в По, который впадает в Адриатическое море, они в некотором роде приближают океан к нашему городу. Поскольку все товары, которые привозятся с моря или должны быть отправлены на море, транспортируются по судоходному каналу, который, вытекая из Адды и Тичино, огибает городские стены и соединяется с двумя вышеупомянутыми реками.

Милан, могущественный благодаря своим людям, оружию и уму, не только господствует над соседними народами, но и питает чужие народы. И то, что он является не последней заботой короля-католика, которому он подчиняется, еще больше увеличивает блеск его имени, которое вместе с Италией является самым прекрасным украшением и силой его империи, простирающейся на два мира. Милан имеет в окружности не более семи тысяч шагов, но был настолько густонаселен, что многие из его кварталов походили бы на отдельные города, если бы были изолированы. Когда-то он насчитывал триста тысяч жителей; двести тысяч до чумы, о которой я собираюсь рассказать. Жилища и одежда горожан свидетельствовали о княжеском богатстве; великие люди подражали королевской роскоши: купцы и банкиры стали настолько богатыми, что, отказавшись от торговли и презирая дальнейшие заработки, они возвысили свой дух до господства, и многие стремились украсить себя коронованными гербами, неизвестными их темным предкам. Посредник набрался смелости занять места, покинутые ими, низший народ снял лохмотья, а муж презирал жену, если она не носила шелковое платье, вышитое золотом. Одежда из чистого шелка теперь оставалась нищим; ношение драгоценных камней, дорогих колец на пальцах или сережек стало презренным проявлением тщеславия, и знатные матроны, которым такие украшения надоели, почти чтобы превзойти женщин из простого народа, давали волю своему высокомерию, одеваясь с простотой. Точно так же мужчины хвастались картинами, статуями и другими чудесами древнего искусства в таком количестве, что, по моему мнению, их не было столько в Сиракузах или Аттике, когда Марцелл и Филипп Македонский по праву войны опустошили их.

Общественные памятники, ораторы и поэты свидетельствуют о том, что в Милане процветали не только изящные искусства, которые, изобретенные греками, радуют глаз и слух, но и науки, воспитывающие людей. Многие с успехом культивировали красноречие и поэзию, оставив доказательства этого в своих произведениях. И как в счастливую древность императоры своими руками обрабатывали землю, которая, распаханная царским плугом, казалось, давала более обильные плоды, так и в Милане самые знатные граждане, прикладывая свой ум к наукам, получали от них обильный урожай. Даже чума, которая принесла столько бедствий, почти полностью изменив положение вещей, не смогла нанести большого ущерба литературе.

В них с богатыми соперничали даже бедные, побуждаемые не славой и желанием увеличить родовое дворянство, как первые, а любовью к прибыли и надеждой на награды в городе, где литература занимала видное место у правителей. Действительно, в любое время наши князья были настолько щедры к ученым, что бедные дети имели возможность получать такое же образование, как и богатые, и весь город казался святыней муз, если обратить внимание на его школы, колледжи и публичные библиотеки.

Так Милан, некогда богатый, процветающий и счастливый, а затем приведенный в упадок внутренними и постоянными раздорами, превзошел другие города и народы в науках и гражданских дисциплинах. Любовь к религии превосходила все остальное; а нравы и законы миланского народа принесли славу столице за то, что она объединила между собой несопоставимые вещи и обеспечила взаимное господство общественного богатства и умеренности, беспокойства и послушания граждан, общественной благотворительности и роскоши, а также всех пороков человеческой натуры, которые находятся в постоянной борьбе с противоположными добродетелями.

III. Как военные приготовления, а затем голод начали одолевать Милан.

Закоренелый мир и длительное отсутствие внешних войн, которые являются источником благ и бедствий для каждого города, укоренили в нас описанные выше нравы и привычки. После войн между французами и испанцами под властью королей Карла V и Франциска I, в результате которых с большими жертвами с обеих сторон была решена судьба миланского герцогства, ни один враг больше не беспокоил лонбардскую метрополию. И поскольку она не вела войны ни с кем, она оставалась спокойной в течение почти ста лет (1535-1630), как море, которое не волнует даже самый легкий ветерок. Но поскольку правители многих королевств и провинций, вступившие в заговор с жестоким королем Франции Генрихом, начали вооружаться, это море, образ нашего города, взбудоражилось как внутренними, так и внешними волнениями, вызвав такой шторм, который принес войну, голод и, в конце концов, чуму, которая почти полностью его уничтожила. Рука и ярость одного человека, хотя и не была рукой бога, в одночасье сломила тот страшный заговор, который угрожал в первую очередь нашему городу [32]. Но семена этого заговора, разбросанные далеко, стали причиной многих событий, которые повергли в смятение королей и меньших князей, наполнив их ненавистью, подозрениями и страхом из-за жестоких козней, которые они подстроили друг другу, тайно подстрекаемые своими министрами. В то время наша провинция, находясь в состоянии постоянной военной готовности, ожидала начала военных действий как неизбежного следствия заговора.

IV. О правителях Милана Фуэнтесе, Веласко и Мендоссе, а также о происхождении и причинах войны.

В те дни Миланом управлял Азеведо, граф Фуэнтес, который, хотя все было спокойно и безопасно, не позволял себе отдыхать. С юных лет он был воспитан в духе воинского духа (), что принесло ему славу храброго человека, и теперь, когда старость давила на него сильнее, чем сама смерть, он не хотел спокойно доживать свои дни. Он, по натуре воинственный на протяжении всей своей жизни, нетерпеливый к праздности, беспокойный, неумеренный в желаниях, воодушевленный славой, тревожный из-за закоренелой верности своему королю, подозрительный ко всему, сам подозрительный ко всем, симулятор, исследователь чужих мыслей, нанимал людей, которые шпионили не только за залами, но и за мыслями вражеских князей. Собрав одновременно оружие, солдат и все военное снаряжение, он

довел дело до того, что враги успокоились, полагаясь на ложную безопасность, а он сам своими приготовлениями дал им понять, в какой опасности они находятся, побудив их к действию. Но его союзники, которые втайне были его врагами, уже сами по себе были взволнованы и замыслили интриги. Остается сомнение, вызвал ли старый правитель их к себе, или же, не зная о них, умер от горя, когда они были раскрыты.

Как бы то ни было, по удивительному стечению обстоятельств, которое позволило сохранить спокойствие, убийство короля Франции и смерть графа Фуэнтеса произошли почти одновременно. Неизвестно, умер ли последний от старости или от сожаления о своем заговоре, который был внезапно сорван. Таким образом, благодаря взаимному притворству сторон, мир между Францией и Испанией не был нарушен, и Ломбардия осталась в большей безопасности, чем раньше, в условиях шаткого мира.

Однако этот мир был весьма неустойчивым, и ненависть и военные приготовления держали души в напряжении. На смену умершему Фуэнтесу пришли губернаторы Веласко и Мендоса, великие испанцы, которых не боялись враги и которые не были настроены следить за их действиями. Веласко, увлеченный наукой и удовольствиями, Мендоса, более внимательный к своим обязанностям, оба довольные славой своих предков, были высоко оценены мудрецами, потому что, несмотря на подстрекательства многих, они поддерживали мир и спокойствие душ, столь необходимые в то время. Спокойствие и безделье Мендоссы нарушил герцог Савойский, который, будучи врагом своего зятя, вторгся со своими войсками в Мантуанскую провинцию, нарушив мир в Италии и подавая плохой пример другим князьям, превысив пределы умеренности. Вооруженные силы короля Испании встали на защиту более слабой стороны, и это привело к бедствию, заключавшемуся во введении в Ломбардию иностранных солдат, которые распространили там заразу. Этому предшествовал голод, о ходе которого я расскажу, поскольку он помогает пролить свет на историю этой страшной чумы.

V. Толедо, Фигероа, Консальво ди Кордова, правители Милана. — Происхождение голода.

Как мы уже сказали, после начала войны и ввода иностранцев, открылся широкий путь к роковой голодной и к опустошающей чуме, которая по естественному порядку часто следует за голодом. Хитрость и мрачность правителей, а не злоба людей разжгли войну, а из нее вытекли голод и чума.

Продовольствия в Милане хватало и для его жителей, и для иностранцев, и для войск, и даже для случайных врагов, поскольку в течение пятнадцати лет чередовались война и мир, и в это время за границу вывозилось больше пшеницы, чем потреблялось жителями и солдатами.

Это изобилие зерна было отчасти обусловлено мудрыми постановлениями двух губернаторов, посланных из Испании для управления миланским герцогством, графа Толедо и Фигероа, которые были столь же высоко оценены общественностью, сколь и осуждены их два предшественника.

Граф Толедо, который, по слухам, принадлежал к испанской королевской семье, был мрачным человеком, жаждущим славы, не терпевшим соперников, презиравшим всех в своем сердце, опытным в оружии, суровым в мирное время: всю свою жизнь он следовал примеру древности. Однако благоразумные люди нашего века осмеливались давать совсем другие названия добродетели, невинности и строгости графа Толедо. Иногда облегчая, иногда ограничивая экспорт продовольствия, в зависимости от того, обещал ли год скудный или обильный урожай, и уравнивая расходы доходами, как заботливый отец семейства,

он всегда обеспечивал продовольствием и в военное время, и когда из-за суровых погодных условий не хватало зерна. Благодаря этим мерам голод исчез, и о нем даже не вспоминали.

Такая же безопасность сохранялась и при Фигероа, который сменил его. Хотя он был молод, он не уступал Толедо в мудрости и опыте, который, будучи уже престарелым, отдавал ему должное, не возмущаясь тем, что его сравнивали с Фигероа и даже ставили выше него. И действительно, он превосходил его в вежливости манер и в искусстве обманывать хитроумных, которые насмехались над его старым и сварливым предшественником.

После короткого перерыва, когда война возобновилась с новой силой, губернатором стал Консальво, человек знатного происхождения и великой души, но которому не повезло в делах Италии.

После Консальво пришел Спинола, полностью занятый осадой Казале. Для этого предприятия тысячи немецких солдат спустились в Ломбардию: страна была обременена налогами; богатые копили зерно, а земля не давала урожая. Таким образом, из-за перевозки пшеницы по полям, ее растрачивания или сокрытия из-за жадности к наживе, наш народ, который раньше кормил другие народы, начал страдать от голода и дошел до того, что даже продавая все свое имущество, не мог найти средств, чтобы купить необходимые для жизни продукты [33].

VI. О голоде, предшествовавшем чуме.

В исторических хрониках собрано много ужасных примеров голода, когда жители осажденных городов питались самыми отвратительными животными, травами и даже кожей, и как иногда от жажды пищи некоторые бросались с стен, подставляя беззащитную грудь ударам врага, чтобы умереть от меча, а не от медленной голодной смерти, к которым преступления подталкивала отчаяние голода. Но я расскажу не о преувеличениях, написанных ради удивительного, а о том, что я видел и оплакивал собственными глазами. Эта роковая голодная смерть распространилась среди народа не внезапно, а постепенно, я бы даже сказал, методично. Первыми от голода умерли жители сельской местности, затем более зажиточные крестьяне, чьи земли, чрезмерно истощенные ими, почти в наказание отказались давать урожай.

Роскошь и пороки горожан были укрощены бедствием. Если бы оно не было настолько сильным, что одурманило умы, оно представило бы собой смешное зрелище и унизило бы человеческое высокомерие. Те, кто еще недавно были страшны народу за свои злодеяния и за своих головорезов, которые следовали за ними, готовые по малейшему знаку исполнять их кровавые прихоти, теперь бродили в одиночестве, кротко, с опущенными ушами, с лицами, которые, казалось, умоляли о мире; а некоторые, в рваных одеждах, явно показывали, как изменились дела.

Подобное зрелище представляли собой и слуги и наемные убийцы, ранее нарядные и благоухающие, а теперь бродящие по городу полуголые и протягивающие руки в надежде на милостыню; до такой степени голод сломил гордость порочных! Но еще более жестоко пострадали невинные крестьяне, ремесленники, почти нищие низшие классы и нищие.

Сначала прекратились работы, которые, служа общественным целям и, скажем так, поощряя пороки, тем не менее кормили большое количество людей. Начали с закрытия лавок, из которых народ в городах в основном черпает средства к существованию; а те немногие, что остались открытыми, напоминали пустыню и, опустошенную бесплодием и голодом. Плебейство, лишенное работы, с помощью которой оно зарабатывало себе на хлеб, без

какого-либо торговли, вынужденное гнить в праздности, не привыкшее страдать в городе, а наоборот, подражающее даже в одежде и еде роскоши богатых, начало испытывать нужду, затем мучиться от голода и, наконец, умирать. Прекратившись всякие пожертвования, все множество стало нищими, нищими-новичками, отличавшимися от старых только тем, что с трудом терпели частые отказы.

Изнуренные от недостатка пищи, они падали замертво на улицах или бродили по площадям и храмам с мертвенными лицами. Число этой несчастной толпы не уменьшалось, поскольку чем больше их уносила смерть, тем больше увеличивалось число оставшихся из-за семей, которые каждый день погружались в крайнюю нищету, увлекая за собой других, либо прекращая им помощь, либо злонамеренно обманывая их с их кредитами. И как будто не хватало толпы нищих, стекавшихся в город из наших сельских местностей и холмов, к ним присоединялись также нищие из соседних городов и из-за границы, как в безопасное убежище, где не будет недостатка в пище, обманутые именем Милана и не зная, в какое печальное положение он попал.

Было печально видеть, как горожане, крестьяне и пришельцы вместе просили милостыню, толкаемые голодом, в то время как наши миланцы уезжали в сельскую местность и соседние города в поисках хлеба. Но все они были одинаково разочарованы в своих тщетных надеждах и умирали на улицах или на чужой земле.

Прогуливаясь с несколькими товарищами вдоль стен по военной дороге, я увидел женщину с небольшим узелком на спине и младенцем в пеленках, висящим у ее груди, которая, не найдя пищи, по-видимому, решила покинуть город, взяв с собой ребенка и несколько самых дорогих ей вещей; но смерть настигла ее, и она скончалась у ворот города. Из ее рта выпадала горсть полупережеванной травы, зеленоватый сок которой пачкал ее челюсти, свидетельствуя о сильном голоде: ребенок плакал над трупом матери. Мы содрогнулись от этого ужасного случая, и подошедшие несколько сострадательных людей подняли младенца и взяли его на попечение.

Ежедневно рассказывали о многих подобных случаях, а некоторые даже более ужасных, люди, которые видели их или слышали от очевидцев. Для этих несчастных, доведенных до такой нищеты, смерть была наименьшим из зол.

Закон природы гласит, что человек, разумное животное, рожденное для добродетели и неба, питается хлебом, который был его пищей с тех пор, как он отказался от жизни диких животных в лесах, питаясь желудями [34]. Теперь же, в те дни, когда у крестьян не было хлеба и они были вынуждены грызть траву, как животные, они питались корой деревьев, что вскоре привело их к смерти.

Крестьяне, столь заслуженные обществом, потому что своим трудом кормят даже ленивых, выпускали дух на дорогах и на той же земле, которая, орошенная их потом, часто давала обильные урожаи.

Многие из них бежали в город, и их изможденный вид и рассказы о перенесенных страданиях побудили многих других покинуть город [35]. Вдовы с детьми, мужья с женами, неся на плечах детей и немногочисленные сельские орудия труда, тянулись в сторону Милана, где, прибывая ежедневно толпами, ложились на землю под карнизами и заполняли кварталы, смешиваясь со старыми нищими. Зловоние, исходящее от грязи, унылые лица и отвратительный вид нищеты, который отражался во всем их облике, вызывали такое отвращение у прохожих, что те закрывали рты и ноздри, как будто шли среди зараженных чумой. Эта жалкая толпа омрачала город: днем своим видом, ночью своими стонами; и это

было новым бедствием, потому что каждый частично винил себя в отчаянии, в котором оказались эти несчастные.

В таком беспорядке ничто так не возмущало сострадательные души, как вид простых и невинных крестьян, превратившихся в скелеты и умирающих от голода. Как вол пахаря, который, проработав весь день под палящим солнцем, тянув тяжелое ярмо, чтобы проложить борозды, разъяряется, раздувает ноздри и угрожающе поворачивает морду, если ему отказывают в еде; так и крестьяне поворачивали мрачные, широко раскрытые глаза, полные такой же ярости, обнаружив, что, несмотря на всю свою тяжелую работу, они не смогли избавиться от мучений голода, а наоборот, из-за отсутствия всякой помощи оказались неспособными работать. С их загорелыми от солнца лицами, измученными глазами, волосатыми грудями, кожей, обтягивающей кости, израненными конечностями, они стыдились своей наготы. А горожане краснели, как от публичного позора, глядя на столь униженное состояние сельского хозяйства, которое было столь возвышено самими римскими императорами.

VII. О публичном совете, то есть о шестидесяти декурионах Милана, которые заботились о всеобщем бедствии.

Среди магистратов Милана есть шестьдесят декурионов, выбранных из лучших представителей знати, которые отвечают за регулирование продовольственного снабжения и управление муниципальным имуществом. Они избираются губернатором из числа коренных патрициев, и ни один иностранец не допускается в этот совет. Ревностные, образованные в вопросах отечества, единомышленники, они соревнуются за благо государства, и их главная забота состоит в том, чтобы сохранить и увеличить древний блеск Милана, восстанавливая его здания. Когда-то их было девяносто, сегодня их шестьдесят, что достаточно для достоинства органа и выполнения его функций.

Среди них есть те, кто получил образование в мирных дисциплинах, и те, кто познал искусство войны, в зависимости от того, каким характером они были наделены от природы: кротким или вспыльчивым. Одни вошли в Совет из доброты души и религиозных убеждений, другие, раздраженные пороками людей, вынуждены вмешиваться в человеческие злодеяния в силу своей должности. Одни действуют с осторожностью, другие всегда склонны к легким уступкам, и такое разнообразие мнений удивительно благотворно сказывается на благе общей родины, как заметили древние мудрецы, представляя себе идеальное правительство, поскольку они считали, что жесткие и мягкие суждения, уравновешивая друг друга, оказываются чрезвычайно полезными для государственного управления. И я считаю, что было отличной идеей выбрать в члены Совета именно тех, кто имеет наибольший интерес к процветанию страны () и может способствовать этому своим богатством.

Шестьдесят декурионов, видя, в каком плачевном состоянии оказался Милан из-за голода, где люди умирали от голода, как в жалкой лачуге, чтобы поднять их дух, открыли Лазарет, как общий приют для нуждающихся [36].

VIII. О Лазаретте и множестве бедняков, укрывшихся в нем.

Лазарет был построен герцогом Милана в то время, когда Франческо Сфорца, взойдя на престол, стремился сделать его наследственным в своей семье. Его преемники украсили город, воздвигнув много общественных зданий, среди которых Лазарет свидетельствует о

том, что дух новых правителей был выше их скромного происхождения [37]. Восточные ворота, названные так потому, что справа они обращены на восток, открылись в самой здоровой части Милана, напротив холмов, откуда дует мягкий ветер. Вокруг нет зловонных болот, которые портят воздух, как в других местах, и делают его тяжелым [38]. Там Сфорца построили Лазарет, приют для зараженных, чтобы в случае заражения обеспечить общественное здоровье, отделяя больных и подозреваемых от здоровых. Я полагаю, что название происходит от Лазаря, о котором говорится в Евангелии, покрытого язвами, как пример справедливости и божественного милосердия.

Здание квадратной формы, окружает большое поле, вокруг него проходит ров, наполненный водой. В нем столько комнат, сколько дней в году [39]; каждая вмещает от восьми до десяти человек, кроме портиков, которые проходят по четырем сторонам и служат убежищем для больных, когда комнаты переполнены. Кроме того, на поле тогда стояли ряды хижин для размещения огромного числа больных, почти как во дворах Лазаретто, как помнили наши отцы, когда чума поразила Милан. Посередине возвышается часовня, видимая со всех сторон, покрытая крышей, поддерживаемой окружающим ее портиком с колоннами, чтобы ничто не мешало обзору и ни ветер, ни дождь не нарушали священные таинства, совершаемые в этой часовне.

Лазарет, построенный на случай чумы, стал полезен и во время голода, хотя вскоре вернулся к своему прежнему назначению, принимая там зараженных чумой. Все бедняки, находившиеся в городе, прибывшие из сельской местности, а также все бродяги и бездомные, которые бродили по улицам и площадям, обнаженные и голодные, были собраны по указу в этом общественном приюте [40]. Мэрия и правительство, забыв о своих собственных трудностях, щедро обеспечили их потребности. Открытие Лазарета несколько задержалось из-за опасений способствовать распространению надвигающейся эпидемии, которая, предшествуемая голодом, угрожающе приближалась к нашему городу, опустошив соседние деревни. Поэтому все товары, поступавшие из подозрительных мест или от подозрительных людей, были помещены туда, и вскоре Лазарет был полностью заполнен.

IX. Правила, установленные в Лазарете и в госпитале Стелла.

Лазарет поддержал второе пристанище для нищих, достаточно просторное на тот момент и, благодаря своему расположению рядом с большими огородами, легко расширяемое в случае необходимости. Это пристанище для самых обездоленных называлось госпиталем Стелла, и там питались мальчики и девочки без родителей, без крова, не знающие своего происхождения, как будто они родились из земли.

В этом приюте на время собрались толпы голодающих, стариков, молодых людей обоих полов, страдающих от тех же лишений, что и старики, детей, горожан и сельских жителей; те, кто долгое время страдал от голода, и те, кто недавно оказался в нужде, те, кто стыдился своей новой нищеты, и те, кто был бесстыден по старой привычке, все, движимые голодом и нуждой, собрались там. По мере того как число людей увеличивалось с каждым днем, расширялись границы приюта, и растла щедрость горожан, соответствующая их потребностям.

Многие, испытывая домашние затруднения, сокращали количество пищи, отправляя часть ее туда в качестве милостыни, другие, приходя к смерти, разочаровывая надежды и алчность родственников, завещали свое имущество Звезде, благодаря чему такое множество бедняков жило в отдельных комнатах и делило столы по полу и возрасту. За несколько дней их число возросло до трех тысяч и ежедневно увеличивалось. Но была замечена и доказана

правда той пословицы, которую в шутку называли «»: «В попрошайничестве есть какая-то сладость». Мужчины и женщины, не имевшие приюта днем, не имевшие крова ночью, не имевшие уверенности в том, что смогут добыть себе ежедневную пищу, которые лежали, подверженные ветрам и морозам, теперь находились под крышей, имели еду, постель и покой. Тем не менее, их приходилось приводить связанными стражниками, которые получали от магистрата два гроша за каждого бедняка, которого они приводили туда. Было очевидно, что наши нищие предпочитали просить милостыню на улицах и плакаться под открытым небом, чем быть сытыми и спать в закрытом приюте. К тому времени многочисленные багажи, прибывшие из-за границы, и всевозможные товары, подозрительные на чуму, которые в первые дни загромождали Лазарет, были очищены дымом и собраны в одном месте, что позволило разместить там бедняков, которых приют Стелла уже не мог принять. Поэтому, открыв также Лазарет, часть из них была переведена туда, где когда-то размещались зараженные, и вскоре им пришлось вернуться туда снова.

Оба места вскоре были переполнены, так как каждый день некоторые приходили туда добровольно, а многие приводились силой; тем не менее, забота о их питании не ослабевала.

Мы, поклонники древности и мало заботящиеся о современности, не привыкли восхвалять достоинства нашего времени, пренебрегая всем прекрасным и достойным восхищения, что оно нам предлагает. Но я, даже если бы вернулся прославленные времена спартанцев и их старые законы, не верю, что они могли бы предложить лучшие институты для содержания толпы бедняков в закрытом пространстве, чем те, которые были приняты тогда нашими магистратами. Исчезли бесчеловечная строгость и жестокость, а также та снисходительность, которая подталкивает к новым преступлениям; недостатки, которые, без сомнения, уродовали древние и прославленные учреждения греков, когда жители одной провинции, объединенные в одном и том же пространстве, смешивали свои пороки и добродетели. У нас не считались добродетелью безудержная похоть и воровство, как это было в мирских собраниях тех древних народов. В скоплении людей, приняв необходимые меры предосторожности для обеспечения честности, с большим усердием пытались обратить умы этих заблудших к религиозным обязанностям и обрядам Церкви, о которых они забыли. Магистраты и миланская знать в те дни подавали яркий пример католического благочестия, одновременно питая и наставляя народ. И гордые политики не будут меня осуждать, если я упомяну здесь о дисциплине, введенной в Лазаретте, и о священных обрядах, которым я не раз присутствовал с невыразимым удовольствием.

Каждый день в часовне, расположенной, как я уже сказал, посреди поля и открытой со всех сторон, откуда ее можно было видеть со всего окружающего портика, отправлялась месса. Оттуда и от дверей комнат каждый мог наблюдать за бескровным жертвоприношением, в котором Сын Божий приносится в жертву за спасение человечества. Затем бедняки отправлялись на работу, каждый по своему ремеслу, принося пользу этому месту и избегая праздности, которая так вредна даже для самых несчастных. Многие ленивые бродили туда-сюда, тратя время до обеда. Они мешали другим работать, и было невозможно поддерживать такую строгую дисциплину, чтобы среди этой толпы не процветали некоторые пороки.

Х. Лазарет осуждается и очищается.

Но гораздо больше, чем души, развращались тела, и последовало столько смертей, что это можно было бы назвать небольшой эпидемией. Некоторые приписывали причину этому безнравственности слуг, которые подделывали хлеб, смешивая муку с песком. Но я считаю, что смертность была связана с чрезмерной жарой в том году, грязью и вшами, жестокими спутниками, почти неотделимыми от нищих, которые из-за более тесного контакта еще более отвратительно мучили их. Между тем эти бедняки, стонущие и дрожащие от потери свободы и права бродяжничать, тосковали по своим прежним, столь дорогим им привычкам. Скука, меланхолия, отчаяние и ненависть к Лазарету отражались на всех лицах: жалобы становились все громче. Они кричали, что их заперли в этом заграждении, чтобы они умерли вдали от родины, не имея возможности даже обратиться к ней свои умирающие глаза; так ругаясь, многие испускали последний вздох. Дворяне тоже стыдились и возмущались тем, что столько заботы и чрезмерная щедрость в этих общественных бедствиях привели лишь к тому, что умерло еще больше бедняков, которых хотели накормить [41]. Поэтому, обсудив этот вопрос в совете, они пришли к выводу, что единственным выходом было как можно скорее освободить этих бедняков, позволив им вернуться, как и раньше, к попрошайничеству. После этого было решено открыть Лазарет, и толпы ворвались в него с безумной радостью и благодарностью, большей, чем когда, будучи бродягами без огня и крыши над головой, они получили приют и питание.

Город, на короткое время избавленный от назойливого вида нищих, вновь увидел это зловещее зрелище; более того, сострадание усилилось у тех, кто думал о том, как много бедняков умерло, несмотря на помощь общественной благотворительности, из-за чего они краснели теперь еще больше, чем раньше, когда видели, как они умирают от голода.

XI. Народные беспорядки из-за голода [42].

В день Святого Мартина 1628 года в Милане произошли беспорядки из-за нехватки пшеницы. В прошлом подобные беспорядки случались редко, поскольку, как я упомянул в начале, плодородные миланские земли ежегодно давали обильный урожай зерна не только для соседних населенных пунктов, но и для более отдаленных. Я расскажу о начале и конце этого восстания, о беспорядках, устроенных народом, и о том, как они были подавлены, о мерах, принятых Советом, чтобы остановить восстание и не допустить его повторения, чтобы народ, многоголовое животное, всегда страшное для самых могущественных городов, получил наказание, соразмерное его дерзости, и не осмеливался снова поднять голову.

В то время городом и герцогством управлял великий канцлер Феррер, поскольку губернатор Консалво был занят осадой Казале. Он, видя, как с каждым днем растет нехватка зерна, не находя ей решения и слыша возмущение и жалобы народа, придумал выход, который не устранил причину мятежа, а только продлил его. В ответ на это решение торговцы пшеницей и пекари, которых в то время следовало умиротворить, возмущенные, пригрозили крайней мерой, а именно прекратить торговлю зерном, производство и продажу хлеба. Минимальная цена на пшеницу составляла от сорока пяти до пятидесяти лир; это была адекватная и обычная цена, которую продавец не стеснялся просить, а покупатели не воспринимали с возмущением. Но богатые спекулянты, наглые ростовщики и богатые землевладельцы, тайно договорившись между собой о цене, объявили, потребовали с позорной и безудержной жадностью огромные цены, как будто они были арбитрами жизни граждан или только они имели право на жизнь. Я знаю, что были некоторые, и я их знал, которые требовали сто лир

за бушель, и, не удовлетворившись этим, из жадности к большей прибыли в будущем, держали зернохранилища закрытыми, оскорбляя общественный голод. И обычные призывы, предписывающие каждому сообщать о количестве пшеницы, которое он имел в доме, не помогали против такой алчности, а скорее против ярости скупых.

Великий канцлер, в условиях мошенничества и скупости людей, а также нехватки зерна в те трудные времена, решил пойти по среднему пути и заставить пекарей нести убытки, вызванные бедствиями того времени и человеческой злобой. Он приказал изготавливать и продавать хлеб по установленному весу по цене, равной тридцати трем лирам за моджо, установив этот предел для продавцов и покупателей. Возможно, он полагал, что убытки будут компенсированы предыдущими доходами пекарей и тем, что они заработают в будущем. Возможно, он даже пообещал им, успокоив бурю, что компенсирует их убытки за счет казны (), но это были смутные надежды, а тем временем несомненные убытки делали указ невыносимым. Пекари подняли шум, без усталости протестуя, что закроют печи и бросят свое ремесло. Великий канцлер не сдвинулся с места, твердо намереваясь исполнить свой указ, а народ, словно соревнуясь за хлеб по такой низкой цене, что это было похоже на подарок, весь день осаждал печи с такой назойливостью, что пекари, как ни старались печь, не могли удовлетворить покупателей. Крики и жалобы усилились, и магистраты уже не знали, как на них реагировать. Декурионы написали губернатору в лагерь и договорились с ним найти компромиссное решение. Консалво назначил председателя Сената, председателей двух магистратов и двух квесторов, которые, собравшись, установили цену на пшеницу, измеряемую в стаях, чтобы пекари могли продолжать печь хлеб. В пользу пекарей цена была повышена на десять сольдов за моджо.

Велика была ярость и гнев народа из-за такого повышения, которое давало возможность пекарям вздохнуть свободно, поскольку ожидалось, что цена на хлеб будет снижена, а не повышена. Увидев, что ситуация ухудшилась, она не стала обращать внимания на указы и тарифы и сама стала хозяйкой и раздатчицей зерна. Тогда в Милане, городе, известном с древнейших времен по уважительному отношению к правителям и скромности жителей, стало известно, для чего нужны оружие против разъяренного народа, а точнее, против трусливой толпы женщин и детей, движимых голодом.

Это был день Святого Мартина, всегда веселый и радостный, потому что заканчивается сбор винограда, вино помещается в бочки, а урожай года складывается в домах богачей. На рассвете многие пекари выходили по очереди с корзинами и корзинами, полными хлеба, чтобы отнести его в монастыри и дома господ или продать в розницу в других местах. Народ взял весь этот хлеб как свой, как будто уже договорился, что его должны принести к ним домой. Группы мальчиков, юношей, женщин и стариков, не имеющих оружия, но сильных своим количеством и подстегнутых нуждой, двинулись навстречу пекарям, которые несли хлеб на плечах, и всех, кого они нашли, силой заставили остановиться и сложить груз, приказав им уйти. Приходилось подчиняться, потому что, оказавшись внезапно окруженными, ошеломленные, они бросали груз и убегали, опасаясь худшего: любой, кто пытался сопротивляться, получал побои кулаками и ногами. Так началось восстание народа, который, соблазненный вкусной добычей, полученной без кровопролития, обзрелся, полагая себя способным на все, что только осмелится, и считая, что перенесенные страдания были следствием до сих пор проявляемой кротости. Народ стал гордым и дерзким, поскольку он похитил хлеб одним лишь предупреждением, вынудив на время остаться без него семьи, которым он был предназначен. Однако магистраты, вместо того чтобы разгневаться, сочувствовали этим заблудшимся людям, смеясь над тем, что в тот день

им придется ждать хлеб очень долго. Но народ впал в более серьезные преступления и, решив уничтожить печь, направился к ней без какого-либо лидера, поскольку бесчисленная толпа была сама себе руководителем. Они кричали бунтарские лозунги, вопияли, что уничтожат пекарни, центры обмана, голода и общественного бедствия.

Они случайно оказались перед печью у Восточных ворот [43]. Толпа уже вооружилась палками, камнями и всем, что попадалось под руку, как будто собиралась сражаться [44]. Они взломали двери, подожгли их, сломали ворота и разграбили всю муку и зерно, которые там хранились, разбросав их по земле и даже выбросив на улицу в знак презрения.

Некоторые наполнили мешки украденной мукой и унесли их; другие загрузили телеги и возвращались несколько раз, и никто не препятствовал их грабежу [45]. Улицы, по которым ходили грабители, были белы от муки, как будто выпал снег, и она стала добычей бедняков и низшего люда, которые спешили ее собирать. Между тем, главари толпы, найдя лавку пекаря, в которой лежали деньги за несколько дней, украли все до последней копейки. Выплеснув таким образом свою ярость на то, что вызвало бунт, и не найдя больше ничего, что можно было бы украсть, они в конце концов выплеснули свою ярость на столы, лавки, корзины и другие предметы, которые не вызывали жадности грабителей, сложили их в кучу и подожгли, как бы в жертву Церере, голоду и Святому, чей праздник собрал их для этого предприятия! Они также бросили в огонь все газеты и книги магазина, и бросили бы туда же пекаря и его подмастерьев, если бы те, к счастью, не спаслись, убежав или спрятавшись. Капитан правосудия со своими вооруженными спутниками, прибежавший в последнюю очередь, чтобы подавить беспорядки с помощью оружия, был пойман камнем, когда бежал, но ему посчастливилось укрыться в доме пекаря и спрятаться на чердаке, где он оставался в углу, пока толпа не рассеялась и он не смог выбраться на свободу [46].

Проведя утро в таких событиях, толпа достигла предела жестокости, бегая в безумном и яростном порыве, чтобы убить викария провизии (миланский магистрат, который избирается ежегодно и является главой общественного совета и почти самого города), благороднейшего и прекрасного человека, к которому она испытывала яростную ненависть [47]. Его имя, возможно, произнесенное кем-то случайно, сразу же разнеслось по всему городу. Викарий, услышав шум или получив предупреждение, заперся и спрятался в доме.

Как буря, разразившаяся из черного туча, наполняет всю страну водой, грязью и страхом, так и толпы плебеев внезапно окружили дом, увлекая за со м смерть и позор, если бы им удалось достичь своей цели. Они принесли с собой лестницы и железо, чтобы взломать двери и проникнуть через окна или даже через крышу. Ставни и решетки оказались бы бесполезными в качестве защиты от ярости шумной толпы, которая хотела проникнуть во что бы то ни стало и была уверена, что ей это удастся. Был замечен старик, несущий гвозди, молоток и веревку, который говорил, что хочет повесить викария у дверей его дома, где он будет замучен и убит народом.

С такими намерениями они осаждали дом, сильно стуча в него и пытаясь взобраться на него со всех сторон. Магистраты вызвали из соседнего замка Порта Джовия отряд испанских солдат, чтобы тот охранял дом викария, но эти солдаты, вместо того чтобы вселять страх, были охвачены внезапным страхом, увидев народ, окружавший этот дом, как армию. Что они могли сделать с аркебузами, выстрелив в женщин и детей, смешавшихся с мужчинами? Прибегнуть к мечам? У них не было на то приказа, да и кроме того, это еще больше разъярило бы толпу, которая, уже сломав все сдерживающие ее узы, мчалась к крайним преступлениям. Испанцы колебались и держались на расстоянии, в то время как народ оскорблял их вместе с их аркебузами, которые всегда вызывали страх, потому что стреляли

издалека, но в тот момент стали бесполезными и предметом насмешек. Прибытие солдат нисколько не ослабило ярость тех, кто бил по дому.

Немного сдержать их ярость смог великий канцлер Феррер, уважаемый за свой преклонный возраст, который завоевал симпатию народа именно потому, что не боялся выйти на улицу в этой суматохе. Продвигаясь в карете сквозь толпу, он то просил молчания, умоляя выслушать его, то, пожимая плечами и наклоняя голову, спрашивал, чего они хотят. И когда, шум на мгновение утих, он, положив руку на грудь, обещал хлеба в изобилии, успокаивая своим мягким тоном бурю. Но больше ему помогло искусство, которое всегда было очень полезно людям даже в древних восстаниях, чем то, что народ хотел убить. Великий канцлер утверждал, что он приехал, чтобы отвезти викария на своей карете в замок, где, если он был виновен в какой-либо несправедливости по отношению к столь заслуженному населению, он будет наказан в соответствии с древними уставами Милана. Это обещание успокоило народ, и викарий, посаженный в карету под предлогом отвезти его на казнь, избежал смерти в этой страшной схватке [48].

Было уже поздно, и из-за наступающей ночи, усталости и сытости все постепенно разошлись по своим домам, довольные добычей и местью, которую, как им казалось, они совершили за перенесенные лишения; и в своих домах они наслаждались отдыхом и рассказывали о событиях того дня. Однако магистраты и декурионы не отдыхали, опасаясь, что ночью могут быть совершены новые преступления; они укрепили дом викария балками [49] и поставили там на стражу отряд солдат; затем собрались на совещание.

В первую очередь они позаботились о том, чтобы на следующий день, который был воскресеньем, было достаточно хлеба: печи работали всю ночь. Одновременно они дали соответствующие распоряжения, чтобы везде искали пшеницу, чтобы ее не было недостатка. Они назначили старейшин, которые, придя рано утром на свои места, охраняли печи своих кварталов, пользуясь авторитетом своего имени, и, пользуясь уважением, которым они пользовались у народа, пытались предотвратить беспорядки, если бы они возобновились, как и произошло. Наступил день, народ был спокоен, и, выходя, полусонный, покупать продукты, каждый шел своей дорогой, лишь изредка останавливаясь, чтобы обменяться несколькими словами. Можно было бы сказать, что они были сбиты с толку из-за стыда за предыдущие беспорядки.

Но это была лишь кратковременная пауза, и вот уже толпа с еще большей яростью ринулась не столько за добычей в пекарни, сколько за тем, чтобы разрушить их до основания и поджечь.

Новая ярость была направлена главным образом на пекарню Кордузио, и, разграбив всю муку, пшеницу и все орудия труда, они собирались поджечь ее и охватить пламенем весь дом, не заботясь о последствиях и намереваясь распространить пожар на соседние дома, а затем и на более отдаленные. Когда преступление было уже готово, один благочестивый сосед, увидев опасность, сумел, если не сразу успокоить ярость толпы, то, по крайней мере, предотвратить непоправимую беду. Он взял распятие, зажег несколько свечей и внезапно опустил его перед лавкой. Спаситель, висящий на кресте, который спас человечество, казалось, просил положить конец безумию и злодеяниям. Бунтующие немного успокоились, потому что миланцы, даже в самые бедственные времена, никогда не забывали о древней милосердии; увидев образ распятого Христа, они были потрясены.

Тем временем [50] прибыло все духовенство митрополии с поднятыми крест : каноники в капюшонах, идущие в колонне, смешались с толпой [51]. Они оставили в соборе торжественные украшения из-за страха перед беспорядками. Таким образом удалось

избежать угрожавшего пожара. Тогда мелкий народ бросился к лавкам второго сорта, где продавали черный хлеб, и прекратил бунтовать только тогда, когда великий канцлер установил цену на него и на пшеничный хлеб настолько низкую, что более низкой и желать было нельзя. Было постановлено, что черный хлеб весом восемь унций будет стоить один сольдо, а другой, более качественный, будет продаваться по цене три лиры за стайю [52]. Услышав это объявление, простолюдины ликовали с безумной радостью, горько смеялись и на углах улиц и в тавернах хвастались тем, что сами установили столь низкую цену. В то же время, придираясь, они бормотали, что веселье скоро закончится: говорили, что хлеб смешан с ядовитыми веществами, не доверяли столь великой выгоде, но тем не менее хотели ею насладиться. Поэтому они бежали толпами к печам, покупая больше, чем нужно, или наполняли ящики, котлы, кувшины, пряча его тысячами способов, как будто теперь те же продавцы должны были отнять у них хлеб из рук.

Я был свидетелем всех этих событий: случайно став свидетелем начала бунта, желание хорошо понять человеческую натуру в этой ситуации побудило меня наблюдать за ней до самого конца, не подозревая, что однажды я стану ее историком. Позже я нашел в городских архивах точные записи о начале и развитии беспорядков, а также об их конце и спонтанном подавлении, как я и видел.

Восстание миланской черни огорчило и озаботило общественный совет, который также покраснел от стыда, как отец семьи, обнаруживший, что его род опозорен, честь его детей нарушена и его доброе имя запятнано. Еще один раз, насколько мы помним, в Милане был дефицит зерна, потому что пшеница продавалась по семь лир за стай и даже дороже; но несмотря на это, народ, любимый и уважаемый дворянами и считавшийся еще одним сословием дворян благодаря своей верности и покорности монарху, не нарушил послушания и не восстал против постановлений Совета. Теперь же он пограл государственную власть, оскорбив самого короля и нашу родину, столь дорогую ему, потому что она всегда воспитывала сильных и в то же время скромных людей.

Такие размышления тревожили магнатов, которые боялись, что новость о случившемся, смешанная с правдой и ложью, дойдет до монарха, как будто народное восстание из-за голода вспыхнуло по вине Совета. Город, занятый другими делами, послал к королю-католику, который в то время находился в Мадриде, посланника [53], надеясь на успех в некоторых из порученных ему переговоров () и отчаявшись в других. Совет направил ему специальным курьером письма следующего содержания.

Немногие из низшего сословия, надеясь на грабеж, сначала возбудили молодежь и женщин, к которым присоединились другие, а затем еще другие, пока беспорядки из-за нехватки хлеба не превратились в своего рода восстание. Были разграблены печи, викарий по снабжению подвергся смертельной опасности, и все, что произошло после этого. В результате они написали легату, чтобы он как можно скорее явился к королю и, изложив дело, добавил: что это был внезапный порыв и безумие народа, а не заранее обдуманное восстание, поскольку дворянство сохраняло верность, унаследованную от своих предков, по отношению к Его Величеству, и в Милане не было ни одного дворянина, который колебался бы пожертвовать своей жизнью, если бы народные волнения не утихли [54].

Члены Совета добавили к этому другие письма, которые легат должен был использовать в нужное время и в нужном месте, если бы под предлогом случившегося кто-то попытался нарушить древние уставы города и побудить короля наказать его, обнародовав новые законы. Они рекомендовали изложить заботу Совета, понесенные расходы и непрерывные усилия, чтобы народ не испытывал недостатка в продовольствии. И как недавно он купил за

государственный счет пятнадцать тысяч мер пшеницы и двенадцать тысяч мер ржи, а также вел переговоры о более крупной покупке для доставки в город, в котором никогда не было бы недостатка в зерне, если бы было выполнено то, о чем декурионы просили высшую власть, а именно, что никому не разрешается вывоз. Напрасно они умоляли, чтобы были приняты законы и введены суровые наказания, запрещающие спекулянтам приезжать из самых отдаленных уголков Вербано к воротам города на ослах, чтобы покупать зерно, а затем из своих домов перевозить его к границе со Швейцарией, что было для них легко из-за близости.

Было также запрещено вывозить в другие страны пшеницу из Лумеллины, которая является житницей Милана. Пекарям и мельникам этого города было отказано в просьбе о лицензии на ее покупку и транспортировку в свои склады.

XII. В Милане вспыхивает чума.

Понте-Ветро и Порта-Ориентале — это районы Милана, по площади сравнимые с двумя небольшими городами. Именно в них появились первые симптомы чумы, которая, подобно пламени, вырывающемуся из крыш, должна была охватить соседние дома, поразить почти всех жителей и распространиться далеко за пределы города, прекратив свое действие только тогда, когда, как посланница небесного гнева, она очистила все. Не будет лишним отметить, в каком месте и в какой день разразилась эпидемия, и какие люди были первыми зараженными, чтобы увидеть, как из небольших начал разразилась страшная буря, охватившая весь город и унесшая жизни тысяч людей. Первым был солдат по имени Пьетро Паоло Локато, который, находясь в гарнизоне в Кьявенне из-за волнений в Вальтеллине (), получил разрешение от своего командира. Прибыв в Милан 22 ноября [55], он отправился к своей тете Элизабетте и пробыл там три дня, не посещая никого и не соблюдая меры предосторожности, хотя и прибыл из зараженных мест. Он заболел, и его состояние ухудшалось, поэтому его перевезли в большую больницу, так как в той маленькой хижине не было средств для его лечения. Через два дня он умер, и при вскрытии тела были обнаружены бубоны, верный признак чумы, которые никогда раньше не встречались в городе, хотя народ много об этом говорил. Вскоре умерли все, кто жил в том доме, что не оставило никаких сомнений в том, что чума проникла в Милан. После того, как о случае было сообщено в санитарную инспекцию, был опечатан дом, владельцем которого был некий Колона, который также умер вместе со своей женой и детьми [56].

Болезнь начала медленно распространяться, как будто милосердный Бог, давая передышку, давал возможность применять лекарства. Но наши дворяне, в руках которых находилось управление государством, не воспользовавшись божественной добротой, безразлично противостояли резне, как это всегда бывает, когда небо хочет наказать людей. Лекарства действовали медленно, хотя чума, угрожавшая городу, в первые дни скрывалась, как будто боялась.

Поскольку зараза пришла из долин Реции и несколько дней оставалась в доме Колоны, то из-за удаленности места, откуда она пришла, и медленного распространения ее считали совсем другой болезнью. Тем не менее, до упомянутых случаев, в начале февраля 1627 года распространились смутные слухи о приближающейся чуме: позже каждый день поступали мрачные известия о надвигающейся беде. Теперь она пришла, тайно, почти украдкой, поражая горожан, некоторых из них она сражала силой; она затихала, затем снова вспыхивала, чередуя, в соответствии с характером людей, надежду и страхи, из-за чего то

они верили, что преувеличили опасность из-за напрасного подозрения, то считали, что не приняли достаточных мер предосторожности, чтобы защититься от нее. Поэтому у каждой двери были установлены ворота и стражи, введены карантин и другие обычные меры; но прошло не много времени, как они были сняты, и из-за лени меры предосторожности были пренебрежены с такой непостоянностью и изменчивостью, что это казалось одним из явлений чумы.

Прошло около трех лет между тревожными заботами и роковой небрежностью; когда чума разразилась в доме Колоны, за четыре месяца умерло не более ста человек; это было небольшое число, учитывая природу болезни, размеры Милана и тысячи людей, которые вскоре должны были стать ее жертвами.

Однако вскоре зверь, раздраженный сдерживающими его узами, разорвал их, без труда разрывая тела. И это были настоящие мучения, хотя и не от оружия или ран. Более ужасным зрелищем были смерти от прикосновения, дыхания и скрытой чумы, чем вид разорванных внутренностей, разбросанных мозгов, отрубленных рук и других ужасных ран на поле боя, когда две враждующие армии, движимые яростью, вступают в сражение.

XIII. Ярость и глупость народа в отношении веры в чуму.

Я считаю, что среди источников заражения, которых, к сожалению, было много и которые были фатальными, ничто другое не способствовало его распространению больше, чем упорство простолюдинов в его отрицании, оскорбляя свистом, усмешками и ругательствами любого, кто произносил его имя [57]. И такое безумие было распространено не только среди простого народа, но и среди некоторых врачей, которые, теряясь в бесконечных спорах, смеялись над бубонами и опухолями в паху, называя их последствиями безудержной похоти, всякий раз, когда зараженный показывал им эти верные признаки чумы и просил лекарства. Эти невежды [58] кричали в толпе, что сама лихорадка является заразой и что многие умирают внезапно из-за недостатка жизненной силы или из-за скрытых повреждений внутренних органов. С помощью таких абсурдных и других слухов, свойственных их крайне обманчивому искусству, они отвлекали больных от принятия лекарств, к которым нужно было прибегнуть вовремя. Эти шарлатаны завоевали такую популярность у народа, что мудрецы, которые, придерживаясь совершенно иного мнения, были убеждены, что в городе уже царит чума и что болезненное влияние распространилось на тела, проповедовали необходимость соблюдать все меры предосторожности, были обращены как обманщики, а то и как враги отечества [59]. Плебеи кричали, что они ищут работу и что из-за жадности к наживе они введут чуму даже там, где ее нет.

XIV. Опасность, которой подвергся протофизик Лодовико Сеттала в начале чумы.

Я вспомню случай с человеком, которому наступившая общественная катастрофа могла бы принести еще большую славу, если бы он уже не достиг вершины благодаря своим ясным исследованиям и огромному гению. Это был Лодовико Сеттала, первый среди врачей и философов, выдающийся литератор [60]. К достоинствам своего искусства добавлял непорочную жизнь и презрение к деньгам всякий раз, когда его звали бедняки, литераторы и друзья, что ни в коей мере не умаляло его достоинств. Старый и чрезвычайно авторитетный благодаря точности своих прогнозов, Гиппократ нашего века пользовался безграничным доверием даже среди самых осторожных, и простой народ глубоко почитал его, прежде чем увлекся своим безумным верованием. Однажды, когда Сеттала ехал на носилках навестить своих больных из-за старости, он был оскорблен такими криками носильщиков и баб, что

носильщики, опасаясь за его жизнь, вошли в соседний дом друга и оставались там, пока не утихла суматоха и эти негодяи не разошлись.

Все хором кричали, что главный врач является лидером тех, кто утверждает, что чума существует, и что он своей бородой и хмурым взглядом сеет ужас по всему городу, чтобы толпа врачей не оставалась без дела и чтобы найти способ их занять. Таким образом, этот замечательный старик, спасший жизнь множеству людей своим мастерством и щедрыми пожертвованиями, подвергся серьезной опасности из-за тупости и дерзости народа. Тот оскорблял не только его, но и сами суды и святое правосудие, осмеливаясь пренебрегать санитарными законами как бесполезными и продиктованными лишь страхом перед государственными властями.

XV. Магистраты думают о более эффективных средствах.

К этому времени чума была очевидна, признана даже самыми упорными противниками, и проявлялась в массовых гибелях и грудах трупов, как на поле битвы, охватив всех часть города: тем не менее, многие презирали ее ярость и ужасную силу. Пришлось учреждать суды, ставить стражу, издавать указы и ко всему относиться с предельной внимательностью и предусмотрительностью.

Президентами здравоохранения были избраны два очень уважаемых сенатора: Джованни Баттиста Арконати и его преемник М. Антонио Монти [61]. Оба с истинной любовью к родине рисковали жизнью, пренебрегая опасностью, чтобы с осторожностью, верностью и бдительностью защитить остатки несчастного города и нашу миланскую провинцию, прекрасную среди земель, подчиненных католическому королю.

Режим был следующим: все остальные магистраты и первые дворяне давали советы и помощь здравоохранению, в меру мужества каждого и осторожности в опасности. В каждые ворота и район Милана были установлены дни и время, когда каждый дворянин должен был их посещать, и обязанности, которые он должен был там выполнять. В первую очередь было приказано, чтобы люди, животные и товары не допускались в город без предварительной проверки счетов, подтверждающих их происхождение из здоровых мест. А чтобы не создавать заторов, за воротами были установлены заграждения, а за ними возведены бараки, где днем и ночью дежурили солдаты.

Другие дворяне и лица, избранные ими, ежедневно объезжали регионы, приходы и деревни Милана, посещая дома и обеспечивая нужды многих за счет государственных средств, а также частных пожертвований.

Что касается зла, подозрений и ежедневных случаев чумы, то с ними поступали следующим образом. Те, кто заболел, немедленно доставлялись в Лазарет, в , вместе со своей семьей и всеми, кто жил под одной крышей; или, если они выражали желание остаться дома, их охраняли, поставив охранников из Санитарии [62]. Те, в отношении которых были лишь неопределенные подозрения, из предосторожности изолировались, но под менее строгой охраной, получая продовольствие от государства, если они были признаны бедными. Трупы перевозили на телегах, впереди которых шел пехотинец, который кричал, отгоняя прохожих, громко предупреждая всех, кто шел навстречу, отойти в сторону, воздерживаться от любого контакта и обходить мортаков, потому что там были мертвые, там была чума. Были выкопаны огромные ямы, глубокие до уровня воды, и, положив туда трупы, на каждый ряд насыпали слой негашеной извести, чтобы ее едкая сила быстрее поглотила гниль, опасную даже под землей для жизни и общего здоровья [63].

Но теперь, казалось, не оставалось никакой надежды на жизнь и здоровье, поскольку чем больше мертвых хоронили каждый день, тем больше их число увеличивалось с каждой минутой. Заполнив эти огромные ямы, выкапывали другие и другие, и даже они не хватали.

XVI. Тело святого Карла торжественно перевозят по Милану, чтобы умолить о прекращении чумы.

Магистраты, видя, что человеческие меры бессильны против столь жестокой болезни и ужаса толпы, обратились к кардиналу-архиепископу Федерико с просьбой открыть гроб, в котором покоилось тело святого Карла, вынести его на свет и пронести по городу. Они питали живую надежду, что смертные останки святого, увидев вновь кварталы, по которым он когда-то ходил, небо и воздух родного города, изгонят чуму, яд и любое влияние, губительное для тел и жизни. Высокопреосвященный кардинал-борромео () согласился с просьбой, высказанной декурионами от имени города, и разрешил вынуть тело святого Карла из гробницы и перевезти его в Милан. Без промедления были подготовлены украшения и торжественные церемонии, так что улицы, стены и даже крыши домов, вид молящего народа и, я бы сказал, окружающий воздух, явно свидетельствовали о живой любви к святому, подтверждая, так сказать, молитвы, обращенные к нему.

Частное великолепие соперничало с публичным, и граждане не жалели средств на те пышные торжества, которыми ничтожное человечество стремится почтить верховного Творца. И соперничество шло не только между частными лицами, но и между ними и муниципалитетом, который стремился превзойти то, что декурионы предписывали своими указами. Викарий [64] издал приказ, чтобы во всех местах, через которые будет проходить процессия, каждый украсил фасад своего дома с наибольшей пышностью, добавив, что если граждане проявят леность и скупость, то, возможно, больше никогда не будут иметь возможности продемонстрировать свою преданность и благосостояние. Каждый дом без хозяина или заселенный бедными жильцами украшался за счет какого-нибудь богатого соседа или казны. Наконец, было предписано, чтобы в этот день не могли ездить кареты, повозки и другие препятствия, чтобы все улицы и площади, по которым пройдет процессия, оставались свободными для мощей святого, чьего покровительства просили. Кардинал-архиепископ также издал церемониал для духовенства: священники должны были собраться в назначенный день и час в соборе и, предварительно очистившись таинствами, пройти скромной процессией с опущенными глазами, без шума и отвлекающих факторов.

Порядок шествия, остановки ковчега и маршрут были определены следующим образом:

От собора она должна была начинаться по улице, называвшейся в древности Декумана, затем повернуть на улицу Тре Ре, к Боттонутто, затем по улице Ларга и площади Санто-Стефано, повернуть на улицу Порта-Тоса, до места, где возвышается крест рядом с вязами. Оттуда входить в улицу, ведущую к клоаке этой двери; затем к кресту Порта Ориентале, откуда, двигаясь по прямой линии, после церкви Сант-Андреа, дойти до конца улицы, где возвышается крест Порта Нуова. Воспользовавшись коротким путем через переулок Сант-Агостино, дойдите до креста Понте-Ветро, затем до церкви Сан-Томазо, и, свернув на улицу Сан-Просперо, до креста Порта-Верчеллина; затем до Пьяцца-деи-Чинкве-Вие, Сан-Сеполькро, Кордузио и, наконец, через Пьяцца-деи-Мерканти, вернитесь в Дуомо. Установив таким образом маршрут, были сделаны приготовления с такой помпой, что нельзя было бы сказать, что город был охвачен унынием из-за страшной чумы, а скорее праздновал с

общественным ликованием национальный праздник. В тот день радость миланцев и торжественное оформление их собственных похорон были мрачным зрелищем. Боль и сострадание как соотечественников, так и иностранцев были бы не такими сильными, если бы они обратили внимание на эту пышность и предчувствовали то, что должно было произойти. Они бы созерцали веселье и великолепие города, уже пораженного чумой, и населения, которое вскоре должно было умереть; щедрые богатства и изобретательное состязание за то, чтобы с скромными возгласами принять кости архиепископа, который, согласно народному поверью, при жизни изгнал чуму из Милана. Но как предвидеть грядущую огромную резню и то, что те, кто украшал город к празднику, чтобы вынести тело святого, вскоре, словно Бог разгневался на публичные мольбы, будут лежать в кучах трупов!

На подготовку было отведено всего три дня, и за такое короткое время все улицы и перекрестки приобрели торжественный вид, напоминающий древнее римское великолепие: даже надписи были на латинском языке. Столько сделали горожане, которых родной талант и уже подхваченная чума возбуждали лихорадочным беспокойством. Эмблемы, стихи, сотни надписей золотыми буквами напоминали о добродетелях покойного архиепископа, а возвышенные высказывания, как у древних римлян, создавали впечатление, что праздник отмечается в Лацио, а не в лангобардском городе. Повсюду воздвигались арки и алтари, на балконах размещались хоры, которые слышались на каждом углу улицы, где проходила процессия. Гобелены, картины, драпировки всех видов, вазы и все ценное и старинное, что было в собственности каждой семьи, выставлялось на обозрение там, где проходил гроб святого Карла. Крыши и стены домов бедняков сияли королевской роскошью: вся улица была покрыта сверху драпировками, защищавшими ее от солнечных лучей, а тут и там ветви деревьев, окаймлявшие улицу, еще больше украшали ее. Поистине, если бы в вечных декретах не было предписано очистить или предупредить народ, я полагаю, что столько почтения и молитв умиливали бы божественный гнев, спасая наш город от роковой гибели.

Тело святого Карла, или, вернее, его мощи, уцелевшие от разрушительной силы времени, которое уничтожает даже самые твердые металлы, лежали в ковчеге, покрытом белым шелковым полотном, по бокам которого были маленькие стеклянные окошки, через которые можно было разглядеть изношенное лицо святого, более почитаемое в глазах верующих, чем если бы оно было неповрежденным. Ковчег несли каноники метрополии, впереди них шла часть духовенства и народа, а следом остальные; украшенные своими знаками шли священники, магистраты, самые заметные жители города с зажженными свечами; многие из них были босиком и в волочащихся одеждах, как покаявшиеся, выражая смятение души. Однако взгляды всех, не отвлеченные окружающими предметами, с тревогой обращались к лысой и митропольной голове святого Карла, к полукруглому рту, к нескольким зубам, которые еще больше деформировали его, к синеватым и пустым глазницам, ибо таким образом смерть, с ее неизбежной силой, разрушила почтенную голову святого архиепископа. Тем не менее оставались некоторые следы, указывающие на доброжелательную физиономию Пастыря, которую передали потомкам древние изображения.

К нему обращались молитвы тысяч губ, которые почти по праву осмеливались умолять его вновь защитить своим заступничеством перед Богом народ, который он уже однажды спас. Они смотрели на него и молились, и, обращая свои молитвы и надежды к живому главе миланской церкви, громко умоляли кардинала архиепископа Борromeо, который шел рядом

с гробом, чтобы он принес публичные обещания своему двоюродному брату, к которому он был близок по родству, по достоинству, по заслугам [65].

XVII. После процессии чума усиливается.

Молитвы оказались тщетными, и чума, словно возбужденная криками молящих, еще более усилилась и разразилась с новой силой. Не , нам не позволено исследовать причины столь великой тайны и пытаться определить, по какой причине зараза, которая сначала медленно распространялась, разразилась с новой силой именно после перенесения тела святого Карла. Мудрые и благочестивые люди, видя, как сила болезни растет без меры после того, как было призвано небесное покровительство, называли это божественным наказанием; глупцы же утверждали, что даже сам Бог не может ее укротить [66]. В течение нескольких месяцев чума, скрываясь, проявлялась время от времени то здесь, то там, но теперь она бушевала со всей силой.

11 июня, в день, посвященный святому Варнаве, состоялась торжественная процессия, которая вызвала огромную радость у горожан, и с того дня чума действительно приобрела имя, силу и власть, поскольку до этого существовала лишь ее тень [67]. Следует отметить, что все заражения и подобные бедствия, которые поражали нас и другие народы и города, получили неверное название чумы.

Гроб, в котором лежало тело святого архиепископа в епископском облачении и митре, простоял восемь дней и столько же ночей в соборе на главном алтаре. Народ стекался туда толпами, умоляя со слезами и молитвами о помощи, которая по непостижимым божественным законам была ему теперь безжалостно отказана.

В те дни многие погибли, как будто смерть была ответом Небес. И чтобы никто не сомневался, число жертв ежедневно росло, пока не достигло тысячи восьмисот [68] в день. Дома опустели, и на телегах перевозили трупы всех возрастов, полов и сословий, потому что смерть не щадила никого. Большие ямы, вырытые за пределами города, не хватало для захоронения трупов, как и палат в Лазаретте было мало для множества умирающих от чумы, которые молили о смерти как об облегчении.

И эти люди были более несчастны, чем те, кого ужасная болезнь убивала внезапно.

XVIII. Отвратительный вид Милана из-за груд трупов и наглости монатти.

Жалкие зрелища человеческих событий, вызванных военными бедствиями или смертоносными резнями, которые приравнивают высших к низшим, описываются в историях; но я считаю, что нигде в мире не было такого позора, какой представлял собой Милан в то время в любое время суток (). Никто не знает, какими людьми были монатти, отчаянные служители чумы, и гробовщики, которые, презирая смерть, шли на любую опасность.

Их название происходит от одиночества, в котором они должны находиться, поскольку никому не позволено общаться с ними [69]. Эта порода людей без всяких предосторожностей обращалась с мертвыми и умирающими, прикасаясь к бубонам, гнилостным язвам, кровоточащим конечностям и даже веселясь с безумной радостью на кучах трупов. Монатти, я краснею, рассказывая о такой мерзости! насиловали сами трупы, что было последним пределом похоти и человеческого безумия, которого не встретишь даже среди диких зверей! Врываясь в каждый дом, подозреваемый или нет в чуме, потому что

теперь было законно подозревать всех, они хватали мужей, жен, детей и тащили их в Лазарет, если те не выкупались, выкладывая деньги. Некоторые очень наглые молодые люди, привязав к ногам колокольчики, проникали в дома, рылись в комнатах, а также на улицах делали все, что им вздумается, как будто они были гробовщиками, наделенными государственной властью [70]. Однажды в одном доме эти псевдо-монасты встретились с настоящими, и начались драки и побои, и ссора закончилась кровопролитием. Общественным бедствием был также способ, которым магистраты реагировали на подобные беспорядки, поскольку их подчиненные и приспешники врываются в дома, совершая с наибольшей наглостью и безнаказанностью кражи, грабежи и оскорбления, к которым они всегда были привычны. И они не прекращали воровать и вымогать деньги, пока некоторые из них не были обвинены и арестованы, а затем, в качестве наказания и для примера, приговорены к повешению. В один день, когда должны были повесить троих, из-за отсутствия палача одному из них предложили помилование, если он согласится заменить его: он с радостью согласился и задушил своих товарищей.

Но команда монадти обращалась с живыми и мертвыми по своему усмотрению, таская трупы, как скотовод таскает на скотобойню, связанные одной веревкой, телят и козлят. Они шли кучей: мужчины и женщины, подростки, девушки, дети, висающие на материнской спине, молодые, старые. Слуга лежал на хозяине, топча ему лицо ногами, богатые и бедные были обнажены, редко кто из них из стыда прикрывал свою наготу лоскутом, а если случайно на них набрасывали простыню, то алчные гробовщики тут же срывали ее. Головы, руки, ноги свисали с повозки, запутывались в колесах, а трупы катались по земле! [71]

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА ВТОРАЯ МАЗАЛЬЩИКИ.

I

Многие были убеждены, что чума была занесена и распространена по вине заговорщиков, чтобы успешно вторгнуться в город и территорию Милана, после того как их попытки сделать это другими способами оказались тщетными. Таким образом, опустошенные и опустошенные повсюду сельские районы из-за нехватки земледельцев, и поскольку больше не было тех, кто мог бы взять в руки оружие, любой мог бы оккупировать нашу беззащитную и пустынную страну. Могущественные короли и их министры обвинялись в том, что они были авторами столь отчаянного совета, а народ, в порыве отчаяния, также оскорблял тех, кто, возможно, глубоко сочувствовал нашим бедам. Неудивительно, что граждане поступали таким образом, обвиняя далеких и посторонних, поскольку, питая одинаковые подозрения, они взаимно порочили друг друга.

Это волнение душ, не менее роковое, чем смерть от чумы, мы должны приписать непостижимым декретам Провидения. И дело дошло до такой степени, что из-за бедствий и нищеты, из-за гордости и безумия, каждый день в городе казнили зараженных, в то время как в Лазарете, похожем на общественное кладбище, подозрения и улики их преступления то появлялись, то исчезали.

Удивительно! В Лазарете были найдены некоторые с ящичками, ампулами и всеми другими инструментами преступления. Они признались и, не передумав под тяжестью пыток, были отправлены на эшафот. Но там, в руках палача, который уже надел на их шеи петлю, они заявили о своей невинности, крича народу, что они добровольно умирают за другие преступления, совершенные ими, но что они никогда не практиковали искусство колдовства, не зная ни о каких ядах и заклинаниях. Такова была позорная слава этих людей, или злоба и ярость дьявола. Таким образом, улики становились все более запутанными, а судьи оставались в недоумении.

Первое и вполне обоснованное подозрение в том, что мази были распространены человеческой злобой для создания или поддержания чумы, возникло, когда по всей длине города были замечены стены домов справа и слева, загрязненные здесь и там большими пятнами. Это произошло 22 апреля на рассвете, который был ясным, так что каждый мог ясно видеть эти пятна своими глазами. Некоторые, выходящие по своим делам на рассвете, увидели их; затем другие побудили прохожих осмотреть их, пока любопытство не возросло и к ним не прибежала толпа людей. Эти пятна были разбросаны и стекали по-разному, как будто кто-то пропитал гнилую губку и приклеил ее к стенам. Даже двери домов и входы кое-где были загрязнены этим брызгами (). Это было злодейское преступление, совершенное недавно, почти как оскорбление народа, и я тоже пошел посмотреть. Окружающие были в ужасе, но, как обычно, скоро забыли об этом; однако, по мере того как зло и ежедневные убийства нарастали, они снова вспомнили об этих пятнах. Каждый день рассказывали о том, что находили смазанные и замазанные предметы, и что те, кто их трогал, сразу заражались чумой. Распространившись, это поверье привело к тому, что считалось, что люди тоже заражаются, так что среди большого числа умерших лишь немногие считались незараженными, либо потому, что они были заражены без их ведома, либо из-за контакта с другими людьми, уже зараженными этим ядом, либо, наконец, из-за прикосновения к дереву, стенам или чему-либо еще, что используется в повседневной жизни. Вскоре общественное мнение усилилось до такой степени, что не только железо, дерево и подобные предметы, но и сами районы города и воздух считались зараженными. А поскольку в то время года, согласно обычаю, пшеница складывалась в кучи на токах и в полях, страх убедил людей, что она тоже заражена. Общественное мнение добавляло, что в этом участвовали колдовство и демоны, которые объединились с людьми, чтобы опустошить Милан и его окрестности [72].

II. О страшном и ложном слухе, распространенном в Милане и за его пределами.

Я не отрицаю, что некоторым могут показаться преувеличенными вещи, о которых я рассказал и которые мне еще предстоит рассказать; и я также полагаю, что то, что было распространено и вошло в обиход в те дни, было не более чем вымыслом, подобным бредовым фантазиям людей или примерам бедствий. Таким образом, в Милане было распространено поверье, которое даже здравомыслящие люди не считали абсурдным, что демоны имели в этом городе безопасные жилища, в которых они устроили хранилище своих искусств, чтобы раздавать мази. Многие осмеливались указывать квартал, где находились эти дома, называя даже их владельцев. Наконец, был назван по имени и указан пальцем человек, который рассказал следующую историю.

Однажды, случайно остановившись на площади Дуомо, он увидел приближающуюся карету, запряженную шестью белыми лошадьми, в которой, в сопровождении многочисленной

свиты, сидел человек с внешностью принца, но с пылающим лицом, пламенными глазами, взъерошенными волосами, угрожающими губами и с чертами лица, которых он никогда не видел раньше. Пока он с открытым ртом смотрел на странного персонажа, кучер, потянув вожжи к себе, остановил карету и предложил ему сесть и поехать с ними. Кивнув в знак согласия, он проехал с ними по городу, пока они не подъехали к двери одного дома, где он вышел и вошел вместе с незнакомцами.

Этот дом, продолжал рассказчик, показался ему очень похожим на того, кто посадил его в карету и чьи приказы, как он заметил, там все выполняли. Описание этого дома в «» можно сказать, совпадает с описанием, которое дает Гомер, воображая в «Одиссее» пещеру Цирцеи. Ужасы, соединенные с величием, нечто приятное и страшное: здесь сияние и свет, там тьма и искусственная ночь; где-то сидели лары, словно на собрании, где-то были обширные пустыни, залы, леса, сады, а с края черных скал с грохотом падали воды в бассейн внизу. Наш рассказчик добавлял другие чудесные знамения, которые, при внимательном рассмотрении, становятся бессмысленными и смешными. В конце он заключал, что в том доме ему были показаны огромные сокровища и сундуки, полные денег, с обещанием, что он получит свою долю и все, что только может пожелать, при условии, что, поклявшись во имя принца, он будет помогать в том, что нужно сделать. Если он согласится на предложенные условия, то должен дать знак согласия, подняв палец, сделав поворот вокруг себя и преклонив колено. Но он отказался это сделать и внезапно оказался на площади Дуомо, где сел в карету.

Таким образом он сочинял свою сказку, которую многие считали заимствованной из древней истории. В нее поверили миланцы, поверили иностранцы, а немецкие книготорговцы воспользовались этой сказкой, чтобы заработать деньги на общественном любопытстве, продавая гравюру, изображающую это якобы удивительное событие.

Я сам видел фрагменты рисунка на бумаге, выполненного в Германии, на котором был изображен дьявол на высокой карете, а под ним надпись на немецком языке, в которой говорилось, как его появление обманывало миланцев. Я также видел письма, написанные архиепископом Магдебурга нашему кардиналу, с просьбой проинформировать его о правдивости удивительных событий, которые, по слухам, произошли среди его народа. Ему ответили, что ни в Милане, ни в окрестностях не видели никакой адской колесницы и никаких призраков. Иностранцы не верили в эти басни, потому что, живя далеко от нас, они мало интересовались ими, а у нас, напротив, болезнь, усугубляющаяся с каждым днем на глазах и в глубине души, делала все рассказы тем более правдоподобными, чем они были мрачнее и экстравагантнее.

Поскольку страх, который легко поддается всяким глупым верованиям, убедил людей в том, что обманы и злодеяния совершаются людьми, которым помогают демоны, и что в Милане существует мастерская, занимающаяся распространением заразы, возникла та безразличность, которая обычно сопутствует отчаянию. Ведущие граждане, неспособные найти лекарство и очистить город, видя многочисленные жертвы чумы, обсуждали между собой слухи невежественного народа и выясняли, какой принц или иностранный король мог призвать на помощь ад и сделать демонов министрами своей злобы против нас. Таково было это безумное расследование, и я не думаю, что им когда-либо удалось обнаружить виновника этого злодеяния, поскольку, вероятно, его и не было. В то время как гниль, груды трупов и умирающие, лежащие тут и там, вызывали ужас, а мертвые, смешанные с живыми, превращали этот город в одно большое кладбище и костер, общественное бедствие становилось все более ужасным из-за внутренней ненависти, возбуждение душ и чудовищное подозрение, что некоторые, подкупленные и купленные демонами, за золото

занимались распространением чумы. Близкие и друзья избегали друг друга; опасались не только соседей и гостей как опасных, но и родителей, детей, братьев, мужей и жен, которых связывают узы любви. Ужасно и стыдно об этом говорить! Стол, супружеская постель и все, что свято по праву природы и народов, вызывали ужас, как будто именно там скрывалась и распространялась болезнь. Тревожные и с замершими ногами, граждане бродили по улицам, охваченные страхом перед зараженными мазями [73].

III. О Пьяцца, Мора, Баруэлло и других зараженных.

Я не считаю абсурдным включить в этот трагический рассказ также преступников, занимавшихся мазями и колдовством, чтобы, так как они представляли мрачное и любопытное зрелище между железами перед судьями или между пытками, так и сегодня они были зрелищем для читателей, они сами, их ответы и то, что они сделали или были признаны виновными в совершении [74]. Некий Пьяцца [75], глава всех заражающих, был заключен в тюрьму: несколько женщин, вызванных на допрос, сказали, что видели из своих окон, как он мазал мазями стены. И они так хорошо согласовали свои ответы, описывая внешность и одежду Пьяццы, что, будучи узанным судьями, он был отправлен в тюрьму. был одним из офицеров, которым было поручено ежедневно обходить дома и записывать в список имена больных: ему был назначен район города под названием Porta Ticinese. Предполагалось, что, начиная с выхода из Vedra de' Cittadini, он смазал мазью все соседние дома, углы, переулки, кварталы, церкви и дворцы знати [76]. Капитан правосудия по приказу Сената отправил его в тюрьму в субботу 22 июня. Пьяцца был высоким, худощавым, рыжебородым, каштановолосым негодяем, он носил рваные брюки и ботинки и черный суконный жилет; его голову и лицо покрывала шляпа с опущенными полями.

После обычных торжественных предварительных процедур в суде его спросили, слышал ли он, что в Порте Тичинезе были найдены многочисленные стены, испачканные мазью, но он отрицал это, заявив, что ничего об этом не знает. Судьи стали упрекать его и убеждать, поскольку, поскольку это дело было уже известно и распространилось по всему городу, было маловероятно, что он, будучи ответственным за посещение домов в Порте Тичинезе, ничего об этом не знал и был единственным, кто не знал о таком известном и опасном для всех деле.

Вопросы и ответы терялись в двусмысленности, поскольку злой человек своими уловками пытался уклониться от знаний и осторожности судей.

Посаженный на экулео и подвешенный на веревке, он был подвергнут более обычного пыток за свои противоречия, из которых вырисовывалось преступление, которое он упорно отрицал. Однако даже среди мучений он продолжал отрицать, давая всегда уклончивые ответы, которые вызывали еще больше подозрений, в результате чего он был несколько раз подвергнут испытанию.

На четвертый день, когда он по-прежнему настаивал на своем отрицании, судьи, тщетно пытаясь вырвать из него признание, из-за усталости, а не из милосердия, сняли с него веревки. Ослабив веревки, которыми были связаны его руки, его собирались освободить и, не вправив вывихнутые кости [77], отвести обратно в тюрьму, когда, вопреки ожиданиям всех, он воскликнул: «Парикмахер дал мне мазь! [78]

Судьи, жадно ухватившись за это спонтанное признание, которое, казалось, раскрывало одновременно и причину преступления, и спасение общества, начали тщательно

расспрашивать его о подробностях. Они не закончили, пока не выяснили, кто был этот парикмахер, в какой день и в каком месте, и на каких условиях он дал ему мазь. Пьяцца сказал, что парикмахер вместе с мазью дал ему флакончик с какой-то водой, которая, когда ее выпивали, обладала тайной силой, мешавшей человеку сознаться. И он кричал, что не может ничего раскрыть, пока судьи держат его на веревке, а когда его опускали вниз и он приходил в себя, восстанавливая разум, затуманенный этим напитком, он не только не хотел признаваться в преступлении, но и забывал, кто был преступником.

Сказав это, он объяснил, как проходило помазание, сколько денег ему предложил парикмахер, если бы он работал с усердием и преданностью; однако до тех пор он оставался с надеждой, так как еще не получил денег. Парикмахер, обвиненный Пьяцца в качестве автора и соучастника помазания, звали Джакомо Мора [79], он жил в Ведро деи Читтадини и имел дом и лавку, где сегодня на руинах этого дома возвышается Колонна Инфаме, памятник совершенному преступлению, как гласит надпись, размещенная на ней.

Судья, выслушав показания Пьяццы под присягой, отправился со своим отрядом в мастерскую, где было совершено преступление, полагая, что поймает врага общественного здоровья с поличным. Войдя, они застали Мору занятым у печи с колбами: горела и камина, потому что он дистиллировал воды разными способами; дом был полон инструментов для разжигания огня и котлов. Писари, полицейские, сам судья, шепчась между собой, заявили, что это мастерская по изготовлению мазей.

Парикмахер, сначала не смутившись, сказал, что эти воды были лекарственными, и объяснил, для каких целей он их смешивал. Он особо указал на средство против заражения, извинившись за то, что приготовил его без разрешения государственных властей, движимый желанием спасти от общей беды хотя бы своих родственников и друзей, которым он намеревался дать это лекарство [80]. Его слова были услышаны среди возбужденного шума подозрений и гнева.

Офицеры начали обыскивать дом, в мгновение ока перевернув его вверх дном, а затем более медленно продолжили обыск, пока не составили список всех сосудов, кувшинов, банок, треног, котлов и прочих предметов, которые могли быть использованы для причинения вреда и были найдены в этом несчастном жилище. Больше всего раздражала одна вещь, сама по себе, возможно, безобидная и найденная случайно, но грязная и дававшая больше поводов для подозрений в том, что они искали.

Они нашли два медных котла, полных гнилого и старого лисца, на дне которых был грязный осадок, липкий, как омела, цвета пепла и пахнувший человеческими и живо ми экскрементами. После осмотра и анализа этого осадка врачами, которые по привычке не брезгают подобными отбросами, не осталось сомнений, что эта субстанция служила для приготовления ядов [81]. В тюрьму были увезены парикмахер, его жена, дети, родственники, подмастерья и те, кто приходил учиться ремеслу. Несчастный и неосторожный отец, обвиненный в таком гнусном преступлении, среди мучений продолжал отрицать, как это принято у преступников. Когда мучения брали верх, он умолял об облегчении, обещая раскрыть правду, и говорил что-то, что казалось правдоподобным, но вскоре отказывался от своих слов, обвиняя в том, что мучительные страдания вырвали из его уст эти слова против его воли. Его снова подвергали еще более жестоким пыткам, и он, чтобы получить передышку, отвечал в соответствии с желанием судей, а затем сразу же противоречил себе.

Был вызван Пьяцца, его обвинителя и сообщника; поставленные лицом к лицу, два преступника стали спорить между собой, но с заметной разницей. Пьяцца обращался к Море с фамильярными и горькими словами, а тот отрицал, что когда-либо его знал: они

оскорбляли друг друга. Пьяцца упрекал парикмахера в гнусном преступлении, в его глупых надеждах и в том, к чему они привели; другой кричал, призывая Божью месть за клевету и козни, которые любой злоумышленник может подстроить невинному человеку. Подвергнутый вновь пыткам, Мора продолжал то признаваться, то передумывать, пока, потеряв дух, почти хвастаясь своим преступлением, он не раскрыл правду о происхождении мазей, об используемом искусстве, о плане уничтожения города, о том, что он приготовил в отдельных баночках, и о том, какие места уже были заражены и смазаны.

В то время как шёл процесс над Мора и велось расследование, были обнаружены новые улики и новые заразители, люди из пивных и публичных домов, все выпускники той мастерской, имена которых заслуживали виселицы и костра: некий Мильявакка, некий Баруэлло, некий Бертоне [82]. За ними послали полицию, их привели перед судьей, и они без особого труда признались в преступлении, рассказали, как они встретились и что они делали в этой нечестивой сборище. Поднялся голос, который заставил судей содрогнуться от ужаса, и они не осмелились говорить, как это бывает, когда люди не смеют раскрыть свои собственные злодеяния. Заражающий Baruello в своих показаниях сказал, что был великий главарь, скрывавшийся в тени, под покровительством которого прятались все заражающие, не опасаясь вреда или опасности.

Это признание было расценено как признак более серьезного зла, и судьи, настаивая на том, чтобы узнать, кто был этим могущественным главой, заставили его признаться, что это был Джованни Гаэтано Падилья [83], тот, кто дал деньги, обещая политические перемены, а значит, почести и титулы, если бы он сверг действующее правительство Милана и государства и стал верховным правителем. Судьи немедленно доложили обо всем этом губернатору, прежде чем продолжить расследование: тем временем дело держалось в строгом секрете. По приказу губернатора допрос был повторен, и злодеи, то допрашиваемые мягко, то подвергаемые всевозможным пыткам, изложили, начиная с самого начала, следующее. Они часто беседовали с Падильей, обсуждали и договаривались о многих вещах, обменивались сообщениями, пока наконец не встретились в темную ночь на площади замка и там, на плацу, где тренируется кавалерия, выбрали место для проведения заклинания и подтвердили адскими обрядами ранее заключенные между ними соглашения, утверждали, что вызвали демонов, чтобы те приняли участие в колдовстве, поклявшись им с помощью безбожных обрядов помазания. В этом заклинании появился Панталоне, одетый в тогу, с брюками и париком на голове; Падилья, который закрывал лицо плащом, и священник, который, держа в руке палочку, рисовал линии и круги [84]. Эти и другие вещи, которые они добавили, кажутся абсурдными и смешными. Падилья, находясь в тюрьме, опроверг своих обвинителей, места, события и время, доказав, что в те дни он отсутствовал в Милане и никогда не знал и не видел этих людей. Несмотря на это, зараженные были наказаны столь суровыми мучениями, что город был бы в ужасе, если бы тяжесть преступления не сделала любое наказание легким [85].

IV. О других, которых по ошибке сочли зараженными или заключили в тюрьму как таковых.

Многие невинные люди, которые вызывали подозрения из-за своей внешности, потрепанной одежды или того, что они задерживались то тут, то там, были окружены народом с криками и такой бурей камней и ударов, что они стремились попасть в тюрьму, как в спасительный

порт. Сельские жители и фермеры, люди, подверженные жестоким бедствиям, раздраженные собственными бедами и нехваткой корма, если замечали какого-нибудь путника, медленно идущего по главным дорогам или отдыхающего на земле, собирались в толпы, окружали его, хорошо связывали и доставляли в Милан. Каждый день приезжали толпы крестьян с такими пленниками в цепях [86].

Я сам был свидетелем несчастья, которое постигло старика, которому было за восемьдесят лет и который по внешнему виду и одежде казался состоятельным человеком. Он вошел в церковь Святого Антония, принадлежащую отцам-театинам, которые являются в Милане образцом знаний и добродетели, следуя по стопам аббата-основателя их ордена. После того как он прочитал свои молитвы на коленях, почувствовав усталость и желая немного отдохнуть, он смахнул плащом пыль с лавки, чтобы сесть. Некоторые женщины, находившиеся поблизости, увидев это, закричали, что старик заражает лавки, и все, кто был в церкви, подхватили этот крик.

В тот день, я не помню какой праздник, собралось много народа, насколько позволяли печальные времена заразы и унылость города. Как только услышали крики, что он заражает людей, все присутствующие набросились на него. Те, кто был ближе, схватили несчастного старика, вырвали ему волосы, избили кулаками и ногами и потащили его, уже полумертвого, за ноги. Только одна мысль удержала этих разъяренных людей от того, чтобы ранить его ножом в голову или живот: они хотели отвести его в тюрьму, чтобы подвергнуть пыткам перед судьями.

Я видел, как его тащили, и больше ничего не знал о том, что с ним произошло, но полагаю, что он скоро умер, настолько он был избит. Те, кто, возмущенные этим ужасным случаем, расспросили, кто был этот старик, рассказали, что он был уважаемым и честным человеком.

На следующий день я стал свидетелем похожего случая, но менее трагичного, потому что глупая толпа разъярилась не на согражданина, а на французов. Некоторые молодые люди этой нации объединились, чтобы посетить Италию и исследовать ее древние памятники. Позже стало известно, что все они были образованы в искусствах, которые позволяют зарабатывать на жизнь вдали от дома, кто-то как литератор, кто-то как художник или механик, так что они могли бы быть полезны в Милане, если бы оказались там в другое время.

Они вызвали подозрения у народа, потому что, созерцая барельефы на фасаде собора, не удовлетворившись тем, что насытили взгляд, они с удовольствием трогали их руками. Один прохожий остановился, чтобы посмотреть на них, затем второй; к ним присоединились другие, и в мгновение ока образовалась толпа, и все с открытыми ртами и широко раскрытыми глазами уставились на предполагаемых злоумышленников. Постепенно толпа окружила неосторожных иностранцев и увидела, как они ощупывают то, что, по их мнению, казалось ценным в этом мраморе.

Этого было достаточно, чтобы признать их виновными; народ больше не мог сдерживаться и еще больше разъярился на них, тем более что по одежде, прическам, ношеному на плечах грузу и крикам, с которыми они пытались уклониться от побоев, их признали французами. Тюрьма спасла их от народного гнева; после допроса магистратами и признания их невинными, они были освобождены.

Я рассказал об этих двух случаях, чтобы показать легкомысленность и жестокость подозрительного народа в те дни. И я выбрал их не потому, что они были самыми ужасными

из тех, что происходили ежедневно, а потому, что я сам был свидетелем обоих: я оплакивал судьбу этих невинных людей и еще больше безумие, которому поддался наш народ во время эпидемии.

Помимо этих печальных случаев, вызывающих слезы у всех, кто обладает чувством человечности, произошли и другие, настолько смешные и почти нелепые, что среди общественного траура они вызвали невольное смех у тех, кто был их свидетелем или слышал о них. И теперь, когда бедствие закончилось, полезно вспомнить о них, чтобы развлечь читателей, служа, так сказать, приятными остановками на печальном пути, по которому мы идем.

Когда, как я уже сказал, в Милане бушевала чума и жестокие подозрения в причастности к мазанию маслом (), наш кардинал-архиепископ захотел уберечь от опасности двух своих священников, которые были ему очень нужны, так как были верными и трудолюбивыми, и которых ему было бы трудно заменить, если бы зараза их унесла. Поэтому он отправил их в Сенаго, деревню в семи милях от Милана, где незадолго до этого купил крепость и окружающие ее уютные огороды. Гуманный и ученый архиепископ, живя скромно и в лишениях с остатками своей семьи среди ежедневных смертей и бедствий тех дней, приказал осторожно обращаться с двумя священниками, которые должны были заниматься в этой вилле некоторыми литературными работами.

Чума до тех пор не проникла в Сенаго, который и впоследствии остался незатронутым [87], поэтому жители деревни охраняли его очень внимательно, как для собственной безопасности, так и из-за стремления сохранить себя невредимыми в общем пожаре; окружив деревню воротами, они никого не пускали внутрь.

Дом Борromeо возвышается на холме, возвышающемся над Сенаго; в назначенный день священники, обойдя деревню, поднялись на вершину, не будучи замеченными стражниками, хотя те и не скрывали, что их видели. На следующий день они не выходили, бродя по пустым и тихим залам, все еще полные изумления и ужаса, принесенного с собой из Милана. Однако через некоторое время они решились выйти в атриум, а затем в сад: они созерцали цветы, деревья, фруктовый сад и, очарованные красотой этого места, перелезли через изгородь и поднялись на соседний холм. Там они сели в тени деревьев и, взяв с собой breviарий, чтобы не тратить время на праздность, начали поочередно читать молитвы того дня.

Им понравилось это уютное и уединенное место, поэтому, быстро прочитав службу, они достали из карманов свои уроки и принялись их повторять, радуясь тому, что в этот день без скуки выполняют свои церковные и литературные обязанности. И тем более охотно они помогали друг другу в учебе, что не было учителя, к которому можно было бы обратиться во время опасности заражения.

Четверо мальчиков, которые пасли стадо на холме, развлекались игрой в мяч: один из них, увидев лежащих в тени двух молодых людей в черных одеждах, которые громко разговаривали и жестикулировали, держа в руках листы бумаги, показал на них своим товарищам, и все, в восторге, уставились на этих незнакомцев. Внезапно они решили, что это двое из тех, кого из дома дьявола в Милане (эта басня уже распространилась по всей округе) посылали в сельскую местность, чтобы распространять помазанников. Крестьяне не унывали, двое побежали предупредить жителей Сенаго, чтобы те пришли вооруженными, а двое остались на страже, чтобы посмотреть, не исчезнут ли эти злые призраки в воздухе. Тем временем два предполагаемых заразителя, думая о чем угодно, только не о надвигающейся опасности, спокойно беседовали о поэзии в тени деревьев, когда, случайно подняв глаза,

увидели соседний лес, полный крестьян, вооруженных аркебузами и топорами. Собралось все население Сенаго, и многие прибыли также из окрестных деревень, которым дал указание противостоять слугам демонов, крича, что настал момент отомстить этим адским чудовищам. Они уже окружили двух священников, и те, кто стоял подальше, ждали только знака, чтобы выстрелить из аркебуз, а те, кто подошел ближе, хотели посмотреть в лицо этим черным людям и спросить их, откуда они и с какими намерениями. Священники, поднявшись без единого слова, удивлялись этой толпе вооруженных людей; к их счастью, подошел крестьянин из Сенаго, служащий кардиналу в качестве смотрителя дома, который, будучи освобожден от всех других обязанностей, чтобы служить двум молодым людям, как только услышал шум, прибежал, задыхаясь, с охотничьим копьем, и, увидев, в чем дело, вспыхнул гневом и стыдом, но, смеясь над недоразумением, сказал им следовать за ним.

Таким образом, невинные молодые люди, которые занимались не ядами и мазями, а своими обязанностями и литературой, избежали верной смерти.

V. О великом и выдающемся человеке, на которого пало то же нелепое подозрение.

Я вспомню еще один факт, который в трагическом и мрачном облике Милана все же вызвал смех. И этот случай был тем более смешным, что речь шла не о неизвестных священнослужителях, а о очень известном и уважаемом человеке. Уважение, которое он заслуживал, и его историческое достоинство требуют, чтобы я не называл его имени; однако он был таким человеком, который объединял в себе все достоинства, дающие право на чужое уважение и почет: одним из тех людей, которые на протяжении веков редко появляются в городах.

Ученый в области священных и светских наук, философ, теолог, оратор, поэт, он по своему желанию трогал и успокаивал души, когда обращался к народу; и, что редко встречается у священного оратора, он был настолько искусен в ведении дел, что немногие политики могли бы превзойти его. Он знал секреты и намерения князей, а также то, что каждый из них мог обдумать и осуществить; будучи знакомым и министром одного из правителей, которого невежественные люди нашего времени считали очень хитрым, он подвергался серьезной опасности при его дворе, но в конце концов вышел из нее невредимым. Будучи благородного происхождения и имея достойный вид, он сочетал в себе благочестие и религиозность с приветливыми и веселыми манерами, качества, которые редко встречаются вместе. Он считался оракулом в Милане, и каждый день многие приходили к нему за советом. Незадолго до начала эпидемии он решил отправиться в Рим, как говорили, из желания увидеть эту метрополию и с благоговением поцеловать землю, орошенную кровью мучеников, и места, прославленные следами святых. Однако, поскольку, как мы уже сказали, он сочетал благочестие с гражданскими заботами, некоторые утверждали, что он отправился в путешествие по каким-то делам.

Любопытные бездельники, всегда склонные к загадочности, шептались, что он отправился в Рим, чтобы обсудить важную войну, которая тайно готовилась с целью завоевания королевств и провинций. Другие интерпретировали это проще, утверждая, что Папа, движимый повсеместно известной славой его гения и эрудиции, пригласил его в Рим для переговоров. Прибыв туда из Тосканы, он был принят с большими почестями в папском дворе, и все другие чиновники, как это принято при дворах, праздновали его, видя, что он так понравился Папе.

Наша родина, хотя и не нуждающаяся в похвалах посторонних, все же радовалась, что ее гражданин был удостоен такой чести. И мы с удовольствием слушали рассказы о том, что Папа подарил ему несколько небольших подарков и пригласил его на обед в Ватикан или на отдых с ним на приятных холмах, любимых музами; что один и даже несколько кардиналов в тот же день навестили его, чтобы поздороваться и поговорить с ним. Так в Риме, где восхищаются только собственными делами, полюбили этого человека за его ум, манеры и те достоинства, которые делают благосклонными к себе подчиненных людей, угнетенных своей собственной величию. В Милане распространялись еще более радостные новости о том, что он, вероятно, станет кардиналом в этом городе, где люди могут внезапно подняться на вершину. И мы еще больше радовались, услышав, что наш согражданин с высокими чувствами презирал обычные уловки, с помощью которых там прокладывают путь к высоким должностям.

Так один-единственный человек, путешествующий вдали, давал повод для разговоров среди стольких бедствий и стольких убийств, из-за которых опечаленный Милан боялся крайнего разорения. Наши сограждане, хотя и были опечалены, все же развлекались этими слухами, и поскольку приезжим еще не запрещалось приезжать, они привозили новости из других стран и в то же время распространяли в других краях ежедневные разговоры и басни, в которые верили в нашем городе.

И вот внезапно распространился глупый и жестокий слух, порочащий этого человека: из достоверных источников стало известно, что он был главой заражающих. Было найдено название нового преступления, но в то время оно признавалось как и другие обычные преступления, и за него назначалось наказание. Прошло семь или восемь дней, и среди народа снова распространился слух, что он, заключенный в глубокую тюрьму, охраняется солдатами: что Папа приказал каждый вечер приносить ему ключи от тюрьмы, никому не доверяя, что двери запечатаны, а стражи заменены и удвоены. К этому добавлялось, что, как надеялись, от преступника можно было получить указания на чудесные вещи, и все эти новости утверждались с такой однородностью, что даже самые влиятельные родственники и друзья отсутствующего не смели открыть рот и ответить обвинителям.

Наиболее активными в распространении таких клеветнических слухов были дворяне и люди, связанные с самыми влиятельными семьями. Они краснели от того, что были его дальними родственниками, отрицая наличие общих предков, и, клянясь, отвергали те связи, которыми раньше гордились, даже подделывая генеалогии, настолько им хотелось похвастаться хотя бы самым отдаленным родством с человеком, столь заслуженным и известным. Они не преминули в разговорах и в кругу друзей распространять клевету, как это принято в отношении несчастных, пораженных каким-либо несчастьем или семейным позором. Они пришли на дуэль, и говорили, что некоторые даже пошли на пощечины, чтобы доказать правдивость своих рассказов.

Между тем все больше верили слухам, что преступник, скованный цепями и сопровождаемый кавалерией, чтобы исключить любую возможность побега, по приказу Папы был переведен в Милан, не для того, чтобы подвергнуть его суду, поскольку преступление было очевидным, а для того, чтобы он поднялся на эшафот, где его истерзанные члены послужили бы зрелищем для города, который он хотел уничтожить с помощью ядов. Народ распространял подобные слухи, и в них верили даже мелкие дворяне [88], и с такой убежденностью, что указывали остановки в пути и день прибытия. Уточнялось время ночи, когда заключенный, выведенный из тюрьмы и посаженный в карету, выехал из Рима; когда по дороге Эмилия он пересек Апеннинские горы, прибыл в Болонью, остановился в Модене (), его ждали в Парме; и другие подробности путешествия, как будто

везли под стражей того короля вандалов, который незадолго до того поднял бунт [89]. Они устанавливали день, когда он прибудет в Милан, и вид наказания, к которому он был приговорен, распространяя все это с такой убедительностью, что, будь это правдой, это не вызвало бы более твердой веры.

Тогда его родственники перестали появляться на публике, а его враги, которые еще недавно ликовали по поводу его несчастья, с притворным сочувствием сожалели о судьбе такого уважаемого гражданина, скорбя, как будто это было их собственным горем, о позоре, который преступления и казнь одного человека принесут родине и уважаемой семье. Но не было ни тени вины или позора, потому что, пока этот отсутствующий гражданин был предметом насмешек среди нас, он пользовался благосклонностью Папы и всего римского двора, который его очень любил. Вернувшись в Милан, он был более уважаем и любим, чем раньше, за то, что, как говорили, отказался от всех предложенных ему почестей и богатств. Такие нелепые сцены происходили почти каждый день среди массовых убийств, пожаров и, если говорить правду, похорон в Милане. И я решил упомянуть об этом, как в трагедиях, где среди слез иногда вставляются хоры и танцы.

Теперь передо мной стоит неопределенный и сложный для решения вопрос: были ли, помимо этих безобидных заразителю, добропорядочных людей, которые не замыслили ничего плохого и бежали, несмотря на опасность для жизни, также и настоящие заразителю, чудовища природы, позор человечества и враги общественной жизни, как утверждалось с слишком оскорбительным подозрением. И это сложный вопрос не только потому, что он сам по себе сомнителен, но и потому, что мне не дана свобода, столь необходимая историку, чтобы высказывать и развивать свое мнение по каждому факту. Если бы я хотел сказать, что заразителю не было и что тщетно приписывать мошенничество и искусство людей декретам Провидения и небесным наказаниям, многие сразу же назвали бы мою историю безбожной, а меня — нерелигиозным и презирающим законы.

Противоположное мнение сейчас укоренилось в умах: легковверный простонародье, как оно и обычно бывает, и гордые дворяне, следуя течению, упорно верят в эти смутные слухи, как будто они защищают религию и родину. Было бы для меня неблагодарным и бесполезным трудом бороться с таким верованием, поэтому я только изложу мнения и высказывания других, не утверждая и не отрицая, и не склоняясь ни к противникам, ни к сторонникам помазания [90].

VI. Излагаются мнения выдающихся философов и врачей о ядовитых мазях; и различные случаи.

В предыдущей книге я описал характер и знания Лодовико Сеттала, а также его славу, рассказав об опасности, которой он подвергся со стороны тупого плебейского народа, который ни за что не хотел верить в чуму и кричал, что это он сам распространяет слухи о ней среди народа. Алессандро Тадино, ученик и близкий друг этого философа, который был ему равен или, по крайней мере, похож по характеру, сердцу, благородству рода, учености, одним словом, по всему, кроме возраста, также подвергся оскорблениям со стороны плебеев и нашел спасение, укывшись в доме; прошедшая опасность укрепила репутацию обоих.

Тадино, в расцвете сил, уже почти сам ставший принцем Медичи, постоянный спутник в учебе и соперник почтенного и прославленного Сетталы, который всегда был рядом с ним, сравнился с ним, так сказать, после его смерти [91]. Оба, насколько позволяли дела и

трудолюбивая жизнь, особенно в то время чумы, много философствовали вместе о происхождении болезни и отравлении, жертвами которого, по мнению миланцев, они были.

После смерти Сетталы выживший Тадино продолжал исследовать эти факты, пользуясь своими собственными наблюдениями и беседами, которые он уже провел со своим другом, и изложил свое мнение подробно и тонко. Увидев некоторые из его сочинений и узнав, что моя книга уже готовится к выходу в свет, он любезно поделился со мной своими мнениями и спорами, предоставив мне свои комментарии [92]. Из них я точно перескажу основные суждения этого выдающегося врача и философа о искусственной чуме и этом дьявольском колдовстве помазанников. Но тем не менее для нас этот вопрос останется нерешенным, поскольку помазания, будучи дьявольского и мрачного происхождения, вызывали тысячи сомнений в душах людей.

Тадино, в соответствии со стилем философов, начинал свою дискуссию с аргументов, взятых из астрологии, поскольку он был не менее искусен в изучении небесных сфер, чем в медицине, которая считается одной из трех наук, родившихся и развившихся одновременно. Он писал, что мазям предшествовала комета, появление которой всегда считалось предзнаменованием великих новостей и бедствий. Эта комета, выглядевшая еще более устрашающе, чем обычно, появилась на небе в июне, в то время, когда, по общему мнению, мастерская по изготовлению мазей работала наиболее интенсивно [93]. Она сияла на севере, и многие видели ее; а опытные люди, предсказывающие будущее, после ежедневных наблюдений за небом, предсказали по этой комете то, что произошло впоследствии. Еще одна комета появилась в 1628 году в правом углу из-за соединения с Сатурном, что считается самым угрожающим и кровавым из всех небесных знамений.

Эти и другие последствия выводит Тадино с помощью той возвышенной науки, которая поднимается среди небесных сфер, пребывает там, исследует их тайны и даже осмеливается привлекать вечные звезды к участию в жизни и судьбах смертных, соединяя небосвод с родом человеческим. И, возможно, он способен на это [94]; но я, лишенный такого мужества, или силы, склонившись к земле, довольствуюсь тем, что рассказываю о некоторых вещах, общих и земных, как и я сам, о которых он сам упоминает в связи с мазями. Подтверждением веры в них послужили не столько аргументы, сколько своего рода оракул в виде писем, которые наш король написал губернатору Спиноле следующего содержания.

В Мадриде были обнаружены четыре человека [95], которые привезли с собой мази, чтобы распространить чуму в королевском дворце. Они сбежали, но, не зная, куда они направились, губернатор предупредил, чтобы Милан и герцогство, которым он управлял, не стали жертвами этого злодеяния.

Эти письма, подписанные собственноручно королем, оказали большое влияние на умы горожан, и без того склонных верить в самые гнусные преступления. Отправленные губернатором в Суд здравоохранения, доведенные до сведения вельмож, распространенные по Милану, они вызвали у всех такое яростное возмущение, негодование и подозрения, что теперь считалось законным подозревать кого угодно.

Это заявление монарха было воспринято как более вероятное доказательство существования помазанников, чем комета, которой упомянутый философ приписывал столь большое влияние. Сразу после получения королевских писем произошел случай с пришельцем, который сначала укрепил веру в страшное и таинственное преступление помазанников, распространяя новый ужас, но затем, как и многие другие события, он был сведен на нет и, по -образной случайности, еще больше смешал правду с

двусмысленностью в этом деле, добавив к тому к тому, потому что произошли другие вещи, которые подтвердили все сомнения.

В гостинице «Три короля», где обычно останавливаются иностранцы из-за моря и из-за гор, а также французские и немецкие путешественники, однажды появился Джироламо Бонинконтро, молодой человек лет двадцати четырех, красивый, который по элегантному костюму, длинным светлым волосам и румяному лицу казался французом. Хозяин гостиницы сообщил о его прибытии магистрату, описав его багаж, и пересказал разговоры молодого человека за столом, а также каждое его слово, которое слуги гостиницы дословно ему передали.

Он выдавал себя, среди прочего, за эксперта в медицине, носителя неизвестных лекарств, и в частности, неких шкатулок с чудесным бальзамом против чумы, все эти лекарства он был готов представить Суду здравоохранения, если бы его послали лечить зараженных в Лазарет. Он хвастался, что город Палермо, опустошенный в 1624 году чумой, был спасен от полного уничтожения только благодаря его лекарствам; в доказательство он предъявлял дипломы и привилегии, данные ему вице-королем Сицилии в награду за выдающиеся заслуги, и в заключение настаивал, чтобы его представили в Санитарный суд, чтобы тот открыл ему Лазарет [96].

Узнав об этом, президент Арконато, помня о королевских письмах и учитывая, что этот человек был французом и говорил о лекарствах, столь подозрительных и ненавистных в те дни, тем более что он пытался попасть в Лазарет, как место, подходящее для злых колдовств, приказал заключить пришельца в тюрьму, конфисковав сосуды, узелки и все, что он имел при себе.

После осмотра были обнаружены предметы, которые, по-видимому, принадлежали печально известному зараженному, много флаконов и банок, наполненных порошками, жидкостями, мазями, каждый со своей этикеткой, тщательно закрытыми и опечатанными. Он утверждал, что все это были безвредные лекарства, приготовленные для лечения различных болезней.

Тот же Тадино, присутствовавший в качестве представителя здравоохранения, при вскрытии чемодана и осмотре, проведенном в Лазарете, признал их таковыми. Иностранец, допрошенный, дал удовлетворительные ответы судьям, за исключением того, что он признался в отступничестве от религиозного ордена и в том, что покинул Женеву, притон ереси, желая немного попутешествовать и пешком добраться до Рима, чтобы просить у Папы прощения за свои заблуждения. Молодой человек был освобожден [97], и его невиновность была настолько очевидна, что подозрения в отношении других пришельцев также исчезли.

Однако смутные подозрения и вера в мази стали расти в обществе из-за этого случая и многих других, которые Тадино, призванный вынести суждение не только из-за своего медицинского опыта, но и из-за своей исключительной осторожности, записал как неопровержимые аргументы, в которых никто не мог усомниться. Было установлено, что некоторые виновные в преступлении, подвергнутые пыткам, были задушены демоном, что те же дома, помазанные одной ночью, были впоследствии помазаны повторно, и новое помазание накладывалось на первые пятна таким образом, что появлялись признаки дьявольского искусства.

Двенадцать бродяг, арестованных и заключенных в кандалы, признались и утверждали, даже под пытками, что был такой человек, который каждый день водил их в таверну, и после

того, как они хорошо поели и выпили, посылал каждого по очереди, то есть на поиски материалов для изготовления мазей, жаб, скорпионов и других отвратительных животных, а также гниющих бубонов [98].

И чтобы не было сомнений в подобных беззакониях, главой которых был дьявол, инквизиторы Святого Офиса, в трауре и отчаянии города, уведомили президента Арконато о том, что дьяволу был установлен срок, по истечении которого ад больше не будет иметь власти над жизнью миланского народа. Этими словами генерального инквизитора можно сказать, что вопрос о мазях был решен с помощью апостольской власти, которая не может обманывать и не может быть обманута.

Эти доказательства относительно мазей приводит Тадино, врач, философ, хранитель здравоохранения, а также другие, более убедительные. Создание человеческим искусством чумы, которая в других случаях считалась естественной болезнью, вызванной порчей воздуха или внутренним разложением тел, распространявшейся и передававшейся посредством дыхания и контакта, не является чем-то новым и произошедшим только в нашем городе. Даже в Палермо, на Сицилии, примерно за четыре года до нашей чумы, появилась ярость демонов, смешанная с глупостью и обманом смертных; некоторые злодеи вступили в ужасное соглашение с вечным и неумолимым врагом человечества, чтобы отравить сердца других людей и лишить их благословенного дыхания и света, благодаря которым мы, по милости Божьей, дышим и живем.

В этой древней, благородной и богатой метрополии за шесть месяцев погибло сто тридцать пять тысяч человек, ставших жертвами яростного злодеяния людей, столь же безжалостных, как демоны. И были там гробовщики, которые, получая при вспышке этой эпидемии шесть зекинов в день [99], боясь, когда ярость зла пошла на убыль, потерять свои значительные доходы, обратились за помощью к адским духам, возможно с помощью ведьм, и, получив ее, манипулировали с помощью гнусной смеси ядов, в которых заключалась смертоносная сила и одновременно секрет отравления.

Среди нас произошли такие же недвусмысленные явления во время предыдущей чумы, поразившей Милан в 1576 году; она была сильнее всех других, если бы последняя не уменьшила ее известность. Один из заразителей, обнаруженный и признанный виновным в преступлении, когда его вешали на виселице, признался, раскрыв также противоядие от ядовитой мази; этот противоядие, после того как его эффективность была проверена, стало известно под названием «Мазь повешенного» [100]. К этим известным и недавним примерам добавились авторитетные древние воспоминания о том, что женщины-ядовитки не раз подвергались наказанию за искусственное распространение чумы. Есть упоминания о заразителях, которые с помощью мыла, игл и других предметов повседневного обихода распространяли заразу в больших городах, на флотах, в целых провинциях и королевствах; и наказания, к которым они были приговорены, не смогли удержать других злодеев от совершения того же преступления.

До тех пор, пока люди будут существовать на земле, всегда будет происходить время от времени обнаруживать новые преступления и наказывать их; но после наказания они повторяются и, сдавленные, возрождаются вновь, такова круговерть вины, как и всякой другой человеческой деятельности. Из этого можно сделать вывод, что если в другие времена и в других местах, в том числе и в Милане, смелые смертные провоцировали природу и ад своими искусстваами, образуя, так сказать, третью разрушительную силу, то то же самое могло произойти и в наши дни.

Такие вещи подробно обсуждает Тадино, отмечая людей, места, эпохи, свидетелей. Он утверждает, что своими глазами видел в районе Сан-Раффаэле негодяя на лошади, который незаметно и ловко, протянув руку, бросал ядовитый порошок на прохожих [101]. Когда он закричал, чтобы предупредить окружающих, тот, прищипорив лошадь, скрылся.

Я знал, продолжает он, одну честную семью, с которой я общался как врач и друг, которая погибла от ядовитой и заразная пыли. Две молодые незамужние девушки [102], придя в церковь отцов-сервитов, набрали пальцами святую воду из купели и коснулись ею лба, груди, плеч, сделав знак креста. Они увидели пыль и песчаный осадок, который остался на их пальцах и одежде. Вскоре их глаза затуманились, и их охватило головокружение и острая головная боль: их отнесли домой, и через сорок часов они умерли в мучениях, без каких-либо признаков чумы. Мать и все слуги также умерли от этой необъяснимой болезни.

Сенатор Качча прославился в Милане не столько благодаря своему званию, сколько благодаря своему последнему делу, которое из-за новизны преступления сделало его имя известным всем. Некий Ферлетта [103], его слуга, или один из тех клиентов, которые часто бывают в домах сенаторов и стремятся сопровождать их, когда они выходят из дома, однажды утром явился весь почтительный и улыбчивый и подарил Качча цветок, хваля, по-видимому, его вид или аромат. Добрый сенатор из вежливости поднес его к носу и мгновенно получил удар в жизненно важные органы, умер через час [104].

В Вольпедо, в Тортонезе, были обнаружены семь злоумышленников: они признались в изготовлении масла, и когда их казнили на колесе, на жерновом мельницы поблизости было обнаружено пятно этого ядовитого вещества [105]. Был проведен эксперимент: мазь растерли с хлебной крошкой и дали в виде крошек нескольким курицам; через полчаса они упали замертво, и при вскрытии обнаружили, что их внутренности были черными как смола []. Муха, которая, возможно, села на это пятно, прилетела на ухо кучеру, который через четыре дня умер без боли и других симптомов, жалуясь только на то, что его укусило это насекомое. Упомянутые случаи с людьми и животными являются признаками того, что чума была не только естественной, но и вызвана искусством людей, которые манипулировали самыми ядовитыми веществами природы, смертельными для жизни. Однако помазания были скорее дьявольским, чем человеческим делом, как следует из того факта, о котором я расскажу [106].

Антонио Кроче и Джован Баттиста Саракко, жители Порты Тичинезе, в районе Читтаделла, явились в Суд здравоохранения и под присягой заявили следующее:

«Что рядом с ними находился их больной друг, лесоруб, к которому ночью пришли несколько человек, не открывая двери; и ему было велено немедленно встать и пойти на бастион, где он встретит человека, обладающего большой властью, который даст ему мазь для помазания домов в его окрестностях, а затем пообещает пойти с ним, чтобы исцелить его. Между тем, он должен был взять 25 скудов, которые, как было сказано, лежали на столе, и хотя больной несколько раз отказывался выполнить эту просьбу, во-первых, потому что не мог из-за своей болезни и не хотел рисковать жизнью, а во-вторых, потому что не видел никого, а только слышал, как кто-то двигает кровать и снимает с него одеяло и простыни, бедняга, не зная, что еще сказать, испуганный таким происшествием, решил спросить, кто эти люди и кто их послал. Один из них ответил, что его зовут Оттавио Сассо, которого так и не нашли, поскольку он, несомненно, был демоном. Наконец, не желая обещать выполнить их просьбу, они вернулись, чтобы попросить оставить им еще денег, и больной почувствовал движение над столом. И после долгих споров ему сказали, чтобы он оделся: они скоро вернутся, чтобы увести его, и после их ухода он услышал голос волка, рычащего под постелью, и увидел трех

больших кошек на кровати, которые оставались там до рассвета. После этого все исчезли, оставив беднягу полумертвым, и, придя в себя, он попросил о помощи, и пришли вышеупомянутые его друзья-соседи, которым он сразу рассказал обо всем, что произошло той ночью; об этом сразу же сообщили тогдашнему президенту здравоохранения».

Из-за этого и других событий Суд здравоохранения и Тадино, его консерватор, полностью верили в силу помазания.

VII. Внезапный и опасный беспорядки.

К тому времени подозрения и страх перед смертоносными мазями, если и не исчезли из сознания всех граждан, то по крайней мере у многих уменьшались с каждым днем; но вот 25 июля внезапно и вопреки общему ожиданию народ со всех сторон бросился к оружию, наводнил улицы () и разразился пожарами в разных местах. Магнаты сомневались, а народ был уверен, что беспорядки были спровоцированы для того, чтобы повсюду распространить помазанных. Около одиннадцатого часа того дня [107] в дворце находилось несколько декурионов, обсуждавших меры, которые с каждым днем становились все более необходимыми. До их ушей донесся шум, и они вскочили в испуге, выглянув на балконы; некоторые из более смелых спустились по лестнице. Слышался только один крик: «К оружию! Враги в городе!» Плач женщин и беспорядочный крик оглушали слух, возбуждая души, потому что никто не знал причины. Наконец, среди бурлящей толпы распространился слух, что французы находятся у стен и, притаившись там, послали эмиссаров, чтобы поджечь Милан.

Некоторые люди, посланные из дворца, чтобы выяснить, что происходит, сообщили, что видели пламя. Действительно, в Порта-Тоса горели несколько скотобойни, а в Карроббио и Кордузио горели штабеля дров, сложенные некоторыми из простолюдинов, которые подняли беспорядки, чтобы иметь возможность грабить и мародерствовать. Сюда со всех сторон стекалась толпа, но не для того, чтобы потушить огонь и помочь соседям водой, как это принято, а чтобы полюбоваться зрелищем, движимая обычным любопытством. В одно мгновение все граждане, которые до того дня не были заражены, собрались вокруг костров и, как будто по команде, с неистовой скоростью устремились туда не для того, чтобы действовать, а чтобы посмотреть на эти необычные пожары.

Магнаты, еще не зная правды и полагая, что пожары были устроены французами, уже проникшими в Милан, раздали оружие всем, кто был рядом, и, вооружившись сами, побежали к воротам, где заняли оборонительные позиции вместе с толпами людей, следовавших за ними. Они оставались там не только в ту ночь, но и в последующие дни и ночи, как будто враги могли проникнуть через закрытые ворота или уже находились внутри стен и могли внезапно вылезти из-под земли. Однако беспорядки были лишь заговором нескольких воров.

Кроме того, народ, бегая туда-сюда, собираясь в группы, то болтая, то в восторге наблюдая, дал новый толчок заражению. Поскольку оно унесло жизни многих без появления обычных признаков чумы, было принято за верное, что французы и их сторонники подлили масла в огонь этой суматохи. Это мнение впоследствии также было признано необоснованным [108].

Чума, возобновившаяся в этой внезапной суматохе, после того как некоторое время убивала людей, перешла на животных: волы и другой скот, используемый в сельском хозяйстве, внезапно падали во время работы, а в хлевах и овчарнях умирали, как пораженные стрелой. Смертность в сельской местности продолжалась три года [109], и к нынешнему ущербу присоединился страх за будущее (), что божественный гнев, направленный то на жизнь людей, то на животных и урожай, служащий для пропитания, не прекратится.

В те дни в суд поступило сообщение от некоторых очень уважаемых священников, у которых не было причин лгать и которые не были склонны к этому, о том, что на их полях и в их усадьбах, куда они уезжали, чтобы отдохнуть от утомительных занятий, были найдены шарики и клубочки, все обмотанные, скомканные, переплетенные жирной нитью и капающие ядом. Крестьяне и некоторые неосторожные монахи, которые их собрали и трогали, мгновенно погибли. Так же внезапно умерли и другие, которые, собирая колосья в корзины, испачкали пальцы смазкой, которой они были заражены.

VIII. Различные случаи чумы в Лазаретте. — Отец Феличе, президент Лазаретте.

В то время как эти и другие случаи, столь трагические, сколь и смешные, происходили каждый день в городе и в сельской местности, чума бушевала упорно и без перерыва в Лазаретте. Регулятором и арбитром всего, что происходило в его пределах, был человек, достойный того, чтобы его имя было занесено в анналы Милана, даже если бы я рассказывал не о заражении и массовых смертях, а о великолепии и славе нашей родины.

Отец Феличе Казати из Милана, член священного ордена капуцинов, идеально подходивший для этой должности, казалось, был предназначен провидением для спасения родины в этой крайней беде. Неутомимый в труде, в расцвете сил, великодушный, спокойный, кроткий, но строгий, когда это было необходимо; презиравший жизнь и земные блага, от которых он отказался, когда, оставив мирские удовольствия, надел одежду капуцинов и вступил в эту строгую религию.

Он был сведущ в науках, возносящих человеческий разум к небу, и в науках, исследующих тайны природы. К этому добавлялась красноречивость, возвышенный дар, который не приносил пользы среди нищеты и смерти, но был очень полезен, поскольку, оставив в стороне тщеславие и ораторскую помпезность, оставалось то твердое и серьезное рассуждение, с помощью которого христианский оратор возбуждает души к своим обязанностям и умеет их сдерживать, когда это необходимо.

Декурионы, вызвав отца Феликса, просили его, ради его святости и святости ордена, взять на себя трудное управление Лазаретом. Он, скромно поговорив о себе и украсив речь красивыми словами о важности и тяжести этой должности, взял время на раздумье, решив поговорить с кардиналом-архиепископом. Если высокий и религиозный Фредерик даст свое согласие, он, истолковав его знак как волю Божию, немедленно войдет в Лазарет; в противном случае отец Феличе не считал себя предназначенным для этой должности свыше. Но во время визита капуцина к архиепископу произошло нечто забавное и элегантное [110] в этой всеобщей скорби.

Услышав отца Феличе, архиепископ остался несколько в нерешительности, и сказал несколько слов, которые, казалось, выражали колебания его души, поэтому капуцин, преклонив колена, уже собирался прощаться. Но тут Федерико с веселым лицом сказал: «Так это правда, отец, что вы без затруднений сразу же войдете в Лазарет!». и, обняв отца Феличе

за шею, поцеловал его и снова поцеловал [111], демонстрируя своей дружелюбием и нежностью, как он рад, что нашел человека, который, презирая амбиции и жизнь одновременно, был готов оставить свою должность стража и отправиться навстречу страшным опасностям. Исполненный восхищения таким самопожертвованием, он не пожалел ничего, чтобы увеличить его власть и почести, и, подтвердив публичный указ своей властью, избрал его верховным главой Лазарета.

Получив мандат, отец Феличе вошел в огороженное место среди зараженных, как добровольная жертва заражения, от которого он не должен был умереть [112]. И это усилило почитание к нему со стороны Лазаретто, ибо человек, спасший жизнь тысячам несчастных, сам нуждался в помощи, которую оказывал другим; и после того, как он похоронил тысячи и тысячи, тщетно жаждая смерти, он почти погиб от мучений, которые причинял своему телу, как рассказывали. Было прекрасным и в то же время печальным зрелищем, отражавшим нищету и страдания тех дней, видеть отца, осуществляющего командование в Лазаретто, одетого в вретище, словно в военную броню. Бдительный, почти всегда постящийся, с трудом держась на ногах от усталости, проливая слезы и пот, он бродил по портикам, хижинам, улицам Лазаретто, днем навязывая свою власть именем и капюшоном, а ночью вооруженный длинным копьем. Здесь он тайно пресекал злодеяния, там публично раздавал награды и наказания, приносил одежду и лекарства, прислушивался к исповедам умирающих и утешал их, чтобы они покидали этот мир с надеждой на лучшую жизнь. Таковы были ежедневные труды отца, без отдыха; часто его мучили более серьезные заботы и беспокойства.

Под его руководством в портиках и хижинах находилось около пятидесяти тысяч зараженных, которых город снабжал продовольствием, но из-за огромного количества больных не хватало ни ухода, ни денег, ни установленного порядка распределения, так что многие страдали от голода и жажды среди изобилия еды и вина.

Поэтому несколько раз возникала большая тревога, поскольку не знали, как исправить ситуацию, пока опыт не показал, что Бог позаботится об этом. И управляющие Лазаретом привыкли к этому, так что, когда не хватало продовольствия для многих тысяч людей, в крайней нужде они с уверенностью ждали помощи провидения.

Отец Феличе рассказывал, и рассказывает до сих пор, что несколько раз, когда полностью заканчивались деньги и иссякали запасы хлеба и вина, в Лазаретте боялись голода, крайнего из зол, внезапно поступали продукты в изобилии, без того, чтобы были известны имена благодетелей. И было даровано столько золота и серебра, что упомянутый отец с изумлением любовался мешками, сложенными перед ним. Богатые люди и самые состоятельные граждане (), либо по божественному вдохновению, либо потому, что, отбросив всякие мысли о земных вещах и не считая деньги более полезными для каких-либо целей, стремились умиловить гнев Божий, посылали драгоценный металл, чтобы за него читали молитвы. Но бедствие еще не закончилось, потому что, как только одна потребность была удовлетворена, возникала другая, более серьезная и неотложная, которую было невозможно удовлетворить. Очень печальные и внезапные случаи, произошедшие во время раздачи еды для помощи больным, нарушили энтузиазм дарения и отвратили благотворителей от будущих пожертвований. Обмороки и смерти тех, кому подавали еду, пена, стекающая из уст, яды, найденные в поясах, исповеди, сделанные на смертном одре, и другие явные признаки показали, что эти несчастные были сами заражены и одновременно оставались зараженными.

Внезапное небесное и роковое знамение, если бы не чудесное спасение, в ночное время неожиданно затопило хижины, построенные в ограде Лазарета.

В ночь на 23 июля прошел такой сильный ливень, что старики не помнили, чтобы когда-либо видели подобного, так что мужчины и женщины поверили, что небо обрушилось на землю. Хижины и навесы, под которыми лежала несчастная толпа, были снесены и опрокинуты, балки, солома, кровати плавали, унесенные водой, посреди луга.

Отцы и матери, беспокоясь не о себе, а о спасении своих детей, бегают в поисках их и с трудом находят их в темноте среди криков, плача и всеобщего шума. Крики отчаяния, боли, вопли не нарушали тишину той ужасной ночи, потому что шум грохочущего неба не позволял услышать никаких других звуков. И если бы с самого начала в этой истории не появлялись небесные чудеса, сопровождавшие гибель смертных, то любой счел бы невероятным, как один человек смог противостоять подобному насилию и в том ужасном ночном потоке спасти от смерти тонущих детей и вернуть им почти угасшую жизнь.

Когда разразилась буря, отец Феличе, предвидя, что вода хлынет повсюду, что больные находятся в огромной опасности и что помощь будет бесполезной, если не будет оказана немедленно, бросился на помощь, взяв с собой отряд людей, которым он доверял больше всего в самых сложных обстоятельствах. Пренебрегая водой и быстрее ее, он бросился со своей охраной к зараженным, которые тонули, и рушащимся хижинам [113]. , что рыбак вытаскивает рыбок из сети и передает их товарищам, которые сразу же складывают их в корзину, так отец Феличе вытаскивал детей и передавал их спутникам, которые со всей силой помогали ему спасать их, перенося их из рук в руки с лужайки в портик, а оттуда в комнаты. Шторм наконец утих через несколько дней, в течение которых лил такой проливной дождь, что, как говорили, подобного ливня еще никогда не было [114].

Между ливнем, который не прекращался ни днем, ни ночью, и порывами вихревого ветра, срывающего все укрытия в Лазаретто (), умирающие от чумы, почти размоченные водой, испускали дух. Я не осмелюсь обсуждать, было ли отсутствие помощи результатом халатности муниципальных властей или следствием непредвиденных погодных условий; потому что, с одной стороны, пример того, что сделали наши предки во время предыдущей эпидемии, подсказывал, что нужно было возвести больше хижин, навесов и укрытий, с другой стороны, страх и жестокость болезни были настолько велики, что, ошеломляя умы, помешали принять необходимые меры предосторожности.

В этой роковой суматохе погибли даже те, кого болезнь не коснулась, потому что слуги и гробовщики в беспорядке бросали больных и здоровых в одну кучу. По правде говоря, наши магистраты позаботились о том, чтобы оборудовать другие помещения и вспомогательные лазареты, но это делалось медленно, так что казалось, будто существует какая-то скрытая сила, препятствующая этой помощи. Между тем больные, скученные в лачугах большого лазарета, умирали, заражая здоровых при контакте и от зловония трупов, или же, несмотря на помощь, погибали, будучи перевезенными в недостроенные лазареты.

IX. Как начало замедляться распространение чумы и как она закончилась.

Болезнь, не поддававшаяся никаким человеческим средствам и посланная с небес как наказание за человеческие злодеяния, не могла быть остановлена и уничтожена иначе, как божественным милосердием, которое не обделило несчастный Милан, приведенный к полному опустошению и последнему истреблению.

Среди храмов, которые предки горожан и более поздние поколения, подражая обычаям и примеру отцов, посвятили Марии, особенно известен тот, которому благосклонность Девы Марии дала благородное имя для нашего города и который называется *delle Grazie* (Благодарения) за многочисленные милости, оказанные Святой Матерью миланцам. Наши герцоги украсили его с царственной щедростью, когда правили этой страной; а отцы Святого Доминика, столпы веры, охраняют храм и живут в соседнем монастыре, где находится Святая Инквизиция и верховный суд Инквизиции [115].

Там, 23 сентября, в тишине ночи, когда некоторые отцы отдыхали или занимались учебой в уединении своих келий, а другие, предназначенные для этого, бодрствовали в молитве в темных углах храма, ожидая часа утреннего песнопения, внезапно зазвонили колокола. Те, кто дремал, проснулись, те, кто бодрствовал, удивились столь необычному явлению и, дрожа, бродили по монастырю; но вдруг они поняли, что колокола зазвонили чудесным образом, поскольку никто их не трогал. Удивление и ужас охватили души монахов, которые, собравшись вместе, обсуждали это чудо; тогда, как рассказывают, среди звуков священных колоколов раздался голос, более звучный, чем человеческий, произнесший следующие слова:

Я ПОЖАЛУЮ МИЛОСТЬ МОЕМУ НАРОДУ, О МАТЬ,

и сразу же было решено, что чума скоро прекратится, поскольку Дева Мария умолила своего Божественного Сына, и Он услышал ее молитвы.

Я рассказал об этом чуде, потому что было справедливо и правильно включить его в число достоверных фактов, основываясь на свидетельстве доминиканских отцов, общем мнении города и результате, который его подтвердил. Даже буйная толпа заключенных, которые за преступления против религии или по подозрению находились в тюрьмах Святого Офиса в отдаленной части монастыря, услышала звон колоколов. На допросе они ответили, что в ту ночь слышали необычные звуки и голоса, и чтобы развеять всякие сомнения в том, что общественное спасение пришло от Марии, покровительницы храма Благодати, я добавлю, что масло из светильника, висящего перед изображением Пресвятой Богородицы, было спасительным противоядием от чумы и впоследствии.

В последующие дни и великие, и малые из народа соревновались в поисках этого масла как чудесного лекарства, а отцы раздавали его каплями, как божественный дар [116]. Когда же ежедневно уменьшалась интенсивность болезни и смертность, вера в чудо и постоянно уменьшающееся число умерших [117] свидетельствовали об умиротворении Бога; магнаты решились устранить всякую небрежность, которая очень редко заслуживает божественной милости. Они объявили карантин [118], новую и последнюю надежду города и, для всего населения, которое на этот период времени должно было оставаться закрытым и скрытым в домах. Они запретили общаться с соседями, выходить на улицу и все, что могло бы привести к повторному распространению заразы, под угрозой смертной казни, которую раньше презирали, но теперь, благодаря надежде на спасение и соблазнам жизни, стали бояться и

соблюдать. К концу того года чума почти исчезла, но душевное спокойствие не вернулось, и Милан, тревожный, опечаленный, почти уничтоженный, казался воскресшим из мертвых. Выжившие, с бледными и изможденными лицами, истощенные, с выпученными глазами и изумлением на лицах, выходили на улицы, как будто выходили из могилы: они едва осмеливались дрожащими шагами приближаться и разговаривать, уклоняясь друг от друга: они не пожимали друг другу руки, боялись дыхания друг друга и с коротким приветствием удалялись, не веря даже в восстановленное здоровье и спасенную родину. Этим осторожным людям навстречу шли другие, которые, не заботясь о домашних делах, не обращая внимания на общественные бедствия и разжиревшие от долгого безделья, смеялись над чужой осторожностью и неуместным страхом, потому что, не зная страха и не проявляя осторожности, они все же вышли невредимыми из чумы.

Простые, упрямые люди, которые, не поддаваясь никакому убеждению, не хотели верить, что в одежде и многих других предметах таится смертельный для прикасающихся к ним принцип; а другие, преодолевая всякий страх из-за жадности грабить и из-за сладости прибыли, хватали все, что попадалось им под руку, и затем жадно хранили это, вновь питали чуму. Суд здравоохранения был в большом беспокойстве из-за этих несчастных и из-за вещей, которые они прятали или закапывали.

Судьи наказывали их, и каждый день выносились приговоры с штрафами и наказаниями; но ни наказания, ни страх заражения не могли помешать им покупать, воровать и прятать подозрительные вещи или продавать их другим. Они не получали никакой выгоды от этой торговли, потому что либо их ловили и наказывали санитарные инспекторы [119], либо, даже если им удавалось обмануть их бдительность, они несли еще больший ущерб за купленные или проданные вещи. Многие погибли из-за украденной одежды или простыней, а некоторые ради ничтожной выгоды ввергли в новые беды и новые бедствия не только свои семьи, но и деревни, поселки, целые муниципалитеты, которые уже были освобождены от чумы.

ПРИЛОЖЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА К ВТОРОЙ КНИГЕ

I. ЗАЩИТА ДЖОВАННИ ДЕ ПАДИЛЛА

Падилья, находясь в тюрьме, опроверг обвинения своих противников, места и время, доказав, что в те дни он отсутствовал в Милане и никогда не знал и не видел этих людей.

Ripam., *Lib. II*, стр. 78.

Процесс над заразителями, как я уже говорил (стр. 67), был известен лишь наполовину, то есть только *в части, касающейся обвинения*. Другая часть, то есть защита Падильи, которая также включает оправдания основных обвиняемых, была известна, но лишь немногим, а может быть, и никому не удалось ее найти. Будь то потому, что во время процесса был напечатан только один экземпляр для каждого сенатора, как утверждают некоторые, или потому, что с течением времени книга, которой никто не занимался, была утеряна, факт остается фактом: она стала крайне редкой. Верри, безусловно, не знал о ней, потому что она

очень пригодилась бы ему в его «Замечаниях», а кроме того, рукописный процесс с его пометками, хранящийся среди его бумаг, содержит только первую часть. Все остальные, кто писал впоследствии об «Untori», отмечали, что Падилья был оправдан, и ничего больше.

Теперь, когда мне удалось получить в руки экземпляр всего процесса, я обнаружил, что защита содержит факты чрезвычайной важности и проясняет многие сомнения, проливая яркий свет на эту жалостную и загадочную драму. Поэтому я решил добавить к Рипамонти этот новый исторический документ, опубликовав его не в полном объеме, поскольку он столь же объемный и многословен, как и часть обвинения, а предложив его краткое изложение. Однако составить его было не так просто, поскольку документы, составленные с 24 июля 1631 года по 12 августа 1632 года, представляют собой не что иное, как беспорядочную кучу свидетельств в пользу Падилии. По мере того как он и его защитники находили доказательства или свидетельства против кого-либо из обвиняемых, они представляли их Сенату, так что все оправдания разбросаны от начала до конца процесса.

Я постараюсь дать вам, читатели, краткое и упорядоченное изложение, в которое для большей ясности я включил курсивом различные отрывки из самого процесса, который имеет название:

Defensiones D. Joannis Gaytani de Padilla
Equitis Sancti Jacobi a Spata
Ducis Equitis pro S. M.
In Dominio Mediolani.

Д. Франческо де Падилья, губернатор замка Милана в 1630 году, был пожилым человеком, религиозным, высокомерным, точным в своих обязанностях до педантизма; настоящий образец испанского рыцаря, *враг французов, венецианцев и иностранцев, как дьявол креста*. Будучи членом одной из самых знатных семей Испании, он, безусловно, не испытывал недостатка в покровителях, поскольку Падилии занимали самые высокие должности: мы находим Санчо Падилью, губернатора замка Милана, который временно управлял государством с 1580 по 1583 год, то есть со смерти маркиза д'Айамонте до прихода герцога Терранова; и Мартино, который был Аделандо Майор Кастилии.

Начав военную карьеру в молодом возрасте, он был назначен рыцарем Сан-Хаго в 1583 году Филиппом II, *que està en el Cielo!* В 1590 году он был избран капитаном гарнизона нашего замка. В начале века он отправился воевать во Францию, где завоевал немало почестей и пенсий. В 1609 году он был избран членом Тайного совета в Милане и генерал-капитаном артиллерии государства Милана, и, наконец, король, декретом, изданным в Эскуриале 29 августа 1620 года, *пожаловал ему должность кастильского губернатора Милана*.

Во время отсутствия Спинолы под Казале он был заместителем губернатора армии, г , и пользовался большим доверием, поскольку именно в 1630 году *он хранил в замке около двух миллионов королевских монет достоинством в восемь и серебряных монет, привезенных из Индии. Это сокровище хранилось под тремя замками, один из которых должен был хранить господин Кастельяно, другой — президент магистрата, а третий — генеральный казначей.*

Будучи очень скрупулезным в выполнении своих обязанностей, когда разразилась чума, он с большой тщательностью охранял замок, закрыв ворота, ведущие в город, и поставив стражу у ворот, ведущих к спасательной станции. Никто не входил и не выходил без его ведома и

разрешения, и он лично присутствовал при этом, несмотря на дождь и любую непогоду: и так, пока он был жив, в замке не было двух подтвержденных случаев чумы. И это была мудрая и необходимая строгость: ведь на следующее утро или вечер после его смерти лейтенант приказал открыть ворота, ведущие в город, и закрыть ворота для помощи, и проявил снисходительность, выпустив солдат; так что чума была занесена в замок, и от нее умерло более сорока или сорока пяти человек.

Дон Франческо имел нескольких сыновей, и один из них, по имени Джованни, избежал забвения, поскольку был обвинен в том, что был главой зараженных.

Д. Джованни Падилья, солдат, как и его отец, в 1620 году был назначен капитаном пехоты, затем перешел в кавалерию, поскольку герцог Ферья поручил ему командование ротой копейщиков, и во время чумы находился с армией под Казале. Красивый, опытный всадник и доблестный фехтовальщик, Падилья был эксцентричен и грешил скорее излишней храбростью, чем леностью. В день Святого Иоанна он вступил в схватку с несколькими французами, которые вышли из Казале, и рисковал остаться в плену, потому что они ранили его в руку, но он порвал рукав и освободился, нанеся врагам много ножевых ранений и преследуя их до замка.

Наш доблестный герой, так легкомысленно рискуя жизнью, и представить себе не мог, что Сенат издал ордер на его арест как главаря зараженных.

Между тем процесс шел полным ходом, и 27 июля был вынесен громовержный приговор. Узнав об этом, кастелян затрепетал за своего сына. Поняв, что по справедливости должны быть казнены некий Барбиеро и некий комиссар здравоохранения, а его сын Д. Джованни был арестован за то, что они нанесли ущерб его репутации, он приказал своему заместителю Д. Франческо ди Баргас, чтобы тот вместе с секретарем Диего Патинья отправился к президенту здравоохранения Монти и попросил его приостановить исполнение приговора до тех пор, пока упомянутые лица не смогут встретиться с упомянутым сеньором Д. Джованни, чтобы оправдать себя; в противном случае он протестовал против несправедливости всего того, что могло произойти в ближайшем будущем. Оба отправились после обеда 31 июля и застали Монти в его доме в нижней комнате. Тот сразу удалился в кабинет, и я передал ему послание. Он ответил, что не он является судьей по этому делу, а это дело Сената, и поэтому нужно поговорить с господином президентом.

Тот, выслушав запрос кастеляно, ответил, что исполнение приговора не может быть отложено, если только не по приказу верховного повелителя или господина губернатора, потому что народ требует [120]. Но, добавил он, слова двух трусов не могут запятнать репутацию рыцаря такого ранга, как господин Д. Джованни, и поэтому Его Превосходительство не должно беспокоиться.

Однако старый и высокомерный испанец, предвидя последствия отказа, был очень раздражен. Он был так унижен, что через несколько дней умер от обиды.

В то время как это происходило в Милане, в один прекрасный день в лагерь прибыл с ордером на арест аудитор здравоохранения Гаспаре Альфиери, тот самый, который допрашивал Мору и Пьяццу. Маркиз Манфрино Кастильони, генеральный комиссар, по приказу Его Превосходительства приказал Падилье сдать в тюрьму в замке Помате. И господин Д. Джованни с готовностью отправился в замок, но сначала, не дожидаясь, пока его об этом попросят, достал из кармана сумку без денег, в которой находилась

реликвия, и еще одну сумку с несколькими любовными письмами, написанными по-французски или по-пьемонтски, и передал их Кастильони, который бросил их в огонь.

Альфиери тщательно обыскал его вещи, но не нашел ничего подозрительного и даже денег, поскольку наш Д. Джованни, хотя и весело задолжался, *никогда не имел ни гроша.*

Пробыв некоторое время в замке Помате, он был отправлен в замок Пиццигеттоне, где ему было разрешено свободно передвигаться по территории. Беспечный, но честный, он и не думал нарушать это обещание и останавливался на границе замка всякий раз, когда сопровождал друзей, которые приходили к нему в гости. К нему относились с таким доверием, что после смерти командира Пиццигеттоне он заменил его до прибытия преемника.

Наконец, через несколько месяцев, пришел приказ Сената перевести его в Милан. Капитан Д. Кристофоро Кавилья приехал за ним в Кодоньо, и, ехав вместе как хорошие друзья, они прибыли в Милан вечером 9 января 1631 года. Приказ гласил, что Падилья должен быть передан судье, ведущему дело, но Кавилья, как настоящий солдат, ничего не зная ни о судьях, ни о должностных лицах, послал одного из своих людей разузнать, а сам с другом стал прогуливаться взад-вперед по церкви Сант-Антонио, недалеко от Дворца правосудия. Посланник вернулся, сказав, что двери были закрыты, и Кавилья, уставший от долгой поездки, направился спать в гостиницу. Но дон Джованни с кастильской педантичностью ответил, что *хочет сдать в тюрьму.*

И ему это почти удалось, потому что стражник капитана правосудия, не имея приказа, по милости предоставил ему комнату. На следующее утро его поместили в тюрьму по всем правилам и допросили, но поскольку чума уже прекратилась, а с ней и страх перед заразителями, жизнь вернулась в обычное русло, и только 9 мая *Сенат постановил, что против подсудимого будет возбуждено дело как против виновного в изготовлении и распространении мазей в Милане.*

24 июля Падилья начал представлять свои оправдания в виде свидетельских показаний и продолжал это делать более года, поскольку ему пришлось допросить нескольких солдат из своей роты, которые находились во Фландрии; ввиду сложных и скудных коммуникаций в те времена, на получение ответов уходило месяцы.

Падилья доказал с помощью большого числа свидетелей, что он покидал лагерь, чтобы поехать в Милан, только один раз во время Великого поста, подробно рассказав о тех нескольких часах, которые он провел со своим отцом. В его пользу выступили солдаты, офицеры всех званий и сам губернатор Спинола. Генеральный комиссар кавалерии Монтера сказал: *«Если бы нужно было войти в огонь, чтобы отстоять эту правду, я бы вошел в него, уверенный, что выйду из него невредимым, если только мои грехи не помешают этому».* А лейтенант Поджетта: *«Да простит Бог того, кто причинил зло этому рыцарю, потому что, хотя я и получил от него зло, потому что он несправедливо лишил меня моего звания, я не могу не сказать правду, что этот рыцарь никогда не пропускал ни одного дня в течение всей кампании, кроме этого святого среды и дня Святого Петра.* Кроме того, обвиняемый доказал, что в июне, когда вышли из берегов реки Танаро, Сезия и Тичино, а все проходы были закрыты из-за чумы, он не мог незаметно прибыть из своего лагеря, расположенного в девяноста милях от Милана, как обвинили его Мора и другие.

Что касается обвинения в том, что он был главой заражающих, он успешно опроверг его, сопоставив одно за другим показания Мора и Пьяцца и выявив в них несоответствия, нелепости ложные даты и доказал, что их признания не заслуживают доверия, *поскольку,*

помимо того, что они многократно клялись ложно (а этот порок нельзя искупить пытками, кроме как один раз), они оказались неправдоподобными, ложными, подлыми и позорными, а в деталях их показаний настолько разнятся, что невозможно с уверенностью судить, на каких из них следует основывать обвинение. И из-за столь явных противоречий, которые вытекали и вытекают из упомянутого процесса, было необходимо, поскольку обвиняемый находился в тюрьме, провести некоторое сравнение между вышеупомянутым, Мора и другими, чтобы наконец установить правду об этом преступлении. Кроме того, эти признания, вынужденные под пытками, не являются доказательством против названных лиц, потому что, видя себя погибшими и осужденными, эти злодеи называют имена важных лиц, надеясь спастись благодаря влиянию или привилегиям названных лиц или, по крайней мере, отсрочить исполнение своего приговора.

И он снял всякое сомнение с помощью документа, который окончательно разрешил этот вопрос. Защитники Падильи представили в качестве свидетеля капитана Горини, который рассказал, что, находясь в тюрьме, когда Пьяцца был в камере, он слышал, как тот спорил с двумя отцами-капуцинами; И я встал с постели в одной рубашке, подошел к окну и, прислушиваясь к этому спору, который длился около получаса, услышал, как упомянутый комиссар кричал и говорил, что он умирает несправедливо, потому что был убит под обещанием, и что поэтому они хотят лишить его души. В конце концов, отцы-капуцины ушли, не сумев убедить его исповедаться и покаяться. Что касается меня, то я понял, что он надеялся, что я откажусь от своего дела и помогу ему. Когда капуцины ушли, я надел брюки и жилет и пошел к упомянутому комиссару, думая совершить акт милосердия, убедив его приготовиться к благой смерти в милости Божьей, и я могу сказать, что мне это удалось. Поскольку отцы не затронули тот момент, который затронул я, а именно то, что я убедился, что никогда не видел и не слышал, чтобы Сенат отказывался от подобных дел после вынесения приговора. Напротив, я сказал им, что если бы он нашел иное решение, я был бы готов умереть за него.

Пьяцца, смирившись, спросил его, как он может облегчить свою совесть за то, что он необоснованно усугубил наказание невиновных, и Горини посоветовал ему обратиться за советом к капуцину, который его обслуживал. Получив эту информацию, им удалось найти упомянутый документ, который находился в руках священника Франческо Галларати Варезе, коадьютора в 1630 году в Сан-Вито-ин-Пасквироло, и содержал протесты Мора и Пьяцца, продиктованные отцу Джачинто, капуцину, их исповеднику, в ночь перед казнью.

«Во имя Иисуса, 31 июля 1630 года.

«Я, Джакомо Мора, парикмахер, протестую, что, будучи приговорен к смерти, я не хочу и протестую против того, чтобы покинуть этот мир с грузом на совести, и поэтому настоящим письмом и протестом заявляю и заявляю по совести, что всех тех, кого я обвинил в процессе в причинении вреда чумой, я обвинил несправедливо, и это касается меня, и я заявляю об этом перед отцами-капуцинами и другими лицами, помогающими мне в заботе о моей душе».

Внизу на том же листе можно прочитать еще одно письмо, а именно:

«Во имя Иисуса, 1 августа 1630 года.

«Я, Гульельмо Пьяцца, комиссар, заявляю, и т. д.», и повторяет те же слова, что и Мора.

Оставалось опровергнуть показания Баруэлло, который, чтобы избежать наказания и спастись от позорной смерти, *имел наглость сочинить столь неправдоподобную и ложную речь; и за шесть часов он стал настолько образованным, что смог различить еврейские и латинские слова, хотя был далек от таких наук и виртуозен только в позоре.*

Придумывая круги, произнося дьявольские имена и приводя в пример союзников общего врага, а также немого, но приятного Панталоне.

Габриэле Миллионе, священник Сант-Эусебио, показал, что, будучи дальним родственником преступника, он приложил усилия, чтобы тот получил помилование, когда был приговорен к смерти. Он обратился к прокурору Боттинони, который сказал ему, что Сенат подписал приговор, но по его убеждению *он согласился добиться для него безнаказанности от Его Преосвященства и спасти его от смерти и любого другого наказания, кроме пожизненной ссылки из государства Милана.* Прокурор дал разрешение поговорить с преступником священнику Мильоне, который нашел его в камере, где он молился, и, увидев его, воскликнул: *«О, монсеньор, вы принесли плохие новости?». И я ответил: «К сожалению, да», и рассказал ему, как Сенат приговорил его к смерти.* Однако он добавил, что получит письмо о безнаказанности, если решится сказать правду о помазанниках. А Баруэлло спросил: *«Сделают со мной то же, что сделали с комиссаром?»*, имея в виду Пьяццу, которого обольстили обещанием безнаказанности. Тем не менее, любовь к жизни настолько сильна! Он сразу придумал стишок, который, как он хорошо знал, понравится Сенату, и сказал, что однажды его привели в дом Мора, который *снял обои () и провел его в большой зал (в хижине Барбера!), где он увидел десять или двенадцать человек, сидящих на стульях, среди которых был господин Д. Джованни Газтано Падилья.*

Священник Миллионе, как бы ему ни хотелось спасти родственника, не мог не заметить, что это было абсурдно: тогда мелочный человек ответил: *«Вернитесь завтра, я подумаю об этом».* Но на следующий день он наивно сказал, *что на самом деле не знает, что сказать.*

Тем не менее, решив любой ценой воспользоваться этим единственным средством спасения, на следующее утро он придумал свой роман. Однако, когда через несколько дней Баруэлло заболел чумой (стр. 76), он, чтобы облегчить свою совесть, сказал заключенному Джакомо Палацци, которому было поручено помогать ему: *«Сделайте мне одолжение, скажите господину Подеста, что всех, кого я обвинил, я обвинил несправедливо, и неправда, что я взял деньги у господина Кастеллано, потому что я никогда с ним не общался».* Через два часа, когда начался день, он умер.

Подобные заявления, сделанные в последние часы жизни, когда страх перед близкой и неизбежной смертью заставляет даже самого злобного человека раскрыть всю правду, доказали полную невиновность обвиняемого.

Падилья разделял ошибочное мнение того времени о сделках, заключенных с дьяволом, поэтому он утверждает, что Мильявакка и Баруэлло были колдунами или отдались дьяволу, и как таковые, вполне вероятно, что они прибегали к убийствам людей с помощью злых чар по одной и той же причине, по чистому подстрекательству дьявола, который, как всем известно, стремится вызывать такие внезапные смерти у людей, чтобы у них не было времени и возможности исповедаться и принять святые таинства, но чтобы они были прокляты, и не по подстрекательству или убеждению какого-либо живого человека. И чтобы еще лучше доказать, что Мильявакка был колдуном, он рассказывает, что, находясь в

тюрьме, он вместе с другими придумал способ освободиться из заключения. И он подготовил заклинание, написанное кругами и дьявольскими символами, написанное от руки с помощью грифельного карандаша; а затем переписал его пером и чернилами, чтобы судья, нотариус, стражи и другие никогда не находили покоя ни в еде, ни во сне, пока не освободят его и других из тюрьмы, и что, не освободив их, они скоро умрут.

Тому, кто верил в подобные абсурды, было трудно не верить в ядовитые мази. И действительно, из процесса следует, что Падилья считал, что те же самые мази использовались в Милане. Тем не менее, хотя он и разделял это ошибочное, но распространенное убеждение, он привел в свое оправдание свидетельства, доказывающие его абсурдность. Я имею в виду некоторые показания врачей, которые я приведу дословно, потому что они делают честь нашей стране, показывая, что в общем бреде были люди, которые не поддавались обману. Если они молчали до тех пор, пока не прекратилась страшная эпидемия и не успокоились умы, то это потому, что они бесполезно рисковали жизнью, не имея надежды, что к ним прислушаются, ведь фанатизм не слушает голоса разума.

Врач Аппиано был одним из самых выдающихся и заслуженных, как мы увидим в Книге IV.

Показания врача Г. Б. Аппиано из прихода Св. Стефана в Брольо.

«Я не только видел чуму, но и испытал ее с самого начала и лечил до самого конца, как в Лазаретте, так и по всему городу, и все же я всегда видел ее одинаковой как в том, что она приносила, так и в том, как она убивала, и в скорости ее распространения. И это благодаря бесконечным случаям, наблюдавшимся в те первые дни в Лазаретте, куда привозили всех зараженных, живых или мертвых, поскольку в те времена не было ни малейшего подозрения, ни слова о смерти, однако многие из зараженных умирали внезапно от ужасных болезней... Если в жаркие месяцы июля и августа умирало больше людей быстрее и с более ужасными случаями, то причиной большого количества смертей было распространение заразы или торговли по всему городу. Причиной самых ужасных случаев или смертей была жара, которая, чем сильнее, тем больше ухудшает настроение... поэтому я не удивляюсь этим случаям. И даже после этих жарких месяцев, когда подозрения в чуме прошли, многие умирали с теми же симптомами, с которыми умирали, когда говорили о чуме».

И заключает: «Поэтому, как я сказал в начале, мне кажется, что с самого начала упомянутого зла и до его конца оно всегда было неизменным и соответствовало тому, что описывают хорошие авторы; и что произошли случаи, подобные тем, которые считались онтами как до подозрения в онтах, так и после, я могу дать об этом достоверное и правдивое свидетельство, поскольку я первым и больше всех лечил эту болезнь как в Лазарете, так и по всему городу».

Показания врача Бранда Борри из Санта-Мария-алла-Порта.

«Я лечил почти все время, пока длилась чума, посещая очень многих больных, и за все это время я заметил признаки этой болезни как у одного человека, так и у другого, что я никогда не мог найти и подтвердить признаки, случаи или симптомы, о которых мы говорили, которые могли бы явно с их указаниями привести меня к выводу, что тот или иной больной умер от чумы, возникшей только от заражения, или что она происходила от онти. И я мог очень тщательно замечать и наблюдать это, поскольку, будучи уже зараженным чумой, я посещал только зараженных, у которых я проверял пульс и ясно видел мочу, а также трогал болезненные образования (бубоны) как у обычных людей, так и у знатных, а также в монастырях. Ни в одном из этих мест я никогда не мог с уверенностью сказать, что этот

человек заболел из-за онто или из-за другого способа передачи инфекции... Мнение народа всегда считало и считает, что все зло происходит от онкома, и это мнение всегда было далеким от моего. Поскольку я не отрицаю, что мог быть онком, с помощью которого можно было передать инфекцию, тем не менее я твердо убежден, что очень многие умирали от обычной инфекции, хотя они считали, что она происходит от онкома.

Показания хирурга Антонио Гамбалюта в Сан-Паоло-ин-Компито.

Опираясь на тот факт, что у некоторых сначала появлялась лихорадка, а затем «появлялись бубоны, антракс и угри», а у других происходило наоборот, он утверждал, что первый случай был благоприятным симптомом, а второй — пагубным, согласно Гиппократу. «Это было причиной, говорит он, того, что я (то есть в своем сердце) не верил, что онты (если они и были) прогрессировали... И я пришел к выводу, что после того, как подозрение об онтах исчезло, чума производила тот же эффект и имела те же последствия, что и в то время, когда говорили об онтах».

Далее следуют другие свидетельства врачей, утверждающих, что такое же количество людей умерло и после того, как перестали говорить о маслах.

А Падилья? С таким количеством доказательств было невозможно, чтобы он не был признан невиновным, и он был освобожден после более чем двух лет заключения. Но было ли это решение Сената, то есть освобождение из тюрьмы, как говорили, с целью замять дело, остается неизвестным, поскольку экземпляр всего процесса, который я видел, заканчивается обрывом. На данный момент мне не удастся развеять это сомнение, несмотря на долгие и неоднократные поиски.

II. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЦЕССЕ ПРОТИВ ПРОЧИВНИКОВ

В 1630 году почти вся Европа была погружена в эту мрачную суеверную атмосферу.

Верри. *О пытках*, стр. 212.

Итак, эта печальная и болезненная история с мазанием сводится к явной несправедливости, которую можно приписать только жестокости и невежеству сенаторов? Прежде чем прийти к такому выводу, который бросает тень на их память, позвольте мне добавить несколько соображений.

То, что с апреля по октябрь 1630 года стены в различных местах Милана неоднократно были обмазаны маслом, кажется несомненным, поскольку об этом утверждают все современные авторы, очевидцы и провозглашения с такой единодушием, что отрицать это означало бы идти против исторического критерия. Но откуда и зачем эти надписи? Вот в чем загадка. Некоторые говорили, что это была шутка тех, кто хотел посмеяться над общественной легковерностью, и это могло бы согласовываться, если бы надписи были сделаны один или два раза, но, учитывая общее поверье в ядовитость подобных надписей, народное возмущение и верную смерть по закону, которой он подвергся, неправдоподобно, что были люди, настолько безрассудные, чтобы неоднократно рисковать жизнью ради простой

шутки. И так? Я не был бы чужд мысли, что некоторые из простого народа, и особенно гробовщики и другие работники санитарной службы, убежденные, как и все в то время, что чума была искусственной, то есть что существовали мази и яды, предназначенные для ее распространения, смешали кто знает какие отвратительные ингредиенты и измазали ими стены. И это с целью еще больше распространить заразу, которая приносила им необычные и несоразмерные доходы, а также полную свободу предаться пиршествам и жестоким развлечениям.

Исторически известно, что эта подлая порода негодяев стремилась распространять чуму; следующие отрывки из Тадино, чтобы не переусердствовать с цитатами, бесспорно доказывают это.

Гробовщики и судебные приставы, видя большую свободу и прибыльность доходов от своих краж, специально оставляли ночью из злобы падать с телег зараженные вещи, и из-за жадности к добыче мелкие люди утром вовремя приносили их в свои дома; отсюда они постепенно заражались, в результате чего прибыль этой шайки гробовщиков и судебных приставов росла, поскольку после них никто не осмеливался входить в дома зараженных, так что у них была хорошая возможность воровать. (Стр. 102.)

Этот ущерб (зараженный воздух) в значительной степени зависел от злобы гробовщиков, которые, преследуя свои интересы, стремились продлить свою прибыльную деятельность; получая хорошее вознаграждение, помимо постоянных краж, оставляя ночью с телег зараженные вещи, которые не доставлялись в предназначенный для этой цели Лазарет, из-за жадности были украдены прохожими, из-за чего многие люди, зараженные чумой, выздоравливали в короткие сроки, а также многие отходы и подобные гниющие вещи выбрасывались на набережной Марино, и их приходилось сжигать из-за лени и злобы тех, кто не доставлял их в предназначенное для этого место, что вызывало зловоние и огромную опасность нового заражения воздуха. Было также предписано, что под угрозой повешения могильщики должны были содержать улицы в чистоте и т. д. (Стр. 127).

Если они были так заинтересованы в распространении заражения, разве нельзя было бы предположить, что они также прибегали к помазанию как к надежному средству, согласно общему убеждению, для достижения своей злодейской цели? Впрочем, это всего лишь историческая гипотеза, которую я представляю вашему вниманию, уважаемые читатели.

Многое было написано о процессе Мора, Пьяцца и других заражающих, и, сожалея об этих несчастных, погибших от варварских пыток, громко возмущались невежеством, недобросовестностью и жестокостью судей, которые их осудили.

Я не хочу ставить под сомнение невиновность первых, ни полностью оправдывать поступки вторых, но я глубоко убежден, на основании тщательного и кропотливого изучения этого исторического факта, что, обвиняя сенаторов, не было достаточно учтено время, в котором они жили.

Пьетро Верри, воспитанный на философских учениях, враг старых предрассудков и злоупотреблений, который с неустанным рвением стремился искоренить их на благо своего Милана, столь дорогого ему, был первым, кто раскопал забытый процесс над «зараженными». Естественно, что он, будучи близким другом Беккарии, помогал ему в святом деле отмены пыток, которые просвещенный век и смягчившиеся нравы уже не могли терпеть. Поэтому в «Замечаниях о пытках», следуя порывам сердца, своим вибрирующим и образным стилем он, если позволите, вскрыл процесс над «зараженными», осудив судей, чтобы

победоносно продемонстрировать абсурдность и злодейство пыток как средства раскрытия преступлений.

Но мы, которых движет только стремление к открытию истины, стараемся не смешивать сострадание с холодным и беспристрастным анализом, требуемым исторической критикой.

Вера в заразителей была, как мы видели, общей от низших слоев народа до высших магистратов, врачей, духовенства, за редким исключением. Более того, считалось достоверным, что существовал Великий Вождь, который всеми средствами, не исключая помощи дьявола, руководил всем заговором в ущерб общественному здоровью. Души были в тревоге из-за этой таинственной опасности, от которой не было известно никакой защиты; и эту лихорадочную тревогу усугубляло возбуждение ума, которое всегда доминирует во время великих бедствий, поддерживаемое постоянными мыслями о смерти, которые заставляют людей забыть о своих обычных заботах и ослабляют все социальные узы. В этой обстановке обвиняются Пьяцца и Джакомо Мора, который также занимался флеботомией и немного медициной, как это делали тогда цирюльники и как это делают и сегодня во многих странах Европы. При обыске в его доме были обнаружены пластыри, масла, мази в большом количестве (*Процесс, стр. 50 и далее*), среди которых были и некоторые средства защиты от чумы. Были арестованы и другие лица с сомнительной репутацией, у которых также были найдены мази, которыми они пользовались для лечения венерической болезни, которой были заражены. Судьи полагают, что раскрыли заговор, и подвергают их пыткам, которые в те времена никто и не думал считать несправедливыми и варварскими. Несчастные, не обращая внимания на ужасные последствия своих признаний, чтобы избавиться от нынешних мучений, как это свойственно человеку, сказали все, что подсказывала им боль, выдумывая факты, преувеличивая действия, которые были для них безразличны; таким образом, они все больше подтверждали предвзятое мнение судей. А поскольку те настаивали, чтобы они назвали главаря, был указан Падилья, сын коменданта замка. Возможно, он был единственным известным им важным лицом, способным сделать обвинение правдоподобным, а может быть, это было местью за плохо вознагражденные услуги испанцу. Тот, который, как следует из процесса (см., в частности, стр. 329), также страдал венерической болезнью, возможно, имел отношения с кем-то из обвиняемых ради лекарств или чего-то худшего.

Тогда судьи поверили, что нашли зараженных и их главаря, и с еще большим рвением продолжили процесс, который, к несчастью, стоил жизни многим несчастным. Но кто были эти судьи, которые приговорили их к смерти в самых ужасных мучениях? Это были люди, отличавшиеся благородством, знанием, должностями, которые во время голода и чумы с необычайным рвением трудились на благо родины, люди, которые в общем хаосе оставались на своих местах, прилагая все усилия, чтобы облегчить последствия заражения, от которого многие, как Монти, президент здравоохранения, погибли.

Теперь взвесьте все обстоятельства, которые я изложил, на весах справедливости: следует ли осуждать заражающих за извращенность духа и невежество судей, или же это действительно печальное и почти неизбежное следствие суеверий того времени? Вам, читатели, вынести беспристрастный приговор!

III. КОЛОННА ПОЗОРА

Одинокая колонна возвышается.
ПАРИНИ.

Дом парикмахера Дж. Джакомо Мора, как предписал Сенат в своем приговоре, был разрушен до основания, *и в память о будущих веках посредине была установлена колонна с надписью «Колонна позора» и отдельно с эпитафией, вставленной в стену, следующего содержания.* (Тадино.)

ГДЕ НАХОДИТСЯ ЭТА ПЛОЩАДЬ
КАЖДЫЙ РАЗ ВРЕМЕНИ БАРБЕРИЯ
ДЖАН ДЖАКОМО МОРА
КОТОРЫЙ ВМЕСТЕ С ГУГЛИЛОМ ПЬЯЦЦА
ПУБЛИЧНЫМ КОМИССАРОМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ДРУГИМИ
ВО ВРЕМЯ, КОГДА ЧУМА СТРАШНО
РАСПРОСТРАНЯЛАСЬ СТРАШНАЯ СМЕРТОНОСНАЯ ЧУМА
МНОГИХ ПРИВОДИЛИ К ЖЕСТОКОЙ СМЕРТИ
ЭТИ ДВОЕ БЫЛИ ПРИЗНАНЫ
ВРАГАМИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
СЕНАТ ПРИКАЗАЛ
НА ВЫСОКОЙ КОЛЫМЕ
ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОВЕСТИ ИХ НА ВЫСОКУЮ КОЛЫБЕЛЬ
И ОТРУБИЛИ ПРАВУЮ РУКУ
БЫЛИ ПРЕЛОМЛЕНЫ КОЛЕСОМ
И К КОЛЕСУ ПРИКОВАННЫЕ
ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ЧАСОВ ЗАКОЛЕННЫЕ
ПОТОМ СЖЖЕНЫ
И ЧТОБЫ НИЧЕГО НЕ ОСТАЛОСЬ ОТ ТАКИХ ЗЛОЧИНЦЕВ
КОНФИСКОВАТЬ ИХ ИМУЩЕСТВО
ПОМЕТЬТЕ ПЕПЕЛ В РЕКУ
В ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ О ТАКОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ
ЭТОГО ДОМА, МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
СЕНАТ ПРИКАЗАЛ СНЕСАТЬ
И НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ВОЗВСТАНАВЛЯТЬ
И ВЫСТРОИТЬ КОЛОННУ
КОТОРАЯ БУДЕТ ПРИЗЫВАТЬ К ПОЗОРУ
ДАЛЕКО ОТСЮДА
ДОБРЫЕ ГРАЖДАНЕ
ЧТОБЫ ВЫ, НЕСЧАСТНЫЕ ПОЗОРНАЯ ЗЕМЛЯ
НЕ ЗАГРЯЗНЯЕТ
ПЕРВОГО АВГУСТА MDCXXX.

Марк Антоний Монти, публичный президент здравоохранения.
Дж. Баттиста Тротто, президент широчайшего Сената.
Дж. Баттиста Висконти, капитан правосудия.

Эта колонна из гранита с основанием из бревна и шаром на вершине возвышалась на левом углу улицы, называемой *Vedra dei Cittadini*, при входе с *corso di San Lorenzo*, прямо напротив нынешней аптеки *Poratti*. Несчастный памятник ошибок скорее нашего времени, чем наших предков, Колонна позора простояла 148 лет и всегда вызывала отвращение и презрение.

Каноник Сан-Наццаро Карло Торре, который в 1676 году напечатал свой «*Портрет Милана*», который по странности концепций, игре слов и напыщенности стиля является настоящим образцом дурного вкуса семнадцатого века, в своем *путешествии* по Милану, когда он доходит до Vedra de' Cittadini, восклицает:

«Слышали ли вы когда-нибудь о более ужасном злодеянии? Было ли разумно удалить из книги живых тех, кто желал уничтожить самих живых: разрушить стены дома того, кто хотел обезлюдить свой родной город, и кто с помощью помазания делал путь к смерти более скользким. Поверьте мне, что упомянутый Мора имел совесть, как у Моро, и если черный — это мавр, то он был жестоким современным Нероном, который не огнем, а маслами намеревался принести окончательное истребление своей родине, хотя масла используются для восполнения недостающих сил у ослабленных людей». (Стр. 129.)

Латтуада, один из немногих писателей, достаточно разумных, чтобы хотя бы усомниться в факте существования зараженных, в своем «*Описании Милана*», том III, стр. 330-338, 1736, выражается следующим образом:

«На широкой улице, ведущей к центру города, слева находится колонна, установленная на небольшой площади, которая ведет в другой район, называемый Де-Читтадини, потому что там жила знатная семья с таким именем, она называется Колонна Инфаме, и т. д.».

Рассказав об этом событии словами Тадино, он заключает: «Кто бы ни верил, были ли эти мази изготовлены с помощью дьявольского искусства и способны ли они были убивать, мы не хотим быть поручителями такого утверждения».

Но разумные сомнения доброго Латтуады были почти беспрецедентным исключением, поскольку, как нам грустно признавать, самые уважаемые и ученые люди прошлого века полностью верили в мази. И это верование было настолько глубоко укоренившимся, что не только простой народ, но и высшие магистраты и просвещенные литераторы считали его почти догматом веры.

В 1713 году, то есть почти столетие спустя, когда возникли подозрения в заражении со стороны Пьемонта, президент Миланского санитарного управления написал комиссару одной деревни на озере Маджоре, рекомендуя ему проявить максимальную активность и бдительность, поскольку до магистрата дошли сведения, что в тех краях разгуливают зараженные, распространяя чуму. Я сам видел это письмо в сборнике отечественных документов.

Тот самый Арджеллати, которого заслуженные миланские рыцари, основатели «*Società Palatina*» (Итальянского общества палатинцев), пригласили из Болоньи в Милан, чтобы он руководил великолепным изданием «*Scrittori delle Cose Italiane*» (*Писатели итальянских дел*), задуманным Муратори, тот самый Арджеллати, который так хорошо заслужил гостеприимство, оказанное ему у нас, опубликовав в 1745 году свою трудоемкую и столь полезную «*Библиотеку миланских писателей*», в которой он говорит о Монти, президенте здравоохранения во время чумы, называет *почетным упоминанием* то, что его имя фигурирует в надписи на Колонне позора среди судей «зараженных». Мудрый Муратори, который сочетал безграничную эрудицию с искренним состраданием и кротким характером, также верил в преступления заразителю: «Однако, - говорит он в «*Управлении чумой*», гл. 10, - печальная память о них сохранилась в Колонне позора, установленной на месте дома этих бесчеловечных палачей».

А в более позднюю эпоху Орацио Ломбардо, который с такой яркой иронией и острым умом поднялся, чтобы бичевать изнеженные нравы своего времени, и многие старые предрассудки осудил с гневом своих мощных стихов; он, человек высоких чувств и свободного ума, который со своей кафедры красноречия воспитывал новое поколение в идеях справедливости и красоты, разделял ошибочное поверье о помазании.

Переводчик на миланский диалект произведения Тассо «Иерусалим», Доменико Балестриери, в примечании к строфе 70 песни VIII сохранил для нас фрагмент *проповеди Чиабререско, отличающейся тончайшим вкусом, проповеди, которую аббат Парини, достопочтенный профессор красноречия, произнес в публичной академии. В ней он представляет себе, как идет в храм Сан-Лоренцо, живо выражая свои мысли следующим образом.*

.....

Когда среди жалких домов, среди нескольких
развалинах я увидел открывающийся скромный площадь.

Там одиноко возвышается колонна

Среди бесплодной травы, камней и зловония,

Куда человек никогда не проникает, потому что оттуда
благоприятный дух города Инсубрии

Каждый удаляется, громко крича: «Прочь,

О добрые граждане, прочь, чтобы эта земля

Не заразит вас несчастная и позорная земля.

У подножия колонны сидела нахальная

сидела женщина, которая правой рукой

рука колонны: и кресты, и колеса,

И весла, и кнуты, и кандалы были сиденьем

ее расслабленного бока.

Она была совершенно обнажена, за исключением того, что на шее

свешивалась веревка, а на груди были написаны

Обозримые, а на голове странные митры,

Ужасное украшение. Она высоко поднимала

Свое надменное чело; и там

были выжжены раскаленным железом

Слова, которые говорили: «Я – Позор».

Я, следуя добродетели, ненавижу ее,
Напротив, ищу бессмертную славу в стихах,
бежала от такого зрелища; когда Женщина,
Горько улыбнувшись, сказала:

.....

То есть поэтически излагает содержание упомянутой надписи, добавляя:

Так сказала Женщина... И презрение
И тысячи гнусных гениев вокруг нее
Между тем, насмехаясь над ней, и между
большим пальцем двух соседних пальцев
Обеими руками ей издевались.

Но к тому времени Ломбардия уже пробуждалась от летаргии и огрубения, в которые ее ввергло испанское господство, благодаря мудрому и гуманному правлению Марии Терезии; и некоторые граждане, ревностно заботящиеся о чести своей родины, поняв, как это воспоминание о жестокости и глупости тех времен порочит Милан, задумали сделать так, чтобы Колонна позора была снесена, чтобы вместе с ней в полное забвение ушло все, что касалось заразителых. Пьетро Верри и его друзья из Кафе, самые яркие и активные литераторы того времени, были очень заняты этим замыслом, но трудность заключалась в том, чтобы найти способ его осуществить.

Тем временем Балестриери отправил копию своей «Освобожденной Иерусалима», переведенной на миланский диалект, барону Спергесу, полномочному министру по делам Италии в Вене. В своем ответе тот выразил поэту сожаление о том, что тот упомянул в своей книге Колонну позора, памятник бесчестия для Сената Милана. Такое неодобрение, которое распространилось среди ученых нашего города, еще больше усилило желание уничтожить эту печальную память. Балестриери, находясь на обеде у графа Фирмиана, сообщил ему о письме, и просвещенный министр, по согласованию с Его Высочеством эрцгерцогом Фердинандом и другими членами правительства Ломбардии, прибег к следующему решению, чтобы достичь своей цели с наименьшей возможной оглаской.

Согласно древнему закону, памятники позора не должны были восстанавливаться, если из-за ветхости они угрожали обрушиться. Теперь Колонна позора, по крайней мере внешне, угрожала обрушением; основание, либо потому, что его не заглубляли достаточно при строительстве, либо из-за естественного оседания грунта с течением времени, оказалось почти обнаженным, а ствол, разъеденный влагой, разрушался. Кроме того, колонна больше не стояла прочно на пьедестале, потому что во время праздников или других мероприятий дети, как обычно, забирались на нее, обнимая ее ствол.

Исходя из этого, правительство поручило старейшине прихода собрать подписи жителей соседних домов под петицией, в которой они просили снести колонну, учитывая ее плохое состояние. Правительство направило петицию в Сенат, который отклонил ее, и, если верить тому, что тогда говорили, трижды, не желая публично опровергать решение, принятое

полтора века назад древним Сенатом. Тогда правительство, твердо стоя на своем решении, приступило к делу; в августе 1778 года жители Ведра деи Читтадини несколько раз слышали ночью сильные удары по основанию. В ночь с 24 на 25 августа колонна была снесена и разбилась при падении; шарик, который ее увенчивал, отделился и скатился по переулку Ветраски. Наконец, в последнюю ночь упомянутого августа снос был завершен, и чтобы никто не был свидетелем, работа велась на рассвете, в час всеобщего покоя, а для большей предосторожности на выходах из соседних кварталов были поставлены стражи, запрещавшие приближаться любому, кто случайно проходил мимо.

В старом путеводителе по Милану я нашел упоминание о том, что на следующий день, то есть 1 сентября 1778 года, на месте было проведено судебное расследование, но официального акта об этом я найти не смог.

После того как позорный столб был разрушен, а его обломки брошены в подвал старого домика Мора, осталась только мемориальная доска с надписью, но поскольку она стала почти нечитаемой из-за старости, ее не сняли. Что, по правде говоря, было довольно нелепым противоречием, поскольку надпись, как и колонна, напоминала о процессе над «зараженными», который так хотели забыть. В 1801 году остатки полностью исчезли, и место полностью изменило свой облик.

Францино, виноторговец, купил прибыльную площадь, принадлежавшую семье Лория, а затем Манци, и построил на ней здание, открыв в нем магазины. В том же году была снесена арка, или жилая лоджия, соединявшая две стороны квартала. Ведра де Читтадини и место, украшенное таким образом, больше не сохраняли следов своего прежнего позорного предназначения. В 1803 году мемориальная доска была передана адвокату Борги, который намеревался разместить ее в своем саду.

Эти мелкие подробности, не лишённые интереса для любителей отечественной истории, я собрал в результате долгих исследований и из рукописной хроники известного химика Порати, свидетеля сноса, а также из многих других частных мемуаров.

ФРАНЧЕСКО КУЗАНИ.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ.

ТРЕТЯЯ КНИГА КАРДИНАЛ ФЕДЕРИКО БОРРОМЕО И ДУХОВЕНСТВО ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

I

Достаточно ясно, по моему мнению, в книге, которую я написал о жизни и понтификате кардинала-архиепископа Федерико, видны его великодушная душа и добродетели, которые в любых обстоятельствах соперничают с возвышенными добродетелями его святого двоюродного брата. Эту книгу [121] я передал Примициерио Висконти, его племяннику по линии сестры и наследнику родовых добродетелей, чтобы он, изучив мое повествование об этих необычных событиях, опубликовал его, если сочтет это целесообразным. В нем можно восхищаться пастырскими делами и добродетелями, достойными древних епископов и

императоров: трудами, я бы сказал, военными в церковных делах, душой, жаждущей только честности; скромность, воздержанность и таинственную девичью чистоту [122], в которую никогда не легко поверить, и которую, по общему мнению, Фредерик сохранял в течение многих лет; в ней также рассказывается о его исследованиях и сочинениях. Если бы я только мог изложить все это с достоинством и изяществом, присущими этому выдающемуся писателю!

Добродетель, которой он больше всего гордился и которая вызывала у всех удивление, заключалась в неустанной заботе о своих подданных, которая не ограничивалась, как это часто бывает, одними словами и советами, но была щедрой, готовой на любые затраты ради общественного здоровья и жизни отдельных людей.

II. Меры и распоряжения кардинала при первых слухах о чуме.

В том году (1629), когда начали ходить слухи о чуме, Федерико, услышав, что она уже распространилась на окраине миланской епархии в долинах, подчиненных Граубюндену и Швейцарии, был встревожен этой вестью, как отец семьи, который внезапно узнает, что его детей постигло великое несчастье. Сначала он отправил приказы священникам и викариям о том, за чем они должны следить и что делать, чтобы виновные в тяжких преступлениях не умирали без помощи Церкви, а также чтобы, подталкиваемые нуждой и голодом, они не впадали в отчаяние, которое является худшим из всех грехов (). Затем он выбрал священника, известного своей мудростью и безупречным нравом, снабдил его деньгами и отправил в долины, чтобы тот своими советами направлял этих грубых жителей; что тот и сделал с большой мудростью.

Вернувшись из этой миссии, он был щедро вознагражден архиепископом, который позаботился о жителях долин, как только среди них, благодаря легкому сообщению с Германией, распространилась чума, которой тогда мы еще не боялись. Во время голода, который был первой катастрофой для нашей страны, не только Милан, но и соседние и отдаленные земли, жители равнин и гор одинаково испытали на себе последствия его отеческой заботы.

Как будто он сам был членом общественного совета, соперничая с городской благотворительностью и одновременно способствуя ей, он отправлял и раздавал по деревням мешки с ячменем и пшеницей, чтобы они хотя бы меньше страдали от голода, если он не мог накормить их всех. И тогда, когда эта толпа крестьян, покинув поля, горы и долины, как мы уже рассказывали, укрылась в Милане, он добровольно открыл для несчастных дом, где им каждый день раздавали еду: толпы бедняков, подкрепившись утром хлебом и супом, были уверены, что в этот день их жизнь, угрожаемая голодом, будет спасена [123].

И поскольку бедняки, привлеченные этой милостыней, стекались в город все более многочисленными толпами, а многие, изможденные истощением, лежали умирающими на улицах, испуская последний вздох, не успев получить пищу, -кардинал с отцовской предусмотрительностью разослал священников [124], которые давали умирающим утешительную пищу и питье и одновременно утешали их религиозными словами, а затем отводили их в соседние дома, где они могли прийти в себя, отдохнув и приняв лекарства. Эта благотворительная организация продолжала свою деятельность до тех пор, пока общественный совет не счел целесообразным собрать всех бедных, бродящих по городу, и поместить их в Лазарет.

Однако это не помешало Фредерику продолжать питать и утешать тех, кто, устав от дисциплины Лазарета и его закрытости, покидал его, или же прибывал в Милан, покинув

свои жилища. Вместе с Советом он взял на себя бремя этих голодающих, насколько позволяли его доходы, и в нем бедняки нашли поддержку, когда, выйдя из Лазаретто, они снова заполнили и заразили город. Милосердие нашего Пастыря сопоставимо с милосердием и щедростью муниципалитета по отношению к страдающей родине и к столь многим людям, доведенным до крайней нищеты [125]. Это сравнение будет оценено беспристрастными, поскольку, так как Фредерик был одним из граждан, общая слава этого примера будет жить вечно.

III. Его поступки во время чумы.

Поддерживая магнатов, которые при первых угрозах заражения поступили так, как подсказывали им страх и опыт, Фредерик позаботился о спасении тел и, более того, душ своей паствы. Не считая себя способным в одиночку нести такую тяжелую ношу, он ежедневно собирал на совет своих самых благоразумных священников, с нетерпением побуждая их высказывать свои мнения, и действовал в соответствии с ними и своей собственной мудростью.

Отличным советником, на чью авторитетность он мог положиться, был святой Карл, который написал «Комментарии» и «Мемориал о чуме своего времени» (1576). Опираясь на эти «Мемуары» и добавляя к ним другие, Федерико установил метод поведения в тех бедственных обстоятельствах, указывая священникам и народу путь, ведущий к спасению. Он указал, что они должны делать, чего избегать, чтобы не заразиться чумой через дыхание или прикосновение и не усугубить гнев Божий.

Он передал священникам все полномочия, которые он имел от Святого Престола для отпущения грехов умирающим, и получил новые полномочия от Папы, распространив их на все духовенство епархии, чтобы грешники в последние мгновения не были лишены помощи религии. Эти меры были приняты кардиналом, когда слухи о чуме стали усиливаться, но как только она приблизилась к Милану, его рвение возросло; он вел постоянные беседы с декурионами, воодушевлял приходских священников, успокаивал страх и предлагал награды за то, чтобы они смело противостояли теперь уже неизбежным опасностям. Он также воодушевил настоятелей монастырей и главы религиозных орденов, которые, вдохновленные славой архиепископа, охотно пришли, предлагая свою помощь, готовые подчиниться любому его указанию. И он хвалил их, обещая, что помимо вечной награды, которую они могли надеяться получить с небес, он учтет милосердие и почтение каждого из них, вознаградив их таким образом, что это пойдет на пользу их орденам.

Он заверил, что не покинет своего места, пока чума не уйдет из Милана [126], не выходя ни из города, ни из дворца, если только его не вызовут забота о здоровье народа или какая-то общественная необходимость. И он сдержал свое обещание до такой степени, что некоторые называли его постоянство упрямством; ибо, когда почти все его родственники умерли, Фредерик, опустошенный и лишенный необходимых средств, отказался уехать, несмотря на мольбы друзей, вельмож и самих врачей, которые убеждали его на время уехать в здоровую виллу [127].

По просьбе он посещал лазареты и подходил к дверям и окнам бедняков, содержащихся под стражей, чтобы помочь им. Он не запрещал доступ никому, кто хотел с ним поговорить, не пропускал священные обряды, церемонии и проповеди и отцовским голосом упрекал то с амвона, то с телеги тех, кто не хотел признавать оракулы и предупреждения небес. Я тоже был там, когда он проповедовал у источника Сан-Барнаба [128], куда он отправился в

процессии, чтобы вознести молитвы о помощи с небес через Апостола, которого древние воспоминания Милана и общее верование прославляют как основателя и первого епископа нашей Церкви.

Еще не были закрыты все дома, как это произошло впоследствии, еще не избегали друг друга горожане, город еще не был погружен в одиночество, и народ, который вскоре должен был пасть жертвой заразы, еще живой, следовал за молящимся архиепископом, , который, вспоминая, по худому и бледному лицу, Святого Карла, вызывал слезы на глазах и вздохи из глубины груди у многих, кто помнил, как он ходил по городу, молясь, во время предыдущей чумы.

После того как у источника Святого Варнавы было совершено божественное жертвоприношение, Фредерик поднялся на амвон и голосом то ясным и звучным, то хриплым и слабым, который был слышен по всему окружающему полю, предсказал, как пророки, то, что произошло.

«Миланцы! Несчастный народ! Толпа, которая вот-вот станет жертвой чумы! Уже над вами нависают молнии божественной справедливости: вы пойдете трупами под землю, и ваши души должны будут предстать перед судом Божьим. Но ты, народ, не поверишь мне, пока не наполнишь могилы мертвецами, пока твоя плоть не станет пищей для червей!» И он продолжал в том же духе.

Когда все дома в городе были закрыты, а Лазарет был переполнен, архиепископ выбрал самых выдающихся представителей духовенства, которые должны были выполнять отдельные обязанности, наблюдая за своими подчиненными. Не доверяя ни тем, ни другим, он тайно посылал своих доверенных лиц, которые каждый день точно информировали его обо всем, что происходило. Он хотел сначала узнать число умерших, затем особые случаи, и если был какой-то новый ужасный, жалостный случай, он либо сам немедленно отправлялся туда [129], либо посылал других, оказывая всю возможную помощь. Он упрекал и наказывал строгим взглядом тех, кто не выполнял свой долг; и это было единственным наказанием (), которое он применял, когда имел веские причины для недовольства. Священник, который покинул свою паству, был вынужден Фридрихом вернуться под угрозой отстранения от должности; затем он щедро награждал всех, распространив награды даже на их родственников. Парохи были самыми заслуженными, поскольку среди замечательных поступков, о которых я рассказывал, превосходила все неопишуемая готовность, с которой они презирали опасности и шли на смерть, служа Богу, родине и кардиналу.

В те дни можно было видеть священников, спешащих к умирающим людям: это было ужасное и жалкое зрелище, которое, возможно, больше не повторится! В любое время ночи они ходили по домам, где были больные или умершие от чумы, чтобы помочь им и причаститься. Некоторые из них заразились чумой и умерли вместе со всей семьей; другие, пережившие своих близких, не поддавшись отчаянию и не видя перед глазами образ смерти, до последнего продолжали бесстрашно выполнять свои обязанности. Приходские священники, каноники, простые священники заслужили похвалу за такое образцовое поведение; и многие, кому было позволено уйти, остались на своих местах, выполняя обязанности приходских священников. Особенно доминиканцы, театинцы, меньшие братья, отличающиеся капюшонами и башмаками [130], приняли участие в трудах и мученичестве; и весь город восхищался ими как мучениками. Этими заслугами они возвысили благородство своих орденов, и миланцы считали и всегда будут считать их своими отцами. Как прекрасно было видеть этих монахов, смешавшихся с приходскими священниками, соревнующихся в славной борьбе с опасностями и смертью! Как прекрасно и утешительно

было среди стольких скорбей видеть, как приходские священники удваивали свои усилия, чтобы выйти победителями, и даже если они уступали ревностным монахам, уходили с радостью, как от своего триумфа.

Виатик носили по улицам с торжественностью и свечами, насколько позволяли обстоятельства: где встречали умирающего, лежащего на земле, они останавливались, выслушивали его исповедь и давали ему хлеб Ангелов, что побуждало других принять святой Виатик, открывавший им врата небесные. Монахи и священники стучали в двери, поднимались по лестницам к окнам, принося с собой еду и раздавая ее с готовностью и горячей любовью. Они приносили с собой из дворца кардинала корзины с фруктами и лакомствами, которые могли порадовать вкус даже умирающих.

В то время как они так заботились о телесных потребностях, к одним из душ часто присоединялся сам кардинал, к великой радости больных и милосердных священников, которые им помогали. И если он встречал кого-нибудь, несущего под шелковым зонтиком Святое Причастие в какой-нибудь дом зараженных чумой, он следовал за ним и возвращался в церковь, из которой вышел. Однажды произошло событие, достойное упоминания: старуха и пожилой мужчина преклонили колени перед священником, несущим причастие, прося причаститься, хотя они не очистили свою душу от грехов. Присутствовавший кардинал отчитал их таким тоном, что окружающим показалось, будто они услышали пророческое предсказание. «Почему вы пришли сюда с ложной и несвоевременной набожностью? Почему вы не очистились Святым Причастием, прежде чем приступить к страшной тайне Евхаристии?» Оба ушли, смущенные, и, исповедуясь, признались в попытке святотатства.

Кардинал позаботился о том, чтобы августейшее таинство Евхаристии было совершено с достоинством среди такого смятения людей и вещей. И это принесло большую духовную пользу.

IV. Церковный лазарет, учрежденный Фридрихом.

Недостойным и непристойным было не только видеть, но и думать о том, что священнослужители были сложены на телегах вместе с обнаженными трупами женщин и брошены в ямы без погребения. Гнусное зрелище и гнусный обычай, следствие тех дней бедствий и бедствий! Здание, называемое Каноника, уже принадлежало Умилированным, которые проводили там дни в праздности со своими бесполезными богатствами: они подверглись церковной цензуре, и после неслыханного преступления, после упразднения Ордена [131], его заменили священнослужители, которые там проживают и получают образование для священства. Федерико предназначил это здание для церковного лазарета, чтобы туда перевозили не всех зараженных священников и клириков, а только тех, кто заразился при исполнении своего священного служения.

Он назначил его директором Джироламо Сеттала [132], брата протофизика, который из архипресвитера Монцы стал главным исповедником в Милане; человек такой учености и добродетели, что немногие в нашей Церкви могли сравниться с ним, и, возможно, немногие в будущем увидят таких в других церквях и городах. После его смерти он послал туда Примицерио Висконти, своего племянника по линии сестры, упомянутого в начале этой книги. Два упомянутых руководителя церковного лазарета выбрали нескольких наиболее подходящих из чтенной Конгрегации Облатов, которые должны были позаботиться о том, чтобы больные священники в Канонике были хорошо обращались и никому не доставало религиозных средств для благой смерти. В помещении были сделаны большие запасы

необходимых вещей, и кардинал приказал отправить туда из своего дворца все необходимое.

Там были врачи, хирурги, слуги и другие наемники, чтобы как можно лучше заменить тех, кто мог погибнуть. Когда первые облаты умерли в лазарете [133], другие из этой почитаемой Конгрегации [] с готовностью заняли их место, желая получить венец мученичества и угодить кардиналу, а также потому, что считали за честь рисковать жизнью, выполняя эту благотворительную работу. Однако, поскольку богатства Борromeо и деньги из общественных фондов были недостаточны для покрытия стольких расходов, прихожане, каноники и другие церковные служители города были приглашены пожертвовать ту сумму, которую каждый мог, чтобы поддержать этот лазарет, открытый для их блага и который, возможно, понадобится каждому из них. Немало людей прислали деньги из чувства милосердия, другие из стыда, а третьи потому, что были богаты.

Многие богатые люди, которые находились в этом лазарете, видя приближение смерти, завещали зрителям богатства, которые не могли взять с собой и которые теперь презирали, обратив свои желания к благам другой жизни. Таким образом увеличились средства этого благотворительного учреждения. Лазарет просуществовал четыре месяца в помещении канонического дома « », с переменным количеством больных, но никогда не менее шестидесяти. Каждый из них, выздоравливая, помогал другим, и таким образом выражал свою благодарность за восстановленное здоровье Богу, кардиналу и нашей Церкви.

V. Деньги, принесенные кардиналу двумя крестьянами и Ломэллини из Генуи.

22 июня Федерико находился в зале дворца, где хранится архиепископский крест. Было два часа дня, и он, отслужив мессу в домашней капелле, медленно шагал взад-вперед, погруженный в свои мысли, или, опираясь на стену, принимал всех, кто желал с ним поговорить, поскольку вход был открыт для всех: так кардинал обычно проводил это утреннее время, чтобы облегчить душу, угнетенную множеством забот. Я случайно оказался в углу этой комнаты, рядом с дверью, и увидел, как по длинной череде комнат шли в ногу два крестьянина почти одинакового возраста, с честными лицами, но в одежде, еще более убогой, чем та, которую носят батраки.

Войдя в крестьянском стиле, они преклонили колени перед кардиналом, и тот, кто казался старшим, сказал:

«Господин, мы два брата, возделывающие небольшое поле, которое оставил нам наш отец, тоже крестьянин. Мы спрятали в груди и зашили в одежду две тысячи зекинов, деньги, заработанные нашим трудом и сбережениями, и мы намерены положить это золото к ногам Вашего Преосвященства, чтобы он распорядился им, как сочтет нужным».

Такое неожиданное предложение удивило архиепископа, который, подозревая недоразумение, а именно, что два крестьянина сумасшедшие, ответил, чтобы они внимательно слушали, что он говорит.

Другой ответил, что они в здравом уме и говорят правду; тогда архиепископ, позвав одного из своих слуг, приказал отвести их к архидиакону. Спустившись по внутренней лестнице и представшись ему, после нескольких слов о своем намерении, они сняли рубашки, достали несколько пакетов с золотыми монетами, пересчитали их и попросили публичного нотариуса составить документ о том, что принесенные ими деньги остаются в руках архиепископа,

чтобы он распоряжался ими по своему усмотрению. подписав квитанцию, которую архидиакон выдал от имени Фредерика, два крестьянина убрали ее и ушли.

Это приключение, свидетелем которого я был, вызвало у меня тогда и навсегда большое почтение к возвышенной душе кардинала, который, презирая золото, никогда не хотел осквернять свои руки, прикасаясь к чужим деньгам. Более того, он не привык обращаться даже со своими собственными деньгами и довел свою деликатность до того, что в те дни отказывался от огромных сумм, предлагаемых некоторыми дарителями.

В Милане жил некий Ломеллини, богатый генуэзец высокого роста, смуглого цвета кожи, который ходил по городу в одежде простолюдина, а не великого сеньора. Он, то ли по делам, то ли потому, что ему надоела жизнь в Генуе, время от времени останавливался в Милане и был достоин стать его гражданином. Будучи благочестивым и милосердным человеком, он тайно посылал милостыню в монастыри, когда узнавал, что там есть какая-то срочная необходимость, и, как говорили, он несколько раз приносил три тысячи зекинов для распределения по усмотрению кардинала, который очень хвалил благочестие и великодушие этого пришельца. Но когда тот вернулся с десятью тысячами зекинов и более, Фредерик, удивленный размером такой суммы, засомневался и нахмурился, подумав, что для архиепископа не прилично принимать столько денег от частного лица. Затем, успокоившись, он ответил: «Лучше отдайте это золото другим, кто в нем больше нуждается». Ломеллини ушел в изумлении и, как стало известно позже, раздал часть денег людям, привыкшим никогда не отказываться от них, которые с радостью приняли такой великолепный дар, купили много дорогих священных сосудов и украсили свою церковь колоннами, статуями, картинами и позолоченным потолком [134]. Остаток он потратил на удовлетворение общественных нужд, которые в те дни были многочисленными и неотложными.

VI. Предупреждения и советы кардинала своему духовенству.

Существует длинная записка с рекомендациями и предостережениями, опубликованная Фредериком для использования духовенством, и я считаю уместным привести здесь основные из них, чтобы показать активную бдительность нашего Пастыря и принести пользу другим, если когда-нибудь в каком-нибудь месте (, да не дай Бог) возникнет такая необходимость. Что касается крещения детей, рожденных от зараженных и находящихся в опасности жизни женщин, Федерико предписывал:

«Если тебе, местному священнику, или тебе, священнику, выполняющему свои обязанности, необходимо крестить одного из таких детей, постарайся приблизить к его лицу огонь, чтобы рассеять зараженный воздух вокруг лица ребенка, или, по крайней мере, очистить его; также используй абсент или ароматические травы в качестве профилактического средства.

Что касается совершения таинства покаяния, второго пути спасения после крещения, поступай следующим образом. Если больной находится в состоянии, позволяющем ему двигаться, приведи его в место, где вы оба будете на открытом воздухе; и там выслушай его исповедь; если же он не может двигаться, расположись рядом с окном или у двери на таком расстоянии, чтобы тайны исповеди не были услышаны снаружи. Если же необходимо подойти ближе, следи за тем, чтобы твоя одежда не касалась одежды или одеял больного, и будь предельно осторожен, чтобы не вдыхать его дыхание [135], по возможности держа лицо обращенным в сторону, противоположную его рту.

«Комната, в которой вы будете находиться, должна быть очищена с помощью какого-либо дыма, чтобы избавиться от запаха и зараженного воздуха. Это легко сделать, сжигая лавр,

можжевельник или другие подобные ягоды; а в крайнем случае, если ничего другого нет, даже солому. Также полезно смочить уксусом лоб и виски и поднести к носу шарики из слоновой кости или кости с ароматическими губками внутри, как это делали и во время последней чумы. Применяя такие меры предосторожности и берегая себя, вы в любом случае заслужите по крайней мере послушание».

С такой же заботой кардинал предписал своим священникам все остальное, что касалось их служения. Они могли полностью отказаться от таинства последнего помазания, которое готовит умирающих к последней борьбе; если же какой-либо священник, отличающийся особой милосердностью, все же хотел его совершить, то он должен был помазать только глаза, опуская менее необходимые помазания почек и ног; затем предписывал больному лежать с закрытым ртом и покрытым телом, чтобы избежать заражения чумой от его дыхания или испарений. Что касается браков, то Фредерик говорил, что, поскольку в них не требуется контакт, священник мог держаться подальше от супругов, произнося слова священного обряда. Что же касается мессы, таинства, от которого невозможно исключить народ, который собирается в церквях, он приказал поставить переносной алтарь у двери храма, чтобы люди могли слышать мессу, чтобы ни священник не заразился чумой от скопления людей, ни эти люди не вернулись домой с большим количеством зараженных, чем было до их прихода [136]. Однако священник должен был следить за тем, чтобы не использовать облачения, которые носил другой священник, умерший от чумы.

Как только умирал священник, все священные предметы, облачения, скатерти, пеленки и одежды покойного должны были быть очищены и отложены в сторону (). Он добавлял, что перед смертью, при первых признаках приближающейся опасности, лучше всего было бы поместить на хранение ценные предметы церкви и все, что трудно очистить, составив точный список, чтобы после окончания чумы можно было отделить неповрежденные вещи от подозрительных. Он также смягчал церемонии и похоронные обряды в зависимости от опасности.

Все эти вещи, хотя и менее значительные, я упомянул, чтобы еще яснее показать бдительность нашего Пастыря, который ничего не упускал из виду, и чтобы читатель мог судить о том, как он заботился о важных вещах, раз он так интересовался даже самыми незначительными.

Пастырские письма, рассылаемые архиепископом прихожанам и викариям миланской епархии, еще ярче выражают его чувства к душам своей паствы. Слова Фредерика похожи на слова апостола Павла.

«Облекитесь в милосердие: посмотрите на паству, посмотрите на детей, которых святая Мать Церковь родила и вверила вам, и которые оказались в крайней нужде. Будьте готовы, как мы готовы, потерять эту бrenную жизнь, вместо того чтобы покинуть нашу семью, дом, детей. Примите чуму как жизнь и утешение, если только вы сможете привести душу ко Христу. Ваша скромность, воздержанность и целомудрие и все ваши добродетели должны сиять как факелы. Это умиротворит небесный гнев».

Другие наставления почти теми же словами я нашел в архиепископских письмах, адресованных им приходским священникам, в которых он настаивал, чтобы они часто предупреждали людей не скрывать и не утаивать чуму, потому что это было тяжким грехом.

VII. Забота кардинала о монастырях Святых Дев.

Федерико заботливо помогал и поддерживал девственниц, посвятивших себя Богу в монастырях, где слабый пол живет в отделении от общества. Он предписал, что должно было быть сделано немедленно и в будущем, чтобы эти религиозные и уединенные девственницы сохранили свою репутацию, спокойствие души и не испытывали недостатка в необходимой пище. Он распорядился, чтобы время от времени закупались продукты, хранящиеся в течение нескольких дней, и, среди прочего, приказал избегать при таких покупках ненужных разговоров с продавцами и вмешательства многих людей в монастыри, включая слуг, поскольку они всегда вызывали подозрения.

Вещи, которые обычно вносили через ворота, должны были быть без тканей или упаковки, а помещаться в сосуды из олова, меди или стекла. Эти сосуды и веревки не должны были приниматься в монастырь, а после извлечения из них содержимого должны были немедленно возвращаться, отправляясь за пределы монастыря. Также нельзя было выносить посуду, корзины, корзинки, а если они однажды выносились, то их нельзя было брать и трогать. Он также запретил принимать сундуки, ящики и другие предметы, которые родственники, друзья или благодетели монастыря и Ордена хотели передать на хранение святым девам.

Он установил и ограничил число слуг, а также ограничил обычные разговоры в гостиной, женские письма, подарки в виде сладостей и другие почти всегда незаконные и в то время опасные и фатальные мелочи, потому что, не запретив их, они принесли бы заразу в монастыри.

VIII. Кардинал предсказывает по божественному вдохновению скорое прекращение чумы и приступает к реорганизации церковных наук и искусств.

Когда кардиналу сообщили о смерти шестидесяти городских священников [137], он прослезился от такой большой гибели. А немногие выжившие священнослужители, которые находились рядом с ним в одиноком дворце, рассказывали, как в тот момент смятения и скорби они видели, как он обратился к изображению святого Амвросия с таким выражением лица и движением губ, что слышались стоны, смешанные с молитвами к древнему пастырю нашего города, чтобы он не дал погибнуть всему своему духовенству и своей церкви. Они также заметили, что после этой беседы он подошел к ним с прояснившимся лицом, как будто получил благоприятный ответ, что чума прекратится и что Бог, умиловленный, согласился спасти амвросианскую епархию.

С того дня душа кардинала успокоилась; и вместе с тем чума постепенно угасала, пока в начале сентября Федерико, все более успокоившись, торжественно отпраздновал Рождество Богородицы и, произнося, как обычно, проповедь, не колеблясь, пообещал своему народу счастливые и радостные дни и конец заразы; и так и произошло. Когда Милан восстановил здоровье и рассеялось облако, омрачавшее все, вновь проявилось рвение Фридриха к наукам и изящным искусствам, от которых его отвлекло ужасное бедствие.

Он приступил к реорганизации семинарий для молодежи, предложил награды, искал учителей и ученых и все необходимые средства для образования талантов. А поскольку в результате массовой гибели выдающихся художников и скульпторов изобразительные

искусства, радость и украшение Милана, были заброшены, Борromeо с большой заботой приложил все усилие, чтобы возродить в городе искусства, литературу и основные науки. Для этой цели он вновь открыл школы обоих видов в Библиотеке и Колледже Амброзиано; и, купив по справедливой цене работы выдающихся художников, которые лежали без дела в заброшенных домах, перенес их в музей той же Библиотеки. Кардинал не имел более приятных забот, чем эти, как я, полагаю, более подробно изложил в жизни, которую я о нем написал.

IX. Мнения и суждения Федерико Борromeо о чуме.

Рассказав о предыдущих событиях, которые я видел или слышал, я занялся поиском и сбором из всех источников других сведений, которые лучше иллюстрируют память о кардинале и передают ее, чтобы послужить примером для потомков. В ходе этих исследований я обнаружил небольшую рукопись [138], в которой, как было в его обыкновении, он записывал, даже среди стольких бедствий, обрушившихся на родину, приятные размышления своего плодотворного ума, всегда склонного к философствованию. И я, не желая лишать его этой славы, а людей умных плодов, которые они могут извлечь из его полезных и изящных сочинений, приведу в своей истории много прекрасных и в то же время печальных фактов, которые архиепископ, очевидец чумы, оставил в своих записях или рассказал в семейных беседах. Так же, как древние писатели сохранили памятные высказывания Сократа и его высочайшую мудрость, так и мы сохраним комментарии и высказывания Фридриха о чуме.

Он начинает сравнивать резню в Милане с резней в Иерусалиме во времена Маккавеев, когда царь Антиох, исполнитель божественного гнева, опустошил его, и приписывает обе резни справедливому и милосердному суду Божьему, утверждая, что эти наказания были доказательством его доброты и милосердия, чтобы еврейский народ и миланцы стали лучше. И добавлял, что, видя добрые дела и благочестие горожан, он надеялся, что столь ужасный пример небесного гнева больше не повторится, хотя человеку и не позволено исследовать тайны Провидения. Это высказанное им суждение всегда будет утешением и благодарным свидетельством для нашей столицы.

Затем он излагает свое мнение о происхождении чумы, опираясь на свой литературный талант и обширные знания, утверждая, что, хотя она и разразилась по божественной воле, к ее распространению привели и человеческие причины. Опираясь на авторитет Гомера в «», цитируемого серьезными философами и святыми отцами, он доказывает, что не без основания поэт вводит Аполлона, который метает отравленные стрелы на поле греков, чтобы показать, что божество использует и это средство для наказания смертных. И из этого он подтверждает, что наша чума была божественным наказанием, отмечая в качестве дополнительного доказательства, что немецкая армия, которая принесла нам заразу, осталась почти незатронутой; и что испанские войска, занятые осадой Казале, получая почти ежедневно продовольствие из Ломбардии, не заразились болезнью благодаря такой связи, поскольку это явно было угодно Богу. Он пожелал наказать некоторые места и людей этой болезнью, а других пощадить, возможно, сохранив их для других наказаний. Даже в пределах Лазаретто, в ту ночь, которая могла стать последней для заключенных из-за наводнения, от воды спаслись те, кого впоследствии унесла чума. Отсюда было ясно, что эти люди были обречены умереть от заразы. Установив таким образом сверхъестественную причину, он рассуждал о человеческих делах следующим образом, не отличающимся от того, что мы изложили.

«Голод, говорит Фредерик, породил заражение; а голод был вызван бесплодностью полей и, в большей степени, произволом солдат и насилием со стороны иностранцев в этой стране. Ломбардский народ силен и в то же время деликатен: его крепость делает его неукротимым в войне и в трудах, как свидетельствуют истории; но с другой стороны, из-за гордости и мягкости он презирает и ненавидит неудобства, к которым добавляется еще и унижение. Поэтому, поскольку у Lombardi более живое чувство зла, скука, отчаяние и нетерпение сделали их более склонными к заражению чумой».

Таково мнение Флоренции о двойном происхождении болезни; что же касается обмана и уловок принцев и иностранных королей с целью распространения болезни, а также заговоров с целью опустошения Милана, он отрицает их существование. Что касается ядовитого масла для распространения чумы, отравленных смесей, ядов, он оставляет сомнение, действительно ли они существовали, или же они были плодом тщеславия и страха людей. Тем не менее, он склонен верить в то, что было сказано и во что верили, что некоторые бунтари и безумцы придумали злодейство помазанников в надежде на грабеж; и сравнивает их безумие с глупостью некоторых искусств. Чего только не выдумывают астрологи и алхимики? Так же и зараженные, возможно, мечтали о огромной добыче и смене судьбы, если бы семьи были уничтожены, а дома разрушены; в любом случае, это неопределенно и до сих пор остается тайной, единственное, что точно и очевидно, это то, что чума поразила Милан по воле небес, чтобы граждане исправились.

После массовой гибели от чумы, преступления и разврат плебеев и дворян стали более распространенными, чем раньше; у этой коррупции и извращенности было, вероятно, множество причин, но главная из них была следующая. Когда чума прекратилась, люди возгордились, предавшись безмерной и детской радости, как будто они победили смерть, будучи избавлены от всеобщего бедствия благодаря своей удачливой судьбе. Как те, кто долгое время лишены пищи и вина, как только получают их, набивают себе живот, так и эти люди, погрузившись во всевозможные удовольствия, которых, как они считали, были лишены, с еще большей безудержностью предавались всяким порокам, пировали, развратничали.

Все вышеизложенное я нашел записанным в мемуарах, которые кардинал составлял от руки.

В них он с одинаковой тщательностью и мудростью отмечал и собирал все, что касалось искусства распространения заразы и ее происхождения; он рассуждал о чудовищах, об ужасном облике чумы, о покаянии горожан и посещении священниками священных таинств; он описывал бесполезные средства, которые использовал народ, чтобы избежать заражения; и о спасительных средствах, которые можно было использовать для восстановления города после такой большой бойни и возрождения искусств. Эти и другие вещи, взятые из его Мемуаров и повторенные здесь, имеют тем больший авторитет, что автор, благодаря своему высокому положению и святости, с величайшей осторожностью обсуждал каждый упомянутый факт.

В главе «О зараженных мазях» Фредерик высказывается следующим образом: «Истина легко и охотно смешивается с ложью, правдивые вещи — с ложными; поэтому вокруг искусственно созданной чумы было сказано многое, что можно с одинаковой легкостью поверить или опровергнуть. И мы признали некоторые вещи, в то время как считаем, что в некоторые другие можно не верить. Мы не колеблемся утверждать, что многие, чтобы оправдать свою предосудительную халатность, распространяли слухи, что они заразились чумой через мази, тогда как на самом деле они заразились через дыхание или прикосновение.

«О мастерстве помазания рассказывали следующее, правда это или ложь, я не знаю. Некоторые бродили по Милану с отравленными бумажками, которые, раздаваясь как просьбы неосторожным, заражали и убивали тех, кто их брал. Земля, зерно и даже мелкие монеты, раздаваемые в качестве милостыни бедным, были посыпаны этим ядовитым веществом. Добавляли, что зараженных приклеивали к стенам с помощью шестов и мехов, и что ярость заговорщиков-рассадильщиков достигла такой степени, что один из их посланцев попытался проникнуть в монастырь, где, будучи допущенным, под видом святости принес заразу заразу, смазывая от первого до последнего несчастных монахов, которые все погибли, прежде чем обман был раскрыт.

«Эти и другие рассказы, которые ходили из уст в уста, мы не верим, говорит кардинал, и не осмеливаемся безрассудно распространять».

Что же касается ярости помазывания, то он выражается следующим образом.

«В Лазаретте один зараженный публично признался, что заключил договор с дьяволом, и указал место, где он спрятал банки и сосуды с ядами, и как только он закончил говорить, он скончался. За несколько мгновений до этого, в порыве отчаяния и ярости, он искал кинжал, чтобы покончить с собой, но, не найдя его, попытался перерезать себе горло острым камнем. Одна женщина, признавшись в преступлении, обвинила свою дочь в соучастии и содействии: ее немедленно арестовали, и у нее нашли банки и другие инструменты для помазания. Один преступник, признавшийся в том же преступлении, был доставлен на казнь на телеге среди собравшейся толпы, и, согласно приговору, был замучен на протяжении всего пути палачом, который сжимал ему руки и обнаженные конечности раскаленными щипцами. Пациент, указав на одного из зрителей, сказал приспешникам казнителя арестовать его, поскольку он был виновен в том, что вместе с ним раздавал мази, в результате чего погибло большое количество людей.

Эти и другие случаи были собраны и описаны кардиналом, и я выбрал из них несколько, чтобы дать пример глупости этих зараженных. Но поскольку, как я уже упоминал выше, умы колебались в сомнениях по поводу того, действительно ли существовали зараженные и искусство их распространения, или же это было одно из тех тщетных и беспочвенных опасений, которые часто приводят в безумие людей, попавших в крайнюю степень бедствий [139]; я, чтобы подвести итог спорным мнениям, приведу отрывок из того же Флорентийского, который рассматривает доводы, приведенные обеими сторонами.

«Известно, — говорит он, — что это была не первая и не единственная чума, которая, как говорят, была вызвана мошенничеством и виной смертных, поскольку и в Италии, и за ее пределами не раз имели место подобные безумства. Существует книга об искусственной чуме, несомненное доказательство того, что люди и в другие времена яростно наносили ущерб жизни и здоровью населения, в некотором роде подражая божественным молниям, с помощью злодейских изобретений, чтобы совершить свое преступление. Это нелегкое дело, подверженное многим невероятным трудностям, как сообщается об искусстве алхимиков, которые усердно занимаются выплавкой металлов и их трансмутацией, но, несмотря на свои невыразимые усилия, стареют, не достигнув успеха. Однако заражатели, найдя ядовитые мази, довольствуясь тем, что имеют в руках это преступное средство, с большой легкостью и быстротой совершают преступление. К безудержной жадности людей и множеству ядов, которые предлагает природа, добавилась сила демонов, вечных врагов человечества, подстрекателей и учителей преступлений, с помощью которых смертные, нанося вред друг другу, предлагают вечному врагу желанную добычу в виде тел и душ.

«Все это подтверждает распространенное мнение о мазах и ядах, но в то же время противоречит тому, что такие преступления были невозможны с помощью одних только частных средств, и, кроме того, ни один король или принц не помогал заражающим своей властью или субсидиями. Более того, никогда не было найдено ни одного руководителя или организатора этих злодейских помазаний, и доказательством их несуществования является не просто предположение, а то, что они исчезли сами по себе, в то время как, без сомнения, они продолжались бы до последнего, если бы были распространены надежным способом. История колеблется между двумя противоположными мнениями. Только ломбарды и иностранцы, имевшие жестокий характер, привыкшие к разврату, утомленные низкой зарплатой за тяжелый труд и страдающие от голода, что было следствием несчастного положения того времени, начали объединяться в группы, чтобы найти выход из своего бедственного положения. Помогаемый дьяволом, который все больше разжигал их горячие умы, они придумали это искусство помазания, элементы которого, возможно, они выучили в тех странах, откуда чума была занесена в Ломбардию.

«И не новость, что злодеи, чтобы избавиться от бед и неудобств, прибегают к преступлениям. В каждом веке существовали люди, которых объединяли чувства и одинаковая судьба, как свидетельствуют римские истории о заговорщиках Катилины. Что эти зараженные были самыми презренными и развращенными из людей, ясно из того, как они встретили смерть. Многие из них, пренебрегая приглашениями к вечному спасению и таинствам, оставались мрачными и нераскаявшимися, даже когда на их шеях уже была петля, так что после нескольких попыток и увещеваний они задушились, как уже обреченные на ад.

«Один из них, пойманный на месте преступления, когда он мазал, и без промедления отправленный на виселицу, увидев телегу, на которой лежали трупы зараженных чумой, бросился бежать и бросился в эту зараженную толпу, как в самое безопасное убежище, среди бугров и гниющих ран, где никто не осмелился бы прикоснуться к нему. Пойманный облаком камней и снарядов, он упал, раненный в нескольких местах, и на той же телеге был отправлен в могилу [140]».

До сих пор кардинал высказывался осторожно, но затем он продолжает обсуждать с большей тонкостью, как это принято у философов, яды и мази для создания, поддержания и распространения чумы, чтобы заражающие имели возможность грабить и наживаться среди больных и трупов.

Затем кардинал рассказывает о следующих жалкостных и отвратительных случаях.

У одной благородной девушки язык так сильно опух, что закрыл зубы, и в течение восьми дней она не могла глотать пищу. После того как язва была вскрыта и в рот введена трубочка, родители капали в нее несколько капель, которые приносили больной временное облегчение, но болезнь прогрессировала, и вскоре она скончалась. Монах с такой же опухолью десять дней не мог питаться, и с языком, высунутым из пасти на два пальца, в мучительных страданиях и представляя отвратительное зрелище, умер. Одна женщина в Лазарете пять дней подряд бегала взад-вперед, проходя всегда один и тот же участок, и ее было невозможно успокоить, потому что болезнь сделала ее неистовой: она рвала на себе одежду, обнажая тело, и разрывала узы. О подобных случаях и о желании ходить голыми сообщает Фукидид, который увековечил в своей истории чуму в Афинах.

Был еще один человек в толпе Лазаретто, который, испытывая отвращение к еде, оставался в течение восьми дней почти голодным и не разговаривал, как будто у него не было языка, так что его считали мертвым. На девятый день он пошел в конюшню гробовщиков и ночью

схватил неукротимого коня, сел на него и гнал его без остановки до рассвета, так что в конце концов и всадник, и животное упали без сил на землю и скончались.

Один остался в живых, но обе его ноги были поражены гангреной; у другого на груди лопнул бугорок, и при дыхании было видно, какое ужасное зрелище!

Один молодой монах, потеряв рассудок и бредя от жестокости болезни, сбежал из монастыря и бродил по городу, говоря, что он папа, и протягивая ногу для поцелуя. И поскольку никто не удовлетворял эту безумную фантазию, он воздерживался от еды, решив умереть. Притворное почтение было лекарством от несчастного бреда, и, почитаемый некоторыми как понтифик, он согласился принять предложенную пищу, выздоровел от чумы и от своей мономании.

Жалким и смешным было безумие другого, который, погрузившись в пруд по горло, продержался три дня без еды, напевая, что нашел надежное убежище от сателлитов и что у него украли десять тысяч зекинов, подаренных им императором.

Явление, почти идентичное тому, что произошло во время чумы в Афинах, как рассказывает Фукидид, было замечено и у нас, а именно, что умирающие искали колодцы и воду в целом.

Ужасным и отвратительным зрелищем, более всего отталкивающим, было то, что больные, а также здоровые и крепкие люди, из которых сочилась гниль и кровь изо рта или носа, падали на землю и умирали на месте.

Головная боль заставляла некоторых выкатывать глаза, смеяться и хвастаться тем, что они не заражены чумой, а затем испускать дух; другие бросались из окон. Некоторые приходили на драку, вооруженные палками: сбитые с ног ударами, а один из них от болезни, они лежали мертвыми на том же месте, где дрались, движимые безумной яростью.

Беременные женщины теряли детей, а детей, родившихся живыми, кормили козы, которые, обученные этому милосердному делу, бродили по лугам Лазаретто, протягивая свои вымя с почти материнской любовью. Было замечено, что одна из коз так привязалась к своему младенцу, что, если его забирали, она отказывалась кормить других. Некоторые, из любопытства, чтобы испытать эту странную привязанность козы, спрятали ребенка; и животное, беспокойное, выражало свою боль блеванием и отказом от пастбища; и казалось, что оно понятно искало своего подопечного, который, получив его обратно, прыгал с необычной живостью, выражая свою радость.

Последние примеры человеческих страданий; но особым даром божественного милосердия в таком хаосе событий и бедствий было следующее. Некоторые злодейские люди, которые в течение двадцати лет никогда не исповедовались в своих грехах, а если и делали это, то только по принуждению церковных законов, обманом и кощунственным обманом оскверняли себя и таинство покаяния, внезапно тронутые в Лазаретте небесной благодатью, раскаялись, оставив после смерти такое мнение о себе, как будто они сразу вознеслись на небеса. Некоторым Бог был настолько милостив, что в последние минуты жизни даровал им блаженное видение святых, и особенно Девы Марии, на которых они указывали окружающим, которые и засвидетельствовали это чудо. Об этом утверждал кардинал Федерико.

Ему совершенно не нравилась идея перенесения тела святого Карла, предложенная, когда началась эпидемия чумы. Он считал это по разным причинам весьма опасным и в душе подозревал, что некоторые очень тупые мужчины, а особенно простые женщины, привыкшие оценивать даже божественные вещи по внешнему виду, воображают себе нечто

большее, чем они должны были видеть, и что это никак не касается заслуг и блаженства святых. То есть, что даже тела тех, кто после смерти был причислен к святым, всегда остаются не подверженными разложению, как это происходит со всеми смертными после окончания жизни.

Но он больше боялся и предвидел то, что и произошло на самом деле: если в Милане были зараженные и ядовитые мази, то процессия дала бы им возможность совершить преступление, и они могли бы, в неизбежном скоплении людей, удобно намазать и скрыть свои нечестивые и нечистые руки. А если бы зараженных не было, то все равно было бы неизбежно то, что каждый день происходило между отдельными людьми, даже без скопления людей.

Толпа людей, заполнившая улицы, теснота, женская одежда, соприкосновение тел и дыхание были бы явным злом, даже без учета зараженных.

Поэтому кардинал отказал в согласии и попытался отговорить от переноса тела святого Карла, чтобы не только граждане, но и все жители соседних деревень не собрались в одну толпу. И когда он согласился на неоднократные просьбы, добавив к приказам Государственного совета и великолепию города церковную пышность и блеск, он позаботился о том, чтобы процессия прошла достойно, чтобы, если не сравниться со святостью Боромео, то хотя бы подтвердить преданность духовенства и миланцев.

Он предписал и издал приказы, которые собраны в небольшой книжке, о остановках, молитвах и тихих песнопениях, чтобы просить помощи и милосердия Божьего. А поскольку желание народа и некоторое публичное ликование среди бедствий требовали, чтобы тело святого Карло не было сразу же после процессии закрыто, а оставалось открытым, чтобы толпа верующих могла его созерцать и почитать, Федерико, как я уже сказал, согласился с благочестивыми желаниями города и всего населения. Он также установил и опубликовал дисциплинарные правила почитания, чтобы все стояли перед святейшим телом с тем настроением, которое хотел бы возбудить в них святой Пастырь, когда его небесная душа была соединена с телом.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА ПРИХОД И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЧУМЫ В ЛОМБАРДИИ. — АКТЫ СУДА ПО ЗДРАВООХРАНЕНИЮ.

I

Я рассказал до сих пор о страшных последствиях небесного гнева и о причинах, которые привели к чуме, еще более роковых, чем сама болезнь. Зараженное дыхание и взаимное дыхание, необходимое для жизни: почти всеобщая смерть горожан и почти полное исчезновение имени многолюдного Милана. Я также рассказал о ядах, о мастерских заразителю и о тех, кто, подталкиваемый демонами, распространял их, было ли это правдивым верованием или ложным подозрением, потому что ко всем этим бедам добавился еще и смутный и таинственный страх. В то же время я перечислил средства, использованные против неизбежной болезни и небесного бича, и благочестивые усилия страдающих,

умоляющих о прощении и здоровье, усилия, которые, как можно полагать, были приняты разгневанным Богом.

Я также описал, как мог, а точнее, как того требовала тема, заботу и великодушные поступки великого кардинала-архиепископа Федерико, а также мужество магистратов и граждан, которые в такое бедствие соперничали с делами и богатством Пастыря.

Все эти события я иногда координировал по порядку времени, а иногда излагал в беспорядке, отражая суматоху той эпохи, в результате чего мое повествование то продолжалось, то прерывалось.

Теперь мне легче вернуться к рассказу, и, имея в памяти произошедшие события, собрать их почти в одну кучу, рассказывая о том, каким был шторм того трехлетия, как по явным и скрытым причинам формировалась чума и как она начала распространяться, пока не разразилась с яростью, принося смерть.

Сначала я расскажу о том, что сделал городской совет, согласно тому, что записал в своих воспоминаниях его секретарь Кьеца, человек, заслуживающий глубокого уважения за свою честность и ум. Эти записки могут пригодиться в будущем, указывая на необходимые меры в случае чумы, поскольку в них содержатся указы, письма, советы и ответы руководителей города; в них можно прочесть о суммах расходов, о способах поиска денег в тех тяжелых условиях, о различных обязанностях, которые взяли на себя декурионы, и о многих других важных вещах того трагического времени.

4 октября 1628 года Суд здравоохранения написал Суду провизии, что чума распространяется во Франции, Нидерландах и Германии и уже начинает распространяться в Берне и Люцерне, в долине Сезия и даже в Поскьяво и других местах, граничащих с Вальтеллиной. В результате президент здравоохранения, по согласованию с губернатором, решил не откладывать закрытие ворот города и ввести регистрацию в соответствии с обычной практикой в случае чумы.

Это было сделано 18 октября, и министр здравоохранения настоятельно призвал Совет провинций принять все необходимые меры.

Был дан ответ, что расходы должны быть покрыты из казны королевства, но что этот вопрос обсуждается между правительством и мэрией. Кроме того, викарий и двенадцать членов Совета обратились к Совету шестидесяти декурионов с просьбой дать, как они всегда делали раньше, указания, которым следовало руководствоваться. Фактически они постановили, что, без ущерба для общественных прав и без ущерба для уже поданной просьбы, викарий имел право потратить необходимые средства в соответствии с правилами, действовавшими во время предыдущей чумы.

21 января 1629 года за счет города Декурионы отслужили четыре тысячи месс во всех церквях в память о покойных, чтобы просить помощи у небес.

5 мая викарий доложил Совету, что со всех сторон в Милан стекались голодающие крестьяне, распространяя нищету и убожество; они лежали на улицах, и многие умирали каждый день на площадях. Он сказал, что могла разразиться чума из-за такого скопления мусора, даже если бы она не была занесена иным образом, поэтому он предложил

декурвионам, известным своей мудростью и милосердием, очистить Милан от этой толпы, выделив им некоторую помощь, чтобы они не умерли от голода, тем более что число нуждающихся горожан и без того превышало их количество, не увеличиваясь за счет приезжих.

Декурионы, из сострадания к этим несчастным и из-за опасности, без промедления постановили выделить из казны три тысячи зекинов на покупку продовольствия для бедных. В то же время, чтобы крестьяне оставались на своих полях, они приказали раздать в деревнях и селах определенное количество пшеницы из государственных зернохранилищ, продавая ее по той же цене, по которой город ее купил.

5 июня к вышеуказанной сумме добавились еще две тысячи зекинов для той же цели, а также еще одна сумма, которая была собрана в отдельных приходах Милана путем сбора пожертвований от дома к дому.

13 декабря викарий сообщил Совету, что он беседовал с Его Превосходительством губернатором о текущем положении дел, и после долгого обсуждения пришел к выводу, что, учитывая опасения по поводу голода и чумы, следует собрать в амбары рожь, просо, просо и ячмень в том количестве, которое, по словам префектов по продовольственному снабжению, можно было бы купить. Необходимо было позаботиться о том, чтобы в случае ухудшения ситуации у народа не было недостатка в продовольствии.

12 декабря префекты, с которыми проконсультировались по поводу этой покупки, ответили, что можно купить три тысячи мешков ржи, тысячу восемьсот мешков проса, тысячу мешков ячменя, и что общая цена составит от сорока пяти до пятидесяти тысяч зекинь. Затем они предложили увеличить пошлину на просо и рожь, чтобы собрать вышеуказанную сумму: декурионы одобрили это предложение.

15 декабря губернатор приказал найти другие способы заработать деньги, поэтому было предложено вновь повысить пошлину на просо и масло, а также обсуждался вопрос об установлении подушной подати и налога на двери.

В тот же день в Совете были зачитаны новые письма президента здравоохранения, и обсуждался вопрос о том, как добыть дополнительные средства для удовлетворения общественных нужд, которые одновременно умножались. Прежде всего было решено позаботиться о Лазаретте и множестве бедняков, заключенных в этом заведении, и без промедления выплатить ту часть денег, которая, собранная из разных мест провинции, должна была быть собрана в Милане, поскольку промедление только ухудшало положение дел. Затем было сообщено, что два делегата, Тадино и Г. Висконте, , отправленные для надзора за общественным здоровьем в Комо и Лекко, бесполезно тратили там свое время, и что их миссия будет безрезультатной, если не будут приняты меры по очистке и карантину, которые невозможно осуществить без серьезных затрат. Об этом сообщил президент в Совете.

Он просил всех декурионов, учитывая многочисленные и значительные расходы, разрешить Суду по провизии выполнять распоряжения, которые Министерство здравоохранения сочтет целесообразными для обеспечения общественного здоровья. Дело было передано Консерваториям наследия, чтобы, следуя старой традиции и правам городов, которые они хорошо знали, и руководствуясь ими, они выполнили это обязательство.

18 декабря королевский губернатор дал согласие на введение подушной подати. После этого Консерваторы были поручены сообщить Совету, после консультации между собой, о наиболее быстром способе сбора этой подати. Также были опрошены префекты по продовольственному снабжению о закупке зерна на установленную сумму.

22 декабря им было разрешено взять для этой цели ссуду в размере пятнадцати тысяч зекинь.

В начале января 1630 года было принято решение отправить в Казальмаджоре, пораженный чумой, столько ячменя и масла, сколько можно было купить на тысячу зекинов.

26 марта президент здравоохранения вновь потребовал денег, которые, по его утверждению, были необходимы для предотвращения распространения заразы, но поскольку речь шла о немалой сумме, вопрос был передан на рассмотрение шестидесяти декурионам. Хотя в предыдущем году они дали Консерваториям право покрывать любые чрезвычайные расходы, тем не менее, учитывая значительность затрат, они приняли новый указ, которым подтвердили предыдущие, однако с обычными протестами, что права города () никогда не должны пострадать от этого. Помимо этих человеческих мер предосторожности, было решено просить божественной помощи, постановив, как и в прошлом году, отслужить четыре тысячи месс в память о душах, искупающих свои грехи. Пожертвования на это составили в общей сложности тысячу лир; половина была отправлена в наиболее известные монастыри из религиозной милосердия, а другая половина — в монастыри, лишенные средств к существованию.

3 апреля по просьбе президента здравоохранения было выделено четыреста зекиньев на нужды бедных. Президент рассказал, как на улицах и в переулках Милана можно было увидеть умирающих и трупы; как воздух был заражен зловонием и инфекционным дыханием; и как душа прохожих замирала от ужаса при таком зрелище. В тот же день было решено перевезти этих несчастных в госпиталь Стелла или в другое место и накормить их; кроме того, было решено выслать из города тех из них, кто пришел просить милостыню не из земель миланского герцогства, а из других государств.

11 апреля викарий сообщил LX Декурионам, что великий канцлер, также от имени губернатора, указал ему на необходимость подготовить дополнительные средства для распределения дров и милостыни в еще более обильном количестве. Поскольку купцы, привыкшие давать работу простолюдинам, которые зарабатывали на жизнь, теперь начали лишать их этого заработка, и он будет все больше сокращаться по мере роста страха перед чумой. В результате возникла опасность, что, лишившись средства к существованию, многие из-за праздности и нищеты начнут совершать преступления. Даже президент Сената от своего имени и от имени всего органа предупреждал о необходимости учитывать эту опасность. Наконец, викарий зачитал в Совете письма президента Министерства здравоохранения, которые касались той же темы.

Дебаты были очень серьезными, потому что класс рабочих, привыкших к удобствам и даже к изыскам жизни, был многочисленным, так что для государства было бы опасно и фатально лишить крепкий и развратный народ удовольствий и роскоши, обрекая его на голод и отчаяние.

Об этом писал викарию президент, завершая письмо следующими словами: «Над нами нависает бедствие и неизбежная гибель, и теперь уже нет сомнений, что чума среди нас и смертельна. Уже погибли несколько гробовщиков; вчера умер хирург; сегодня заболели привратник Лазарета и врач Аппиано [141]; даже отец Феличе из очень болен. И мы, в

окружении стольких опасностей и угроз, не находя средств, достаточных для пропитания и обеспечения в столь великой беде бедняков, вверенных нашему попечению, не сможем продолжать выполнять возложенные на нас обязанности и будем вынуждены сложить оружие».

Декурионы, потрясенные этими словами, постановили избрать шестерых из них, которые, объединившись с хранителями казны, будут управлять всеми делами, распоряжаясь государственными деньгами по своему усмотрению, за исключением случаев, когда потребуется более значительная сумма, о чем они должны будут доложить Совету.

Губернатор написал декурионам, чтобы они энергично подготовили помощь, необходимую в данных обстоятельствах, не давая себя застать врасплох крайними обстоятельствами, поскольку могло случиться, что, будучи, так сказать, запертыми и осажденными в Милане, они не смогут больше снабжать продовольствием население такой большой метрополии, и граждане погибнут от голода и чумы.

Совет и Суд по продовольственному снабжению были достаточно заняты и обеспокоены и без таких предупреждений и призывов, и не могли сделать ничего больше, кроме как подтвердить уже предоставленные полномочия.

1 июня они уполномочили делегатов не только брать ссуды, но и закладывать и отчуждать любые доходы, полагающиеся по праву городу. Также, по просьбе губернатора, Сената, великого канцлера и г., они согласились использовать часть денег, причитающихся городу и собранных для очистки всего герцогства, на покупку большего количества зерна и масла, если это будет необходимо.

Между тем, когда настал день начала очистки всего города, чтобы предотвратить взаимный контакт жителей, заперев их в своих домах, необходимо было установить сорокадневный испытательный срок, чтобы отделить зараженных от здоровых. Для этого президент Сената настоятельно просил избрать по два дворянина от каждого квартала, которые вместе с назначенными для этого сенаторами следили бы за всем необходимым. Кроме того, у отдельных ворот Милана должны были быть назначены другие лица, которые с широкими полномочиями регулировали бы работу лазаретов и хижин для зараженных.

Декурионы, не пренебрегая ни человеческой, ни божественной помощью, увеличили число своих делегатов, чтобы им было легче собираться для решения неотложных вопросов. Они также постановили, что любой приказ, изданный четверьмя из них, собравшимися на законном основании, считался утвержденным всем составом. Кроме того, они решили проводить пост по римскому обряду, но от этого отказались, поскольку приходские священники не одобрили это благочестивое решение, в отличие от других.

Помимо реестров и ворот, уже установленных на воротах для общественной безопасности, военных постов и двух дворян, которые также дежурили у каждых ворот, была принята следующая мера. Были посланы архитекторы, чтобы обойти бастионы и проверить, не дают ли более низкие стены или какие-либо проломы возможность тайно проникнуть в Милан тем, кто хотел бы обойти бдительность стражи. Все места, отмеченные архитекторами как легкодоступные, были восстановлены и незамедлительно укреплены.

Тем временем Суд здравоохранения постоянно посылал письма (), то излагая, что сделал его председатель вместе с медицинским коллегием, то прося о новых мерах от Суда провизии. В этих письмах, среди прочего, сообщалось, что, по мнению Суда здравоохранения, охрана будет проще, если закрыть ворота Nuova и Vigentina, и что он отдал соответствующий приказ.

Кроме того, подчинив дисциплину Лазарета хорошим нормам, они собрали их в небольшой том и отправили двум хранителям наследия Джироламо Легнано и Антонио Рома, чтобы те следили за тем, чтобы управление Лазаретом осуществлялось в соответствии с этими нормами. Было решено, что для спокойствия и спасения города, ныне пораженного чумой, но который должен был выздороветь, необходимо вести регистрацию населения в отдельных приходах.

Декурионы позаботились о том, чтобы это было выполнено быстро и точно, поручив эту работу некоторым из них и другим подходящим лицам, выбранным из числа дворян. Им было написано следующее: поскольку бедные всегда были рекомендованы Христом Спасителем, он будет благодарен за любые усилия, предпринятые в их интересах. Поэтому они должны были приступить к составлению реестров, каждый со своей стороны, упорядоченно и тщательно, но без промедления, чтобы город, зная положение и нужды каждого, мог обеспечить их. Делегатам было предписано собраться и прийти к соответствующим договоренностям.

Делегаты вместе с приходским священником и старейшиной должны были посетить каждый дом в своей приходе, вызвать к себе жильцов, доброжелательно расспросить их и внести в реестр мужчин и женщин. Они должны были собирать информацию о возрасте, положении, образе жизни каждого, о том, какими средствами они располагали для жизни, какими ремеслами занимались, а также любую другую информацию, которую считали необходимым выяснить. В случае возникновения трудностей или непредвиденных обстоятельств делегатам предписывалось информировать об этом дворян, предложенных у их дверей, которым они должны были передать реестры, как только они их заполнят.

Копия этих инструкций была роздана каждому из делегатов, которые взяли на себя поручение, возложенное на них Государственным советом.

После того как регистрация была выполнена в соответствии с этими правилами, делегатам было вновь написано письмо с просьбой, чтобы всякий раз, когда они обнаруживали среди изолированных в домах какого-либо несчастного, лишенного необходимых для жизни продуктов питания, они сначала проверяли реестр, в котором были записаны имена и имущество каждого человека, и затем посылали к назначенным продавцам, чтобы получить, в зависимости от случая, необходимый хлеб, который затем должен был быть распределен от дома к дому честными людьми, выбранными теми же делегатами. Домашнюю утварь, такую как столы, столовые приборы, белье, одеяла, простыни и т. п., загрязненную при контакте с зараженными или даже подозрительную, было приказано сжечь, а город должен был выплатить владельцу ее стоимость в соответствии с оценкой [142], которую делали уполномоченные лица. Были также назначены другие лица для проведения расследований в отношении иностранных нищих, чтобы, собрав их в двух разных помещениях и допросив, изгнать их, как и положено, освободив город от бремени этой чуждой ему толпы. Суд здравоохранения назначил деревню Троицы для изоляции в уединенном месте многих граждан, которые были больны или подозревались в заражении чумой. Но это не понравилось Совету, и декурионы ответили президенту здравоохранения, что, по-видимому, достаточно построить хижины в полях и поместить туда зараженных, вместо того чтобы загрязнять этот еще чистый от чумы район. Об этой мере спорили не только два ведомства, но и сами члены здравоохранения, а декурионы колебались между ними, не зная, какое решение будет лучшим.

Сторонники деревни Троицы говорили, что там и в соседних пригородах было много чистой и здоровой воды, очень подходящей для омовений, столь необходимых в лазарете для

очищения, а также что поблизости находилась большая яма, где были похоронены умершие от предыдущей эпидемии. Сторонники тугур, напротив, приводили в качестве аргумента, что, как я заметил, район Троицы был все же свободен от чумы, поэтому его заражение повредило бы близлежащим улицам и тем, кто посещал это место, к счастью, еще здоровым. К тому же добавлялось, что многочисленные дома и огороды в этом районе, а также близлежащие плодородные виноградники сделали бы строительство лазарета там чрезвычайно дорогостоящим.

Что касается строительства хижин, то они колебались из-за имени и репутации нашего города, который, находясь в таком бедственном положении, должен был по возможности способствовать мелкой торговле. Потому что скучивание людей в трущобах было крайним проявлением унижения и господствующей заразы. И существовали опасения, что вышеупомянутые города и соседние, испугавшись такой меры, утратив всякое почтение к столице (), запретят торговлю с ней. Тогда мы, вынужденные к изгнанию, понесли бы серьезный ущерб из-за подорожания продуктов питания.

Даже соломы не хватало, чтобы построить достаточное количество хижин для такого количества людей, а та, что была в наличии, была грязной и сырой; к тому же палящее солнце нагревало бы эти лачуги, причиняя большие мучения несчастным больным и создавая опасность новых эпидемий. Если бы мы захотели построить деревянные хижины, это заняло бы слишком много времени, потребовало бы чрезмерных затрат и необходимости увеличить число охранников и слуг.

Число зараженных увеличивалось с каждым днем, и Лазарет Сан-Грегорио, каким бы просторным он ни был, не мог больше принимать новых пациентов; поэтому был выбран деревня Вигентино, и из нее образовали остров. Уполномоченные лица заключили соответствующие соглашения с крестьянами, чтобы те покинули эту местность; другие были поручены закупить простыни, дрова, мешки и тысячу одежд.

В то время как эти дела и огромные расходы на пропитание народа волновал умы декурионов, и возникла острая необходимость собрать деньги, они возобновили уже предпринятую попытку обратиться за помощью к королю, которую они считали не только соразмерной величии такого монарха и его милосердию по отношению к верным подданным, но и по праву принадлежащей им.

Была отправлена новая посольская миссия к губернатору Спиноле, который в то время осаждал Казале, с просьбой о помощи от имени города, излагая общие бедствия и, наконец, права города. Двумя посланниками были Джованни Баттиста Висконти, сын Кориолано, и рыцарь Карло, которым общественный совет поручил изложить губернатору следующее.

Зараза, поразившая Милан, не только не ослабевала (), но с каждым днем усиливалась, становилась все более страшной и достигла крайней степени. Город не сомневался, что он не сможет нести бремя других расходов и невыносимого распределения денег на пропитание почти всего народа, если не хочет бросить на произвол голода и чумы столько невинных детей и младенцев. Кроме того, она была убеждена, что такие расходы должны быть покрыты щедростью короля, поскольку есть примеры того, как древние герцоги Милана во время чумы всегда несли такие расходы, облегчая таким образом положение города, угнетенного заразой; и император Карл V своим указом утвердил, что так и должно поступать.

Два легата должны были добавить, что это соответствовало авторитету законов, которые всегда склонялись к тому, чтобы поднять город и страдающий народ, возлагая подобные

расходы на мощь и богатство князей. Тем не менее, декурионы были вынуждены возложить такую нагрузку на Милан, чтобы сохранить верность народа своему королю; теперь же они оказались в крайне тяжелом положении, и было безнадежно заставлять их нести эту тяжелейшую нагрузку. Не только городская казна была пуста, но и была заложена на будущее в результате займов. Взимать налоги с каждого человека или с каждой семьи было теперь невозможно, потому что те, кто должен был их платить, тоже стали нищими. А дворяне, в частности, лишившись земель, которые были заселены солдатами, и, следовательно, обедневшие, больше не имели денег, которые можно было бы отдать в общий фонд.

Поэтому они решили обратиться с просьбой к губернатору, а через него к монарху, чтобы он нашел какую-нибудь помощь для верного Милана. Они просили, чтобы были прощены долги королевской казне, пока город не оправится от перенесенных бедствий. Такая помощь была оказана городу и в 1576 году, когда чума не была столь жестокой, а страдания не столь велики, как в настоящее время.

Маркиз д'Айамонте, тогдашний губернатор, написал королю, изложив положение Милана, и получил прошенное прощение. Теперь губернатор просил об этом в надежде, что король с такой же добротой согласится.

Спинола очень гуманно принял послов и дал им для города, то есть для шестидесяти декурионов, его руководителей, письмо следующего содержания. Он был очень опечален бедствиями и убийствами в Милане, о которых ему рассказали Джованни Баттиста и Карло Висконти, люди, равные по знатности и мудрости; его сожаление усугублялось тем, что, будучи занят войной, он не мог в данный момент прибежать, чтобы всеми силами помочь достойному Милану избавиться от стольких бедствий, как он сделал бы, будь он там. Тем не менее он был глубоко уверен и считал за само собой разумеющееся, что благороднейшие декурионы, занимающие столь высокие должности, не подведут свой долг, подавая другим пример той милосердия, которое следует проявлять и практиковать на благо родины.

Это, продолжал Спинола, было время щедро и с доброй душой раздавать то, что в других обстоятельствах справедливо и разумно распределять с умеренностью. И хотя трудно потратить все деньги и силы на одну цель, когда другие нужды требуют внимания и затрат, тем не менее декурионы должны считать, что необходимость накормить бедных и поддержать простой народ должна превыше всего, чтобы частная нищета и отчаяние не привели к всеобщему разорению. Со своей стороны, он не преминет сделать все, что сочтет полезным для устранения такой опасности. Все, что Суд по продовольственному обеспечению или Суд по здравоохранению сочтут целесообразным для этой цели, он поддержит, чтобы они убедились в его привязанности и доброй воле по отношению к столице. Что касается просьб легатов, он подумает, как их можно выполнить.

Эта помощь была медленной и слишком отдаленной, и больше похожей на официальные слова, чем на что-либо другое. Между тем, поскольку меры не терпели отлагательства, а дух людей все более возбуждался из-за трудностей в работе, в Совете обсуждалось, каким образом и какими средствами обеспечить общественные нужды, которые ранее были разделены, а теперь все сразу выросли в разы вместе с ростом чумы. Суд здравоохранения настаивал на выделении ему сорока тысяч зеккиньев, чтобы обеспечить срочные нужды.

Кроме того, было выделено еще шесть тысяч зекиньев для компенсации владельцам, чья домашняя обстановка была сожжена [143], чтобы ничего не осталось зараженным и загрязненным.

16 апреля, собравшись вместе, декурионы уполномочили некоторых из них выступить поручителями, выступая от имени города гарантами перед теми, кто предложил предоставить городу в кредит двадцать пять тысяч зекинов, сумму, которую президент здравоохранения назвал необходимой для полной очистки герцогства, тела, места, инструменты, дома, везде, где было малейшее подозрение на чуму.

Речь шла об отправке новых послов к губернатору Спиноле, который в те дни осаждал Казале, сожалея о бедствиях города и его нуждах и умоляя, как я уже упоминал выше, об освобождении от налогов, как это делали другие губернаторы в подобных обстоятельствах. Выбор послов я оставил тем, кому было поручено распоряжаться государственными деньгами для покрытия всех расходов, связанных с чумой.

На том же заседании обсуждались и религиозные обряды, которые следовало совершить, поскольку человеческие меры оказались тщетными, чтобы призвать с небес ту же самую эффективную помощь, которая была получена в предыдущем веке при святом Карло, когда уже не оставалось надежды на спасение.

Некоторые декурионы были отправлены для консультации и доклада о том, какие обеты и религиозные обряды следует совершить. По их ответу был издан следующий указ.

В течение трех лет подряд миланский народ будет свято чтить день Посещения Пресвятой Богородицы как праздничный день, в соответствии с нерушимым законом, соблюдая канун этого дня. По истечении трех лет это соблюдение будет оставлено на усмотрение каждого, освобождая народ от обета.

В этот день каждого года в храме Богоматери при Сан-Чельсо будут приноситься дары от Трибунала Провизии, предшествующие мастерам с эмблемами своего искусства, согласно обычаю. Там будет отслужена торжественная месса за счет Провизии, на которой будут присутствовать все. В первый год этого обета были приглашены декурионы, каждый из которых принес факел, купленный им самим, в дар Деве-освободительнице.

К источнику Сан-Барнаба Трибунал посылал бы подарки на сумму в тысячу зекинь, доставляя их публичной процессией и передавая их префекту церкви.

Было решено, что LX декурионы должны были умолять высокопреосвященного архиепископа Милана Борромео, чтобы он дал согласие на перевозку с благочестивой процессией и торжественной молитвой тела Святого Карла по городу. С согласия Борромео все должно было быть организовано с великолепной помпой, достойной мощей такого великого святого. Помня о ревности и милосердии этого пастыря, когда под его понтификатом Милан был опустошен эпидемией, и надеясь, что теперь он будет его заступником на небесах перед Богом, город дал обет, что день его смерти будет вечно праздничным для миланских граждан, которые будут воздерживаться от любой работы.

Это обещание, данное декурионами, вселяло в души еще большую надежду и мужество, тем более что растущие трудности и будущие опасности, усугубляя нынешнее зло, заставляли тех, кто обещал одолжить деньги городу, теперь, изменив свое мнение, категорически отказываться от этого.

Между тем, Суд здравоохранения запросил у мэрии значительные суммы на два новых лазарета, которые стали необходимыми из-за растущей болезни, конца которой не предвиделось. Необходимо было построить их и снабдить необходимым оборудованием, чтобы собрать и содержать тысячи нуждающихся граждан, пораженных чумой или подозреваемых в ней, помимо толпы, которая уже переполняла весь главный лазарет. К этим просьбам здравоохранения присоединились просьбы и предупреждения великого канцлера и губернатора, который, пользуясь королевской властью, настаивал на том, чтобы вовремя закупить масло, пшеницу, ячмень, соль и лекарства на сорок дней, в течение которых город должен был прокормить тысячи людей, запертых в своих домах.

23 июня были приняты различные декреты, перечислять которые было бы слишком долго; среди них была закупка по меньшей мере четырехсот кроватей и инструментов для двух вышеупомянутых лазаретов, заботой о которых были поручены декурионы Антонио Райнольдо и Дж. Пьетро Негроли.

2 июля, когда вместе с чумой росло мнение, укоренившееся в умах помазанников, и были обнаружены пятна и следы ядовитых мазей, викарий предложил Совету установить награду для тех, кто даст указания на преступление. Было постановлено, что к двумстам зекиням и безнаказанности двух бандитов, которые должны были быть предоставлены по усмотрению судьи, как уже было обещано губернатором в своем обращении, от имени города будут добавлены еще пятьсот зекинь.

Викарий также сообщил, что президент здравоохранения сообщил ему, что не было найдено врачей, которые хотели бы войти в Лазарет, чтобы осмотреть и лечить зараженных. Медицинский колледж, приглашенный письмом Суда здравоохранения, чтобы назначить нескольких врачей для этой работы, промедлил с ответом, поэтому он добавил, что необходимо срочно написать от имени города в вышеупомянутый колледж, чтобы тот помог родине своим искусством и не опозорил медицину, которая и без того почетна сама по себе, но в таких обстоятельствах приобрела бы новую славу.

После того как Декурионы написали письма с просьбами и ходатайствами, как того требовала серьезность дела, медицинский совет ответил: он предоставит двух своих членов, которые будут находиться за пределами Лазарета, рядом с могилой, чтобы как можно лучше лечить зараженных, но все отказывались входить в это помещение, подвергая себя почти верной смерти. Было решено, что два врача будут проживать за государственный счет в месте, недалеко от Лазарета, и что стражники будут сопровождать их к домам, лачугам и постелям больных. Зарплата была увеличена для всех, кто добровольно взял на себя эту опасную работу [144]. Муниципалитет искал врачей не только в Милане, но и в других городах (), обращаясь к нашим торговцам, находившимся в Германии и Франции, и пытался привезти и нанять выдающихся специалистов в области медицины.

Высокопреосвященный Борромео, достойный за свои выдающиеся добродетели титула кардинала, и архиепископ, полный горячей любви к своей пастве, согласился на перевозку тела святого Карла с максимально возможной помпой, публично показав его мощи, которые в другое время могли бы своим присутствием положить конец этой беде, а теперь наслаждались среди небесных наград за его заслуги и епископские труды. Получив разрешение архиепископа, декурионы позаботились о том, чтобы в торжественном переносе не было недостатка ни в чем.

Сначала они избрали двух из своих, маркиза Джованни Мария Висконти и Бальдассаре Барзи, которые договорились с Алессандро Маджента, архипресвитером митрополии, об

украшениях ковчега и шелковом балдахине, под которым тело должно было быть перенесено по улицам и площадям города.

Борromeо и его министры со своей стороны не упустили ничего из того, что было необходимо для торжественности и возбуждения благочестия в народе. Церковные власти, соревнуясь с гражданскими, приготовили великолепные украшения для костей Пастыря, который никогда не имел равных в этой столице по своей славе. Еще были люди, которые видели его живым.

Федерико разослал пастырские письма и велел вывесить их повсюду, чтобы народ знал, что открывается гробница святого Карла и из него извлекаются мощи. Он добавил к ним серьезное обращение ко всем и каждому, чтобы, обращаясь почти к последней надежде в столь тяжелом бедствии родины и теряя надежду на спасение, при переносе тела святого Карла, которого Милан почитал своим покровителем на небесах (), они приготовились искупить свои грехи постом и святыми таинствами; искупление, которое, как они знали, всегда рекомендовалось святым покровителем.

Между тем нужды и общественные заботы не давали передышки, и ни человеческая, ни божественная помощь не могли обуздать чуму, неподдававшуюся никаким средствам. Декурионы написали в Сенат, умоляя от имени города о помощи из королевской казны и о разрешении ввести налоги, которые они считали целесообразными. И прежде всего они стремились сохранить за городом право вернуть из королевской казны потраченные деньги. Сенат ответил, что просьба была справедливой.

14 июня город представил кардиналу-архиепископу прошение о публично сделанных обетах; в нем говорилось, что, как бы умоляя о божественной помощи против чумы, которая уже принесла столько смертей в Милане, шестьдесят декурионов решили, что миланский народ будет отмечать как праздничные дни день Посещения Марии и день смерти святого Карла; первый только на три года, оставив впоследствии свободу соблюдения по милосердию каждого, второй навечно. По поводу этого обета был проведен опрос населения в различных районах города, и он был одобрен общим согласием. Затем Декурионы попросили Борromeо утвердить его своей властью как главу миланской церкви, приказав приходским священникам торжественно объявить публичное решение, как это принято.

Губернатор Спинола из лагеря под Казале написал, что из-за чумы с каждым днем увеличивается количество дел, по которым необходимо обращаться к нему, отсутствующему и занятому войной, и он делегирует великого канцлера Антонио Феррера, чтобы тот заменял его, наделяя его всеми своими полномочиями, чтобы тот мог с должной заботой удовлетворить просьбы декурионов.

Последние, помимо уже испробованных способов сбора денег, в связи с новыми потребностями () предложили великому канцлеру и Сенату также следующее. Возбудить самых состоятельных граждан, а если увещевания окажутся недостаточными, то принудить их декретом дать столько денег, зерна и вина, сколько они могут, чтобы помочь муниципалитету в столь трудных условиях содержать бедных. Им будет предоставлен кредит из государственных доходов на суммы, предоставленные городу.

Декурионы настаивали, чтобы губернатор и Сенат приказали каждому сообщить, сколько денег, вина и зерна у него есть в доме, чтобы затем установить адекватный налог для каждого дома. Кроме того, они предлагали созвать коллегия врачей, адвокатов, особенно купцов и банкиров, чтобы договориться с ними о займе денег, с тем чтобы, участвуя в содержании бедных, они также приняли участие в этом славном и благотворительном деле.

Декурионы также предложили написать от имени города кардиналам и другим церковным деятелям, которые имели много владений в миланской провинции, прося их, в соответствии с их богатством, помочь земледельцам тех земель, с которых они получали доходы и которые будут приносить доход и в будущем, если их не оставить заброшенными, как это произойдет в случае смерти крестьян, лишенных хлеба. Такие же просьбы должны быть направлены монастырям и благочестивым учреждениям, с указанием, что они будут опорочены в глазах потомков, если не будут щедры в милостыне бедным.

Наконец, следует умолять достопочтенного Борромео, чтобы к его милосердию и щедрости, превосходящим всякую похвалу, он добавил еще одну милосердную обязанность – убеждать своих священников, многие из которых были богаты, раздавать в милосердие, как в городе, так и за его пределами, то, что им было не нужно.

Сенат постановил привести в исполнение эти решения Декурионов и написал в Совет общего собрания от и имени короля, согласно обычаю, одоблив эти меры как разумные и заявив о своей готовности обеспечить их выполнение своей властью.

Между тем не прекращалась переписка по этому поводу, то между Государственным советом и LX Декурионами с Сенатом, то между обеими этими магистратурами с губернатором. Несколько раз посылались послы к испанцу в лагерь; несколько раз он посылал в Милан приказы и обещания относительно мер, запрошенных послами, и относительно субсидий на общественные бедствия. Жертвы этой чумы почти сравнялись с жертвами войны, и меры, которые были приняты, и трудности, которые возникли, были велики и многочисленны. Однако я не буду приводить здесь акты посольств и цитаты из писем, чтобы не удлинять излишне и потому что я уже изложил суть этих вещей.

В то время как весь город в смятении скорбел о своем разорении, а поиски средств спасения угнетали души и болезнь тела, внезапно засияла надежда на спасение. Будь то благодаря человеческим предусмотрительным мерам, которые каким-то образом помогли обуздать заразу, или благодаря божественному милосердию, которое, желая лишь предупредить, а не уничтожить народ, уже достаточно напугало и очистило город, чума начала стихать. С каждым днем она все больше и больше ослабевала, и люди, ответственные за ведение учета умерших, сообщали, что ежедневно их число не достигало и половины прежнего.

В результате многие запланированные и принятые меры стали ненужными, так что президент здравоохранения Арконати написал декурионам, что, уходя со своего поста, он оставляет город свободным от чумы, чему способствовали забота и щедрость Совета. Наконец, поскольку многим полагалось вознаграждение за их верную и усердную службу, Арконати постарался найти сумму, чтобы вознаградить их, в соответствии со своими обещаниями и обещаниями Совета.

Ему сразу же выдали тысячу зекиньев, давая надежду на более крупную сумму и хваля его за то, что он с честностью и дальновидностью выполнил свои обязанности во время эпидемии.

Совет, желая выразить свою благодарность милосердному Богу за столь великую милость, обсудил, какие пожертвования будут наиболее приемлемы для Господа и наиболее соответствуют благочестию народа. Декурионы уже предложили, среди прочего, начать сорокадневный торжественный пост по римскому обряду, предлагая в некотором роде это спасительное искупление вместо богатых жертвований. Но народу это предложение не понравилось, и, собрав голоса, они единодушно решили не нарушать древнюю традицию

Амвросианской церкви, согласно которой Великий пост начинается в воскресенье после Пепельной среды. Поэтому было решено сделать другие обещания, которые не нарушали бы привычек народа и не изменяли старые установления.

Было решено повесить в церкви Грации серебряную лампаду весом шестьсот унций, с вечным обеспечением маслом [145]. Они послали в дар храму Богородицы при Сан-Чельсо параменто такой же стоимости; и, желая выделить такую же сумму для храма Святого Амвросия, покровителя Милана, кардинал решил, что лучшего применения этой сумме не найти, чем оградить главный алтарь этой базилики, что и было сделано. Была также выделена сумма, а затем и другая, для завершения и украшения церкви Сан-Себастьяно. Шестьсот зекиньев были распределены между монастырями и благочестивыми учреждениями в соответствии с их потребностями и славой святости, которой они пользовались.

Наконец, консерваторам было поручено рассмотреть, что еще можно сделать с помощью пожертвований и священных церемоний, чтобы возблагодарить Всемогущего за выдающееся благодеяние спасения Милана, который к тому времени был приведен в состояние полного разрушения.

Злоба, ненависть, зависть, которые всегда были и остаются самыми смертоносными ядами народов и правительств, не переставали даже в трагические дни эпидемии очернять наших магистратов, как будто они не делали все с должной тщательностью и великолепием. Я оставляю этот вопрос открытым, ограничиваясь лишь указанием общей суммы расходов на борьбу с чумой, как следует из публичных регистров. Она составила 267 000 зекиньи, рассчитанных по шесть лир.

Любой, кто знает о том, что было сделано в годы чумы, тем более если он подумает о том, сколько это стоило, не сможет усомниться в мошенничестве и воровстве в связи с огромной суммой, которая была потрачена. Большой лазарет, другие филиалы, поля, которые пришлось занять для установки хижин, я бы сказал, бесчисленные, мебель, дома, снятые в аренду в городе, врачи, лекарства, еда для зараженных и бедных; тысячи людей в течение десяти месяцев, как будто они были собраны в одном доме, обеспеченном всем необходимым.

Добавлю, для большей ясности и чтобы жители Милана в будущем знали о жалких могилах своих предков, что лазарет Сан-Барнаба, почти равный по форме и размеру лазарету Сан-Грегорио, был основан в Порта-Тичинезе. Он занимал десять югеров [146] земли, и в его центре была построена в спешке церковь. Там было четыре водопровода, которые, отводя воду из фонтанов, образовывали четыре умывальника для омовения; там были навесы для стражников, чтобы они не позволяли никому выйти, другие для монахов, призванных заботиться о душах, и, наконец, другие, отделенные для тех, кто, выздоровев, должен был пройти карантин, прежде чем выйти на свободу. Вышеупомянутые места находились за пределами ограды: внутри нее насчитывалось 217 комнат, в которых размещались четыре тысячи зараженных.

Второй лазарет, примерно такого же размера, готовился к открытию в Порта Комасина, недалеко от церкви Троицы, но его не удалось закончить вовремя, чтобы он мог быть использован. Точно так же некоторые другие лазареты, которые готовились с большими затратами, остались неиспользованными из-за внезапного вспышки болезни. Однако некоторую помощь оказали некоторые переулки, которые были немедленно очищены от

жителей, изолированы и охранялись как лазареты. Их было четыре: один в Восточных воротах, напротив Креста Сан-Рокко, второй в Вигентинских воротах, третий в Тицинеских воротах, последний в Комасинских воротах. Они охватывали много домов и простирались до городских стен.

Они были очень полезны и удобны для изоляции тех счастливиц, которые, избежав смерти в первые сорок дней, оставались в этих переулках еще сорок дней, чтобы исключить всякое сомнение в том, что они заболели чумой, пока, хорошо очистившись и оздоровившись, не были освобождены. Те, кто вышел живым из лазаретов, одетые в новую одежду, предоставленную милосердными и благочестивыми магистратами, были в упорядоченном порядке доставлены в эти более безопасные убежища.

Однажды в карантине оказалось шестнадцать тысяч человек, включая больных и выздоровевших; первая группа, которая вышла из лазарета Сан-Грегорио, чтобы войти в карантин, насчитывала пятнадцать тысяч человек.

Долг историка не позволяет мне умалчивать о хижинах, могилах, похоронах и трупах: мрачная тема! Хижины для зараженных было 645 в Порте Нуова, 715 в Порте Верчеллина, не более 300 в Порте Романа. Каждая стоила два зеккины, помимо вознаграждения владельцам занятой земли, которым также были выражены публичные благодарности за то, что они предоставили ее муниципалитету.

Огромные ямы для трупов были выкопаны на других полях, и их было двадцать четыре, не считая более мелких, которые из-за большого числа умерших открывались каждый день у каждых ворот города.

Точное число умерших было невозможно подсчитать, потому что в разгар эпидемии погибли даже медицинские работники, ответственные за ведение учета. Напрасно их заменяли другими и другими, потому что чума уносила всех с жестокостью, в результате чего, сократив потребности и заботы, ведение списков умерших было признано менее важным и почти невозможным. Тем не менее, согласно общему предположению, было подсчитано, что умерло 140 000 человек. Эту цифру я нашел в публичных документах, из которых я почерпнул все описанные события. Однако другие предположения и печальные признаки увеличивают это число, добавляя к нему умерших, которых родственники тайно хоронили в садах и погребках [147].

Такое неуважительное отношение к телам умерших было вызвано страхом перед гробовщиками, которые были не менее страшны, чем сама зараза, поскольку, как только они входили в дом, они переворачивали его вверх дном, воруя и разоряя все.

Хотя это предположение и является неоднозначным, а число умерших от этой заразы неопределенным, нет никаких сомнений в том, что если бы болезнь длилась дольше, меры Совета и остатки древнего богатства не помогли бы спасти немногих выживших горожан. О таком бедственном положении Декурионы, обращаясь к Спиноле, высказались следующими словами:

«Милан, город, преданный и верный католической монархии, среди всех городов, которые охватывают границы ее обширной империи, еще до чумы был истощен деньгами и угнетен долгами из-за трудностей того времени. Теперь же он исчерпал все средства банка Сант-Амброджо; он пытался получить всевозможные ссуды и займы, чтобы служить Богу, королю и

родине, кормя народ, как он это делал, и несет расходы, которые сам непобедимый император Карл V объявил обязанностью королевской казны».

Я боялся бы утомлять читателей, если бы стал перечислять одну за другой все меры, принятые магистратами для спасения родины от истребления; но с другой стороны, я считаю своим священным долгом не упускать ничего из того, что сделали эти мудрые люди в эту трагическую эпоху. Ведь декреты, которые они издавали в отдельных чрезвычайных ситуациях, возможно, будут утеряны или изнашиваться в будущем, как это обычно бывает с отдельными листами бумаги. А вот мои исторические документы, даже если они не будут вечными, будут иметь то преимущество, что их можно будет воспроизвести заново.

Однако я не намерен цитировать декреты дословно, а только их краткое изложение, которое было следующим.

Они приказали укрепить и охранять все деревни и поселки в окрестностях Милана, чтобы жители не покидали их и была прервана всякая связь между ними. Затем они специально приказали следить за землями и замками, подчиненными иностранной юрисдикции, чтобы иностранцы не проникли в Милан.

Они приказали ежедневно сообщать в суд « » (Суд по вопросам здоровья) список больных и домов, зараженных чумой или подозреваемых в заражении.

Врачи, хирурги и все необходимое для зараженных предоставлялись за счет государственных средств.

Было запрещено держать шелкопрядов из-за зловония их экскрементов [148]; была запрещена всякая торговля одеждой и лохмотьями из-за почти неизбежной опасности заражения через них. Были также приостановлены рынки, за исключением рынка в Лекко, который был разрешен с определенными ограничениями.

Они вернули в город главы семейств, которые постепенно почти все эмигрировали в загородные дома из-за страха перед болезнью.

Они запретили сдавать в аренду новые дома, чтобы жильцы, перевоза уже, возможно, зараженные предметы обстановки, не занесли болезнь в чужие дома.

А поскольку с каждым днем росла упорство и легкомыслие простолюдинов, которые отказывались верить в чуму и преследовали тех, кто, утверждая, что она уже проникла среди нас, предлагал соответствующие меры, то магистраты, по согласованию с губернатором, который в то время находился на войне в Карманьоле, пытались сдерживать их угрозами и наказаниями.

Поскольку бремя содержания этой голодной и бунтующей толпы становилось все более невыносимым, а зернохранилищ не хватало для ежедневной раздачи пшеничного хлеба, они постановили: использовать также просо и просо, а хлеб должен быть меньшего веса, поскольку нехватка денег требовала максимальной экономии.

Была направлена просьба королю о прощении городу пошлин, сборов и всего остального, что полагалось казне, ввиду ежедневных тягот и многочисленных смертей, в соответствии с тем, что было согласовано во время предыдущей чумы.

Изучив все возможные способы сбора денег и зерна, было постановлено: любой, кто ввозит пшеницу или ссужает деньги городу, получает семь процентов годовых. Продавцу также было предоставлено право конвертировать цену пшеницы в годовой доход. Розничным

торговцам, лавочникам, бакалейщикам, продавцам солений, торговцам дровами и углем, которые не держали свои лавки хорошо укомплектованными или повышали цены на товары, был наложен штраф в размере пятисот зекиньи и даже больше, по усмотрению Декурионов.

В деревни и поселки в пределах десяти миль от Милана был разослан приказ, чтобы крестьяне тщательно сохраняли солому, необходимую для постройки хижин, и при жатве срезали достаточно длинные колосья, чтобы они могли быть использованы для этой цели.

Некоторые дворяне были поручены посетить отдельные дома и семьи в Милане, зарегистрировав их имущество, торговлю, количество и возраст жильцов, а также количество тех, кто уже умер от чумы или был перевезен в Лазарет. Все это делалось с целью избежать мошенничества и ошибок при распределении государственной помощи и милостыни [149].

Бедные были предупреждены, что, поскольку эпидемия начала затухать, каждый должен думать о том, чтобы вернуться к своему ремеслу, а не бездельничать, живя на общественную милостыню в ущерб городу, который, находясь в крайне тяжелом положении, разорялся, не имея возможности насытить всех голодных. Это было опубликовано, чтобы вселить страх и ввести некоторую дисциплину в эту безудержную толпу; в остальном же до последнего момента предоставлялись пожертвования во всех случаях, когда нищета не была результатом лени. Были установлены суровые наказания для нищих и бродяг, приказав нашим собраться через два дня в приюте Сант-Амброджо, а пришельцам, что если они не покинут государство в течение четырех дней, они будут подвергнуты порке или осуждены к гребле, в зависимости от возраста и пола.

Более строго сдерживали дерзость могильщиков и могильщиц, вешая за горло и оставляя висеть на вилах тех из них, кто воровал в домах, скрывал или зарывал в землю краденное, или не сообщал о кражах магистратам.

Мне тоже тяжело рассказывать о таких вещах, и моя душа угнетена скукой, против которой я с неохотой защищался, когда решил сделать краткое изложение прокламаций и декретов. Теперь скука делает мой стиль вялым и заставляет меня бросить перо, поэтому я кратко изложу то, что мне осталось сказать.

Опасности, несчастья, человеческие обманы, сомнительные случаи, меры и средства, которые были использованы во время эпидемии в стольких общественных бедствиях и нуждах, можно найти в городских архивах, то есть в декретах, уведомлениях, письмах, консультациях, жертвованиях, распоряжениях Генерального совета, как для победы над чумой человеческими средствами и с божественной помощью, так и для питания народа и сдерживания разгула и преступлений злодеев. Рвение наших магистратов проявилось, когда зло разразилось с новой силой, и стало еще более активным, когда оно начало спадать. Об этом свидетельствуют указы, изданные после августа 1630 года, в которых просвечивает надежда на спасение, соединенная с заботой о том, чтобы не показаться неблагодарными за неравнодушие к божественному милосердию, положившему конец страшному бедствию.

Публичные акты были обнародованы секретарем Кьеца, сыном секретаря Якобо, который оставил после себя составленный им журнал. Теперь я приведу акты Суда здравоохранения, которые я нашел в его архивах и которые были опубликованы вместе с вышеупомянутыми или одновременно с ними.

II. Акты Суда здравоохранения.

В начале этих печальных событий, когда в городе не было никаких признаков или страха перед чумой, и миланцы, спокойные и беззаботные, занимались своими делами, наслаждаясь, как обычно, удовольствиями и радостями жизни, распространился слух, что императорская армия, движущаяся на захват Мантуи, распространяет заразу в странах, через которые проходит. К этой болезни немецкий народ, по укоренившейся веками традиции, относится не более серьезно, чем к обычным заболеваниям. Уже поступило известие, что в Линдо двенадцать семей, зараженных чумой, были изолированы в соответствии с действующими у нас санитарными предписаниями; в связи с чем президент Арконати приложил все усилия, чтобы санитарные власти объявили Линдо зараженным, и таким образом прервал всю нашу торговлю с этим городом. Тем более что, помимо того, что там разместились зараженная чумой германская армия, этот город всегда подозревается в том, что он является центром торговли товарами, поступающими из Германии [150]; поэтому Арконати настаивал на том, чтобы для безопасности Милана публичным указом был введен запрет на ввоз в государство людей и товаров, поступающих оттуда. Но частные интересы, которые, по словам одного древнего писателя, всегда противоречат общественным, помешали ввести этот столь мудрый запрет. Некоторые наши граждане, влиятельные и очень богатые купцы или родственники купцов, которые также занимали высокие должности, противостояли этому своим авторитетом и советами, не забывая привлечь на свою сторону людей, которые работали в Суде здравоохранения.

Консервативные врачи настаивали на том, чтобы перекрыть связь с Линдо по крайней мере на время лета, когда жара всегда усугубляет инфекции. И когда они увидели, что их советы были осмеяны и что прибыль власть имущих препятствовала предписаниям философии, они постарались, чтобы в те места был отправлен хотя бы один надежный человек, который, проведя тщательное расследование, написал бы в Милан о том, как прогрессирует чума, как она развивается и по каким путям она может проникнуть в наши провинции.

Министерство здравоохранения поручило эту миссию Джулио Вимеркати, верному, смелому и пренебрегающему любой опасностью человеку, если только он принесет похвалу, восхваление, уверенность в быстрой прибыли и надежды на будущее.

Вимеркати обследовал каждый уголок, изучая все, что касалось чумы, с усердием не только посланника здравоохранения, но и спекулянта. Но его письма и подробные отчеты оказались тщетными, поскольку, как я уже сказал, преобладали махинации торговцев, которые, в силу обстоятельств, поступали по своему усмотрению и, будучи ненасытными в своем стремлении к прибыли, хотя и были знатными и богатыми, сводили на нет все меры, противоречащие их интересам. С помощью власти и тайных махинаций им удалось помешать запрету опасной торговли с Германией (), как того хотели консервативные врачи. Более того, они добились отмены чеков, полезной и здоровой меры предосторожности, введенной в 1628 году сенатором Паоло Ро, президентом Министерства здравоохранения [151]. И эта неосмотрительная мера была принята, когда немецкая армия, зараженная чумой, еще не знала, по какому пути она войдет в Италию. Когда же, укрепив замки Граубюндена, она начала спускаться в Вальтеллину, все больше приближаясь к нам, Суд здравоохранения постановил, что никто не должен покупать одежду, утварь, сосуды и все, что было украдено войсками в деревнях, которые уже были известны как зараженные чумой. Опасность была очень велика, поскольку солдаты пытались извлечь выгоду из своих краж, предлагая их покупателям по низкой цене; поэтому указ Санитарного суда был пренебрежен, и многие, из-за жадности к наживе, заразились болезнью, что привело к гибели многих и к разорению страны.

Совет, Санитарная служба, Сенат и обычные квесторы с удвоенной энергией настаивали на том, чтобы, если нельзя было полностью избежать прохождения немецких войск по нашей территории, то хотя бы они сели на корабли в Кьявенне на озере Ларио и плыли до Комо. Таким образом, уменьшался риск распространения заразы по землям и оставалось меньше возможностей для грабежей со стороны солдат, дерзких и необузданных, как это свойственно варварам. Но жители Комо, как ходили слухи, избежали беспокойства с помощью пожертвования: руководители их города, заплатив четыре тысячи зекинов, добились того, что командиры армии выбрали сухопутный путь, задев лишь несколько земель озера. Если бы армия была переправлена на лодках, как было ре, чтобы сократить путь и уменьшить ущерб для страны, заражение нанесло бы гораздо меньший ущерб и не распространилось бы так широко; а немецкие войска не опустошили бы население грабежами и военным произволом.

Согласно предписанию, выйдя из долины Сольда, они должны были сесть на лодки в Маргоццо и войти в Вербано; спуститься по Тичино до Павии, а затем по По достичь мест, куда направлялась армия. Был также предложен второй маршрут, а именно от Белинцони до Магадино, где они должны были сесть на корабли; наконец, третий маршрут, который был закрыт с помощью денег, предполагал, что войска, выйдя из Вальтеллины, сели бы на корабли на озере Комо и, пройдя четырнадцать миль, направились бы в Лавено на берегу озера Маджоре; или, переправившись через Адду, они добирались бы до Кастельнуово, где эта река впадает в По, и оттуда отправлялись бы туда, куда их повели бы их командиры.

Два суда, сенат и магистраты города так и постановили; но когда армия, пренебрегая их декретами и изменив маршрут, опустошила всю страну грабежами, поджогами и жестокостями всякого рода, превысив даже обычную военную свободу действий; когда Колико был подожжен, Вальсассина была перевернута с ног на голову, Брианца и вся Джерадада были разграблены и подверглись еще более жестокому тираническому обращению, как будто они были захвачены варварскими ордами, когда войска распространили чуму, оставляя следы везде, где проходили, тогда Министерство здравоохранения ежедневно издавало новые приказы, которые приносили мало пользы.

23 октября 1629 года протофизик Сеттала сообщил в Министерство здравоохранения, что в деревне Кьюзо, последней на территории Лекко на границе с Бергамо, несомненно разразилась эпидемия и что уже десять домов были заражены. Такие же новости поступили из Колико, Беллано и Лекко, о чем написал врач Франческо Маруэлло, проживавший там, в «». В результате этих сообщений суд назначил комиссаром некоего Чизеро, чтобы тот без промедления отправился на место с приказом проехать через Комо и взять с собой врача для более тщательного изучения вопросов, касающихся общественного здравоохранения. Они написали, что в тех краях нет чумы, возможно, обманутые невежественным цирюльником из Беллано, который заверил их, что кто-то действительно умер внезапно, но из-за испарений болот Колико или из-за перенесенных изнурительных испытаний во время прохождения алеманнов, и что многие естественные болезни похожи на чуму. Но через несколько дней после того, как Министерство здравоохранения узнало, что и в других деревнях усиливаются подозрения о заражении из-за внезапных смертей, что вызвало панику не только среди жителей, которые покидали деревню, но и среди тех, кто находился далеко от нее, из-за возникшей тревоги, оно приказало молиться Богу, чтобы он остановил болезнь, которая уже распространялась.

Затем они избрали Алессандро Тадино, человека, который обладал не только необыкновенным умом, но и опытом и активностью, необходимыми в подобной ситуации, и попросили его, чтобы в дополнение к своим заслугам перед родиной он отправился на

разведку по всей территории, по которой прошла армия алеманнов, и сообщил суду, какие места он нашел здоровыми, а какие зараженными [152]. Ему дали в спутники Джованни Висконти, аудитора здравоохранения, снабдив их всем необходимым для путешествия. Выехав из Милана 29 ноября, они с максимальной тщательностью осмотрели берега озера Ларио, Вальсассину, холмы Брианцы и Джерададду.

На четвертый день они написали суду следующие новости. В Ольгинате, деревне Брианцы на берегу Адды, а также в Гальбате, они обнаружили, что крестьяне были очень взволнованы из-за вспышки чумы среди них, и многие из них изолировались из-за страха или бежали в леса и на близлежащие горы [153]. Всё там дышало нищетой и убожеством, так что крестьяне, не имея скорой помощи, заболели бы чумой, если бы ещё не заразились ею. Они добавили, что это были первые места, где они остановились, но что к ним поступали такие же новости из более далёких земель, что они и подтвердили в дальнейшем. Существовала острая потребность в врачах, хирургах и медсестрах, чтобы эти зловещие признаки не привели к более страшным последствиям.

10 ноября суд, на основании этого доклада, издал приказ объявить вышеупомянутые земли зараженными чумой и не допускать никаких поездок из них. Реестры, которые сначала были введены, а затем заброшены, были вновь введены в действие строгим указом, который соблюдался стражами из-за страха перед суровыми наказаниями, грозившими нарушителям.

Два комиссара продолжили свой обход, обнаружив несколько деревень, уже пораженных заражением или испуганных его приближением. Отдав самые срочные санитарные распоряжения и обеспечив за счет государственных средств неотложные нужды, они вернулись в Милан () и доложили Суду по вопросам здравоохранения, что теперь нет сомнений в заражении, которое уже распространяется в окрестностях города. Врачи, встревоженные этим зловещим известием, приказали двум комиссарам сообщить об этом губернатору. Тадино и Висконте отправились туда и, вернувшись на заседание, доложили, что Его Превосходительство был очень огорчен и взволнован этим известием, но что более серьезные заботы, связанные с войной, занимали все его время [154].

Трибунал распорядился, чтобы их письма были занесены в протоколы в вечную память о происхождении и первых жертвах чумы. Тадино, который был не только врачом, но и выдающимся историком, описал в своем отчете состояние земель, которые он посетил, обрисовав равнины, долины, заливы, болота, орошаемые водой места, унылые пустоши. Он различал виноградники, огороды, сельскую местность, каменистые горы, дворцы, дома, убогие лачуги крестьян; он отмечал количество семей в каждой деревне и какие из них были открыты и беззащитны перед чумой, а какие, благодаря своему расположению или огражденные стенами, имели надежду избежать ее. К этой, можно сказать, географии чумы, Тадино добавил свои собственные наблюдения по вопросам здравоохранения, относящиеся к его должности: он описал нищету крестьян, многих из которых он нашел лежащими на гнилой и грязной соломе, пропитанной зловонием солдат, которым он служил; рассказал о принятых им мерах, о распределенной помощи и о предписаниях, которые он ввел, чтобы еще здоровые земли помогали уже зараженным и сами получали помощь, если их поразила болезнь. В заключение он сказал, что повсюду отдал приказ, чтобы тела зараженных, которые, смешавшись с живыми, вызывали ужас своим отвратительным видом и заражали воздух, были похоронены [155].

Эти известия о болезни, которая уже распространилась по сельской местности, в долинах и даже в лесах, еще больше встревожили наших магистратов, поскольку они не ожидали ее в это время года, поскольку чума — это злобное чудовище, которое обычно появляется летом, а с приближением зимы скрывается в пещерах, чтобы снова поднять голову с приходом весеннего солнца. Между тем, в пределах стен Милана произошло пять смертей от чумы, которые, признанные в тайне, угрожали серьезной опасностью для грядущего лета. Магистраты не сделали выводов из этих пяти случаев, но пожелали, чтобы их ошибка была занесена в протоколы для обучения потомков.

Тот Локато, о котором я говорил в начале этой истории, был первым, кто занес заразу в город; он был солдатом гарнизона в Лекко, который, желая приехать в Милан, проник туда с поддельным пропуском и привез с собой, помимо одежды, которую он носил, еще и груз вещей, купленных у алеманнов, чтобы продать их в Милане [156].

Когда Локато умер в больнице, как я уже рассказывал, заболели все, кто был рядом с ним; некоторые умерли, другие, пораженные острой лихорадкой с гангреной, с трудом выздоровели. Это первый случай чумы, который я нашел в записях Суда здравоохранения; впоследствии умерли с признаками бубонов и угрей некоторые женщины из семьи Колонна, проживавшие в том же доме, где останавливался солдат. Суд здравоохранения приказал сжечь одежду и все вещи этих женщин, потому что они купили некоторые вещи у солдата. Впоследствии выяснилось, что, находясь в опасности смерти, они отправили в соседнюю часовню Сан-Рокко несколько одежд, чтобы повесить их в качестве обетов святому покровителю чумы; тогда Трибунал отдал приказ, чтобы их оттуда забрали и сожгли, чтобы из-за несвоевременной набожности этих женщин зло не распространилось из часовни среди народа.

2 ноября на заседании присутствовали протофизик Сеттала, его сын Сенатор, которого он воспитал, чтобы тот стал наследником отцовской славы, но который не прожил долго, и Алессандро Тадино, который, связанный с ними дружбой, общими интересами и любовью к родине, составлял с ними почти единую медицинскую школу и семью. Смущенные, они рассказали, как в Порте Верчеллина, в лачуге Бернардо Беллано, продавца лохмотьев, прибыл Джероламо Радаэлло, сбежавший по какой-то причине из деревни Мерате, где он купил у алеманнских солдат воротник из буйволиной кожи. Заболев чумой, он умер через два дня, и на спине трупа появились черные пузыри и бубоны; даже Беллано, его хозяин, умер с теми же симптомами чумы; более того, Виттория Каттанеа, которая из сострадания или за деньги ухаживала за двумя больными, тоже заболела. Младенец, сын Беллано, и старая Катерина Каттанеа с дочерью, жившие в том же доме, все умерли от чумы в результате неизбежного контакта в бедных жилищах.

После этого доклада трех известных врачей, санитарные власти приказали удвоить меры предосторожности. Но к тому времени уже приближалось начало того года, который должен был принести столько смертей по всему городу.

В январе 1630 года заражение начало распространяться по Милану с двух противоположных сторон, а именно с Porta Orientale и Porta Vercellina, и суд здравоохранения распорядился установить за пределами Лазаретта хижины для размещения зараженных. А поскольку существовали дисциплинарные нормы, установленные герцогом Франческо Сфорца, он попросил Тадино и молодого Сетталу, консервативных врачей, чтобы они, изучив их, добавили или изменили то, что требовали время и текущее положение дел, порекомендовав им перевести каждую главу на народный язык с соответствующими и ясными пояснениями,

чтобы книга была полезна всем, кто должен был ее использовать. Консерваторы, не теряя времени, объяснили и свели в таблицы дисциплины старого Лазаретто.

Они ежедневно докладывали суду, что у них нет власти, чтобы заставить соблюдать санитарные законы не только простолюдинов, но и многих дворян, которые утверждали, что опасность заражения ложна, а врачи, которые ее поддерживали, были врагами родины. Превосходный и почтенный Сеттала подвергся серьезным оскорблениям и едва не был забит камнями толпой: один цирюльник оскорбил Тадино и попытался настроить против него прохожих. Другие врачи меньшего веса, иностранцы, а значит, не имеющие любви к родине, или же наши соотечественники, но коррумпированные злобой и завистью к коллегии, потому что она не хотела их принимать, громко кричали, прилагая все усилия, чтобы свести на нет предложения консерваторов и указы Министерства здравоохранения, высмеивая его, как будто оно было бесполезным и номинальным органом. Их коллегами были не только презренные цирюльники, которые от бритвы и расчески перешли к занятию шарлатанством, но и настоящие хирурги, которые должны были поддерживать медицину, как те, кто практикует искусство той же сестры.

Эти люди, сплотившись, набросились на сторонни, указывая на них дворянам и простому народу как на палачей, если не тел, то уж точно душ, как на тех, кто сеял смятение и ужас смерти и публичного убийства. Санитарная служба, видя, что все аргументы, доказывающие существование заразы среди нас, высмеивались, решила попробовать очень эффективный способ, чтобы донести правду до благоразумных и глупых и вселить разумный страх в души.

Настал день, когда мужчины, женщины, многие дворяне на лошадях или в каретах, согласно обычаю, и народ, освобожденный от работы в праздничный день, с утра до вечера стекались толпами к Фоппоне Сан-Грегорио, чтобы молиться за умерших от предыдущей чумы, похороненных там. Этот жалостный обычай сохранялся среди миланцев в течение полувека, хотя, следует признать, некоторые приходили туда, чтобы похвастаться или полюбоваться зрелищем стекающейся толпы.

Консерваторы здравоохранения выбрали этот день, чтобы с помощью мрачного зрелища победить неверие в заражение, которое у многих, словно небесное наказание, было непреодолимым. Положив на телеги тела немалого числа умерших в тот день от чумы, они приказали перевезти их к открытым могилам в час наибольшего скопления народа, как будто это произошло по простому стечению обстоятельств.

При появлении ужасного кортежа раздались плач, стоны и голоса, умоляющие о божественном милосердии. Суду было сообщено, что вид этих повозок произвел такое сильное впечатление, что даже самые скептически настроенные люди теперь убедились в существовании чумы.

Было принято решение прекратить связь с Савойей, чтобы другие варвары из Сузы и Пинароло не занесли в Ломбардию заразу, которая уже свирепствовала среди нас, и мы не могли передать ее им. Под угрозой смертной казни и изгнания был запрещен любой покупка одежды или лохмотьев, возможно, из-за страха перед смертью тех, кто жил в доме Беллано, продавца лохмотьев.

Среди бесконечных забот, которые с каждым днем становились все более насущными, возмущение и боль вызывала деспотичность лиц, поставленных на стражу почты и кварталов

в Милане, а также стражников, которые стояли на страже снаружи. Эти люди, ставшие арбитрами повседневных дел и торговли, вместо того, чтобы осуществлять справедливое судопроизводство, тиранили народ.

Это были банкроты, нуждавшиеся в государственной службе, чтобы прожить, или богатые люди, которые в бедствии родины стремились увеличить свое богатство, или, наконец, наемники, жадные до подарков, спекулирующие на бедствии неимущих и делящие доходы со своими хозяевами.

Кто-то из них притворялся ревностным, как будто был одним из отцов родины, кто-то хвастался своим умом и богатством, способным сдерживать подчиненных чиновников, другие занимались выполнением приказов: все они были плохими и опасными, как зараза, но их терпели из-за нехватки хороших граждан, которые бежали.

Был один, не знаю, банкрот ли он был или богатый деспот, который приказал приносить из домов, опустевших после смерти их владельцев, все, что там находилось ценного, а также домашнюю утварь. Таким образом, эти негодяи собрали кольца, драгоценности, медные и оловянные сосуды, белье и тому подобное, притворяясь, что хранят их у себя как депозит, который будет возвращен, но на самом деле, чтобы разграбить.

Суд, узнав о грабежах этих злодеев, сначала не смог сместить их с занимаемых постов, но через некоторое время, воспользовавшись удобным случаем, удалил их, к тому же сама чума избавила от многих без лишних хлопот [157].

Впоследствии был издан указ, который уменьшал число этих людей, чья временная и неограниченная власть была столь губительна для страны. После того как их число сократилось, дела пошли немного лучше, и в здравоохранение поступало меньше жалоб.

Умерло много врачей и хирургов, и поскольку было трудно найти людей, которые могли бы заменить их, как в назначении лекарств, так и в кровопускании и других операциях флеботомии, здравоохранение пригласило с помощью премий всех, кто занимался медициной и хирургией в Милане, и предложило щедрые зарплаты тем, кто приехал из соседних городов и деревень.

Декрет о карантине в Милане принес очень мало пользы, а наоборот, стал причиной беспорядков и дал новый толчок чуме, поскольку, что было неразумно, вместе помещались здоровые, выздоравливающие и те, кто таил болезнь в своих внутренних органах. Такая карантинная изоляция, введенная не в главном лазарете, а в его филиалах, расположенных у отдельных ворот города, приводила, как я уже сказал, к скоплению недавно выздоровевших людей вместе с зараженными. Там, как будто они были в тавернах, они предавались пиршествам и играм и всякого рода разврату, заражая себя и других, умирая до установленного срока выхода, в результате чего эта санитарная мера оказалась крайне вредной. Суд не нашел другого средства против беспорядков, кроме как открыть эти ограды и не исполнять указ, как это произошло со многими другими, оставив нарушителей безнаказанными, потому что в тех местах признавалось только господство смерти.

Непредвиденный случай, или, лучше сказать, тщетная надежда и слепая страсть верить в то, что горячо желаешь (), ввели суд в заблуждение. Одна женщина прибыла в Милан из деревни на озере Маджоре и, движимая материнской нежностью к своему сыну, приговоренному к тюремному заключению, явилась в суд, заверив, что у нее есть чудесные средства против чумы, открытые ей благодаря изучению простых средств по божьей милости, а также с помощью тайных средств, которые ей не позволено раскрывать. Она

предложила, что если ей вернут сына на свободу или хотя бы пообещают это сделать, она немедленно пойдет в Лазарет, где факты докажут правдивость ее обещаний.

Санитарная служба согласилась и сразу же приняла старую знахарку в Лазарет, где она давала зараженным определенные травы и порошки, шепча над ними какие-то таинственные слова с -возвышенным видом. Но те, кто следил за ней, заметили, что она произносила бессмысленные слова, а травы и порошки не имели никакой силы, более того, когда она давала больным действенные лекарства, они оказывались смертельными, и многие умирали в ее руках. Таким образом, одна женщина обманула уважаемый Суд здравоохранения [158].

Вышеупомянутый представитель затем доложил Сенату, что в тюрьмах преступники, осужденные за тяжкие преступления, и многие, кто находился там за долги, заболели из-за убожества и грязи тюрем, и многие уже умерли [159]. Поэтому он предложил, что было бы разумно освободить всех, кого можно было освободить без риска. Сенат выбрал нескольких своих членов для рассмотрения споров и судебных тяжб отдельных заключенных, а также их преступлений, с полным правом освобождать их или оставлять в тюрьме; кроме того, он постановил, что в течение трех месяцев никто не будет заключаться в тюрьму за долги [160].

В этой последней части моего рассказа я включил различные случаи, не только незначительные, но и настолько презренные, что история едва удостоила их упоминания. Я собрал их отовсюду, рассказывая о них по мере того, как они попадали мне в руки и приходили мне на ум, движимый желанием не упустить ничего из того, что сделали наши магистраты из заботы о здоровье народа.

Они уделяли большое внимание прядильным фабрикам, чтобы не скапливались экскременты шелкопрядов, из которых извлекается нить, соперничающая с золотом, и которая, сотканная в великолепные одежды, заставляет сиять и делает величественными знатных людей. Они поняли, что, запретив из-за зловония разведение шелкопрядов и прядение шелка, они лишат людей средств к существованию как в городах, так и в сельской местности, поскольку почти во всех деревнях нашей страны с нетерпением ждут сезона коконов, который дает работу многим людям. С другой стороны, они полагали, что крестьяне из-за любви к заработку и по привычке не будут обращать внимания на опасность заражения воздуха зловонием, производимым различными операциями, связанными с шелкопрядами. Поэтому, хотя в общем указе было предписано, чтобы в тот год чумы не высаживали семена, они изменили запрет, разрешив делать это при соблюдении определенных правил и мер предосторожности. Было разрешено держать шелкопрядов не в городах и деревнях, а только в усадьбах и изолированных домах, при условии, что они не были заражены чумой. Если какой-либо горожанин или крестьянин давал половину семян крестьянам, как это было принято, он должен был гарантировать соблюдение предписанных правил.

Кровать для шелкопрядов и мусор, оставшийся после того, как они приступили к работе над коконами, было приказано вывозить на открытые поля, подальше от населенных пунктов. В комнатах, где содержались шелкопряды, предписывалось время от времени разжигать костры из лавра, можжевельника и других ароматных трав, распространенных в сельской местности, а при их отсутствии — из корней и ветвей виноградной лозы. В этих комнатах никто не должен был спать в течение двадцати двух дней, чтобы зловоние не вызвало обмороков.

Популистские политики, живущие одним днем, осудили эти мелочные и бесполезные меры, но совсем иное мнение выскажут те, кто помнит слова одного мудрого грека. То есть, одним словом, в одном удачном движении тела, в одном жесте, в одном взгляде глаз заключается

большая сила, указывающая на мудрость и величие души, чем во многих выдающихся поступках.

И так как Римская империя, согласно суждению одного известного латинского историка, выросла именно благодаря многим мелким обстоятельствам, о которых он рассказывает, так и мелкие предписания, придуманные и введенные в действие нашими магистратами, стали причиной, после божественного милосердия, того, что весь город не погиб от заразы и она не распространилась по всем землям государства.

Было совершено много ошибок, и главная из них заключалась в том, что, к большому ущербу, не было принято меры по закрытию для ежедневной торговли двух ворот: Восточного и Тичинского (). Если бы это было сделано, поставив стражей для охраны этих ворот, зараженных чумой, можно было бы надеяться, что, сдерживая зло и отталкивая его как врага, они спасли бы город, не дав ему распространиться в его сердце. Но эту меру было легче предложить, чем осуществить; однако нет сомнения, что арендатор Восточных ворот и ломовщик у ворот Верчеллина были первыми, кто занес чуму в Милан.

Вся вина за то, что не были приняты подобные меры предосторожности или что они были проигнорированы, была возложена на одного человека, чье мнение в Государственном совете оказалось пагубным, и не только в этом деле. Поскольку этот человек, выступая против умывален, которые, расположенные у проточных вод Лазаретто, очищали нечистоты и вывозили их, пользуясь преимуществом вечного источника [161], он приложил все усилия, чтобы построить другие бани в болоте, чьи стоячие и гнилые воды, уже сами по себе испорченные, и тем более питаемые и источающие чуму из-за такого большого скопления нечистот. Я нашел в архивах, что на это здание было потрачено четыре тысячи зеккинов. Так импульсивный и невежественный человек, не понимающий природы вещей, заставил общественность потратить такую огромную сумму без какого-либо эффекта, кроме как поддержать болезнь и усилить ее [162].

Я не хочу выступать в роли толкователя божественных суждений и опрометчиво называть непостижимое провидение министром нашего гнева и карателем тех, кто по легкомыслию или по вине нанес ему ущерб. Но было удивительным и достойным запоминания случаем, что вышеупомянутый дворянин, который руководил делами по своему произволу, не имея необходимых знаний, и несколько комиссаров и подчиненных министров Министерства здравоохранения (Sanità), виновных в халатности при исполнении своих обязанностей, все погибли. Примольдо, Конфалоньери, судебный пристав Понтино, который, купив, а затем продав простыню зараженного чумой, стал причиной гибели более семи тысяч человек, и другие негодяи подобного рода умерли вместе со своими семьями в тот же день, став примером божественной справедливости.

Невозможно описать жестокость и ужас этой эпидемии. Многочисленные рассказы о ней и город, почти опустевший от жителей, были бы достаточным доказательством, если бы не было ничего другого; однако мое сердце тревожит удивление и ужас при воспоминании о внезапной смерти всех монахов одного монастыря. И это не из-за контакта или зараженных мазей и ядов, а из-за такой пустой и легкой вещи, как дым. На улице Марина, известной своим приятным расположением и живым умом одного знатного и богатого старика, который указал магистратам на это место, прилегающее к городской черте [163], как подходящее для проезда карет и прохожих. И, получив разрешение, он очистил его, привел в прямую линию и украсил, дав новой улице свое имя, которое она сохраняет до сих пор.

Там, ночью, полагая, что все соседи спят, сжигали одежду, одеяла, пуховые подушки, лохмотья и другие предметы домашнего обихода, и зловоние проникло в соседний монастырь, проникнув через решетки окон в комнаты монахов.

На следующий день многие из них умерли, остальные два дня боролись с болезнью, а затем скончались; выжили только те, кто жил внутри, в закрытых помещениях, куда не проник дым и запах ().

Из всех примечательных событий этого года и катастрофы, обрушившейся на жителей Милана, ничто так не тронуло и, я полагаю, не тронет души читателей, как выдающееся милосердие этого города, которое, распространившись из него в другие регионы, еще более усилилось среди бедствий, оставаясь ярким и достойным подражания примером для всех народов в будущем.

Помимо публичных постов, обетов, священных обрядов и всего остального, что может расположить Бога к себе; помимо пожертвований благотворительным учреждениям, утвержденных Генеральным советом, милостыни бедным во имя Христа Спасителя, чтобы умиловать Его; короче говоря, помимо того, что подсказывала религия и природная щедрость города, каждый состязался в поощрении актов милосердия и благотворительности и всего, что считалось способным смягчить Бога, чтобы Он простил своей добротой и милосердием грехи смертных.

Они ходили в церкви босиком, покрытые мешком, били себя по спине власяницей, пока она не была пропитана кровью, и окрашивали в пурпурный цвет эту одежду скорби и покаяния. Многие ходили днем, покрытые мешком, а ночью, в еще большей степени, они ходили неизвестные и одинокие; затем, собираясь в группы, они вместе плакали, молились, бичевали себя, соревнуясь друг с другом в темноте. Частота ударов и нарастающий шум удваивали соперничество в их душах, как заметили некоторые, которым пришлось в голову следить за этими группами ночью, подглядывая за их действиями.

Даже женщины, которые всегда более сострадательны в бедствиях и превосходят как в добродетельных, так и в предосудительных поступках, участвовали в таких процессиях и бичевали себя, предлагая покаяние в качестве искупления Богу, Деве Марии и святым покровителям на небесах. Эти обряды совершались публично, многие другие — в стенах домов, и, по моему мнению [164], были более эффективны для получения милости Небес; они были крайними проявлениями раскаяния душ, стремящихся обрести милосердие Господне.

Любовь к деньгам — это последняя страсть, от которой человек отрывается, даже когда он отчаялся во всем и над ним нависает смерть; тем не менее миланцы предлагали ее Богу не как презренный и презираемый металл, а как драгоценный и дорогой залог. Не то чтобы они верили, что Бог нуждается в этом золоте, но в надежде, что Он благосклонно примет их добрую волю.

Скупые женщины, упорные старики, жестокие и наглые ростовщики, которые охраняли свои сундуки, как великий дракон [165]; многие дворяне, которые разбогатели не благодаря незаконным доходам, а благодаря наследству древних семей; каждый состоятельный купец, каждый ремесленник, даже малоимущий, перекупщики, сватов, священников, богатых благодаря щедрым пребендам или сбережениям долгой жизни, все они, кто при первом взрыве чумы, кто после смерти, показали, что человек, потеряв всякую надежду и заботу о земных вещах, доверяет себя и свое имущество Богу, или, лучше сказать, возвращает их Ему. Те из вышеперечисленных, кто с ужасом видел приближение конца своих дней; другие, кто все же надеялся пережить заразу, и, наконец, те, кто жаждал эмигрировать в далекие

страны, чтобы спастись от болезни и найти там спокойное и уютное жилище, все, в соответствии со своим положением, отдавали деньги на общее спасение.

Некоторые передали их своему исповеднику, другие — другу, а некоторые даже своему врагу. Кто-то завещал деньги городу, кто-то — монастырям, церквям, братствам. Они открыли свои сундуки, завязали свои кредиты и раскрыли даже сокровища, спрятанные в пещерах или среди руин домов. Однако были и те, кто умер, не завещав никому много золота, найденного случайно в самых отвратительных укрытиях, и осталось неясным, кто же был его владельцем.

Я нашел в публичных актах молитвы против чумы, составленные благочестивыми людьми или по приказу магистратов, как будто в Милане, городе, с древнейших времен очень религиозном, не было достаточно молитв и благочестивых обрядов!

«О святой Николай, украшение и слава Толентино, дорогой Богу за любовь к бедности, девственности и послушанию, чьи чудеса прославляют орден отшельников и делают его почитаемым среди людей, моли о нас своими заслугами, чтобы чума прекратилась».

Эту благочестивую антифону научились петь наши дети и женщины, услышав, что в других странах она оказалась эффективной.

Несколько подобных молитв, напечатанных или написанных от руки, передавались из рук в руки и висели на дверях домов. Одна из них с величайшим благоговением обращалась к Деве Марии, которая, по слухам, избавила город Коимбру от чумы, и я привожу ее здесь своими словами.

«Звезда небесная, вскормившая Господа нашего, искоренила смерть от чумы, которую посеял первый отец человеческий. Пусть же эта Звезда укротит злые звезды, убивающие народ, жестоко мучающие его до смерти. О, благочестивая Звезда моря, избавь нас от чумы; приклони ухо твое, о Госпожа, к нашим молитвам, ибо Сын твой чтит тебя и не отвергает твоих просьб. Спаси нас, о Иисусе! [166]»

Эта и многие другие молитвы использовались вместе с человеческими средствами для избавления от заразы; и Господь, который по своим непостижимым законам сначала, казалось, отказывал в помощи, впоследствии проявил милосердие к молящемуся народу.

Я не из тех, и не должен быть из тех, кто хочет оправдать магистратов и родину от любой вины, напротив, я боюсь, что кто-то сочтет чрезмерными похвалы, которые я высказал в этом рассказе. В любом случае, если мне будет предоставлена свобода, присущая правдивой истории, я не буду колебаться повторить то, что уже отмечал и осуждал в других местах. Эта заразная болезнь сначала не была известна и не принималась во внимание, и зараженные не были сразу помещены в Лазарет для наблюдения за симптомами. Вместо этого они заперлись, скучившись в домах, на лестницах, во дворах и даже на чердаках, в количестве сорока и более человек, и своим дыханием, зловонием и постоянным запахом заражали друг друга. Это были причины, по которым даже молитвы к Всемогущему, от которого зависело прекращение бедствия, остались безрезультатными.

Мне также следует без наказания выразить сожаление по поводу другого бедствия, о котором невозможно читать или слышать без сожаления и стыда за Милан, как о оскорблении природы. В течение нескольких месяцев, во время эпидемии, погибло не только взрослое население, которое рано или поздно все равно должно было умереть, но и будущее поколение, надежда государства, дети, которые, едва появившись на свет, умирали

вместе со своими матерями от чумы. Ибо наемные кормилицы из страха отказывались кормить грудью или, соглашаясь, передавали болезнь младенцам или заражались от них.

Таким образом, помимо многих тысяч граждан, погибли новорожденные, которые еще не успели почувствовать себя живыми. Еще более несчастны были тысячи и тысячи других, которые нашли могилу в материнской утробе! И хотя они сами не чувствовали смерти, ущерб от этого понесло государство, лишившись будущих детей, которые должны были восполнить пустоту, оставленную умершими от заразы. Магистраты оправдывали свою неспособность предотвратить эту беду жестокостью болезни, огромными расходами и трудностью найти в те дни, за любую плату, кормящих матерей, чье молоко не было испорчено.

III. Новые подробности о голоде и чуме.

Мне также приходит на ум то, что утверждает в одном из отрывков своего труда принц римской истории, а именно, что мы видим, как растут страницы книги, которая вначале, как мы полагали, должна была быть небольшого объема; так же, как, вступив в море, по мере того как мы удаляемся от берега, мы оказываемся в более глубоких водах.

Мне было бы нелегко завершить эту историю, если бы я хотел продолжать собирать из того бедственного трехлетия, объединяя их в один пучок, все ужасные случаи с людьми, все бедствия Милана, заботы правителей, новые указы и публичные усилия неустанной щедрости, самые разнообразные средства, которые предлагались или использовались; подарки, пожертвования, божественную силу, неизвестную ослепленным умам, которая готовила народу это бедствие, оставляя за собой право прекратить его по своему усмотрению. Все это чрезмерно удлинило бы мой рассказ, поэтому я упомяну только те обстоятельства, которые мне кажутся наиболее важными, чтобы они послужили примером для потомков, а также чтобы немного развеселить опечаленные души читателей.

Прежде всего, в конце этого печального рассказа я отмечу случай, который мог бы послужить вступлением к новому произведению. Помимо небесных знамений и предзнаменований звезд, которые мы никогда не видели, но которые для знатоков всегда являются грозными, и двух комет, появившихся в 1628 году и в 1630 году, обе ужасные на вид, ходили роковые предсказания о голоде и чуме. И я не постыжусь процитировать те стихи, хотя и искаженные, которые были на устах у всех глупцов, поскольку из каждого рта слышалось повторение:

Везде будут царить голод и смерть [167].

И другой:

Мы увидим чудеса; смертельная болезнь готовится [168].

Предсказание поэта сбылось, поскольку оба бедствия обрушились в предсказанный год, но я уже заявлял и вновь заявляю, что не верю в подобные предсказания. Напротив, совершенно верным и, к сожалению, правдивым оказалось другое предсказание, изложенное не в стихах, а в цифрах [169], и ставшее причиной наших бедствий, предсказанных до того, как они произошли. Я расскажу о нем, чтобы оно осталось в вечной памяти.

Войска, которые под командованием отдельных полководцев спустились из Германии в Ломбардию, принесли с собой опустошение, голод и чуму, состояли из 7456 всадников и 28 000 пехотинцев, всего 35 456 человек [170].

Вдоль всего пути следования этих войск солдаты- с размещались в военных лагерях в окрестностях и соседних деревнях. Если бы французы воевали с нами, то их разгул не мог бы быть более безудержным, а бегство крестьян — более массовым. Как будто они были уполномочены грабить места, через которые проходили, они поджигали, грабили, крали волов, кобыл и все, что находили спрятанным в домах или под землей. Там, где их ярость не находила выхода, они связывали хозяев домов и уводили их с собой в плен: даже самые крутые вершины гор не были безопасным убежищем для беглецов, потому что их обнаруживали более богатые крестьяне или завистники, а нередко и сами солдаты, используя свою хитрость. Солдат, жадный до добычи, преследовал своего хозяина и, найдя его в укрытии, избивал его, пока тот, вынужденный следовать за ним, не выкапывал для него все, что он закопал.

Командиры не принимали меры против подобных злодеяний, как потому, что сами участвовали в грабеже, так и потому, что некоторые из них, будучи великими господами, недовольными тем, что им пришлось покинуть родину, и занятые своими делами, закрывали уши на жалобы, пренебрегая устранением беспорядков, которые, по их мнению, не имели никакого значения.

Когда за первыми отрядами, которые дали такие примеры дисциплины, последовали следующие, разрушение усугубилось, потому что новые солдаты, разъяренные тем, что не находили ничего, что могло бы утолить их нищету или жадность, вымещали на бедных жителях свою ярость из-за упущенной добычи. Целые семьи оставались в течение нескольких дней, пока могли сопротивляться, на вершинах гор или в ущельях долин, и когда армия прошла за их границы, они рискнули вернуться в свои дома и обнаружили, что все, что можно было унести, было украдено, а все остальное разбито, разбросано, сожжено, уничтожено. Эти оскорбления, терпимые в то время в ущерб крестьянам, не только изнурили их те, но и привели их души к отчаянию. И даже если бы немецкие когорты не принесли с собой чуму, они бы ее развязали.

Мне необходимо было отметить эти вещи, чтобы наши правители знали, насколько необходимо проявлять осторожность всякий раз, когда они движут армии.

В Лазаретте к вышеописанным законам и правилам добавилось мудрое постановление, весьма своевременное для уменьшения многочисленных бедствий этого места. Два дворянина были выбраны для посещения хижин и каждого уголка лазарета, чтобы следить за потребностями бедняков, за верностью и усердием отдельных служащих в выполнении своих обязанностей, а также для принятия мер в чрезвычайных ситуациях в рамках предоставленных им полномочий или для уведомления об этом Суда здравоохранения и Декурионов.

Консервативные врачи были обязаны ежедневно по очереди посещать хижины зараженных и информировать о том Трибунал. Были выбраны священники, содержащиеся за государственный счет в Лазарете, не только для того, чтобы совершать таинства, заботясь о душах, но и для того, чтобы своими увещеваниями, мягкими и отеческими речами вдохновлять каждого на терпение и мужество.

Было решено, что некоторые наемные надзиратели будут ежедневно посещать Лазарет, наблюдая за различными случаями, смертями и всем, что, по их мнению, требовало

наказания или исправления, и записывая это в специальную книгу, которую необходимо было немедленно представить в Министерство здравоохранения.

Они же взяли на себя обязанность посещать и очищать сточные канавы, канализацию, жилища бедняков, не менее зловонные, чем первые, чтобы зловоние не способствовало распространению болезни. Кроме того, они должны были записывать имена всех трупов, найденных в Лазарете или по городу, в реестр, сжигать одежду и все предметы, которыми пользовался умерший. Они также должны были разжечь огонь и сжечь благовония в комнате или хижине, где умер человек; заставлять чумных и других более или менее подозрительных людей держаться отдельно, не позволяя им общаться друг с другом.

Кроме того, был страж, который отвечал за охрану Лазарета и частных домов и должен был следить за всем в соответствии с установленными правилами.

Было бы долго перечислять всех медицинских работников, долго описывать их индивидуальные обязанности и многочисленные и разнообразные дисциплины, с помощью которых управляли множеством больных, собравшихся в Лазаретте почти как в одной семье. Две маленькие хижины и два человека из низших слоев общества разрушили Милан, распространив там заразу; точно так же небольшая искра подожгла и почти уничтожила Монцу, Саронно и другие важные земли. Не будет лишним привести два примера, чтобы понять, я бы сказал, природу этой болезни, которая появляется там, где меньше всего ее ожидаешь, и, поражая простолюдина, приобретает ужасную силу, не щадя никого, и никакая человеческая сила не может ее обуздать, пока она не унесет жизни во всех слоях общества.

Одна старуха купила у немецкого солдата грязный меховой плащ, который, возможно, принадлежал какой-то продавщице провианта; это было опасное изделие, даже если и не было подозрений в заражении. Старуха, надев его, пришла из своей деревни в Саронно на рынок и там внезапно умерла, а через контакт с ней чума распространилась по всему этому благородному городку.

В Кассано-супра-Адда, деревне, которая еще была здорова, один человек купил у солдата мешочек с порошком, и, обращаясь с ним, почувствовал головокружение и сильную головную боль, и вскоре перестал страдать и жить [171]. Через несколько месяцев, чума разразилась в окрестностях Кассано, но к тому времени этот необычный случай, который напугал жителей деревни, к их большому удивлению и радости, не имел последствий. Из многих людей, которые прикасались к мешочку с порошком и разговаривали с продавцом и, в еще большей степени, с покупателем в таверне и на лодках, ни один не заразился чумой, которую они по праву боялись, что она заразит их внутренности.

Наоборот произошло в Монце, где одна женщина получила в подарок от немецкого офицера футляр с булавами и другими предметами для женских рукоделий. Достав из него булавку, чтобы причесаться, она мгновенно упала замертво. Две или три ее родственницы и соседки, а также мужчины из их семьи стали жертвами этой болезни, но больше ни одного случая заражения в этом городе не было, который впоследствии был опустошен чумой почти так же, как Милан.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА К ЧЕТВЕРТОЙ КНИГЕ

О смертности от чумы 1630 года и населении Милана в то время.

Город, измученный смертями.

Ripam., *Lib. I, стр. 4.*

В настоящей истории есть много неясных и спорных фактов, но ни один из них не вызывает столь разнящихся мнений, как смертность от чумы. Точно определить ее число невозможно, потому что в то время регистрационные книги крещений и смертей велись с большой небрежностью. Кроме того, в этих книгах имеются большие пробелы, относящиеся к периоду эпидемии, что было неизбежным следствием смерти тех, кто их вел, а также общей суматохи (). В XVII веке не было понятия статистических таблиц, поэтому историк в этом вопросе может основывать свои мнения только на догадках.

Тем не менее, я постараюсь прояснить этот вопрос, и прежде всего приведу здесь цифры смертности, согласно различным современным авторам.

Рипамонти, который работал с подлинными документами, предоставленными ему Советом в качестве историка Милана, говорит, что, *согласно общепринятым предположениям, было подсчитано, что умерло 140 000 человек.* (Стр. 222.)

Тадино, оценивая население Милана до чумы в 250 000 человек, говорит, что умерло 185 558 человек, не считая монахов (стр. 136); в другом месте он говорит о *чрезвычайно высокой смертности, превысившей 165 000 человек* (стр. 86).

Сомалья утверждает, что погибло 180 000 человек, не считая детей.

В надписи монахов Мира, которую я привожу (стр. 164), говорится о 190 000.

Пио della Croce: *«В пределах городских стен погибло 150 000 человек, что известно наверняка, и есть те, кто увеличивает это число еще на 20 000».*

Ривола в «Жизни Федерико», кн. V, гл. XIV, более сдержанно: *«По божьей милости жестокость болезни прекратилась, и, согласно подсчетам, сделанным примерно в середине сентября (1630 г.), от чумы умерло 122 000 человек».*

К Риволе приближается каноник Торри, который, писав через сорок лет после «Портрета Милана», говорил: *В 1630 году, живя в те времена, хотя и будучи ребенком, я видел зрелища, от которых ужасались не только человеческие сердца, но и камни, когда в начале эпидемии ежедневно умирало более двухсот горожан, а менее чем за шесть месяцев в одном городе умерло более ста тысяч человек.* (Стр. 8.)

Однако, поскольку эти два последних писателя говорят только о смертности за шесть месяцев, то, распространив ее на два с половиной года, которые длилась эпидемия (ноябрь 1629 — февраль 1632), мы получим цифру, немного меньшую, чем указанная.

Но так ли это, что в Милане эпидемия унесла от 160 000 до 180 000 жизней? На чем основана эта ужасающая цифра? На неопределенных утверждениях Тадино и Рипамонти, скопированных другими, которые писали несколько лет спустя.

Настоящей и достоверной основой для расчета смертности было и всегда будет население. Посмотрим же, удастся ли нам найти правдоподобное объяснение этому вопросу, исследуя, каким было население Милана в то время.

Несомненно, что в древности наш город был многолюдным, учитывая производство оружия, шерсти и шелка, которое занимало большое количество ремесленников и торговцев. Бонвичино оценивает численность населения в 1288 году в 200 000 человек. Моригия говорит, что в 1590 году их было 264 000.

Рипамонти: *«Когда-то в нем проживало триста тысяч жителей, двести тысяч до чумы и т. д.»* (стр. 6). Тадино идет дальше: *«Раньше в городе проживало более двухсот пятидесяти тысяч человек»*.

Но в 1630 году, когда уже целое столетие испанское господство разрушало производство и торговлю, разумно ли предполагать, что Милан был все еще так же густонаселен? Добавьте к этому большое количество церквей и монастырей, которые принимали небольшое количество людей по сравнению с занимаемой площадью.

Я провел длительное расследование, чтобы найти в старых государственных архивах данные о численности населения, собранные во время голода в отдельных приходах по приказу Совета, который хотел точно узнать количество бедных, которых нужно было прокормить. Но этот документ, о котором долго говорит Рипамонти (стр. 225), не указывая, однако, цифры, которая как раз и имеет значение, был, к сожалению, утерян; по крайней мере, я не нашел его следов.

К счастью, в архиве Сан-Феделе сохранился реестр смертей с 1452 года и далее, год за годом, даже месяц за месяцем [172], с небольшими пробелами, с важными примечаниями на полях об эпидемиях и заражениях, которые в разное время увеличивали число умерших.

Этот реестр является единственным документом, который дает не точную, но правдоподобную основу для определения численности населения Милана в определенные эпохи. Обычная смертность считается не более четырех процентов в год: добавив максимум два процента за умерших в больницах и монастырях, которые не были зарегистрированы, мы сможем в какой-то мере вычислить по реестрам здравоохранения, какова была численность населения.

За четыре года до голода мы имеем следующую картину:

Год	1625	Умершие	Количество	4181
»	1626	»	»	3482
»	1627	»	»	3157
»	1628	»	»	3513

Суммируя эти годы, получаем 3600, не считая дробных частей. Добавим 2% за смертность в больницах, монастырях и т. д., и получим, что население Милана до чумы составляло от 140 до 150 тысяч душ.

Сколько же, по-видимому, умерло от чумы или других болезней с ноября 1629 года по февраль 1632 года, то есть за период, в течение которого длилась эпидемия?

Упомянутый реестр дает мне следующие цифры:

Год	1629	Ноябрь	Умершие	Количество	422
»	»	Декабрь	»	»	488

»	1630	»	»	13 350
»	1631	»	»	3,288
»	1632	Январь	»	181
		Всего		17 729

Число умерших в Лазаретто, где, по данным Рипамонти и Сомалья, в разгар эпидемии в июле и августе достигало 1700-1800 человек в день, можно оценить максимум в 60 000, считая число 1700 умерших в день произвольным, учитывая рост и замедление темпов заражения. Наконец, добавим к этому число умерших в больницах, монастырях, на улицах и незарегистрированных, которое в разумных пределах не может превышать 8000-9000, и получим:

Из реестров	Количество	17 729
В лазарете	»	60 000
Гостеприимные, и т. д.	»	8 271
	Итого	86 000

Я считаю, что эта цифра наиболее близка к действительности. В подтверждение этого подходит отрывок из Тадино, который пишет, что *на святые праздники Рождества (1631 г.) в городе осталось только 64 442 человека.*

Итак, как и предполагалось выше, число умерших	86 000
Выживших около	64 000
мы получим в общей сложности	150 000

что примерно соответствует численности населения Милана до чумы.

То, что более половины жителей умерли, сократившись до примерно 60 000, подтверждается неоднократно цитируемым реестром, из которого следует, что в 1632 году умерли только 1795 человек, и что в течение одиннадцати лет, то есть с 1632 по 1643 год, годовая смертность оставалась на уровне от 1700 до 2000 человек, что составляет половину от показателя за четыре года, предшествовавшие эпидемии.

Что касается смертности в герцогстве Милан, то ее невозможно определить из-за отсутствия документов; кроме того, число смертей варьировалось в зависимости от стран, которые пострадали в большей или меньшей степени, а некоторые даже остались безлюдными, поскольку все их жители погибли. Однако, возможно, не будет большим преувеличением, если предположить, что число погибших от эпидемии в испанской Ломбардии достигло полумиллиона.

Такая большая потеря людей нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству, торговле, искусству и оставила у выживших после катастрофы и их потомков глубокое чувство ужаса. Об этом свидетельствует неоднократно упоминаемый реестр, в котором с 1630 года стали ставить инициалы S. S. P. или S. P. S., *sine suspicione pestis — sine pestis suspicione*, знак порядка, который продолжали ставить в течение полутора веков, то есть до 1780 года.

«На протяжении всего прошлого века (говорит Верри) [\[173\]](#) это несчастное государство испытывало на себе огромный удар той чумы. В сельской местности не хватало

земледельцев; ремесла и промыслы были уничтожены; и, возможно, даже сегодня у нас есть не возделанные земли, которые до того истребления приносили урожай. Остатки населения пришли в упадок в той пустыне, в которой оказались; от древних богатств осталось мало, и нельзя назвать ни одного дома, построенного в течение пятидесяти лет после чумы, который не был бы ничтожен. Дворяне огрубели; каждый, живя в очень тесном кругу родственников, считал себя изолированным в своей родине; и социальные обычаи, которые были столь великолепны и веселы до этой беды, восстановились только в начале нынешнего века.

Франческо Кузани

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

КНИГА ПЯТАЯ СРАВНЕНИЕ ЧУМЫ 1630 ГОДА С ДРУГИМИ, И В ОСОБЕННОСТИ С ЧУМОЙ 1576 ГОДА.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОЙ КНИГЕ

Пятой книгой Рипамонти завершает *«Историю чумы 1630 года»*. Я постарался изложить ее настолько, насколько позволяли мне мой ум и ограниченность времени; и теперь я публично благодарю своих сограждан, которые с искренней благосклонностью приняли эту работу, посвященную им, а также многих, кто любезно предоставил мне документы и информацию.

Исследования в архивах и библиотеках, как публичных, так и частных, тщательные расследования для проверки фактов или спорных дат, изучение памятников, надписей и всего, что напоминает нам о чуме 1630 года, сами по себе требуют немалых усилий и настойчивости. Поэтому, если, несмотря на тщательную работу, я допустил упущения и неточности, я надеюсь, что те, кто знает о многих трудностях, неотъемлемых от подобных исторических работ, простят меня.

Однако позвольте мне воспользоваться случаем, чтобы оправдаться за неточность, в которой меня несправедливо упрекнули. Г-н Альфонсо Фризиани в приложении к *Gazzetta Privilegiata di Milano* от 25 января, говоря о моей работе над Рипамонти в лестном для меня тоне, добавляет:

«Мы только заметим Кусани, что Лазарет в Милане, который он, согласно общему мнению, приписывает Браманте из Урбино (см. стр. 18, примечание 2), на самом деле принадлежит Лаццаро Палацци, как мы обнаружили и опубликовали в этом журнале под № 13».

Господин Фризиани объявил, что обнаружил в архиве нашего Городского госпиталя документы, подтверждающие, что автором Лазаретто был *Лаццаро дель Палацци*, инженер-архитектор, и я, не отрицая это открытие, которое возвращает истинному автору этого величественного здания славу его сооружения, радуюсь вместе с ним. Но как я мог, не будучи провидцем, воспользоваться этим в упомянутой заметке Первой книги, опубликованной в октябре 1841 года, если Фризиани объявил о своем открытии 13 января 1842 года? Я бы не стал об этом говорить, если бы несколько моих друзей, изучающих историю своей родины, не заговорили со мной об этой предполагаемой неточности.

Пятая книга Рипамонти может называться дополнением к его истории, поскольку представляет собой не что иное, как сравнение эпидемии 1630 года с другими. В первых трех главах, демонстрируя эрудицию, как было принято у писателей XVII века, наш автор кратко излагает и переводит на величественный латинский язык Фукидида и Боккаччо, чьи описания чумы в Афинах и Флоренции остаются образцами исторической красноречивости. Затем, к счастью, умалчивая о многочисленных эпидемиях, которые поразили Италию и Ломбардию в предыдущие века, он переходит к описанию эпидемии 1576 года, обычно называемой эпидемией Святого Карла, и рассказывает о ее случаях.

Теперь, намереваясь проиллюстрировать и эту последнюю книгу примечаниями, взятыми главным образом из сочинений современных авторов, я считаю необходимым кратко упомянуть о наиболее важных из них, включив сюда еще один отрывок из моего «*Рассуждения о главных миланских историках и летописцах*».

Асканио Ченторио, командор Сан-Джакомо-ди-Компостелла, собрал и опубликовал в Венеции для Джиолито в 1579 году *пять книг «Предупреждения, приказы, прокламации, указы, факты, наблюдаемые в Милане в подозрительные времена чумы в 1576 и 1577 годах»*.

Это том в 4-х частях, состоящий из 450 страниц, посвященный Джероламо Монти, сенатору и президенту здравоохранения, предку того, кого мы увидим в тех же магистратурах во время следующей чумы 1630 года. Монти принял посвящение, высоко похвалив Ченторио, а также то, что он писал *на народном языке, чтобы приказы были лучше поняты каждым*.

Это самая полная и важная книга о чуме 1576 года, поскольку она была написана современником, который опубликовал ее сразу после событий, и содержит копии новостей, а также указы, приказы и т. д., что избавляет от зачастую бесполезной работы по их поиску в почти всегда неполных крикливых объявлениях. Изложение и стиль страдают недостатками того века, но по крайней мере в ней есть порядок, поскольку Ченторио шаг за шагом следил за развитием эпидемии.

Отец Бугато, доминиканец из Сант-Эусторгио, в 1578 году издал небольшую книжку из 60 страниц под названием: «*События в Милане в связи с чумой, или чумной эпидемией с 1 августа 1576 года до конца 1577 года*». Издатель посвятил ее рыцарю Габрио Сербеллони, который, будучи лейтенантом губернатора Айамонте, несмотря на свой преклонный возраст, с большим рвением боролся с этой бедой на благо родины. Эта небольшая работа служит для сравнения и ни для чего большего, учитывая ее краткость.

Филиппо Беста, миланский прокурор, собрал и опубликовал «*Истинное повествование о ходе чумы, поразившей прославленный город Милан в 1576 году*». Книжка в 140 страниц, посвященная Его Превосходительству Великому канцлеру Ферреру. Она бесполезна для историка, поскольку является простым кратким изложением «Ченторио» и была опубликована через полвека после событий, о которых в ней рассказывается, то есть в мае 1630 года, когда, в связи с ростом эпидемии, были переизданы многие брошюры, приказы, правила и т. д., касающиеся эпидемии 1576 года, как по распоряжению властей, так и в частных целях.

Многие важные сведения собраны у Джуссани, Бескапе и других биографов святого Карла, который всем известен своим рвением в борьбе с этим бедствием ради своей паствы. В 1579

году он опубликовал через Микеле Зини, печатника семинарии, Мемориал Его Преосвященства и Преподобного^{то} кардинала Санта-Прасседе, архиепископа, своему любимому народу города и епархии Милана. Это небольшой том в 24^о из 500 страниц, чрезвычайно ценный с точки зрения духовенства во время эпидемии и христианского помазания святого архиепископа, который составил его для духовной пользы своего народа.

Мемориал Св. Карло, вместе с пастырскими правилами и т. д., которые он дал духовенству во время эпидемии, собраны в *Актах Миланской Церкви, Часть VII*.

Я мог бы добавить еще много других книг, но, поскольку они имеют второстепенное значение, это было бы излишним и тщеславным проявлением библиографической эрудиции.

Я не намерен добавлять многочисленные примечания к этой Книге V, потому что рассказ Рипамонти и сам по себе достаточно подробен, и потому что, честно говоря, чума 1576 года была на самом деле гораздо менее страшной и катастрофической, чем о ней ходят слухи среди нас.

Я уже упоминал в своем *введении*, что в Милане, согласно народной традиции, сохранилась память только о чуме 1576 года, объединив ее с гораздо более смертоносной чумой, которая последовала за ней, только благодаря памяти о святом Карло. В подтверждение этого я добавлю, что была забыта и чума 1524 года, произошедшая 52 годами ранее, как по странному стечению обстоятельств, произошедшая 52 годами позднее чумы 1629-30 годов.

Забвение, в которое впали эти два великие бедствия, действительно странно, если подумать о массовых гибелях и тяжелых ущербах, которые понесла наша родина. Поэтому не будет неуместным и неприятным для читателей кратко вспомнить о чуме 1524 года.

В разгаре войны между Карлом V и Франциском I, которые спорили за герцогство Миланское, еще живым был несчастный Франциск II, последний из Сфорц, французский адмирал Боннивет, спустившийся с Альп, осадил Милан в сентябре 1523 года: но через восемь недель, вынужденный дождем и снегом поднять лагерь, он укрылся на зимовку в Розате и Аббиатеграссо.

Близость вражеского отряда и неудобства, которые он доставлял, перехватывая транспортировку продовольствия и припасов, которые по каналу через Аббиатеграссо доставлялись в столицу, побудили герцога изгнать его. В апреле, возглавив отборную команду миланцев, он захватил эту деревню штурмом. Роковая победа! Потому что, поскольку лишения и нищета породили чуму среди французов, наши, грабя, заразились ею и привезли ее с собой, возвращаясь с богатыми трофеями.

Как сообщает хронист Грумелло, чума была особенно жестокой в этом городе из-за зараженных вещей из замка, привезенных в этот город. А другой хронист, бакалейщик Буригоццо, наивный рассказчик о том, что он видел: «Бедный Милан, зараженный чумой, начал постепенно гибнуть... в июне была такая смертность, и маленьких, и больших, что в Милане почти никого не осталось, потому что здоровые бежали, а больные не могли двигаться... Месяц июль (1524) был настолько жестоким, что действительно невозможно описать всю жестокость и большую смертность, откуда было безопаснее оставаться дома, чем выходить на улицу: и не было видно никого, кроме людей с колокольчиками в руках, кроме повозок с больными; не было ни одной службы, ни одной колокольни, которая бы звонила, кроме как по поводу смерти. В доме не было

священников, не было обычных служб, но два или три священника пели, как могли. В августе он тоже работал до середины месяца, о чем говорить было бы слишком тяжело, но вид кладбищ и трупов был ужасающим.

Эта эпидемия, которая, по энергичному выражению сенатора Монти в его письме в ответ на посвящение Центорио, *пришла как стремительная волна, которая за короткое время наводнила страну и принесла бесконечные разрушения*, длилась три месяца, с июня по август 1524 года. В те дни смертность в процветающем Милане была велика. Буригоццо: *Я не верю, что когда-либо была подобная чума, и говорили о смерти ста тысяч человек, и я так и верю.*

Грумелло: *По оценкам, умерло восемьдесят тысяч душ, скорее больше, чем меньше.*

Испанец Сепульведа в своей латинской истории о подвигах Карла V: *Чума настолько сильно поразила Милан, что унесла жизни более пятидесяти тысяч человек в этом городе.*

И, наконец, Бескапе в жизни Святого Карла: *В городе погибло более пятидесяти тысяч человек, не считая бесчисленных смертей в деревнях.*

В заключение повторим, что чума 1576 года, гораздо менее сильная, чем эта и последующая, обязана своей печальной славой, передаваемой из поколения в поколение среди нашего народа и живой даже сегодня, ничему иному, как благодарности святому архиепископу, чьи выдающиеся добродетели ярко проявились в том бедствии.

Франческо Кузани.

I

Я закончу свою печальную и мрачную историю сравнением описанной чумы с другими, которые когда-то поразили большие города и сам Милан. Такое сравнение уместно как для того, чтобы доказать то, о чем я сказал в начале, что эта эпидемия была самой тяжелой из всех и в полной мере заслуживала название столь ужасной болезни, так и для того, чтобы показать, что, несмотря на различия между этими бедствиями, в деталях наблюдается большое сходство. Из этого можно понять, что чума, когда она вспыхивает, всегда проявляется с одинаковыми симптомами, убивает одинаково и везде вызывает одинаковые безумия у людей. Кроме того, уместно воспользоваться случаем, чтобы вспомнить о славе самых благородных писателей.

В древние времена чума проникла в город Афины и принесла столько смертей, что историк, описавший ее, стал знаменитым. Возможно, никогда не появится рассказчик, столь же красноречивый, как он, который, изгнанный согражданами, был отправлен из Рима в Грецию; и ни одно из его сочинений не является столь же элегантным и остроумным, как описание чумы. Эти достоинства проистекают не столько из таланта писателя, сколько из ужасного зрелища, которое возмущает и в то же время радует душу читателей. Так, змея на картине тем приятнее, чем отвратительнее на вид; и глаза, всегда жаждущие новых зрелищ, жадно впиваются в уродливое пресмыкающееся.

Чума, которая принесла столько смертей в Афинах, и историк, описавший ее, сегодня, спустя столько веков, прославляются в лицах и школах философов. И имя этого города остается

известным не только благодаря памяти о той катастрофе, но и благодаря тому, что в нем процветали науки и искусства.

По эlegantности Тукидиду не уступает падуанский Ливий, который описал Сиракузы, окруженные двумя могущественными враждующими армиями и доведенные до крайней нищеты медленной болезнью. Даже те несколько стихов, в которых Гомер в *«Илиаде»* воспекает стрелы, пущенные Аполлоном на поле греков, груды трупов, оставленных на съедение птицам и собакам, даже эти стихи сегодня вызывают у тех, кто их читает, страх, удивление и восторг.

Один писатель, который по времени жизни и используемому языку не сравним с упомянутыми выше, но который черпал сюжеты из реальной жизни, то есть учил рассказывать сказки; мастер и создатель итальянского народного языка, который благодаря ему приобрел эlegantность и изящество, рассказал о чуме в своей родине.

Он, остроумный и шуточный рассказчик, описывая, с помощью искусства, усвоенного от великих историков, резню во Флоренции, вызывает удивление своим гением и сострадание к столькому кровопролитию.

Литераторы будут всегда перечитывать «Чуму» Боккаччо, и даже самые строгие критики не устанут восхищаться этим примером человеческих превратностей.

Жестокие, отвратительные и жалкие примеры, которые чума показала в человеческих телах в моей родине, сравнивались с древними или, возможно, превзошли их. И если бы они не были изложены с меньшим талантом, они представили бы в этих страницах более впечатляющее и ужасающее зрелище.

Но, положив конец слезам, страданиям и слабым стенаниям Милана, я попробую смягчить до сих пор печальный и мрачный рассказ некоторой живостью, сравнив то, что видел и пережил наш век, с фактами, которые упомянутые писатели изложили с театральной, я бы сказал, помпезностью. Такое сравнение будет приятным, восстанавливая дух и разнообразие случаев, а также переход от древних времен к современным, от наших бедствий к бедствиям чужих народов.

И поскольку наш город возрождается после резни почти более процветающим, чем прежде, а граждане возвращаются к прежним развлечениям, я тоже должен смягчить горькие воспоминания о резне, сравнив ее с другими, произошедшими в чужих краях.

II. Сравнение чумы в Милане с древней чумой в Афинах.

Если бы не было неуместно использовать комические выражения в трагических темах, я не нашел бы ничего более похожего, чем молоко на молоко, яйцо на яйцо, чем миланская эпидемия на древнюю чуму в Афинах, описанную Фукидидом. Зарождение, первые шаги и причины обеих эпидемий были похожи: сама природа болезни, следы, которые она оставляла, ужасы, разрушения, массовые гибели, подозрения, предзнаменования, короче говоря, совокупность всех бедствий чумы в Милане ничем не отличалась от афинской: либо случай произвел идентичные эффекты, либо в человеческих делах существует определенный закон, который через столетия воспроизводит одни и те же события.

Чума, которая почти привела к полному разрушению Афины, город, известный множеством событий, сначала угрожала ему издалека, затем из Ленно и других мест, все больше и

больше приближаясь, проникла в его стены и охватила его целиком. Мысль о том, что они остались безразличными, несмотря на факты, которые должны были подсказать им осторожность в отношении болезни, усугубляла страдания умирающих и выживших. Так произошло у нас, и кто-то сказал бы, что чума с помощью одинаковых средств способствовала гибели двух прославленных городов в Греции и Италии.

Наша зараза также начала опустошать далекие народы, а затем, приблизившись к границам, вторглась в государство и, наконец, в столицу с такой силой, что казалось, что выживут только здания и ее имя. И древняя чума Афин, и недавняя чума Милана оставили после себя схожие следы в своем прохождении и в других обстоятельствах.

Фукидид сообщает, что народ, видя, как болезнь убивает всех, кого она поражает, отчаявшись получить какую-либо человеческую помощь, сначала обратился к богам, но, увидев, что молитвы остались не услышанными, и оказавшись в отчаянии и перед лицом смерти, перестав заботиться о лекарствах и мольбах к алтарям богов, бросил себя и республику без защиты на произвол бедствия. В результате такого уныния первыми погибли сами врачи, унесенные яростью болезни, а молитвы и обещания, к которым они часто возвращались, только усугубляли ее. Упомянутый историк, изображая в начале эпидемии афинян, потрясенных истреблением своей родины и лишенных какой-либо божественной или человеческой помощи, вселяет в душу ужас и сострадание к несчастным, которые гибли таким образом.

Не иначе и у нас врачи теряли жизнь при первых попытках лечения, и город в течение некоторого времени видел, что гнев Божий не смягчался молитвами.

И я отмечу еще одно сходство: оба народа, видя, что бедствие не имеет конца, и не могучи объяснить происхождение и причины болезни, приписали ее человеческому обману, полагая, что чума была делом рук человеческих, тогда как она была наказанием Божьим. Жители Афин верили, что пелопоннесцы, с которыми они тогда воевали, отравили колодцы, чтобы разрушить их город. Мы, в свою очередь, обнаружив тщетность всех средств и мер предосторожности, поверили, что существует великий вождь, который с помощью других и с помощью денег изготавливает яды и рассылает их: это подозрение стало вторым бедствием для Милана. Афиняне носили с собой ложный образ Исиды, как мы — тело святого Карла. Многие из них бросались в воду и совершали невероятные поступки, так что можно сделать вывод, что эпидемия, опустошившая эти два великих и прославленных города, была во всех отношениях схожей.

III. Сравнение чумы в Милане с чумой во Флоренции.

За древней чумой Афин последовала более позднейшая чума Флоренции, о которой автор изящных новелл оставил не вымышленное, а правдивое описание, которое отличается от моего, как копия, которую изобретательный художник делает с оригинальной картины, чтобы продать. Не только Боккаччо, самый элегантный из тосканских писателей, но и другие летописцы этой страны, с которыми я консультировался, рассказывают о ходе этой чумы следующее.

Вспыхнув в Фьезоле, Прато, Вольтерре и других менее значительных местах, она угрожала Флоренции, где ее ждали, презирали и высмеивали. После того как она бродила по холмам и живописным окрестностям, она наконец ворвалась в столицу Тосканы и установила там свое царство. Тогда она, то с жестокостью злого тирана, то с суровостью строгого цензора, все

перевернула и одновременно упорядочила, приведя в чувство этот буйный и торговый народ, купавшийся в роскоши и безмерном удовольствии и гордившийся дарами неба и мягкостью климата, считая себя выше других.

Произошло ли это и у нас, или же нравы, несмотря на наказание, вернулись к прежнему состоянию, я оставляю решать правде и славе, поскольку далекие народы могут судить об этом лучше и с большей уверенностью, чем мы сами.

Все остальное имеет настолько однородный характер, что описание нашей чумы было бы таким же, как и другой, если бы я хотел рассказать о том, что произошло во Флоренции, когда ее жители были поражены проходящей болезнью, которая унесла столько жизней. Флорентийские магистраты не проявляли никакой бдительности в отношении надвигающейся угрожающей болезни, как будто их охватила роковая сонливость; они закрыли ворота города и запретили вход в него, но с такой беспечностью, что это было равносильно тому, чтобы не охранять их, так что чума, посланная Богом, проникла туда также по вине лени людей. Там также пытались мольбами, обетами и всем, что подсказывают страх и благочестие, умиловать небо, но все попытки получить милосердие были тщетными до тех пор, пока, согласно своим непостижимым тайнам, Провидение не открыло сокровища своего милосердия и не пролило спасительную росу на несчастный город.

Даже симптомы и пятна, признаки и последствия чумы, были одинаковыми по своему течению и разнообразию в обеих эпидемиях.

Фурункулы, карбонки, антраки, бубоны, столько раз упоминавшиеся во время нашего бедствия, появились и во Флоренции, у некоторых больных размером с яблоко, у других с яйцо, в подмышечной впадине или под пальцами. Из этих частей тела они постепенно распространились на все конечности. Эти опухоли, которые простолюдины называли «гавоччоли», превратились в черные или синеватые пятна, которые появлялись на руках, бедрах и других частях тела у многих, у кого-то крупные и редкие, у кого-то мелкие и густые. Это был верный признак смерти, поскольку почти все в течение третьего дня после появления вышеупомянутых признаков, кто раньше, кто позже, и большинство без лихорадки или других симптомов, умирали [174].

Историки, описывающие чуму во Флоренции, рассказывают, что если кто-то прикасался к зараженному, смерть была неизбежна, и что многие погибли именно по этой причине. Происходило так, что люди заражали себя и других, заражаясь скрытым болезнетворным началом при прикосновении к неодушевленным предметам, но и сами животные, чьи экскременты не имеют ничего общего с дыханием и жизнью человека, заражались таким же образом. Так рассказывают упомянутые историки, которые сообщают об этом как о невероятном чуде. Однако для нас это не является удивительным, поскольку было известно, что заражение с большой легкостью прилипало к одежде и предметам обихода. Мы видели тут и там тела собак, кошек и других животных, которые, без сомнения, умерли от того, что прикоснулись мордой или таскали по улице вещи зараженных, выброшенные на улицу.

Среди стольких руин и в том плачевном состоянии, в которое была приведена человеческая жизнь, рассказывают, что во Флоренции можно было встретить три типа людей. Первыми были люди трезвые, веселые, умеренные, которых не могли упрекнуть ни философы, ни самые строгие моралисты, даже когда город был процветающим и спокойным. Эти люди,

избегая всякой острой заботы и всякой печальной мысли, а также нечестных удовольствий, были скромны, но изысканны в еде и питье, и собрались в каком-то отеле, где их не беспокоили ни шум, ни рассказы о похоронах, и там они бездельничали среди звуков, песен и дружеских бесед, полагая, что таким образом они хорошо защищаются от чумы.

Другие, напротив, в качестве лекарства предавались всякого рода излишествам и разврату; они бродили по окрестностям как бакканты и дерзкие «», проникали даже в чужие дома, опустевшие после смерти хозяев, и там в течение короткого времени пировали, как будто были у себя дома. И находя в их распоряжении продукты питания и все вещи, которые обычно хранятся в семьях, они свободно наслаждались ими, не заботясь о том, что это были остатки умерших. Когда они насыщались удовольствиями в одном доме, они уносили с собой то, что им больше нравилось, и, оставляя после себя трупы своей банды, уходили веселиться в другие дома с брошенными богатствами. Там, растрачивая и выбрасывая вещи, вместо того чтобы их потреблять, они умирали на кроватях, сундуках, бочках, или же, собрав все ценное, накапливали сокровища, увеличивая их по дороге, так что теряли жизнь под их тяжестью, не дойдя до места, где собирались их похоронить. Некоторым удалось перевезти и спрятать их, и некоторые флорентийские семьи обогатились благодаря таким находкам во время бедствия, в то время как другие семьи обеднели или вымерли.

Однако к этим хищным и отчаянным людям, а также к другим, сдержанным и скромным, присоединился третий тип людей, ни буйных, ни робких, которые с мудрой осторожностью отправлялись гулять по пригородным садам и полям вокруг городских стен, облегчая угнетенную душу видом улыбающейся природы и одновременно питаясь обильной и деликатной пищей. Они защищались от заразного воздуха, вдыхая ароматы цветов и пряностей всех видов, в надежде таким образом избежать общей участи или, по крайней мере, продлить себе радостную и спокойную жизнь среди страха, бегства и смерти сограждан. Другие, такого же склада, спасаясь подальше от Флоренции, уходили в виллы, как в безопасное убежище от чумы, которая, тем не менее, настигла многих из них и там.

Таким образом, изобретательные флорентийцы бежали, пренебрегая, и пытались избежать заражения, но тщетно. Точно так же в Милане можно было увидеть разнузданных и развратных воров, грабящих пустые дома; другие же, скромные и осторожные, заботились только о своем спасении; и люди, наслаждающиеся жизнью, и с таким же результатом, как и среди населения Флоренции.

IV. Сравнение чумы 1630 года с чумой 1576 года.

Теперь, оставив в стороне посторонних, мы рассмотрим неизменный ход чумы среди нас, и это будет не столько сравнение, сколько новое повествование о событиях в Милане. Поистине, в эпоху наших отцов не было ни войн, ни иностранных армий, которые бы, проходя или останавливаясь, угнетали страну, распространяя по землям заразу, откуда она проникла в город, как я показал, что произошло в наши дни.

Ибо, после того как император Карл V победил короля Франциска I, Франция, из-за его пленения в Мадриде и примера перенесенных бедствий, была подавлена и унижена и тщетно содрогалась. Сын победоносного Карла, жаждущий покоя, всеми средствами добивался его, поскольку в нем, по словам мудрецов, был влитый свыше дух мудрости и мира, более живой, чем когда-либо был в каком-либо принце или смертном. Поэтому не только вся Италия была совершенно спокойна, но и иностранные короли молчали, не смея поднимать оружие. Тогда не предшествовала заразе голод [175], худшая из трех фурий, которая в наши дни подтолкнула народ к бунту, нарушив верность своему монарху, который

был настолько гордым, что взялся бы за оружие, если бы другой народ похвастался, что он более покорный, чем он.

Начало заражения в 1576 году пришло оттуда, откуда его меньше всего ожидали. Происхождение болезни было разным, и тем не менее схожим для нас и для наших предков.

Тренто, Мантуя, города, граничащие с Венецианской республикой, и сама Венеция были заражены чумой, и земли вдоль всей границы государства опустели. В том году в Милане праздновали столетний юбилей, предоставленный этой метрополии по милости папы Григория XIII, с теми же обрядами, что и недавно отмечались в Риме, где желали стабильного обновления этого великого и благотворного таинства.

В то время как люди стекались в Милан, чтобы отпраздновать Юбилей, который, предлагая средство для искупления грехов, примирял человечество с Богом, неудивительно, что некоторые из зараженных земель принесли с собой чуму [176].

Паруцерио, ничтожная деревня на берегу озера Маджоре, и Меленьяно, густонаселенный поселок в десяти милях от города, можно назвать воротами, через которые в 1576 году проникла зараза, как в 1630 году это были Клузио, Беллано, Монца и Саронно, а также другие более или менее знатные земли. В этих местах развились зародыши болезни, которые в обе эпохи распространились на столицу, нанеся ей в первый раз нелегкий ущерб, а во второй раз — очень серьезный, оставив о себе неизгладимую память у потомков и чужеземцев.

И так как Локато, Беллано и другие люди из простого народа прославились в последующие века, приобретя печальную известность, поскольку из их хижин вынесли первые трупы с бубонами и другими симптомами чумы, так и фермы Комино, недалеко от деревни Ортолани, и в той же деревне старая огородница оставили нам печальные воспоминания, поскольку их имена стоят первыми среди тех, кто заразил Милан во времена наших отцов [177]. В летописях того времени сообщается, какие люди занесли и распространили болезнь, как я уже упоминал. Происхождение и развитие обеих чум кажутся одинаковыми в том, что они пришли из чужих краев, только первую принесли не солдаты, а паломники Юбилея.

Заметным различием в начале обеих чум было то, что предки не относились к болезни с недоверием, простолюдины не смеялись над ней и не медлили с применением лекарств, в то время как в наши дни произошло обратное, что принесло серьезный ущерб, о чем я не мог не упомянуть, записывая настоящую историю. В 1576 году, когда разразилась эпидемия, правители и все, кто должен был выполнять их приказы, не поддавшись панике, приложили все усилия, чтобы спасти страну от неминуемого краха.

Я не нахожу, чтобы тогда простолюдины яростно набрасывались на врачей, бросая в них камнями, или чтобы дворяне и чиновники оскорбляли их словами. Управление осуществлялось с й энергией, и повиновение граждан было скромным и полным; так что, если им и не удалось таким образом избежать болезни, они все же уменьшили ее ущерб. В наши дни же их дети и наследники, не веря в чуму и пренебрегая ею, испытали ее более быстрое и смертоносное воздействие. Тем не менее, в этом роковом неравенстве режимов, обстоятельств и мнений произошло удивительное, я бы даже сказал божественное совпадение, в которое могут поверить даже те, кто интерпретирует многие человеческие события как следствие случая. Сейчас я расскажу, в чем оно заключалось.

Суд здравоохранения, учрежденный мудростью наших предков как защита от смертоносных бедствий, когда чума царила как тиран [178], и которому тревожные монархи доверили свою

власть во время опасности, в 1576 году президентом Суда здравоохранения был сенатор Джероламо Монти, отец Принчивалле и дед Марк Антонио, который был президентом во время нашей чумы и умер, находясь в должности, как я уже рассказывал.

Все городское население было единодушно в том, что великодушный Монти, пренебрегая опасностями и не заботясь о своей жизни, пожертвовал собой ради родины, решив пойти по стопам своего деда и оставить после себя достойный подражания пример для потомков.

Итак, когда Джероламо Монти [179] был президентом здравоохранения в 1576 году, при первых слухах о чуме, будучи благородным духом, он воодушевился ревностью и милосердием, возбуждая суды и других магистратов, которые, однако, как я обнаружил, не нуждались в возбуждении и увещеваниях.

Декреты и учреждения отличались величием и великолепием, сравнимыми с теми, что были приняты в наше время, за исключением того, что в то время не было недоверия и, следовательно, никаких роковых задержек. На мостах и паромных переправах через реки были поставлены стражи; помимо охраны ворот города, были возведены стены в тех местах, где они были низкими и их было легко взобраться, а разрушенные стены были восстановлены, чтобы закрыть любой доступ для посторонних.

В отдельных районах Милана были набраны солдаты, которые были разделены на отряды, чтобы по очереди патрулировать стены ночью. Из числа дворян были выбраны те, кто должен был объезжать город верхом, посещать ворота и следить за всем; другие должны были ежедневно проходить по три-четыре мили и даже больше; третьи должны были патрулировать более отдаленные сельские районы с отрядом полицейских и солдат, как будто они шли на врага. Сам Монти, хотя и был стар, но сильнее духом, чем телом, лично отправлялся в подозрительные деревни в сопровождении других дворян, которые следовали за ним из-за влияния, которое он имел на всех, и из-за репутации честности и знаний этого сенатора.

Были приняты серьезные меры предосторожности в отношении счетов и таверн в деревнях и везде, чтобы не произошло мошенничества с предъявлением поддельных счетов вместо подлинных. Было запрещено принимать паломников в общественных гостиницах, а также в деревнях стражи должны были через ворота кричать им, чтобы они держались подальше, указывая им на отдаленные тропы, по которым они могли бы добраться до таверн или ферм, где им было бы предоставлено гостеприимство в соответствии с правом народов, но в изоляции от любой связи.

Было запрещено приезжать в Милан носильщикам и всем тем, кто обычно стекался туда из гор и долин в поисках работы, чтобы не превышать установленное количество.

Дети, брошенные родителями и просящие милостыню на улицах, а также взрослые нищие были собраны и помещены в старинное здание за стенами города, называемое Виттория, в память о врагах, изгнанных и убитых там, о чем свидетельствуют белые кости, которые можно увидеть и сегодня в прилегающих полях. Там убогая и грязная толпа нищих питалась за счет Св. Карло [180] и одновременно получала образование, не иначе, чем это делается в наше время в приюте Стелла (). Также Лазарет Сан-Грегорио и другие второстепенные приюты были заполнены во время этой чумы.

Полезно проводить подобные сравнения, чтобы показать, что единственным различием между двумя эпидемиями было большее или меньшее доверие к принципу и большее число

умерших именно из-за их неверия. Во время последней эпидемии в нее не верили, пока не увидели тела, которые везли на похороны; вместо этого наши отцы с полной уверенностью приняли первые слухи о чуме и приняли все меры предосторожности, которые доступны смертным.

Они довели меры предосторожности до того, что запретили продажу в городе грибов, фруктов и незрелого винограда. Они приказали кожевникам прекратить свое ремесло и не разводить шелкопрядов, чтобы избежать зловония: их дети и внуки последовали их примеру, приняв такие же меры. Канализационные колодцы и ямы, которые сегодня благодаря подземным водам поглощают и уносят все нечистоты города (), были отремонтированы, если они были непригодны для использования из-за старости, и открыты новые там, где их не было.

Я полагаю, что тогда работали гораздо больше, чем во время нашей чумы, хотя необходимые деньги находили с трудом. Казна была истощена, а мэрия к тому же была обременена долгом в двести тысяч зекиньев, подаренных королю, чтобы он мог вести войну против мятежников Фландрии, врагов его и католической религии.

Даже обычные налоги, с помощью которых государство покрывает необходимые расходы, не взимались. Средством избавления от таких затруднений было другое зло, а именно долги, залоги и помощь чужими деньгами, что всегда приводит к новым неудобствам, потому что с помощью таких уловок не только отдельные лица, но и богатейшие народы и государства, полагая, что выходят из затруднительного положения, погрязают в еще больших неприятностях и с еще большим ущербом в неразрешимых узлах. Только в дисбалансе государственных доходов каждый свободный и независимый человек борется со своей стороны с энергичной настойчивостью; и зло таким образом бесконечно продолжается, потому что города не могут быть заключены в тюрьму за долги.

Декурионы в те дни, в соответствии с обычаем Генерального совета, всякий раз, когда им приходилось с неохотой выделять какую-либо сумму для покрытия чрезвычайно тяжелых расходов, публично отчитывались об этом, настаивая на том, чтобы казна взяла на себя эту нагрузку. Они говорили, что это принадлежит королю по древним законам; что есть пример императоров и Сфорц; что Карл V дал на это согласие декретом 1529 года. На эти и подобные заявления королевские министры ответили, что сам монарх был перегружен долгами [181], что было досадным и постыдным ответом для любого министра, но не заставило покраснеть тех, кто принадлежал монарху, владельцу сокровищ Нового Света, над владениями которого никогда не заходит солнце.

Жалобы Генерального совета и отказы королевских министров в отношении расходов были одинаковыми в обоих случаях, как я уже упоминал. В обе эпохи находились люди, которые одалживали деньги городу и прославились тем, что поддерживали родину, которая, однако, после бедствия оказалась обедневшей из-за доходов кредиторов. Предки, подражая своим внукам, решили создать отдельный казначейский фонд для содержания народа, собирая деньги из благотворительных учреждений, без шума, без процентов и без препятствий, поскольку это было своего рода общественное достояние.

Я не могу решить, были ли наши предки более ревностными и великолепными в молитвах и обетах, чтобы расположить Бога и умиловить Его гнев, поскольку они не могли показаться более религиозными, а потомки, следуя их примеру, соперничали с ними. Они давали обещания, много дней подряд без перерыва посещали церкви с мольбами, постановляли воздвигнуть храмы святым защитникам от чумы, возводили оратории, устанавливали праздники и посты. И помня, что в 1524 году, когда в Милане бушевала чума с особой

жестокостью, были воздвигнуты колонны с крестом на перекрестках, чтобы, напоминая о мучительной смерти Христа, утешать и вдохновлять мужеством страдающих от болезни, а также представлять им залог и надежду на вечное спасение, они восстановили эти трофеи, разрушенные ветхостью, побуждая народ всегда смотреть на этот знак, победителя смерти и дьявола.

Эти и другие искупительные меры были приняты старейшинами во время чумы, и в качестве наиболее эффективного средства для умиротворения небесного гнева они сняли с свода собора Клин, который, будучи вбит в тело Исккупителя (), также стал инструментом спасения человечества; и вытащили это железо, пропитанное божественной кровью, как реликвию, которая, несомненно, вызвала бы милосердие Бога. Кардинал-архиепископ Карло [182], которого сопровождал народ, пронес его по улицам города и, по великой удаче того времени, через несколько лет был вознесен в число блаженных на небесах, где следующее поколение должно было призывать его в качестве своего покровителя. Это особое обстоятельство значительно укрепило молитвы предков, и мы, доведенные до крайней нужды, перенесли тело святого архиепископа, хотя день прощения еще не наступил; затем мы не прекращали религиозных обрядов, пока Бог не даровал нам испрошенное исцеление. Но об этом мы уже достаточно сказали.

Скорее, это будет подходящим местом, чтобы рассказать о том, что сделали во время чумы предки и отцы наших магистратов, что сделал Боромео, святой покровитель миланцев, не в последнюю очередь благодаря своим великим заслугам, за которые он теперь наслаждается блаженством в присутствии Бога, а здесь, на земле, в Милане, окруженный ореолом, получил честь канонизации, самую высокую награду, которую божественное милосердие может даровать человеку.

После торжественной процессии, в которой Милан увидел две удивительные вещи: драгоценное железо, пронзившее нервы и вены Исккупителя, и святого Пастыря, несущего его своей разорванной и окровавленной правой рукой, начал давать о себе знать голод, бедствие, почти равное чуме, или, лучше сказать, питающее ее. Голод, который предшествовал болезни в наши дни, наступил позже, в 1576 году, но был не менее губительным.

Миланская территория, которая так широко простирается вокруг города, больше не давала зерна, лишившись фермеров, которые, умершие, спрятанные в лачугах или запертые в хижинах зараженных, ошеломленные ужасом, лениво занимались сельскими работами или вовсе бросили их.

Генеральный совет, с согласия губернатора и по королевскому указу, решил в качестве меры предосторожности закупить и доставить в Милан значительное количество пшеницы из провинциальных городов, в частности из Лоди, Алессандрии, Новары и Павии, как из тех, где зерновые культуры наиболее распространены. Не то чтобы их жители отказывались продавать пшеницу, но, поскольку чума с каждым днем становилась все более жестокой и распространялась, они ненавидели любую торговлю с метрополией, так что торговля между ней и провинциями была затруднена.

В частности, жители Павии с дерзким отказом сделали себя ненавистными, как это когда-то произошло с римлянами, когда некоторые военные колонии отказались поставлять солдат империи. Тем не менее, было куплено большое количество пшеницы, особенно в Лумеллине, и, установив дорожную пошлину, ее собрали в Аббиатеграццо, в амбарах, открытых вдоль канала, чтобы, упаковав в другие мешки и погрузив на лодки, перевезти в Милан без мошенничества и без опасности заразить земли, откуда поступала эта пшеница. И чтобы

операция была выполнена с должной тщательностью и осторожностью, как Генеральный совет, так и продавцы делегировали лиц, которые, прибыв на место, следили за тем, чтобы пшеница была разгружена и перегружена с должной осторожностью.

Этим лицам были предоставлены широкие полномочия принуждать арендаторов и складировщиков зерна продавать муниципалитету по справедливой цене все пшеницу, рис, ячмень и рожь, которые они имели на складах. И не только продавать, но и транспортировать его в хорошем состоянии в Милан в общественные зернохранилища. Другие продовольственные товары собирались в Бинаско-суль-Павезе и в деревне Галлера [183] в Лодиджано. В этих местах были открыты торговые лавки, куда приезжали покупатели из города, чтобы не заставлять продавцов приезжать в зараженные чумой деревни. В Павезе надзором занимались Гуидо и Джулио Скакабароцци, в Лодиджоано — Марко Фаньяни, префект по продовольственному снабжению.

В то время как для питания бедных принимались эти меры, без которых не хватило бы необходимого для жизни зерна, магистраты позаботились также о колбасах, масле, сыре, свиньях, дровах и угле, предметах, дополняющих предметы первой необходимости. Амброджо Арчинто, Гуидо Кузани и Чезаре Пьетрасанта были отправлены для их закупки в Пьяченцу. Наконец, среди стольких забот и суеты не было упущено ни малейшей мелочи. О такой предусмотрительности, почти теми же словами, что и я, рассказывает самый замечательный из латинских писателей, когда республика оказалась в опасности.

Кроме того, в то время как эти мелкие заботы и другие, гораздо более важные, с каждым часом становились все более серьезными, делая бремя управления для наших магистратов уже невыносимым, они не переставали повторять, что расходы ложатся на королевскую казну. Но им всегда давали один и тот же ответ: принц не имеет отношения к этим расходам, империя обширна, и ни золота, добываемого из рудников или из рек, ни сокровищ Индии, ни даней многих королевств не хватает. Когда же короли устали от постоянных настойчивых просьб, они нашли уловку, чтобы обосновать свой отказ правом и толкованием законов. Губернатор, тайный совет, а может быть, и те и другие, выпустили указ следующего содержания.

Уважаемые декурионы настаивали, утверждая, что король должен оплатить расходы, связанные с чумой, но при этом необходимо провести различие, то есть отделить зарплаты министров от других расходов. Первые они согласились отнести на счет казны, но не деньги, потраченные на пропитание народа, поскольку город обязан кормить своих бедняков, которых можно назвать членами его тела. Они подкрепляли свое решение, ссылаясь на указы тех же декурионов, когда семь лет назад во время голода они взяли на себя такую нагрузку, потратив семьдесят тысяч зекиньев на содержание нуждающихся.

Декурионы от имени города вновь ответили, что не следует наносить ущерб тому, что сам город, милосердный и великолепный, даровал в другие времена, и не следует обвинять его в мошенничестве и неуважении к монарху. Ибо именно верность католическому королю побудила его не дать погибнуть от голода тысячам своих подданных в Милане, к которым он относился с особой снисходительностью и которых так любил. А поскольку декурионы, желая справедливости, не требовали, чтобы вся тяжесть легла на королевскую казну, был найден компромисс между необходимостью и щедростью.

-città было выделено четыре тысячи зекиньев в год, которые должны были взиматься с пошлины на соль, плюс еще четыре тысячи с пошлины на вино, что было немалым подспорьем в сложной ситуации, но все же не соответствовало требованиям обстоятельств. Что касается остальной суммы, губернатор дал надежду, что ее можно будет получить от

короля, если в будущем уменьшатся тяжелые и неизбежные расходы, которые тогда его обременяли. Магистраты, обретя мужество, выбрали Бривио Сфорцу, подходящего по роду, по привычке к двору и по благосклонности, которой он пользовался у короля, и отправили его в Мадрид, чтобы изложить просьбы Государственного совета; они дали ему полномочия посланника с инструкциями по делу, оставив остальное на его усмотрение, чтобы он мог узнать мнение короля и настроения при дворе.

Сфорца должен был, прежде всего, указать, что указ Карла V был ясным и не содержал никаких ограничений, поэтому сын и наследник империи и его славы, из уважения к воле отца, движимый состраданием, должен был с милосердием и добротой отнестись к несчастному положению страдающего Милана. Каким был результат этой миссии, можно найти в наших анналах, посвященных событиям той эпохи.

V [184]. Вторичные лазареты. — Хижины для зараженных и бедных. — Врачи. — Приют для детей.

Между тем чума не сбавляла оборотов, так что ее жертвы были бы больше, чем в любой другой предыдущей эпохе, если бы она не превзошла по масштабам чуму нашего времени, описывая которую я, возможно, последовал примеру всех времен и народов, всегда склонных преувеличивать свои беды по сравнению с чужими, так что утверждают, что недавние бедствия были самыми жестокими и ужасными из всех.

И тогда из-за распространения заразы Лазарет стал тесен для толпы зараженных, хотя кажется, что такое огромное здание должно быть более чем достаточным для любой города. В 1576 году, как и в 1630 году, миланский народ, как всегда жалуясь на благодеяния и щедрость правителей, возмущался, обвиняя мудрость старых герцогов в скупости и недалекости, потому что они слишком ограничили площадь Лазаретто. Судя по их словам, они должны были бы увеличить этот приют смерти таким образом, чтобы он охватывал весь обширный Милан в случае возникновения эпидемии [185]!

В условиях такой тесноты в Лазаретте, как и мы, удовлетворяли потребности толпы, воздвигая для больных и умирающих филиалы лазаретов за стенами. Более того, я считаю, что мы последовали примеру наших предков, которые постановили, что со всех земель в радиусе двадцати миль в Милан должны быть доставлены столбы, доски и солома, а также крестьяне для возведения хижин. Их было по двести у каждого ворот, и не будет лишним вспомнить их форму, как она описана в летописях той чумы, чтобы она не осталась погребенной в архивах мэрии, но была известна и посторонним, если когда-нибудь моя история будет прочитана в других странах.

Выбиралось самое высокое и наклонное место, где хижины строились в ряд и были одинаковыми, насколько это позволяла природа местности.

Дороги, пересекающие лазарет, открывались на расстоянии десяти футов друг от друга, и между отдельными хижинами было шесть футов пустого пространства. Все хижины имели вход, обращенный в одну сторону, с прорезью над дверью и ставней, устроенной таким образом, чтобы каждый больной, даже во время дождя, мог видеть свет, дышать свежим воздухом и частично избавиться от скуки своего тесного заточения.

Хижины были построены из брусьев, пол был утрамбованный и довольно высокий, чтобы был менее влажным, с различными отверстиями по периметру, через которые дождевая вода

стекала в желоба. Широкая канава [186] окружала каждую лечебницу, чтобы днем или в темноте никто не мог проникнуть внутрь и издеваться над заключенными, а также чтобы те не выходили наружу. В эту канаву стекали все воды, по каналам поступавшие из близлежащих источников для различных нужд лечебниц. За пределами ограды каждого из них возвышались навесы для солдат, которые несли стражу на границе: там же возвышались другие лачуги, которые использовались в качестве кухонь, таверн, аптек для многочисленных нужд многочисленной семьи, собравшейся там. Большой крест представлял утешительный вид Искупителя для несчастных зараженных, поскольку религия была первоочередной заботой как в лазарете Сан-Грегорио [187], так и во второстепенных. Каждое утро давали сигнал, чтобы все, преклонив колени, обратили взоры к кресту, размышляя о мучениях, перенесенных Христом. Ежедневно отправлялась месса в молельнях, расположенных на территории лазарета, чтобы каждый больной, находясь у пределов своей хижины, мог, если не слушать, то хотя бы видеть Святое Приношение.

Чтобы предотвратить побег заключенных, некоторым дворянам были предоставлены чрезвычайные полномочия, они имели звание капитана и под своим командованием по сто солдат каждый, а также государственного писаря и других офицеров. Сумма, потраченная на этих стражников, составила 46 000 лир, которые пошли на аренду домов рядом с лазаретами, дрова, матрасы и другие предметы обихода для солдат и начальников, а также на продовольствие.

К каждому воротам Милана были приставлены другие дворяне, которым было поручено покупать и отправлять продовольствие в лазареты. Однако в лазареты не принимали всех бедняков без разбора, но когда чиновник, на которого была возложена эта забота, сообщал, что есть какой-то бедняк, которого нужно вывезти за пределы города, то дворяне, назначенные для этого в отдельных приходах, навещали его. И, убедившись в правдивости изложенных причин, принимали его, записывая в специальный реестр его имя, фамилию, состояние; если у него была жена и сколько детей, в какой приходе и в каком доме он жил, а также день, когда он был принят. Затем его доставляли или перевозили к входу в лазарет, раздевали, мыли, одевали в новую тунику и помещали в одну из хижин вместе с одним, а иногда и с двумя товарищами, соблюдая осторожность, чтобы подозреваемые и зараженные всегда находились в отдельных кварталах [188].

Каждый квартал имел своих слуг и прислугу, которым было запрещено любое контактирование между собой, чтобы здоровые не заразились болезнью.

Врачей было мало, поскольку те, кто предпочитал комфортную жизнь прибыли, скрывались или притворялись, что не являются врачами. Несмотря на обещания щедрых гонораров, не удалось выманить из вилл многих из них, которые скрывались там, презирая вознаграждение смертью. В условиях такой нехватки искусства, само название которого является утешением и лекарством для больных, пока повсюду искали людей, которые, имея хотя бы элементарные медицинские знания, согласились бы войти в лазареты, в окрестностях Павии появились несколько французов, выдававших себя за врачей, и такими их считали по внешнему виду и одежде. Они высказывали афоризмы и, приведенные хозяином гостиницы для посещения больных в тех окрестностях, прописали лекарства, которые, после их приема, вылечили больных, вероятно потому, что для них еще не наступил час смерти.

Французы говорили, что направляются в Венецию, чтобы избавить этот город от заразы. Некто по имени Лонато, посланный санитарной службой в Павию, нанял и привел с собой

четырёх или пятерых из этих самозванных докторов, не более опытных, чем старая горная жительница, которая, как я уже рассказывал, в наши дни вмешалась в дела Лазаретто. Им назначили ежемесячную зарплату, более высокую, чем осмелились бы требовать самые уважаемые врачи, а именно тысячу шестьсот зекинь, большая часть которых была выплачена им сразу же.

Введенные в лазареты, вскоре, я не знаю как, их наглость и невежество были обнаружены, в результате чего они были заключены в тюрьму, избиты розгами и лишены полученных денег, чтобы не причинять дальнейшего беспокойства, и изгнаны. Однако двое из этих шарлатанов умерли от чумы в тюрьме. В конце концов, обратились к Коллегии врачей, чтобы та каким-то образом решила эту срочную проблему, и она, используя свою власть, добилась того, что вышли врачи, которые выполнили свой долг. Каждому из них было назначено пятьдесят зекиньев в месяц в качестве жалованья: сто — Ланфранко Бониперти из Новары, за большую известность, которой он пользовался в своем искусстве [189]. Лекарства, зелья и все, что было полезно для лечения и поддержания сил больных, предоставляла Santa Corona, учреждение, которое ее основатель с королевской щедростью открыл для помощи бедным [190]. А когда доходов этого учреждения не хватало, расходы покрывали дворяне и муниципалитет.

Огромную помощь в любой нужде оказывал кардинал-архиепископ Карло, живший тогда как святой среди людей, и я считаю, что то, что он сделал во время эпидемии, стоило больше, чем любое другое действие его трудолюбивой жизни, чтобы открыть ему врата небес в конце нашей бедственной карьеры и обеспечить ему после этого честь канонизации. Он с радостью взял на себя заботу о зараженных из любви к своему народу, растратил богатства, продал поместья, опустошил дворец, чтобы помочь нуждающимся, и сделал гораздо больше во время всей эпидемии для духовного здоровья своей паствы. Я не буду сейчас повторять все это, поскольку уже достаточно подробно описал в книгах, которые я опубликовал о жизни и понтификате Борромео.

Хлеб и вино раздавали в лачугах следующим образом: по двадцать унций пшеничного хлеба на человека в день, двадцать восемь унций неразбавленного вина, немного риса или что-нибудь более легкое и вкусное в соответствии с предписаниями врача. Эти продукты поставлялись из продовольственных складов и доставлялись в лазареты с огромной осторожностью из-за опасности заражения. Те, кто находился снаружи, испытывали ужас, как будто приближались к логову диких зверей, поскольку заключенные напоминали многих диких животных, прикованных цепями, и не выходили за провизией, пока диспенсеры не удалялись, положив ее на землю вдали от границы.

Кто-то, возможно, удивится стольким заботам и ухищрениям, примененным для поддержания жизни этих плебеев, но следует помнить, что они были членами государства, спасение которого было чрезвычайно важно для метрополии, и что нищета и грязь народа ставили под угрозу даже жизнь великих. Город потратил 105 000 лир, чтобы прокормить толпу бедняков, запертых в лазаретах, лучше и здоровее, чем в их домах. Удвоили усилия по карантину, которому они были подвергнуты, чтобы выяснить, не таится ли среди них чума.

В рядах хижин, предназначенных для карантинных больных, если кто-то умирал, те, кто находился в том же загоне, не могли покинуть его или вернуться в город до истечения сорока дней с момента смерти. По истечении этого срока их переводили в другие чистые загоны, которые имели два входа. Тот, кто должен был пройти очищение, входил через одну дверь, раздевался, выбрасывал одежду, затем мылся в подготовленном для этого резервуаре и

надевал новую одежду, которую ему подавали через другую дверь; только после этого ему разрешалось выйти, при условии, что у него не было ни малейших признаков чумы. С помощью такого метода мужчины раздевались, мылись и осматривались; что же касается женщин, то, чтобы не оскорблять их скромность, их осматривали акушерки, которые помогали роженицам в лазарете.

Те, кто возвращался в город, после прохождения карантина не могли выходить из своих домов и свободно передвигаться, а должны были оставаться в изоляции в течение двадцати дней. Деньги, найденные в карманах умерших в хижинах или спрятанные ими в каких-либо тайниках, возвращались их родственникам одним из декурионов, назначенным для этой цели. Если родственников или близких не было, деньги наследовали государственные казны. Такую же добросовестность и точность проявляли дворяне в отношении денег, сданных на хранение многими, считавшими смерть неизбежной, поскольку, выздоровев, они получали их обратно без малейших потерь. Сенат, чтобы последние желания умирающих не оказались тщетными, постановил, что любой министр или смотритель лазаретов имеет право составлять и подписывать завещания, которые будут иметь ту же силу, что и завещания, составленные с соблюдением всех нотариальных формальностей и внесенные в нотариальные акты. А чтобы невежество не привело к мошенничеству, более вредному, чем юридические махинации, к декрету было добавлено, что подобные завещания будут недействительны без одобрения Сената.

Младенцы, недавно родившиеся и еще слабые дети, оставшиеся без родителей; несчастные не только из-за детской слабоумия, но и потому, что лишенные всякой помощи, умирали в кроватках, где еще были теплыми трупы их родителей, или, пережив их, с трудом выживали, свернувшись на земле, и никто их не подбирал. Свои собственные беды и страх перед нависающими большими опасностями приводили к тому, что никто не обращал внимания на этот постыдный беспорядок.

Наконец, мэрия приняла меры, выделив просторное здание, в котором их кормили с материнской заботой, спасая этих несчастных, которые, казалось, появились на свет, чтобы быстро умереть.

Кормилицы, повивальные бабки и другие милосердные и любящие женщины, заменяющие мать, которую природа, общая мать, предназначила пеленать и укладывать в колыбель плачущего младенца, словно предчувствующего беды существования; все эти женщины, матери детей государства, были за счет государственных средств и по заботе дворян собраны в том приюте, где брошенные дети нашли убежище. Это, вместе с новыми хижинами, которые пришлось построить из-за постоянно растущего числа зараженных, а также из-за нехватки соломы и древесины, стоило пятьдесят тысяч лир.

VI. Обет Святому Себастьяну. — Общая карантина — Очищение.

23 октября LX Декурионы, в интересах общественного здоровья, дали обет святому Себастьяну мученику, нашему согражданину, чтобы он, благодаря ранам, нанесенным его телу стрелами, умолял Бога избавить Милан от заразы. Обет был выражен следующими словами:

«Святой Себастьян, мученик, родившийся на этой земле для небес, гражданин и ученик Милана, который прославляет его, моли Бога о милости, чтобы положить конец чуме, столь губительной для твоей родины. В течение следующих четырех лет мы восстановим более величественную и роскошную церковь, которую наши предки посвятили твоему имени. В первый день годовщины твоего праздника мы подарим этой церкви хрустальный сосуд,

чтобы с должным почтением хранить в нем почитаемые мощи твоего тела, которые там хранятся, и мы, декурионы, вместе с духовенством и народом, исповедавшись и причастившись, принесем его, чтобы этот дар был еще более приятен».

Декурионы, чтобы все знали об обещаниях, которые они дали святому, и город утвердил обет, пригласили людей из деревень, которые представляли свои приходы, чтобы обет был торжественным и от имени общественности: мэры согласились письменно.

Что касается формы и способа восстановления церкви, то Альфонсо Галларато, Джованни Арчимбольдо и Баттиста Висконти были уполномочены предложить и осуществить это. Души были воодушевлены и почитанием мученика-согражданина, и надеждой на исцеление по его заступничеству. Были добавлены другие обещания, о которых я не знаю, существуют ли они все еще сегодня и выполняются ли они добросовестно, или же они вышли из употребления, как это было и будет всегда, потому что люди обманчивы даже с небом; и к древнему греху человеческого рода добавляется еще и грех обмана святых.

Декурионы, с одобрения и по совету испанского губернатора, пообещали также от имени миланцев учредить братство Святого Себастьяна. Первым в него вступил маркиз д'Айамонте, губернатор, со своей женой и детьми, затем декурионы, сенат, магистраты и дворяне в соответствии с их рангами. Дисциплина и обязанности этого братства не подчинялись никаким правилам, а оставлялись на усмотрение каждого, кто мог совершать благотворительные дела, которые ему больше всего нравились. Раздавать бедным милостыню; более богатые тратить большие суммы на помощь в опасности скромности, особенно если какая-нибудь знатная дева находилась в подобной опасности; сопровождать с факелами процессию в канун дня Святого Себастьяна, когда его мощи переносились в собор; оставлять эти факелы для благочестивых целей, особенно для сбора денег на приданое нуждающимся девушкам. Они также проголосовали за то, чтобы день, посвященный имени и памяти святого мученика, был вечно праздничным для миланцев, исключая любую рабскую работу. В этот день они будут приходить с архиепископом и митрополичьим духовенством в его церковь, принося дары с тем же ритуалом и помпой, с которыми ежегодно на второй праздник Пасхи приходят в базилику Святого Амвросия с знаменами каждого ремесла и знаменем августейшего пастыря. Последним обетом была ежедневная месса в церкви Сан-Себастьяно, которую должен был отправлять священник, избранный городом от его имени, с обязательством участвовать в расходах на торжественную службу в годовщину обета [191].

Кардинал-архиепископ был умолен стать автором этих обетов, поскольку они недействительны без авторитета Церкви.

Между тем болезнь не ослабевала ни благодаря человеческим средствам, ни благодаря божественной помощи, доходы города, щедрые пожертвования жителей и даже принудительные налоги не хватало на ежедневные расходы, связанные с эпидемией. Я нашел запись о том, что в то время некоторые люди неоднократно делали пожертвования на общественные нужды настолько крупные суммы, что я бы не поверил в это, если бы не было достоверных записей в регистрах. Самыми щедрыми в Милане были Джакомо и Франческо д'Адда [192], которые богатства, унаследованные от предков или накопленные собственным трудом, благородно использовали для частичной поддержки общественных нужд, раздавая деньги городу или одалживая их без процентов, в то время как некоторые другие ростовщики занимались этим гнусным и презренным делом.

Однако этих субсидий было недостаточно, и пришлось продать некоторые государственные доходы, чтобы получить тридцать тысяч зеккине. Но покупателей не нашлось, и губернатор был вынужден заставить некоторых богачей вложить свои деньги в такую покупку.

Сенат объявил каникулы в суде, освободил из тюрьмы заключенных, осужденных за долги, а сенаторы, сняв тоги, как будто забыв о своем звании, ходили по улицам в скудной одежде [193]. Затем Сенат и дворяне обсудили средство, которое в крайних затруднениях всегда считалось единственным и наиболее эффективным, хотя и очень трудным для реализации. Я имею в виду, держать в заключении и изоляции до сорокового дня, который считается сроком окончания эксперимента по борьбе с заражением, весь город как одного человека, и тысячи людей, как будто они составляют одно целое.

Карантин был продлен из-за огромных затрат и нехватки того, что необходимо было предоставить задержанной толпе. Кроме того, опасались, что народ, уставший от убожества и домашней изоляции, без хлеба и средств к существованию из-за отсутствия заработка, после прекращения работы поднимет бунт. Пренебрежение смертью, которая постоянно была перед глазами, вид государства, находящегося в опасности разрушения из-за многих бедствий, и надежда на безнаказанность могли подтолкнуть его к самым отчаянным крайностям. Тем не менее, было решено ввести общий карантин: 31 октября было объявлено, что все должны закрыться в своих домах, и запрещены любые торговые операции и контакты, а также общение для удовлетворения повседневных нужд, если граждане хотели снова наслаждаться гражданской жизнью и светом. Это средство против чумы было принято губернатором, Тайным советом, Сенатом, Судом здравоохранения и продовольственного снабжения, а также LX Декурионами, которые все от имени короля и родины взяли на себя эту задачу в интересах общественного здоровья.

Это будет, добавлялось, сорокадневная неприятность, необходимая и в то же время полезная изоляция. Никто не смел выйти за пределы своего дома, и если кто-то нарушал запрет, он подвергался наказаниям, изгнанию, штрафам и всему тому, чем обычно угрожают в таких случаях правители. Все необходимое обеспечивало государство.

Декрет был незамедлительно выполнен; в назначенный день богатые и бедные остались дома, и все магазины были закрыты, за исключением тех, где продавались продукты питания. Бедные, чьи семьи были зарегистрированы в каждом районе, не испытывали недостатка в продовольствии, и в публичных актах сохранились имена дворян, которые выполняли эту задачу в отдельных частях Милана.

Misericordia — это братство дворян, которые под таким названием ежегодно распределяют двадцать четыре тысячи зеккине, если бы не смерть и бедствия того времени, которые значительно уменьшили это состояние бедных.

В оратории Милосердия ежедневно собирались делегаты братства для консультаций, чтобы разрешить запутанные ситуации, которые возникали из-за постоянно новых трудностей, о которых сообщали друг другу. К братьям присоединились два дворянина от каждой брандмауэрной двери, а в тех частях Милана, где было больше беспорядков, их было еще больше. Все, что поставлялось мэрией, привозилось из сельской местности или покупалось в магазинах, складировалось у входа в каждый дом. Все ворота города были закрыты, и впускали только тех, кто привозил продукты питания, которые, как только они доставлялись в установленные места, как частным лицам, так и продавцам, должны были уезжать, предъявляя квитанции. Никто из них не мог оставаться на ночь в пределах городских стен.

Были сформированы отряды людей, которые ходили по городу и покупали необходимые вещи: у них было разрешение, выданное дворянами, чтобы никто, бродя по городу, не мог безнаказанно присоединиться к отрядам. Лавочники и барахольщики стояли у выхода и входа в кварталы и посреди всех улиц, чтобы каждый из соседей мог купить фрукты, вино и продукты питания всех видов. Продавцам были прощены обычные налоги, и мэрия отказалась от доходов в пользу покупателей.

Таверны, кладовые и основные аптеки оставались открытыми для продажи только с третьего часа дня до заката, с воротами перед входом и сосудами, наполненными уксусом, в которые бросали монеты, чтобы кислота этой жидкости очистила металл. Другие дворяне, по два на приход, получили специальное поручение расследовать и докладывать о том, что происходило в каждом доме, отмечать благоприятные или зловещие признаки, внезапные смерти, тех, кто, будучи уже в отчаянии, выздоравливал. Эти дворяне знали каждый дом, хозяев, жильцов и их состояние так же хорошо, как свою собственную семью; они вели записи в специальных списках и ежедневно проводили осмотр вместе с врачами, продолжая держать их в закрытых помещениях или отправляя в хижины, в зависимости от мнения самих врачей.

Им было предоставлено право по своему усмотрению давать разрешение на выход, если они считали приведенные причины обоснованными, но с обязательством информировать об этом вышестоящих. Другие дворяне из ведущих семей контролировали их действия, наделенные широкими полномочиями, вплоть до наказания смертью подчиненных офицеров и карантинщиков, чтобы те не преступали, как это было в их обычае, грабежи и кражи, а эти не выходили из своих домов, бродя с опасностью для общественного здоровья. Наконец, другие дворяне прилагали усилия, используя свою власть и советы, чтобы каждый выполнял свой долг.

Кардинал-архиепископ подчинил духовенство той же дисциплине, предписав, чтобы каждый священнослужитель оставался в своем доме в соответствии с общими предписаниями [194]. И со святостью и благоразумием, добродетелями, которыми он отличался, он постановил, что для предотвращения пагубных последствий праздности в изоляции домашних стен мужчины и женщины должны молиться семь раз в день, по звону колоколов [195]. Эти молитвы, ежедневная месса, помогали занять умы благочестивыми мыслями и умиловить небесный гнев.

К полицейским и стражникам, которые уже находились в Милане из-за чумы, присоединился городской глашатай, который имел особые обязанности в течение сорока дней. Он ходил со своей командой, наблюдал за домами, и если кто-то выходил без пропуска, с палкой в руке, он угрожал немедленным наказанием пойманному правонарушителю. По районам были установлены виселицы; губернатор предложил отряды немецких солдат для охраны отдельных ворот, но декурионы отказались их принять, поскольку мэрия, угнетенная множеством непосильных бремени, не была в состоянии покрыть такие расходы.

Маркиз д'Айамонте уехал со своей семьей в Виджевано, взяв с собой некоторых из главных декурионов тайного совета, которые были его близкими советниками по делам. Он передал всю свою власть в Милане президенту Сената Райнольдо и Габрио Сербеллони, выдающимся деятелям той эпохи, превосходившим всех: первый по юридическим знаниям и

опыту в применении законов, второй по военным заслугам, оба по образцовому образу жизни.

Летописи того времени передали потомкам славное имя и прославленные деяния Сербеллони [196].

С помощью указанных мер была введена карантинная изоляция, которая поддерживалась до конца с большим порядком и настойчивостью, чем в наше время, поскольку после начала она впоследствии пришла в упадок и была отменена.

Ее начали предки, прибегая к помощи святых, согласно древнему обычаю. Сенатор Кастильони, которому в районе города было поручено наблюдение за Порто Верчеллина, предложил своим коллегам собраться в церкви Сан-Франческо, приступить к причастию и создать общий фонд для помощи бедным, дав обет делать то же самое каждый год, в подражание обету, данному в 1524 году, когда чума угрожала полным уничтожением Милана и Ломбардии.

Таким образом, после введения и продолжения карантина, люди были заперты как ядовитые животные в своих норах, чтобы, сосуществуя, не распространять инфекцию. Когда в домах, ставших тюрьмами для изгнанного народа, проявлялись какие-либо симптомы болезни, очищались все предметы обстановки, все предметы, которыми пользуется человек, и даже то, что могло остаться зараженным от присутствия или дыхания. Искусство очищения зародилось в те дни в Милане, к несчастью для него! И я опишу его в своей печальной истории не для того, чтобы другие города завидовали, а для того, чтобы они могли извлечь из него пользу и быть благодарными Милану, если когда-нибудь вернутся те времена, когда между людьми утихает всякая rivalry.

Зараженный дом сразу же помечался, чтобы его можно было избегать, как саму заразу. Труп зараженного уносили мортарди [197], а больных, если они были, уводили в хижины за стенами города; сундуки, ящики и все их имущество выносили на улицу или во двор. Однако ничего не открывали и не перемещали, кроме как в присутствии свидетелей и приглашенных лиц, имевших к этому отношение. Найденные деньги передавались Франческо Орнати, казначею государственной казны, и хранились у него до момента возврата. Предметы, имевшие небольшую или никакую ценность, сжигались, а остальные, после составления списка и маркировки, передавались грязным монатти в отдельных узелках, чтобы те отнесли их в бани и очистили в соответствии с их качеством. Другие чистые монатты, входя в дом, обильно окуривали сурракумом, ладаном и смолой неприветливое жилище и зараженные стены; они мыли каждую часть извести и щелочью, чтобы удалить и очистить ее от заразы. Смешав две фунта ладана и один фунт смолы, они бросали их в огонь, и целебный пар распространялся по всему дому. На вещах, которые несли к источникам для очистки, было написано имя владельца; те же мусорщики, поместив карточки с именами на столбы, показывали их хозяевам, которым должны были вернуть вещи или любой другой товар.

Таким образом было очищено 8953 дома; 4066 семей, расходы муниципалитета на очистку и окуривание, помимо тех, которые несли частные лица, заинтересованные в поддержании чистоты своих жилищ и обстановки, составили 120 000 лир [198].

Кокон, которые шелкопряды, пока они находятся в них, ткот и смазывают своей слюной, грязные и зловонные мастерские червей, которые впоследствии приносят столь большую прибыль и славу фабрикам города, помещались в бассейны, под которые подкладывали горящие угли с добавлением смеси, паром и дымом, чтобы их тошнотворный запах не был вредным.

Затем ткани и шелковые одежды бросали в котел, в котором кипели лекарственные травы; место проведения операции полностью закрывали, чтобы дым и тепло не рассеивались в воздухе безрезультатно. Точно так же очищались золотые и серебряные украшения, все хлопчатобумажные и шерстяные одежды, если они еще не были пропитаны маслом, погружались в эту кипящую жидкость, а затем несколько раз в холодную воду, что заставляло отделяться гной, который они впитали ранее.

Связки зараженной конопли или льна помещались в проточную воду и оставлялись там на три дня. Все ткани считалось достаточным продезинфицировать ароматным дымом; меховые изделия, если они были малоценными, бросали в огонь, а если нет, то закапывали в бочках с известью; когда же они требовали большого ухода из-за высокой цены, их помещали в подвижное устройство и вращали над деревянным сосудом, нагретым дымом, чтобы не испортить мягкость и блеск шерсти. С помощью этих мер предосторожности хранили меха, избегая опасности, что в таких мягких и роскошных предметах может скрываться чума. Кодексы, реестры, библиотеки, все бумаги, которые были у аптекарей, гостиничных владельцев, адвокатов и врачей, кожа, перья, набивка, матрасы и кровати, картины, металлы и все, что нужно для жизни, учебы или удовольствий людей, сначала выставлялись на свежий воздух и под чистые небеса, очищались и промывались несколько раз жидкостями и духами. И было найдено искусство не портить такие вещи при очистке, поскольку, заботясь о здоровье, хотелось сохранить то, что украшает жизнь.

Муниципалитет потратил 24 000 лир на покупку участка и прилегающих территорий для строительства прачечных и их оборудования. Два генуэзца, Спинола и Джанфольетта, проявили великодушие, равное великодушию их соотечественника Ломэллини, чье имя было провозглашено « » (Святой человек), который в наши дни раздавал деньги с такой щедростью, что оскорблял скромность благотворителей, так что только люди без стыда получали от него помощь [199]. Эти два генуэзца также подарили деньги мэрии и, купив продовольствие на территории Лоди, ввезли его в Милан, продавая бедным по той же цене, по которой купили, таким образом отказавшись от прибыли для себя и для жадных перекупщиков в городе, который был им чужд. Городские приходы, подражая этой щедрости и стыдясь того, что их превосходят в великодушии пришельцы, вместо того, чтобы подавать им пример, взяли на себя обязательство содержать своих бедняков, разделив между собой бремя, которое лежало на мэрии.

Благодаря этим пожертвованиям горожан и пришельцев карантин продолжался, и еще не дойдя до середины, начали ощущаться его благотворные последствия и растущее облегчение, которое с каждым днем укрепляло надежды. Заметная разница между двумя эпидемиями заключалась в том, что наша чума не ослабевала до самого конца, поскольку у магистратов не хватало ресурсов, а у народа — терпения и покорности.

Наши предки не только упорно продолжали начатую карантину, но, подойдя почти к ее концу, возобновили ее еще на сорок дней, чтобы более тщательно изучить коварную болезнь, всегда обманчивую и, как неумолимый враг, презиращую перемирия и даже заключенный мир. Так приказал сам губернатор, уехавший в то время в Виджевано, которому декурионы написали, что весь город оздоровился и чума исчезла.

VII. Пожертвования Казальмаджоре.

Муниципалитет провел новую продажу своих пошлин за 300 000 лир [200], заставив, как и в первый раз, частных лиц приобрести их на условиях, что он будет иметь право в любое время вернуть деньги, чтобы возместить то, что он был вынужден продать в связи с неотложными обстоятельствами. Провинциальные города и соседние деревни соперничали с далёкими в усердии и щедрости по отношению к столице, по примеру древних колоний, которые посылали в Рим золотые чаши, чтобы как можно лучше облегчить нужду империи.

Казальмаджоре отправил тысячу бочек вина [201] с представителем, который преподнес его в дар нашему Генеральному совету с красивыми словами. «Казаласки знают, — сказал он, — что в Милане, их столице и центре власти, не хватает продовольствия, чтобы прокормить тысячи бедняков, пострадавших от чумы, которые сидят взаперти в своих домах и лишены всякой работы». Поэтому они посылали это вино, собранное на своих землях, в качестве дани, а другие посылали вино, собранное или приобретенное в других местах. Они просили с благодарностью принять вино не за его ценность, а за доброе сердце тех, кто его предлагал, как поступали сенат и народ Рима со своими колониями, о чем свидетельствуют древние памятники.

Декурионы, получив дар, похвалили любезность этого благородного муниципалитета и его верность государству, яркую и в другие времена. Впоследствии для Казаласки это событие стало почетным, поскольку коллегия судей, которая, так сказать, является семенем сенаторов, включая в себя цвет благородных и мудрых людей Милана, при назначении на должность, к которой стремились многие, отдала предпочтение только одному из Казале, потому что он был уроженцем этого города.

Вскоре после этого он послал еще один небольшой, но приятный для великих людей подарок, чтобы поддержать ослабевших нуждающихся: тысячу кур, которые, будучи запертыми в клетках, были немедленно отправлены в хижины для раздачи. Таким образом, Казале щедро и любезно помог страдающему городу и заслужил его благодарность.

Декурионы чувствовали ее более живой, поскольку к недавней благодетельности добавился древний блеск этой земли, благородной и уважаемой со времен римлян наравне с величайшими городами, поскольку именно здесь разбила лагерь армия во время войны между Оттоном и Вителлием, откуда она и получила свое начало и название [202]. В последующие века Казале процветал в литературе, военном деле и всех гражданских дисциплинах, и из него вышел прославленный гражданин Джованни Балдезио, который, подобно одному из трех Орациев (), которым однажды была доверена судьба Рима, сражался в единоборстве с Генрихом, сыном императора Генриха, осаждавшим Кремону. Бальдезио, победитель, пронзил своего противника насквозь, положив таким образом конец войне, в которую вмешались миланцы, чтобы поддержать свободу Кремоны, которая перестала платить ежегодную дань империи. Тогда граждане воздвигли статую своему освободителю, покрыли ее пурпурным плащом и отмечают годовщину этого триумфа.

К этому времени чума подходила к концу, и наши предки, не менее набожные, чем мы, не переставали благодарить Бога за полученное исцеление, добавляя свои усилия к божественному милосердию. Они выполнили свои обещания, как и мы, и поскольку праздник Святого Себастьяна почти совпадал с окончанием карантина, который, начавшись во второй раз, приближался с большими надеждами к желанному завершению, было решено в канун праздника совершить торжественную процессию к алтарю мученика и положить туда сосуд со священной костью; таково было обещание миланцев.

В ней приняли участие губернатор Айамонте, который приехал в Милан из Виджевано исключительно по этой причине, и двенадцать сенаторов и декурионов. Святой Карло отслужил мессу у того же алтаря и собственноручно раздал причастие всем присутствующим. Однако тогда они избежали и предусмотрели то, чего не заметили или пренебрегли магистраты нашего времени, а именно: они запретили народу собираться в церкви, выходить из домов и собираться на улицах, установив для каждого человека разные дни, часы и время не только для посещения церкви, но и для выполнения своих дел, в то время как мы, напротив, пренебрегая этим весьма разумным распределением и позволяя толпе смешиваться в процессиях и других религиозных обрядах, также способствовали распространению заразы. Они также запретили аві возвращаться в город тем, кто из страха бежал и скрывался в виллах или в полях; и тех, кто, когда чума пошла на убыль, ежедневно появлялся у ворот, отгоняли. В наше время же бежавшие дворяне не только были добровольно призваны обратно, но и тем, кто не подчинился, грозили наказаниями. В других мерах, принятых в конце бедствия, в 1577 и 1631 годах были одинаковыми усердие и усилия, которые подкреплялись растущей надеждой и стремлением не опозориться пренебрежением полученной от Бога милостью.

Когда в Милан пришла весть о том, что Брешиа поражена той же болезнью, Суд здравоохранения запретил любую торговлю с брешианцами и их территорией, и на границах были установлены соответствующие посты; то же самое было сделано вскоре после этого с Павией, поскольку там также проявилась зараза.

Испанский губернатор был в сильном волнении, опасаясь, что болезнь может вновь разразиться в Милане, тем более что на смену президенту Монти, ушедшему в отставку в конце года, пришел сенатор Бругора, не имевший опыта в вопросах здравоохранения. Королевский указ под страшной карой запрещал принимать в городе кого бы то ни было, даже имеющих надлежащий пропуск: только Габрио Сербеллони имел право допускать кого хотел, и никто не мог войти без его разрешения [203]. Были также определены церкви, расположенные рядом с городскими стенами, куда мужчины и женщины могли отдельно приходить для выполнения своих религиозных обязанностей. Так врачи предписали дать заключенным некоторое облегчение, чтобы они могли дышать свежим воздухом, не выпуская их, однако, бродить без цели или собираться в одних и тех же местах.

Дети и женщины, в частности, не могли сдерживаться, нетерпеливые, как птицы, выпущенные из клетки, и из-за своенравности своего пола и детской неосторожности нарушали санитарные законы: поэтому их пришлось снова заключить под стражу. Беспорядки продолжались в лазарете Сан-Грегорио, рядом с которым в полях собрались несчастные из других лазаретов и хижин, а также продолжались в госпитале для выздоравливающих, открытом рядом с Сан-Дионизио. Грязные мортари смешивались со здоровыми, и в этих приютах, где сосуществовали заключенные, кишели преступления и злодеяния всякого рода, так же как в человеческих телах, пораженных длительными болезнями, рождаются новые недуги. По этой причине, когда эпидемия подходила к концу и общественное здоровье укреплялось, эти места становились источниками заражения в Милане; так мы видели, как лазареты были осквернены всеми грехами и пороками, которые обычно совершают люди.

Также в 1576 году широкие полномочия диктатора и судьи были предоставлены человеку, который оказался там, где никто не мог бы его ожидать, и где, тем не менее, наш век нашел другого. Фра Паоло да Брешиа, капуцин, отчасти похожий на отца Феличе, был более

подходящим для своей должности благодаря своей строгости, суровым манерам и жестокому характеру, свойственному его стране. Он был поставлен во главе Лазаретто да Сан-Карло [204], и даже сегодня в устах « » живет память о спутниках брата Паоло, о палачах, виселицах, дыбах и о нем самом, вооруженном и всегда мрачном и угрожающем, будь то при отдавании приказов или при наказании. О, какое зрелище — видеть монаха в капюшоне, переодетого в магистрата! Но к этому вынуждали несчастные условия тех времен. Он, строгий цензор [205], наказывал и подавлял воровство, похоть и другие пороки, которые без пощады процветали в этих пещерах нищеты и нужды.

Еще одно не менее восхитительное зрелище представляли эти места: буйная, развратная и обнаженная толпа, получающая одежду и одеяла, присланные архиепископством. Святой Карло, как я рассказывал в его жизни, продал, чтобы одеть бедных, гобелены, ковры, драпировки и все, что он собрал у придворных во время понтификата своего дяди Пия IV, или велел их разрезать и раздать тем же людям, чтобы они могли укрыться. Некоторые удивлялись и смеялись, видя в Лазарете простолюдинов, роскошно одетых в шелк, пурпур и другие драгоценные ткани, в зависимости от того, что досталось каждому по жребию [206]. Богатые граждане и купцы отправили в Лазарет в дар до тысячи одеял (), а мэрия потратила 8000 лир на одежду для голой плебейской толпы, движимая стыдом за свое достоинство и щедрость, хотя и была уже на мели. И это в то время, когда чума, не замедляя и не усиливаясь, держала души людей в неопределенности между страхом и надеждой.

В конце 1576 года Милан оказался свободным от заразы, и его жители, избавившись от подозрений и успокоившись, вернулись к обычным занятиям. Речь шла о том, чтобы объявить город здоровым по просьбе сенатора Магенты, сменившего Бругору на посту президента здравоохранения и очень занятого тем, чтобы в течение года его правления были снесены все хижины, не оставив никаких следов этих зловещих пристанищ.

Дождались дня Святого Себастьяна, когда с помощью указов и глашатаев, под веселый звон колоколов и артиллерийские залпы, под всеобщий ликование было объявлено, что город Милан, по божественной милости, по милости Пресвятой Богородицы, святых и, прежде всего, мученика-согражданина Святого Себастьяна, свободен от чумы, и торговля с другими городами возобновлена. Себастьяна, освобожденным от чумы и возобновившим торговлю с другими городами. Отныне все имели право выходить из домов и входить в них, наслаждаясь прежней свободой, воздухом и светом неба, общими и для всех людей. Этот день был отмечен миланцами, которые возродились к гражданской жизни; с наступлением ночи весь город был освещен; огни сияли на балконах, в окнах, на дымовых трубах крыш, на площадях и улицах в таком количестве, что казалось, будто светило солнце в полдень. Выжившие рассказывали нам, своим внукам, что они никогда не видели дня более громкого, чем та ночь Святого Себастьяна, потому что все население, пережившее эпидемию, бродило по улицам, благодаря святого покровителя радостными криками; повсюду звучали трубы и музыкальные инструменты.

Все это произошло в Милане в 1576 году, в памятную эпоху, потому что нашей Церковью руководил бессмертный святой Карло. Он помогал народу во время этой бойни с вдохновенной свыше ревностью, с трудом и милосердием духовенства, которое он обучал, религиозных орденов и, особенно, с помощью отцов Общества Иисуса, религии, которая впоследствии распространила столь великий свет в Церкви и обучала наукам, литературе добрым нравам столь далеких народов, и которая тогда, в своих зачатках, заслужила благодарность святого Карла и Милана [207].

VIII. Новые особенности, касающиеся президентов здравоохранения во время эпидемии 1630 года. — Упоминается большое количество других магистратов.

Я изложил, что между двумя подобными эпидемиями есть сходства, которые смешивают их в одно целое, и что между ними есть различия, которые никоим образом не поддаются сравнению. Теперь я представляю вам один очень важный факт, который нельзя отнести к простому случаю, а скорее к непрерывной преемственности самых заметных семей Милана, из которых, как из вечного источника, выходят люди, подходящие для самых высоких магистратур. И будет радостно, в этом печальном рассказе, созерцать, как после окончания чумы сыновья и внуки знатных людей занимают те же должности, что и их отцы и деды во время предыдущей эпидемии, что стало бы очевидным, если бы я упомянул их имена.

Президентом здравоохранения в самый разгар эпидемии, жертвой которой он и стал, был, как я уже сказал, Антонио Монти, сын и внук сенаторов и брат кардинала-архиепископа, который сегодня с такой славой возглавляет эту Церковь [208]. Король назначил его сенатором, как только он достиг установленного возраста, за заслуги его семьи и за его явные достоинства.

Красивый и достойный человек, обладатель элегантного ума, он умер в расцвете лет, и его оплакивали не только народ, который его любил, но и сами великие. Когда зависть угасла, усилилась скорбь по поводу того, что он не оставил детей, и выдающегося молодого человека обвиняли именно в том, что составляло его похвалу и славу, то есть в щедрости, с которой он бросился в опасность чумы, бесстрашно встретив смерть ради блага своей страны.

До Монти президентом здравоохранения в первые месяцы эпидемии был сенатор Арконати [209], старший по возрасту, но еще не старый. Он тоже был полон сострадания к бедам Милана и с усердием занимался их решением, не боясь приближающейся смерти, от которой он тогда избежал. Арконати вновь взял на себя эту страшную должность, бесстрашно подвергаясь всем рискам; ибо, когда Монти умер, Сенат умолял и убеждал его принять, хотя и вопреки правилам, должность председателя Суда здравоохранения, поскольку не было никого, кто был бы более подходящим для этой должности, чем он. Он согласился и стал жертвой чумы, оставив после себя тоску сограждан, которые, ошеломленные страхом и горем, оплакивали его утрату. Но боль стала еще сильнее, когда, прекратившись бедствию, стали подсчитывать все понесенные убытки.

Семья Арконати — знатная и известная семья, но даже если бы это не было так, он один сделал бы ее знаменитой, настолько велики были его знания в области права, его приветливость и благотворительность. Пройдя все ступени низших должностей, он стал сенатором и председателем: яростная чума унесла и эту жемчужину нашей родины.

Те, кто пришел им на смену во главе Суда здравоохранения, стремились повторить успех и славу своих предшественников (), но у них не было возможности проявить себя. Поскольку, вступив в должность в конце эпидемии, им пришлось бороться с злодейством мортаров и с жадностью и грязью бедняков, которые, пряча лохмотья и крадя одежду, рубашки, одеяла, белье и все, что должно было быть сожжено как зараженное, не давали заразительному вирусу умереть. Скупость этих несчастных сначала доставила много хлопот президенту Висконти, который приложил все усилия, чтобы наказать их и пресечь наглый торговлю подобными предметами, которой многие занимались тайно и даже публично, оскорбляя божественное милосердие и нанося новый ущерб государству.

Этот сенатор происходил из древнего рода герцогов Милана и продемонстрировал свои благородные чувства в этой гнусной сделке, поскольку, используя авторитет своего имени и страх наказания, он предотвратил повторное распространение чумы через контакт с тряпками. Будучи глубоко образованным в области гражданского права, он считался в наше время соперником Сцевола, Павла и других известных юрисконсультов, которые своими рескриптами и ответами составили законы в прекрасные времена латинской культуры.

Такой же славой среди ученых пользовался президент Бескапе, который, когда болезнь вновь разразилась на озере Комо, когда все считали себя в безопасности, искоренил ее, запретив жителям любые контакты. Будучи суровым и строгим человеком, с неукротимым духом и телом, литераторы не без основания сравнивали его с тем, кого древние греки называли «железным человеком». Он умиротворил жителей Кремоны, будучи их претором, и, будучи обвиненным королевским цензором, был оправдан королем, не без позора для своих обвинителей.

Будучи религиозным человеком, он тратил деньги на строительство храмов и учреждение ежедневных месс, выделяя ежегодные пожертвования на их содержание. Он потратил несколько тысяч зекиньев на строительство церкви в деревне Бескапе, по фамилии своей семьи (). Она восходит к временам апостолов и была так названа потому, что старейшины предоставили в Риме участок земли папе Каю для строительства базилики Святого Петра.

Такими выдающимися президентами здравоохранения были в Милане в течение трех лет чумы.

Я мог бы составить целый том, если бы захотел перечислить имена и титулы декурионов и других магистратов, которые им помогали, и все равно не смог бы собрать их всех. Огромная работа! И, с другой стороны, источник ненависти и зависти для тех, кто был забыт.

Так поэт Гомер, не решаясь перечислить войска и военачальников, пришедших на Троянскую войну, призвал в «Илиаде» муз, чтобы они их перечислили. Если бы у меня было больше таланта и красноречия! Я бы вспомнил не только имена всех наших магистратов, но и их мужество, выдающиеся деяния, состязание в милосердии между ними и их смерти. Они оставались в Милане, среди трупов; они ездили в деревни и провинции, пораженные чумой, как будто ехали в свои виллы; они заботились о могилах; они ездили в лагерь; они не жалели средств, чтобы удовлетворить общественные нужды.

Хвала и слава другим гражданам, купцам, богатым простолюдинам и низшей знати, которая, хотя и менее известна, но зачастую богаче первых семей, подражает ей в пороках и добродетелях и, соревнуясь с ней, особенно в этом городе, проявила себя во время чумы. Однако я вынужден умолчать об их именах, потому что их слишком много, как уже сказал один географ, говоря об островах Эгейского моря, хотя они заслуживают того, чтобы о них помнили. Именно они взяли на себя управление лазаретами, кормили заключенных и поддерживали порядок в этих приютах смерти с помощью разумных мер дисциплины. Выполняя приказы высших магистратов, они принесли огромную пользу не только своей осторожностью и трудолюбием, но и деньгами, которые в те дни, без сомнения, были основой всего.

IX. Сенат и его президент во время эпидемии.

В этой гонке магистратов и граждан, стремящихся спасти родину от гибели, а также в гонке торговцев, стремящихся с усердием и верностью выполнять порученные им задачи в этом царстве чумы и смерти, над всеми по власти и бдительности возвышался Сенат, которому

сам монарх наделил властью и величием своего имени. И было мудрым решением передать суверенную власть этому органу, чтобы сдерживать человеческие амбиции и другие магистратуры, чтобы они не осмеливались вступать с ним в борьбу за верховенство. Члены Генерального совета следили за общественным здоровьем, предоставляя исчерпаемые субсидии голодающему и умирающему населению; сенаторы боролись с заражающими и террором отравлениями. В своих суждениях и наказаниях они проявляли такую умеренность и милосердие, что, если в Милане действительно существовало такое преступление, как заражение, сенат не мог поступить более милосердно, чем он поступил, отправив преступников на смерть, а не разрывая их на куски дикими зверями и собаками. Если же это были только подозрения и улики такого преступления, то сенаторы проявили огромную дальновидность, наказав зачатки злодеяний (), которые проглядывали из таких чудовищных подозрений [210].

Сенаторы Пиченардо и Ария вели процесс по делу о помазании. Он был первым преподавателем права на кафедре Тичинского университета и пользовался большой славой за свою ученость и в других университетах; став сенатором, затем президентом Магистрата Ординария, и наконец регентом Верховного Совета по делам Италии в Мадриде, король, учитывая его преклонный возраст, предоставил ему отдых на родине. Ария, еще в молодом возрасте, был сопоставим по уму и характеру со своим пожилым коллегой и щедро делился со мной информацией, когда я писал о войнах того времени, так что благодаря ему я смог в своей истории подробно остановиться как на политических решениях, так и на описании событий и объяснении многих важных фактов.

Оба прославленных сенатора продолжали выполнять свои обязанности, не испугавшись ни массовых убийств, ни даже участия своих родственников, которые были замазаны теми же инквизиторами.

В те дни президентом Сената был Джованни Баттиста Тротти, сын сенатора Камилло и внук Луиджи, который пользовался доверием Франческо Сфорца, так что только он занимался делами герцогства и публичными советами. Так о нем говорится на мемориальной доске, которую президент Джованни Баттиста, в память о своих предках, велел установить в честь своего деда и отца, когда он отреставрировал и украсил семейную капеллу в церкви Сан-Марко [211]. Происходя из столь знатного рода, Тротти, осознавая, как много он был должен обществу и памяти своих предков и отца, с тревожной заботой нес тяжелое бремя, возложенное на него королем, не только для спасения Милана, но и для сохранения престижа Сената, за что он получил заслуженную похвалу. Среди стольких опасностей, среди непрекращающихся массовых убийств граждан, слыша каждый день о гибели какого-нибудь магистрата и видя, как уменьшается число сенаторов из-за смерти некоторых из них, почти всех своих слуг, Тротти почти никогда не выходил за пределы города. И так как он всегда оставался на своем месте, он неустанно призывал сенаторов не покидать своих постов. Он говорил, что Сенат не только заменял короля, но и носил его имя; что от Милана зависела безопасность и защита других городов и провинций, что императоры всегда заботились о нем, посылая ему необходимую помощь и получая от него не меньшую помощь, чтобы использовать ее против своих врагов и врагов католической религии. Об этом и о многом другом в Сенате или на ежедневных собраниях, которые он устраивал в своем доме, говорил Тротти, высокий ростом, с серьезным выражением лица, который благодаря редкому дару природы или умеренности сохранил даже в старости свежесть лица. Я видел письма, написанные ему секретарем Карнерио, в которых он от имени короля просил его изложить в полном объеме свое мнение о происхождении заражения и деле возбудителей, поскольку Его Величество было интересно узнать, что он об этом думает [212].

Х. Вера в то, что чума прекратилась по милости святого Карла. — Ковчег, подаренный королем Испании для захоронения его тела, и новая процессия по городу.

Среди многих заслуг граждан и магистратов перед страдающим городом, среди многих усилий и божественных и человеческих средств, примененных против чумы, а также обетов и молитв о божественной милости, единственной надеждой миланцев всегда был святой Карло, гражданин и отец, вечная слава и величие этой родины. Выжившие жители, словно воскресшие из общей могилы, верили, что Милан погиб бы, если бы святой архиепископ не спас его, заступившись перед Богом, Девой Марией и святыми за восстановление здоровья. Слава об этой милости распространилась среди иностранных народов, усилив почитание святого Карла и в их странах. Сами князья обратили свои сердца к нему, раздающему божественные милости, и король Испании [213], очень почитавший святого, приказал завершить работу над хрустальным гробом, чтобы поместить в него его тело. Работа над ним началась уже тридцать лет назад, но шла очень медленно и с перерывами.

На шестой год после окончания чумы гроб был закончен, чудо искусства и природы, образ солнца, достойный, чтобы заключить в себе это светило святости, выставленное на обожание стекающегося народа.

А я, пока я усердно рассказываю о войнах, трагических событиях, кровавых расправах королей, заговорах принцев против католиков, о государстве и нашей Церкви, внезапно потрясенных дерзостью Конфедератов. Пока я рассказывал о трагическом вторжении врага, бегстве французов и могиле, которую многие из них нашли здесь [214]; пока моя историческая работа [215] медленно продвигалась, я очень развлекался, наблюдая невероятное чудесное зрелище последней торжественной церемонии Святого Карла, такого, какого не видел прошедший век и, возможно, никогда не увидит будущий. Я созерцал в соборе гробницу, подаренную Святым Престолом, которую не смогли бы создать ни с каким княжеским сокровищем, если бы Бог не открыл другие богатства природы, подходящие для этого.

Сюда стекались жители деревень и селений, и в тот день в Милане собралось бесчисленное множество людей из провинций и соседних городов.

Губернатор, командующий армиями, сопровождал процессию среди духовенства, на время прекратив заботы о войне. Тысячи вооруженных людей, подчиненных ему, остановились, потому что испанский Марс наложил перемирие на воинственный инстинкт, который подталкивал другие народы к оружию и убийствам. Мы видели, как демоны вырывались из ада, и эти, разъяренные и отчаянные из-за великого триумфа Церкви, содрогались на публике и дрожали.

Кардинал-архиепископ Чезаре Монти, не только третий преемник, но почти новый Борромео, с апостольским рвением прославил его с амвона.

Поскольку все это, как мне кажется, достойно упоминания в этой книге, я добавляю следующее:

ФРАГМЕНТ МОЕЙ ИСТОРИИ В котором описывается ковчег Святого Карла, подаренный католическим королем, и торжественная процессия, состоявшаяся в Милане 4 ноября 1638 года.

Губернатор Милана Диего Гусмано, проведя осень в больших приготовлениях и малозначительных военных экспедициях, решил вернуться в город, потому что, поскольку дела его короля шли успешно, он хотел от его имени почтить святых торжественным поклонением. Приближался день, когда миланская церковь с усердием граждан и при участии приезжих отмечала годовщину святого Карла, с тех пор как папа Павел V, по особой просьбе короля Испании, включил Боромео в число святых.

В том году, 1638, славу и радость праздника усилил королевский дар в виде гробницы, сравнимой с монументами древних египетских монархов: в ней были помещены мощи святого архиепископа среди золота, серебра и блестящих кристаллов, и ее следовало с великолепной помпой перевозить по районам, показывая жителям их защитника и утешителя.

Это было предписано кардиналом-архиепископом Монти, среди прочих искуплений, чтобы умиловить небесный гнев во время текущей войны, открывая душу надежде, что заслуги святого Карла и молитвы народа смягчат Бога, чтобы он вдохновил воюющих королей мыслями о мире, для достижения которого всеми силами стараются и человеческие средства.

Губернатор должен был присутствовать на церемонии по прямому приказу монарха и потому, что народ единодушно требовал этого. Его побуждали к этому и искреннее благочестие, и желание почтить дар своего короля, в создании которого он принимал участие.

Идея создания ковчега возникла, когда губернатором был Веласко, который первым рекомендовал королю реликвии Святого Карла и добился нескольких тысяч зекинов для ее реализации.

Но последующие губернаторы, несмотря на то, что мир продолжался, забыли о королевском приказе, и о ковчеге больше не вспоминали. Наконец Гусмано, в разгар своих войн и побед, в условиях неопределенного положения государства, призывая покровительство святого Карла, настоял на том, чтобы ковчег был достроен и в него были помещены его мощи. И она была завершена благодаря его авторитету и авторитету кардинала Монти, который, ревностно заботясь о славе своего прославленного предшественника, подталкивал королевских министров к выполнению, после столь долгого времени, королевских приказов. Он сам проинструктировал мастеров о форме и украшениях ковчега, будучи экспертом в области изящных искусств благодаря своему таланту и изучению античности; поэтому умные люди считают, что благодаря ему ковчег получился более красивым и элегантным.

Так и есть, и никакая сумма не была бы достаточной, если бы Бог, чтобы почтить своего Святого и вознаградить щедрость королевского дарителя, не вдохновил умы мастеров, которые превзошли самих себя в этой работе. Ковчег действительно сиял, как солнце: куски хрусталя необычайного размера и прозрачности были найдены по божественной милости, и я расскажу о случае, который похож на чудо, не для того, чтобы придать ценность чудесным работам, а для того, чтобы передать его в моих анналах вместе с другими событиями той эпохи.

Когда Веласко стал губернатором Милана, два мастера, которым было поручено строительство арки, оба увидели в одну и ту же ночь сон, что в некоторых пещерах, среди

скал, лежали огромные куски горного хрусталя, которые идеально подходили для выполнения работы, которая осталась бы великолепным памятником среди сокровищ собора. Этими мастерами были Франческо Чингардо и Анджело Бензони, которые, сообщив об этом губернатору, по его приказу отправились в Глицигу в Вальсезии, горы которой они видели во сне. Там, по подсказке пастуха, который пас там стадо, они нашли огромные глыбы кристалла, настолько блестящие, что в любой мастерской никогда не видели им равных. К этому следует добавить, что при распиливании и очистке этих глыб на них не было обнаружено ни одного пятна, в то время как в кристаллах, предназначенных для мирского использования, всегда встречаются шероховатости, матовые участки и другие дефекты; кроме того, при их шлифовке нередко возникают сколы.

Я опишу ковчег в соответствии с карандашным эскизом авторов, но сначала расскажу о том впечатлении, которое он произвел на меня и на всех, когда еще пустой был выставлен на всеобщее обозрение. Мы восхищались драгоценным материалом и красотой работы, но после того, как в нее было положено священное тело, она вызвала благоговейное чувство и своего рода религиозный трепет. Ибо из ковчега, словно из горящего шара или источника света, исходил такой ослепительный блеск, что приходилось закрывать глаза, чтобы не ослепнуть. Кристаллы, серебряные пластины с изображениями человеческих фигур и других предметов создавали прекрасный контраст теней и света, украшая единство концепции нежными аксессуарами, которые только мастера умеют правильно распределить; все это радовало глаз и восхищало душу. Но удивление не было лишено некоторого страха: желание рассмотреть каждую часть ковчега сдерживалось уважением, и эти разные чувства были приятными и еще больше возбуждали желания. Все зрители были в восторге, и когда приходилось отойти, чтобы пропустить других, они следили за ним глазами. Слышались единодушные восклицания горожан и иностранцев, восхвалявшие короля Филиппа за столь богатый дар и желавшие ему долгой жизни, а империи, австрийскому роду и испанскому имени — процветания. Даже женщины кричали «ура» иностранным королям и нашим князьям.

Чудесная работа над ковчегом заставила бы прибежать и аплодировать даже серьезных политиков, и особенно некоторых древних римлян, если бы они могли ожить после стольких веков. Потому что они были привычны восхищаться только творениями природы и искусства, не зная той чистейшей радости, которую только мы можем испытать, обращая свои мысли к вечной славе святых.

По всей арке были видны серебряные ангелы, изображенные с выражением, которое они должны иметь там, на небесах, где крылатые духи в детских образах на протяжении бесконечных веков воспевают хвалу Богу и святым и сами наслаждаются невыразимым блаженством. Ангельское воинство с человеческими лицами радостно окружало мощи святого, так живо изображая славу его души, что смиренный архиепископ покраснел бы от такого триумфа, изображенного гением и рукой человека. Ангелы, хотя и были из земной материи, имели небесные лица и, казалось, отвлекали мысли от мирских дел, внушая святым более интенсивное почитание, чем обычно испытывают смертные.

Вокруг ковчега ангелы, как будто в любезном состязании, помогали святому Пастырю, который перелетел из своей Церкви на небеса, оставив в ковчеге свое тело, несущее следы перенесенных страданий и добровольных умерщвлений.

Некоторые ангелы сидят на крышке и, словно воспевая хвалу святому, с детской милостью дуют в трубы, призывая человечество к этому славному зрелищу; другие, с мягкими чертами лица, кажутся поющими под аккомпанемент цитры. Одни пребывают в восхищении, другие в

ликовании, один погружен в раздумья, другой молится, поклоняясь Господу за такое великое чудо. Многие другие держат в руках папские регалии и священные предметы, которыми когда-то пользовался прославленный кардинал, чьей святостью они, кажется, проникнуты.

Ковчег состоит из двух ярусов и был назван ромбоидом, потому что имеет эту геометрическую форму. Первый, то есть нижний, делится на двенадцать угловых отсеков, более или менее больших: этот ряд имеет длину четыре локтя, а на двух меньших сторонах — полтора локтя.

Модильоны, карнизы и небольшие ступени образуют высоту основания, поддерживаемого двенадцатью серебряными животными, как и весь ковчег, как внутри, так и снаружи. На каждом углу находится кариатида, как древние использовали для украшения архитектуры карнизы; кариатид двенадцать на нижнем ярусе. Вышеописанные ангелочки с папскими регалиями в виде трофеев сидят на плинтусах.

Эти углы, или створки, поддерживают обе рамы, нижнюю и верхнюю, которая соединяется с крышкой. Все они несут серебряные статуи, олицетворяющие добродетели, которые изображали древние; всего по периметру двенадцать добродетелей. Промежутки заполнены хрусталем, каждый из которых состоит из тринадцати частей; одна из них, более крупная, восьмиугольной формы и очень блестящая, окружена двенадцатью меньшими хрустальными частями. Таким образом, двенадцать крупных частей составляют ковчег в этом первом порядке, вместе со всеми серебряными аксессуарами. Однако части, расположенные на двух концах ковчега, гораздо меньше. Серебряные оправы этих частей позолочены, и всего хрустальных частей насчитывается 156.

Верхний ряд, обрамляющий ковчег, похож на описанный выше как по расположению кариатид, так и по внешнему виду рамы. Разница заключается в загнутых боках, то есть в изгибе, заканчивающемся ромбом, и в том, что в овальной части элемента имеется небольшое окошко. Ангелочки внизу сидят, а в верхней части стоят те, которые несут королевские гербы. Поскольку, чтобы воздать должное августейшему австрийскому дому, твердой опоре Церкви, он в знак благодарности пожелал, чтобы на крышке были помещены его гербы из золота, которые несут ангелы. Двое из них видны по бокам, как будто они поют гимн, другие, в нижней части, несут гербы маркиза де Леганеса, чтобы напомнить потомкам, что ковчег был построен, когда он был правителем Милана.

То же самое хотели сделать с выдающимся Монти, за то, что он настаивал на Леганесе, чтобы ковчег был построен, но тот не согласился, предложив вместо этого выгравировать на листе металла, под каким архиепископом и в каком году он был завершен.

В верхнем ярусе также имеется двенадцать кариатид, больших и маленьких, и все остальные украшения такие же, за исключением того, что все они меньшего размера, то есть статуэтки и кариатиды пропорциональны этому нижнему ярусу. Карнизу украшают четыре серебряные вазы с листьями. В этом ярусе 67 хрустальных деталей, так я нашел в записях.

Ковчег стоил 60 000 зеккинь, как следует из королевских кодексов. Следует также воздать заслуженную хвалу одному из самых выдающихся граждан и священнослужителей, который под руководством архиепископа Монти и губернатора Гусмано управлял деньгами и приложил все усилия, чтобы в назначенный день ковчег был завершен без каких-либо недостатков. Им был Примичерио Висконти, племянник Федерико по сестре, который был избран церковными властями, правительством и королем за благородство рода, таланты и мудрость, а также за принадлежность к семье Борromeо.

Гусмано, чтобы, как я уже сказал выше, принять участие в церемонии и от имени своего короля преподнести и передать ковчег митрополиту, отправился из Александрии в Павию, а затем в Милан, куда прибыл 2 ноября, за два дня до праздника Святого Карла, распорядившись так, чтобы после торжества он мог без промедления вернуться в армию. Он приехал скромно, в карете, запряженной шестью черными мулами, как того требовала цель поездки; однако везде, где он проезжал, народ ликовал, называя испанцев освободителями государства и ужасом французов. Слышались аплодисменты, но благодарность была более живой в душе. Губернатор въехал в город около одиннадцати часов [216], с наступлением вечера; после короткого отдыха во дворце он уладил некоторые дела, дал, как положено, аудиенцию, а затем отправился в собор, чтобы передать церковным властям ларус Святого Карла, уже установленный перед главным алтарем. Присутствовали кардинал-архиепископ, а вокруг него монсеньоры со своими знаками отличия.

Как только разнесся слух о церемонии, собралась толпа народа, и пришлось запретить вход в собор, поскольку веселая и любопытная толпа стекалась в темноте, как будто было полдень. Каждый хотел увидеть ковчег, как и архиепископ, поскольку среди такого скопления горожан и приезжих было много тех, кто его не знал, но лишь немногие были допущены на церемонию.

Я приведу слова, с которыми губернатор, с достоинством и красноречием, подобающими принцу, вручил королевский дар достопочтенному Монти.

«Его Католическое Величество, наш король Филипп IV, среди своих достоинств всегда высоко ценил то, что святой Карло Борromeо родился в его империи. Его Величество всегда с особым почитанием относился к имени и памяти святого, ревностно заботясь о том, чтобы его подданные почитали его так же, и был вознагражден за это небесными милостями, о которых он хранит благодарную и вечную память. Он убежден, что именно благодаря покровительству святого Карла и его заступничеству перед Богом католическая империя и австрийский дом остаются невредимыми и процветают, а враги изгнаны и покорены повсюду, и война, развязанная против империи и самого дома, обращена против них. Желая не только вознаградить столь великие благодеяния, но и проявить свою благодарность, мое величество, мое господин, приказал построить этот ковчег, чтобы поместить в него тело святого архиепископа, своего покровителя, и поручил мне, своему низшему и верному слуге, сегодня, когда он готов, передать его в дар этой митрополии, что я и делаю. Умоляю Ваше Преосвященство, во имя Святого Карла, принять с благодарностью и сохранить этот дар, скромный сам по себе, но великий, если учитывать душу и преданность дарителя. Примите этот ковчег, в котором будут сиять реликвии великого кардинала, как его чистейшая душа оставила сияние в этой стране и этой Церкви благодаря своим прекрасным нравам и выдающимся добродетелям. Примите ее, говорю я, с такой же доброжелательностью и любовью, чтобы в молитвах и жертвоприношениях этого собора вы помнили рекомендовать Богу О. М. здоровье короля и безопасность империи, которая воздаст честь и почитание Святому.

«И прошу вас с той же доброжелательностью рекомендовать меня, министра и верного исполнителя королевской воли, покровительству святого Карла, который, по особой милости, уже принес победу моим войскам, которые без него не смогли бы продвинуться от необходимой защиты государства до территории врага. Мы признаем, что этим благоприятным исходом обязаны его заступничеству перед Богом. Примите, наконец, Ваше Преосвященство, этот дар; другой подобный дар надеется подготовить сам король, с богатствами своего империи, для мощей Вашего Преосвященства, когда, следуя по стопам святого Карла, он достигнет конца своей земной жизни [217]».

Таковы были слова Гусмано, полные почтения к святому Карлу и еще более убедительные благодаря благочестию и достоинству оратора. Более всех был тронут архиепископ, который был не только поклонником, но и выдающимся подражателем добродетелей Боромео. Вдохновленный благочестием короля и воображая, что он находится в присутствии святого, он ответил:

«Его Католическое Величество поступил так, как подобает и прилично королю королей, всемогущему монарху христианского мира, следуя учению своих родителей, деда, прадеда и длинной череды своих предков-цезарей, почитать святых как самых верных сторонников Империи. И это для меня не новость, поскольку я долгое время наблюдал за этим, когда был апостольским нунцием при дворе. Святой Карло, помимо других своих добродетелей и бессмертных деяний, которые принесли ему небесную славу, до последнего всегда стремился содействовать Империи и Королевскому дому, на которые возложена забота о защите и охране католической религии. Поэтому он заслуженно всегда почитался и почитается и сегодня королевской щедростью. Ковчег, который кажется скромным подарком обладателю стольких богатств, мной и моим духовенством считается бесценным сокровищем. Это сокровище будет храниться у нас не только из-за его ценности, но и потому, что, находясь среди памятников собора, оно будет освещаться литераторами и останется достойным восхищения образцом везде, где будет известна великолепие дарителя и ценность произведения».

Так говорили губернатор и архиепископ, присутствующие для того, чтобы записать их слова и засвидетельствовать то, что сделали два прославленных секретаря, Кайми и Платон, первый — церковный, второй — королевский, которые составили публичный акт.

Так была выполнена доставка ковчега; в ту же ночь архиепископ почти собственными руками поместил в него тело святого Карла с митрой, палантином и папскими регалиями. Сначала было решено покрыть его лицо золотой маской, но после более зрелого размышления было решено, что проще оставить лицо открытым, в том состоянии, в котором оно находилось после воздействия времени и разложения, которое не щадит даже мощи святых. Одна из щек была повреждена и разъедена не столько возрастом, сколько постоянным капанием воды в течение двадцати лет, вызванным влажностью гробницы, которая еще не была открыта и осмотрена [218].

Другая щека пострадала меньше, хотя и не была неповрежденной: подбородок и рот, как остаются с зубными протезами, когда плоть съедается, сохраняли некий отпечаток физиономии. Старики были тронуты, вспоминая отцовское лицо святого, и смотрели на него с сожалением; даже его портреты подтверждали сходство.

Другие писатели описали торжественную церемонию, с которой было представлено миланскому народу почитаемое тело святого через 54 года после его смерти. Гробницу вынесли из ризницы и тщательно закрыли, поместив в нее тело и поставив на главный алтарь для поклонения, с радостью, не лишенной сожаления. Собор был украшен так, чтобы, насколько это возможно для людей, имитировать великолепие, торжественность и праздничное веселье вечных обитателей блаженных на небесах. Наш августейший собор, который, возможно, больше всех других возвышается ввысь, свидетельствовал об общественной радости, как будто другой народ и другой небесный город ликовали при виде Святого Пастыря. Сколько украшений сцен, gobelенов, картин [219], освещения, придумали

древние и современные искусства, сколько их придумало с огромными затратами наше великолепное и умное духовенство для публичных праздников, все было использовано в тот день. Сокровища Святого Карла, помещенные на старом кургане, сияли ярким блеском, соперничая по богатству с сокровищами королей, которые обогатили его множеством колец и драгоценных камней, посвященных Святому за избежанные опасности и за триумфы, достигнутые или испрошенные им. Серебряные статуи и изображения некоторых из них напоминали, в свидетельство полученных милостей, о различных бедах, которые мучают человечество.

Кардинал-архиепископ Монти отслужил божественную жертву и произнес панегирик святому, как это сделал кардинал Федерико в предыдущий юбилей. Необычная слава того времени, что высшие архиепископы были также высшими ораторами! Очень понравившийся великим и множеству людей не только за красноречие, но и за похвалу щедрости короля Филиппа, Монти, подняв глаза к небу, обратился к святому со следующими словами:

«Небесный Карло! Украшение и венец пап; когда-то наш гражданин, пастырь и отец этой родины. Сегодня, чтобы почтить твои мощи и твое имя, божественная милость соединяется с великолепием короля Испании, который дарит гробницу, которую никакое частное богатство не смогло бы предложить. Она выглядит так, как будто была построена на небесах, которые, чтобы удовлетворить благочестие короля, открыли чудесные кристаллы, чтобы создать гробницу, достойную принца, и в ней, чистоту святого тела, которая превосходит блеск этих кристаллов».

После службы началась процессия; четыре епископа, по-видимому, поддерживали ковчег, который несли мужчины, скрытые под покрывалом, обернутым вокруг него. Архиепископ, хотя и слабый после недавней болезни, также поддерживал ее. Сенаторы несли балдахин на протяжении части пути, сменяемые другими в зависимости от ранга и привилегий различных магистратов: губернатор следовал за ним на своем месте с зажженным факелом. Было бы излишне описывать обычные украшения города, улицы, покрытые полотнами, стены, украшенные гобеленами, картины и другие драгоценные предметы, взятые из домов богачей, поскольку подобные пышные торжества уже не раз восхищали Милан.

Особым украшением того дня было множество людей, которые с трудом помещались в городе, и шум, который они производили. Соседние деревни и города остались почти пустыми, и если бы предусмотрительный враг сумел воспользоваться случаем, он мог бы легко овладеть ими. Многие прибыли из Венеции, Марки Анконы, Генуи, Швейцарии, Граубюндена, рассчитав время путешествия так, чтобы прибыть в день праздника. Прибыли не только отдельные лица, но и целые семьи, женщины с детьми, дети, следующие за родителями, или тайно прибывшие из окрестностей Милана. Многие старики, аристократы и простолюдины, слепые, калеки и страдающие от болезней, тащились, настолько велико было их желание присутствовать при торжественном перенесении тела святого Карла и просить его покровительства; не отсутствовала и толпа нищих. Я узнал, что многие мужья, несчастные в браке, и жены, страдающие от похоти своих супругов-прелюбодеев, прибежали с доверчивой простотой сердца, веря, что благодаря скрытой силе святого Карла их семейная постель будет очищена и освящена, а их доброе имя восстановлено, и что их семья перейдет от презрения и отчаяния к честной и радостной жизни; такую же веру или простодушие проявили и некоторые миланцы.

Я знаю некоторых, кто, страдая от несчастий или окруженный опасностями, надеясь на помощь святого, получил, или по крайней мере утверждал, что получил, милости не менее очевидные, чем те, которые получили исцеленные от телесных болезней. И так как об этих

исцелениях рассказывают как о чудесных, то утверждается, что самые тяжелые душевные страдания и домашние несчастья были смягчены в те три дня святым Карлом благодаря его заступничеству перед Богом, и многие видели, как процветали их дела и заживали раны сердца, в соответствии с тем, о чем они молились и что обещали.

Шестьдесят тысяч паломников разместились в гостиницах и тавернах; это число было объявлено публично. К ним прибавилось еще очень многое, которые были размещены у родственников и друзей, так как каждый дом, большой или маленький, был переполнен гостями, часть которых была размещена в жилищах бедняков, обеспечивая их пропитанием, так как не было другого выхода, учитывая тесноту, в которой находилась каждая семья из-за большого количества людей, которые были в доме.

Богатые заранее заняли жилье: даже колледжи и монастыри дали приют многим, и тем не менее еще большее число людей ночевало под открытым небом [220]. Легко представить себе шум и суматоху, которые создавала такая толпа людей на улицах и особенно в соборе; крики, драки, камни, ножи, некоторые были ранены и убиты. Собор гудел непрерывным грохотом, подобным реву потока, который, разбухший от ночного дождя, несет по скалам гор огромный объем воды.

Но этот грохот перекрывали крики и вопли одержимых, которые в присутствии святого Карла были настолько мучимы, что многие в тот день перестали считать их женскими уловками, убедившись, что действительно адские духи овладевают человеческими телами, в недрах которых они страдают мучениями, к которым они обречены. Достаточно достоверно известно, что в тот день были освобождены некоторые женщины, по-видимому, связанные неразрывными узлами Сатаной.

Я не буду умалчивать о том, как мужчины и женщины, охваченные религиозным неистовством, бросались на дубинки и пики. Дело в том, что группа немецких солдат с оружием охраняла решетки, чтобы, как обычно, сдерживать толпу, и постоянно размахивала пиками и дубинками, чтобы вселить страх. Группа полицейских, смешавшись с солдатами, не только размахивала оружием, но и с мрачным лицом и угрозами осмеливалась врваться в толпу, избивая и раня многих. Началась драка, которая продолжалась все время, пока ковчег был выставлен на обозрение. Многие вышли из нее с разбитыми и окровавленными лицами; один полицейский был забит до смерти молодым человеком той же дубиной, которой он ударил ему по ноге.

В процессии не удалось сохранить порядок по рангам: два главных магистрата города поссорились, споря за место ближе к ковчегу. Губернатору не понравился этот спор, но они сразу помирились, и соперничество было скорее продиктовано рвением, чем человеческой амбицией. Я верю, что сам святой радовался, созерцая с небес эту борьбу за его мощи и даже великих, беспокоящихся среди народного шума. Это единственное проявление не хватало небу, участвующему в ликовании людей, или нашему маленькому шару, взволнованному таким великим триумфом!

Завершив путешествие в сумерках, ковчег был помещен над главным алтарем. Архиепископ устроил скромный обед и, следуя традиции, которую Св. Карло и Фредерико соблюдали во время своих пиров после торжественных мероприятий, пригласил четырех епископов и братьев Альтемпс, родственников Св. Карло по материнской линии. Губернатор во дворце также устроил скромный военный обед для магнатов и нескольких друзей, которые на следующий день возвращались с ним в армию. Он отложил свой отъезд на один день: в субботу, 6 ноября, из Милана он отправился в Павию, а затем в Александрию.

КОНЕЦ ПЯТОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ КНИГИ.

Содержание

Посвящение переводчика своим согражданам	Стр. V
Введение. — Из неопубликованного сочинения переводчика о главных миланских историках и летописцах	VII
Посвящение автора достопочтенным господам викарию и шестидесяти декурионам Генерального совета города Милана	XXXI

ПЕРВАЯ КНИГА

СОСТОЯНИЕ МИЛАНА ДО ЭПИДЕМИИ. — ГОЛОД. — ЧУМА.

I.	Предисловие	3
II.	Положение и состояние города до чумы	4
III.	Как военные приготовления, а затем голод начали опустошать Милан	7
IV.	О правителях Милана Фуэнтесе, Веласко и Мендоса, а также о происхождении и причинах войны	9
V.	Толедо, Фигероа, Консалво ди Кордова — правители Милана. — Причины голода	10
VI.	О голоде, предшествовавшем чуме	12
VII.	Об общественном совете, то есть о шестидесяти декурионах Милана, которые позаботились о всеобщем бедствии	17
VIII.	О Лазарете и множестве бедняков, приютившихся в нем	18
IX.	Правила, установленные в Лазарете и в госпитале Стелла	20
X.	Лазарет осуждается и освобождается	23
XI.	Народные беспорядки из-за голода	25
XII.	В Милане вспыхивает чума	37
XIII.	Ярость и глупость народа в отношении веры в чуму	40
XIV.	Опасность, которой подвергся протофизик Лодовико Сеттала в начале чумы	41
XV.	Магистраты размышляют о более эффективных средствах защиты	44
XVI.	Тело святого Карла торжественно перевозят по Милану, чтобы умолить о прекращении чумы	47
XVII.	После процессии чума усиливается	51
XVIII.	Отвратительный вид Милана из-за груд трупов и наглости монатти	53

ВТОРАЯ КНИГА

ЗАРАЖИТЕЛИ.

I.	Предисловие	59
II.	О страшном и ложном слухе, распространенном в Милане и за его пределами	62
III.	О Пьяцца, Мора, Баруэлло и других зараженных	67
IV.	О других, которых по ошибке считали зараженными или заключили в тюрьму как таковых	80
V.	О великом и выдающемся человеке, на которого пало то же абсурдное подозрение	88
VI.	Излагаются мнения выдающихся философов и врачей о ядовитых мазях; и различные случаи	94
VII.	Внезапный и опасный беспорядки	107
VIII.	Различные случаи чумы в Лазаретто. — Отец Феличе, президент Лазаретто	110
IX.	Как чума начала стихать и как она закончилась	119

ПРИЛОЖЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА К ВТОРОЙ КНИГЕ

I.	Защита Джованни Де Падилья	127
II.	Соображения о процессе над заразителями	139
III.	Колонна позора	145

КНИГА ТРЕТЬЯ

КАРДИНАЛ ФЕДЕРИКО БОРРОМЕО И ДУХОВЕНСТВО ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

I.	Предисловие	155
II.	Меры и распоряжения кардинала при первых слухах о чуме	156
III.	Его действия во время чумы	159
IV.	Церковный лазарет, учрежденный Фридрихом	166
V.	Деньги, принесенные кардиналу двумя крестьянами и Ломеллини из Генуи	171
VI.	Предупреждения и советы кардинала своему духовенству	173
VII.	Забота кардинала о монастырях Святых Дев	177
VIII.	Кардинал предсказывает по божественному вдохновению скорый конец чумы и приступает к реорганизации церковных наук и искусств.	178
IX.	Мнения и суждения Федерико Борромео о чуме	179

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИХОД И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЧЕРНОЙ СМЕРТИ В ЛОМБАРДИИ. — АКТЫ СУДА ПО ЗДРАВООХРАНЕНИЮ.

I.	Предисловие	195
II.	Акты Суда по вопросам здравоохранения	227
III.	Новые подробности о голоде и чуме	252

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА К ЧЕТВЕРТОЙ КНИГЕ.

О смертности от чумы 1630 года и населении Милана в то время	261
--	-----

КНИГА ПЯТАЯ

СРАВНЕНИЕ ЧУМЫ 1630 ГОДА С ДРУГИМИ ЧУМАМИ, В ЧАСТНОСТИ С ЧУМОЙ 1576 ГОДА.

Предисловие переводчика к Пятой книге об историках чумы 1576 года	269
I. Предисловие	275
II. Сравнение чумы в Милане с древней чумой в Афинах	277
III. Сравнение чумы в Милане с чумой во Флоренции	280
IV. Сравнение чумы 1630 года с чумой 1576 года	284
V. Вторичные лазареты. — Хижины для зараженных и бедных. — Врачи. — Приют для детей.	298
VI. Посвящение Святому Себастьяну. — Общая карантинная изоляция. — Очищение	308
VII. Пожертвования из Казальмаджоре	321
VIII. Новые подробности о президентах здравоохранения во время эпидемии 1630 года. — Упоминается большое количество других магистратов.	329
IX. Сенат и его президент во время эпидемии	334
X. Вера в то, что чума прекратилась по милости святого Карла. — Ковчег, подаренный королем Испании для захоронения его тела, и новая процессия по городу	337
Фрагмент из «Декады V» Рипамонти, в котором описывается гробница Святого Карла, подаренная королем-католиком, и торжественная процессия, прошедшая в Милане 4 ноября 1638 года	339

КОНЕЦ УКАЗАТЕЛЯ.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Я подробно описал это в начале своего *Рассуждения*, исследуя народные традиции, чтобы подготовить почву для разговора о наших историках и летописцах. Я считаю ненужным приводить здесь этот отрывок, поскольку он относится к общей истории Милана, а не к чуме 1630 года.
2. Настоящий пробел и другие, которые встречаются в этом введении, вызваны необходимостью опустить отрывки из моего *Рассуждения о миланских историках и летописцах*, которые не имеют отношения к этой книге.
3. В книге *I Delle Ordinazioni*, MS. стр. 29 и 74.
4. Нынешний архивариус г-н Чивелли упорядочил ее с похвальным знанием и усердием.
5. Он был крещен в Наве 18 августа того же года, как указано в приходских книгах. См. Cantù, т. II, стр. 72.
6. *Oriundus fuit ex obscuro pago Briantaei collis aspero et confragoso, ipsum dein illustraturus*. Так Legnano в упомянутой жизни.
7. Небольшая деревня недалеко от Теньоне.
8. Рипамонти был рукоположен в священники в 1606 году.
9. Из одного из постановлений Рипамонти. *Процесс MS*.
10. Устав от 7 августа 1618 года аббата Сан-Пьетро-ин-Кьяравалле. *Процесс MS*.
11. Процесс.
12. Аббат Чиаравалле в вышеупомянутом постановлении.
13. Процесс.
14. О Толедо см. главу V, кн. I.
15. Я делаю этот вывод из одного из писем Федерико, который, обращаясь к монсеньору Безоццо в Риме с просьбой найти другого викария на смену Арчелло, который уволился, пишет: «По правде говоря, это небольшая потеря».
16. Автографы кардинала Федерико, хранящиеся в архиве Борромео, часть из которых приложена к делу Рипамонти, а часть находится в обширной переписке между Федерико и другими лицами.
17. В актах процесса.
18. Процесс.
19. См. Декаду I *Церковной истории* Рипамонти, стр. 515, и Послание XXXIX, книга IV; и IV книги V Св. Григория Великого, стр. 720 и 730, изд. Maurina, Париж 1705.
20. Процесс.
21. Книга ординаций MS. в Амброзиане, стр. 74.
22. Я не нахожу, в каком году, но, безусловно, до 1625 года.

23. *In ejus aula cum ego viverem*. Рипамонти, введение к Декаде III.

24. Совет подарил каждому из 60 декурионов экземпляр этого произведения. У меня есть один, на титульном листе которого написано: *Petrus Paulus Confalonierius I. C. Colegiatus Vicarius Provisionis de anno 1646 librum hunc a civitate dono habuit*.

25. *Cum publico Decreto medicorum peritissimi frustra adhibiti essent, etc.* (Легнано, жизнь, цитируемая выше).

26 «14 августа скончался достопочтенный и великий господин Рипамонти, каноник церкви Санта-Мария-делла-Скала в Милане, который, будучи болен водянкой, получил совет выехать за город, чтобы сменить воздух. Для этого он выбрал мое жилище, где, как указано выше, перешел из этой жизни в иную, да будет он с Господом нашим на небесах, и был похоронен в этой церкви в усыпальнице священников в день Успения Пресвятой Богородицы».

Из приходских книг Рованьяте. См. I. Cantù, *Vicende della Brianza*, 1837, т. II, стр. 83.

27. *Magno cum urbis atque litteratorum mœrore*. Легнано, там же.

28. Ghilini Gerolamo. *Teatro d'huomini illustri*, стр. 137. Венеция 1647.

29. Я не нахожу год его рождения, но когда он был принят в 1603 году в медицинский колледж, ему должно было быть не менее двадцати лет.

30. Г. М. Висконти был избран в число 60 декурионов в 1606 году; в 1627 году он получил титул маркиза и умер около 1638 года. Джироламо Легнано, вступивший в 60 Декурионов в 1634 году, умер 3 ноября 1650 года в Мадриде, где проживал в качестве оратора Милана при католическом короле. (Кузани.)

31. Первая глава каждой книги не имеет темы, являясь своего рода прологом к самой книге. (Переводчик.)

32. Рипамонти этими напыщенными и туманными фразами имеет в виду Генриха IV, который намеревался вернуть герцогство Милан, когда был убит убийцей Равайяком. Наш добрый историк был либо слишком очарован, либо слишком придворным, чтобы так плохо обращаться с великим Генрихом.

33. Цена на пшеницу поднялась до 100 лир за моггию, на рожь — до 70, а на просо — до 60. (Тадино, стр. 9. — Сомалья, стр. 478.)

34. Согласно ложному мнению, бытовавшему в то время о происхождении Общества.

35. Это кажется противоречием или каламбуром, но в глубине души автор говорит правду, потому что в подобных бедствиях человек, движимый голодом, всегда верит, что найдет в другом месте ту помощь, которой ему не хватает в своей стране. Крестьяне имели и до сих пор имеют преувеличенные представления о городском благосостоянии; напротив, люди, живущие в городах, смутно понимая, что зерно, вино, мясо, масло и т. д. поступают из сельской местности, считают их запасы неисчерпаемыми и не могут поверить, что в период голода там можно умереть от голода. Таким образом, перемещение населения, о котором автор упоминает в своем раздутом стиле, является естественным.

36 Сначала бедным раздавали рисовую похлебку, по примеру того, что делали во время чумы 1576 года. Тогда губернатор д'Айамонте каждое утро приносил кастрюлю риса на каждый перекресток для всех бедных соседей, а у дверей своего дворца раздавал по монете каждому бедному.

37. Имеется в виду отец Франческо Сфорца, крестьянин из Котиньолы в Романье. Лазарет, спроектированный знаменитым архитектором Браманте из Урбино, был заложен по приказу Лодовико Моро в 1489 году; его брат, кардинал Асканио, в значительной степени участвовал в его финансировании. Он был достроен только в 1507 году при короле Франции Людовике XII, который в то время был властелином Милана.

38 Это противоречит тому, что автор сказал о здоровом воздухе Милана в главе II. К сожалению, вокруг Милана были и есть луга, которые делают воздух тяжелым.

39. Тадино говорит 288, хотя в распределении он учитывает только 213, добавляя, что на западе они были непригодны, потому что не были закончены.

40. В городе их было 3534, и столько же прибыло из сельской местности и соседних городов, что вскоре их число достигло 9715, которых кормили хлебом с рисом. Выяснилось, что пекари подделывали его вредными веществами, чтобы заработать; испорченная питьевая вода, промокшая солома в комнатах, которую никогда не меняли, и чрезмерная жара того лета 1629 года, когда в течение трех месяцев не было дождей, привели к распространению инфекционных лихорадок в Лазаретто. Здесь был настолько невыносимый запах, что сенатор Арконато, президент здравоохранения, упал в почти смертельную обморочную состояние, и пришлось приостановить посещения.

Сомалья оценивает число бедняков, помещенных в Лазарет и в Сталле, в 14 000 человек.

41 Виной тому были декурионы, которые не прислушались к мнению консерваторов здравоохранения Алессандро Тадино и Сеттала, которые публично протестовали против этой неосторожной меры, предсказывая, что *большое скопление бедняков, вызывающее необходимость взаимного общения и распространение зловонного запаха между ними, в основном из-за плохого состояния их тел, приведет к распространению заразной болезни*. Число умерших с 1 января по конец сентября 1629 года составило 8570 человек только в Милане.

42. В связи с этими беспорядками, помимо Тадино и др., я имел возможность ознакомиться с подлинным документом: отчетом о произошедшем на испанском языке, отправленным по приказу Совета губернатору Гонсальво под Казале: *Breve y sumaria relacion del subceso en Milan el savado fiesta de S. Martin, y el domingo a 11 y 12 de noviembre 1628*. Он полностью согласуется с рассказом Рипамонти и подтверждает его правдивость. Он был любезно предоставлен мне вместе с другими очень важными рукописями, которые я буду использовать в этой книге для пояснения, архивариусом г-ном Чивелли, который владеет ценной коллекцией публичных документов и рукописей, касающихся отечественных дел.

43. Престино делле Гручче, в народе называемое *Сканск*, расположенное и сегодня на дороге, ведущей от собора к восточным воротам, слева в самом начале этой дороги.

44 Я, который был там, не видел оружия, кроме камней и нескольких мечей; в основном все (были) дубинки и подобные им орудия. Письмо от 18 ноября от Агостино Фоппа графу Карло Борромео. (Из рукописей *Civelli*).

45 Некоторые, не имея мешков, потеряли всякое чувство стыда и дошли до того, что сняли с себя одежду и наполнили ее; а некоторые женщины подняли свои платья, хотя у них было только по одному, и положили в них. (Тадино, стр. 7.)

46. Тадино, рассказывая об этом восстании, говорит о сопротивлении пекаря и его подмастерьев, что еще больше раздражало народ. — Увидев, что им не помочь, хозяева и министры тоже прибегли к насилию, поднялись на верхние этажи и тоже бросали в толпу камни и булыжники,

раздражая ее таким образом (главным образом потому, что двое детей погибли от ударов камней и булыжников), что толпа усилила насилие, ворвалась внутрь, выломав двери и т. д.

47. Временным викарием в этом 1628 году, имя которого Рипамонти и Манцони не упоминают, был Лодвико Мельци, избранный LX Декурионами еще в 1618 году и в 1630 году получивший титул графа, возможно, в награду за то, что подвергся опасности во время восстания.

Его сменил Альфонсо Висконте, честный и благотворительный человек. (См. Сомалья.)

48. Дом бедного викария был разгромлен: они не только разбили стекла под дверью и обломали всю стену, но и продемонстрировали решимость убить и сжечь его. И если бы помощь из замка запоздала хоть на мгновение, все было бы кончено. Письмо Фоппы, цитируемое выше.

49. Испанцы были вынуждены пересечь дорогу на телегах и охранять ее с помощью мушкетов. (Тадино, стр. 7.)

50. Пришлось примарио, предупрежденному в соборе, когда после вечерни читалась лекция, приказать чтецу прервать чтение и вместе с частью клириков, двумя очень большими распятиями и людьми, которые там находились, отправиться в процессии к престолу и т. д. Дословный перевод вышеупомянутого *Relacion etc.* на испанском языке.

51. Монсеньоры Маджента, Сеттала и Боссо, главные деятели того митрополичьего капитула, заверили простой народ, что у них будет хлеба в изобилии и по низкой цене, что сыграло большую роль, поскольку они были людьми, пользующимися большим авторитетом и почитаемыми за свои качества среди простого народа и всего города. (Тадино, стр. 8.)

52. По словам Тадино, этот тариф обошелся городу в более чем 100 000 скудов убытка.

53. Декурион Легнани.

54. Четверо из организаторов восстания были повешены в канун Рождества: двое перед церковью, а двое в конце улицы, где жил викарий.

55. Тадино варьируется по дате и имени человека. 22 октября того же 1629 года в город вошел солдат Пьетро Антонио Лонато, проживавший в районе Порты Ориентале, приход Св. Бабила, в доме, известном как дом ювелира... привезя с собой много одежды, купленной или украденной у немецких солдат, и сразу же заболел, и был доставлен в госпиталь, где у него обнаружили опухоль в локте левой руки и бубон под левой подмышкой, злокачественную и заразную болезнь, сопровождавшуюся также заразной лихорадкой, и он скончался на четвертый день... Все его вещи и постель были немедленно сожжены, что послужило причиной, с Божьей помощью, для их сохранения в то время в этом уважаемом госпитале; но это подозрение не продлилось долго, потому что явно проявилось в виде заразной болезни, обнаруженной у консилиария упомянутого госпиталя и парикмахера с преподобным. П. Терзаго, благодаря многолетнему опыту последнего, который проявил огромное милосердие во время чумы в Палермо в 1624 году, сказал, что Лонато умер от чумы, а они сами заболели той же болезнью, хотя благодаря профилактическим мерам и своей крепости с Божьей помощью они выздоровели. (Тадино, стр. 51.)

56. Карло Колона, лютнист, который незадолго до этого также прибыл из Монцы, чтобы увидеть прохождение немцев и, возможно, купил у них некоторые вещи: 16 ноября он заболел... и умер на четвертый день. (Тадино, стр. 51.)

57. Это произошло весной 1630 года, когда болезнь начала распространяться в деревне Порты Ориентале, и, возможно, ее можно было бы ограничить с помощью надлежащих мер.

58. К этому неверию присоединились и другие врачи... которых из уважения не будем называть. И в эту зловещую мысль впали еще и хирурги города Каркано, Монте, Кальво и Кьодо, которые, не умея управлять собой из-за жадности к наживе, своей смертью признали правду, поскольку все они умерли от чумы и т. д. (Тадино, стр. 73).

59. Консерваторы суда, и в частности физики, такие как Тадино и Сеттала, начали вызывать ненависть невежественного народа под влиянием некоторых врачей, не имевших благих намерений в отношении общественного здоровья, которые из-за своих страхов утверждали, что чума не является заразной болезнью и что они не знают другой чумы, кроме воздушной; и что эта массовая смертность людей была связана с плохими условиями и нехваткой продовольствия в последние два года... Поэтому плебейская толпа, не имевшая образования и пропитанная этой иллюзией, начала злословить об этих врачах (которые считали чуму реальной), и когда те, к несчастью, проходили мимо, обращались с ними грубо и нецензурно; и эта толпа дошла до такой дерзости, что не постеснялась побить их камнями. (Тадино, стр. 83.)

60. Лодовико Сеттала был одним из самых известных врачей своего времени и заслужил признательность родины за усердие, с которым он занимался медициной, особенно во время двух эпидемий чумы.

Родился в 1552 году, его матерью была Рива, дочь Джан Франческо, очень уважаемого юриста в университете Павии. Там он получил первое образование, а затем продолжил его в Туре и Милане в школах Канобиане. Получив степень, он поступил в медицинский колледж в 1573 году и почти сразу был назначен лектором в Павийском университете, но когда в 1576 году разразилась чума, он оставил кафедру, чтобы более полезно служить своей стране. В то время (пишет Сеттала в «Трактате о чуме») великий архиепископ, который утешал умирающих миланцев божественной любовью, вызывая всеобщее восхищение, с неопишуемой добротой захотел, чтобы я стал его помощником в этом выдающемся деле.

Он с таким знанием и заботой помогал Борромео, что приобрел славу ученого и милосердного врача не только на родине, но и во всей Италии и за ее пределами. Принцы соревновались за право иметь Сетталу: в 1608 году герцог Баварский предложил ему кафедру философии в Университете Ингольштадта. Герцог Тосканы хотел, чтобы он был профессором в Пизе. Сенат Болоньи предложил ему 1200 зекиньев в качестве зарплаты, если он переедет в этот знаменитый университет. Сенат Венеции настаивал, чтобы он принял кафедру медицины в Падуе. Но он постоянно отказывался от таких заманчивых предложений, не желая покидать свой Милан. А когда Сенат Венеции настаивал, чтобы он хотя бы указал человека, достойного отказанной кафедры, он предложил ученого Санторио, который оправдал его выбор. В 1619 году король Испании назначил его главным врачом всего государства Милана, что было заслуженной наградой за его ученость и добродетели. Когда в 1630 году разразилась чума, Сеттала, хотя ему уже было под восемьдесят, с большим рвением трудился в качестве главы санитарного ведомства, принимая самые энергичные меры для сдерживания заражения. Но ему пришлось с горечью констатировать, что народ ему не верит и даже оскорбляет его, несмотря на почитание, которое он заслужил своим знанием и благодеяниями, оказанными согражданам. Однако он не унывал и во время этой эпидемии помогал своим опытом, поскольку старость не позволяла ему помогать своим трудом. Выйдя из эпидемии невредимым, 12 сентября 1633 года Сеттала завершил свою долгую и почетную карьеру, оставив после себя имя талантливого врача и отличного гражданина.

Он написал много работ, в которых просвечивают его ум и эрудиция, но которые испорчены ошибками, распространенными в то время в медицинских науках. Прогресс в этих науках и

несколько предосудительное пренебрежение к всему древнему привели к тому, что сегодня они полностью забыты. Их каталог можно прочитать в Argelati. *Bibliot. Script. Mediol.*

Лодовико Сеттала покоится в могиле своих предков в Сан-Наццаро, где через сорок лет после его смерти сыновья установили надгробную плиту, которая сейчас находится в ризнице вместе с другими, установленными в 1830 году, когда была отреставрирована эта базилика. На ней можно прочитать напыщенную надпись, полную каламбуров, в соответствии с ужасным вкусом XVII века, которая в переводе на итальянский язык звучит так:

D. O. M.

ЛОДОВИКО СЕТТАЛА
ЗА ВЕЛИКОЛЕПИЕ ДВОРЕЦКОГО И УЧЕНОСТЬ ЯСНОЕ
АРХИАТРОМ ФИЛИППА, КОРОЛЯ ИСПАНИИ
ГОРОЖАНИН И СПАСАТЕЛЬ МИЛАНА
КОТОРЫЙ ПОБЕЖДАЛ СМЕРТЬ СКОЛЬКО РАЗ ХОТЕЛ
И ПОБЕЖДАЛ ЕЕ СКОЛЬКО РАЗ ПРИГОТОВИЛ ЛЕКАРСТВО
БОРЮЩИМСЯ С БОЛЕЗНЯМИ И СМЕРТЬЮ
СВОИМИ РАЗМЫШЛЕНИЯМИ
ДАЖЕ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАД ЧЕРНОЙ СМЕРТЬЮ
ЛЮБИМЫЙ И УЧЕНЫЙ ОТЕЦ
СЫНОВЬЯ КАРЛО, ЕПИСКОП КОРТОНЫ
И
АНТОНИО, НЕОДНОКРАТНО УДОСТОЕННЫЕ МУНИЦИПАЛЬНЫМИ НАГРАДАМИ
ПРЕДОСТАВЛЯЮТ СЛЕЗЫ
МАНФРЕДУ, КАНОНИКУ ЭТОЙ БАЗИЛИКИ
В МЕСТЕ ЕГО БЕССМЕРТИЯ
БЫЛ УСТАНОВЛЕН БЕССМЕРТНЫЙ ПАМЯТНИК
УСТАНОВИЛ
В ПЕРВЫЕ ИДЫ АВГУСТА
В ПРОМЕЖУТОЧНОМ ГОДУ MDCLXXII

61. Первый в 1629 году, второй в 1630 году.

62. Тадино подробно излагает предписания для больных, которые оставались дома. Комиссар должен был опечатать все двери, кроме одной, разместив там стражу, продезинфицировать комнаты и одежду, лично посещать дома, находящиеся под карантином, по крайней мере один раз в день, и составлять точные отчеты для Министерства здравоохранения. Меры были хорошими, но из-за алчности подчиненных чиновников и из-за свирепствующей чумы они были плохо выполнены. (См. *Тадино, стр. 76.*)

63. Еще в феврале 1630 года Medici Conservatori предложили подготовить *длинные, глубокие и не слишком широкие* гробы, чтобы в них можно было поместить четыре трупа поперек. Их следовало поставить за каждаыми дверями, но эта разумная мера была принята только в мае, когда число умерших возросло. Суд здравоохранения, осознавая огромную важность быстрого и тщательного захоронения, следил за выполнением своих приказов, но, несмотря на суровые наказания, не мог добиться их исполнения. Следующий случай, описанный Тадино, явно подтверждает правдивость вышесказанного. В апреле умер 15-летний Браска, сын мясника из Восточных ворот, и был похоронен на кладбище Сан-Бабила, и поскольку распространился слух, что случай был сомнительным, один из гробовщиков, заинтересованный в одежде, через два дня после похорон осмелился вынуть гроб из глубокой могилы и, открыв его, раздеть его; и, как говорят, другой его товарищ, заметив это, упрекнул его за ошибку, совершенную вопреки

приказам суда, за которую грозило суровое наказание; но, не раскрыв этого, он оправдал его, и его посадили в тюрьму, а когда правда вышла наружу, его повесили по приказу суда на вышеупомянутом кладбище, в качестве примера для других, а главного виновника изгнали из города. (Тадино, стр. 92).

64. В 1630 году викарием был Франческо Ландриани.

65. Эта процессия состоялась 11 июня: она длилась с 7 до 19 часов по итальянскому времени. (Puo della Croce.)

66. Настоящей и очевидной причиной был контакт тысяч людей, всегда фатальный при заражении, особенно в условиях тогдашней жары, но невежество того времени не позволяло это признать. Суд здравоохранения понимал опасность, но не имел силы противостоять голосованию всего населения. Поэтому, как это бывает в подобных случаях, он принял компромиссное решение, а именно исключить из Милана в тот день подозреваемых; бесполезная мера, поскольку чума уже проникла в город.

Суд здравоохранения издал строгие указы с наказанием в виде конфискации имущества и лишения жизни, чтобы никто из зараженных земель или из тех, где произошел какой-либо случай чумы, не осмелился под каким-либо предлогом участвовать в упомянутой процессии. Были закрыты ворота города и забиты гвоздями двери зараженных домов; тем не менее заражение распространилось. Так пишет Сомалья, который приписывает это заразителем.

67 Это было риторическое преувеличение, поскольку в тот день было уже 500 конфискованных домов, а в начале июля их число выросло до 2000. До процессии ежедневная смертность достигала 130 человек, после чего, по словам Сомалья, число зараженных так резко упало, что за очень короткое время в Лазарет было доставлено более двенадцати тысяч человек, а чума прогрессировала настолько ужасающими темпами, что почти все семьи богатых, знатных, торговцев и тех, кто мог укрыться в виллах, бежать туда. (Сомалья, стр. 484).

68. Сомалья говорит о 1700 в день в июле и августе.

69. То есть от *μονος* «один» или *από μοναχός* «одинокый». *Bugato* же происходит от латинского *monere*, «предупреждать», потому что звоном колокольчиков, прикрепленных к ногам, они предупреждали людей, чтобы те отошли. Обе эти этимологии натянуты, но точно сказать, откуда происходит это слово, невозможно.

Монатти были распределены по следующим станциям:

Al Guasto в Porta Comasina.

У таверны Сант-Антонио в Порта Верчеллина, идущей к Грацие.

У таверны дель Павончино в Порта Романа.

По всему Боргетто ди Порта Ориентале рядом с Dazio.

Телег, которые с восхода до заката солнца непрерывно занимались перевозкой мертвых, больных людей или зараженных вещей, было около пятидесяти. (Somaglia, Alleggiamento.)

Каждой повозке обслуживали два монатти и одна лошадь. (Lampugnani, стр. 35.)

70. Недостойным поступком было также то, что некоторые плохо настроенные молодые люди, надев колокольчики на ноги, выдавали себя за монатти. Таким образом, они узурпировали право ходить по домам здоровых людей, притворяясь, что ищут больных или

умерших. Это приводило к значительным кражам и скандалам. (Сомалья, Alleggiamento, стр. 500.)

71. Не менее ярким является описание Делла Кроче положения в Милане. Ужасным зрелищем был тогда некогда славный, но в те времена бедный город Милан. Дома были опустошены, семьи вымерли, лавки закрыты, торговля прекратилась, суды закрыты, церкви заброшены, кварталы опустели. И теперь на улицах можно было видеть только тех похоронных служителей, которые везли несчастных зараженных из домов в лазареты. По улицам постоянно скрежетали телеги с мертвыми, которые были тем более ужасны на вид, что беспорядочно нагруженные трупы выглядели еще более страшно. Из лазарета выходили, напевая, гробовщики, уже ожесточившиеся в этой ужасной работе, с перьями и галстуками на шапках, и, словно участвуя в трофее Смерти, смело входили в зараженные дома, так что казалось, будто они хотят их разграбить, а не оказать дружескую помощь.

Они брали этих Monatti за голову, за ноги, как им было удобнее, зараженных, упавших на спину, и с плеч сбрасывали их на телегу, как мешки с зерном, не обращая внимания на то, что ноги, руки и головы неприлично свисали с боков. И плохо прикрыв их наготу лоскутом ткани, они уносили их на свалку, а тем временем проводили их похороны слабые крики родственников, которые видели, как плохо обращаются с телами их любимых и близких. Не слышалось никакого другого звука колоколов, кроме печального звона колокольчиков, которые сами мортари и лошади телег несли, привязанные к шее и ногам, чтобы предупреждать тех, кто встречал их.

Не менее печальным был и вид бедных зараженных, которым не было позволено испустить дух под отцовским кровом среди своих близких. Одни везли на телегах, иногда привязанные силой, наполняя воздух жалобными воплями, других несли на стульях, третьи шли пешком, опираясь на палки, и, стоная, шли навстречу не врачу и лекарству, а смерти и могиле. (Пио della Croce, стр. 58 и далее).

72. Это абсурдное мнение было общепринятым среди всех писателей того времени. Я считаю, что главари преступников и виновники столь жестоких деяний заключили договор с дьяволом, и поэтому, когда они хотели раскрыть правду, он задушил их, потому что я видел некоторых, обвиненных в таком злодеянии, которые, боясь заслуженного наказания, злились, когда их живот разрывался пополам. (Сомалья.)

Крест. До последнего они упорно утверждали, что невиновны, и с достоинством приняли смертную казнь, что свидетельствует о дьявольском замысле этого дела. (Стр. 49.) И в другом месте он добавляет: что дьявольское заклятие было таково, что тот, кто поддался ему, дав первое согласие, испытывал такое удовольствие и наслаждение от мазания, что никакое человеческое удовольствие, каким бы оно ни было, не может с ним сравниться. (Стр. 52.)

Тадино. В то время не было ни одного врача, ни одного умного человека, который бы имел иное мнение об этих зараженных помазах, чем то, что они были изготовлены с помощью дьявольского искусства. (Стр. 117 и в других местах, где он говорит о зараженных.)

Эта вера в мази, распространившаяся, как сказано выше, в апреле, в последующие месяцы только усилилась. Применялись все средства, чтобы обнаружить предполагаемых виновников, и прокламации становились все более угрожающими.

Я привожу наиболее важные отрывки из этих прокламаций.

Некоторые смельчаки и злодеи осмелились помазать многие двери домов, различные замки и большую часть стен почти всех домов этого города белым и желтым маслом, что вызвало в

душах жителей Милана огромный страх и ужас, поскольку они подозревают, что эти мазки были сделаны с целью усугубить чуму, которая распространяется во многих частях этого государства, что может привести к многим вредным последствиям и неудобствам, наносящим ущерб общественному здоровью, и поскольку господа президенты и хранители здоровья государства Милана в силу своих обязанностей должны позаботиться об этом, они решили для общественного блага и для успокоения и утешения жителей этого города, помимо всех мер, принятых ими до сих пор для выявления преступников, опубликовать настоящий указ.

В нем они обещают каждому человеку, независимо от его положения, статуса и состояния, что в течение 30 дней после публикации настоящего объявления он сможет выявить лицо или лица, которые совершили, поощряли, помогали или давали указания, или принимали, или участвовали или знали, даже в минимальной степени, о данном преступлении, 200 скудов из денег, присужденных этим судом: и если сообщаящий будет одним из соучастников, при условии, что он не является главным, ему обещают безнаказанность, и он также получит вышеуказанное вознаграждение.

И для этой цели в качестве судей назначаются господин Капитан правосудия, господин Поэстата этого города и господин Аудитор этого суда, к которым или к одному из них должны будут обратиться лица, раскрывшие такое преступление, которые, по желанию, будут также сохранены в тайне.

Дан в Милане 19 мая 1630 года.

М. Антонио Монти, президент.

Джакомо Антонио Тальябуэ, канцлер.

До сведения Его Превосходительства ^{и Его Высочества} маркиза Спинолы и др. дошли сведения о беспорядках и беззакониях, имевших место в городе Милане, а также в городах Кремона и Лоди, где почти все стены домов, многие двери и их замки были испачканы белой краской, и желтой краской, а также душевные муки и страх, которые это злодеяние вызвало у народа из-за опасений, что оно было совершено с целью усугубить чуму, подтверждает указ Министерства здравоохранения от 19 мая и обещает еще 200 скудов и освобождение двух бандитов, осужденных за тяжкие преступления, тому, кто предоставит улики, а также безнаказанность соучастнику, если он не является главным виновником.

(13 июня.)

Во многих частях государства, в частности в городах Милан, Павия и Кремона, а также во многих других местах, двери и т. д. были смазаны ядовитыми мазями с дьявольским намерением распространить чуму.

Обещает безнаказанность соучастникам указанного преступления, если они не являются главными виновниками... и награду в тысячу скудов и освобождение трех бандитов.

(14 июля.)

Продолжение ядовитого зла, причиненного зараженными маслами, которые, несмотря на угрозу наказания, продолжают распространяться в этом городе, приводя к гибели многих граждан, побуждает Его Преосвященство в течение двух дней изгнать всех иностранцев любой национальности, состояния, ранга, качества и положения под страхом смертной казни и конфискации имущества. Тысяча скудов и пять лет тюрьмы для хозяев гостиниц и таверн, которые не сообщат о них.

(30 июля.)

73. Люди ходили с пистолетами в руках: дворяне без плащей, с сумками для провианта. (*Puo della Croce.*)

74. Процесс над заразителями, о котором так много говорили в последние годы, полностью сохранился в Криминальном архиве, или, точнее, сохранялся, поскольку большая его часть была утрачена несколько лет назад при переустройстве старых бумаг. Часть процесса, касающаяся Мора и других осужденных, была напечатана в 1630 году, чтобы послужить продолжению самого процесса с обвиняемым Падильей. Пьетро Верри был первым, кто пролил свет на эту печальную историю «зараженных», написав в 1777 году свои «Замечания о пытках» и, в частности, о последствиях, которые они имели в случае злобных помазаний, которым приписывали чуму, опустошившую Милан в 1630 году. Еще в 1761 году Верри набросал некоторые идеи о пытках, и в «*Mal di Milza*», знаменитом альманахе, который он вместе с «*Zoroastro*» опубликовал в том же году в качестве философской шутки, он выразил их, дав слово пытке в форме загадки. «Я — королева, и живу среди головорезов; я очищаю тех, кто запятнан, и запятнаю тех, кто не запятнан; меня считают необходимой для познания истины, но не верят тому, что говорят обо мне. Сильные находят во мне здоровье, а слабые находят во мне гибель. Образованные народы не пользовались мной, мое царствование зародилось во времена тьмы; мое господство основано не на законах, а на мнениях некоторых частных лиц». Одиннадцать лет спустя, то есть в 1777 году, он обобщил свои идеи об этом ужасном злоупотреблении и изложил их в своих «Замечаниях». Не отвращайтесь, читатели, от мнения, которое высказывает заслуженный Пьетро Кустоди в «*Новостях Верри*», приведенных в предисловии к тому XV, «*Итальянские экономисты, современная часть*».

«Чтобы сделать свои рассуждения более убедительными, он выбрал известный пример невозможного преступления, в котором признались из-за чрезмерных пыток, а именно факт отравления, которому приписывали чуму, опустошившую Милан в 1630 году. Порядок, ясность, сила рассуждений и убедительная плавность его стиля находят свое выражение в *Osservazioni sulla Tortura (Замечания о пытках)* в высшей степени. Я не боюсь быть обвиненным в преувеличении, если скажу, что эта работа больше, чем любая другая, показывает, каким великим человеком был Верри. Он обладал талантом сделать интересным чтение судебных документов, написанных на варварском языке судов, который в те времена был еще более варварским; он умел внушать строгость рассуждений, используя всегда легкий и лестный путь чувствительности; и он умел передавать своим читателям, с помощью волнения своей души, свое собственное убеждение. Но, к несчастью, его отец (граф Габриэле) был председателем того колледжа высших судей, который сто сорок семь лет назад дал столь ужасный пример невежества и жестокости в законном убийстве стольких невинных людей. Считалось, что репутация Сената может быть запятнана из-за распространения древнего позора. Это соображение преобладало; Верри, из уважения к отцу, отказался от идеи напечатать свои «Замечания», и таким образом публика была лишена произведения, которое, несомненно, превзошло бы все другие произведения на ту же тему.

Эти замечания, вместе с «*Историческими мемуарами о государственной экономике Милана*», написанными в 1768 году, были опубликованы Кустоди в 1804 году и составляют том XVII,

современную часть *«Классических итальянских авторов по политической экономии»*.

«Оригинальная рукопись этого чрезвычайно важного труда, уже подготовленная автором к печати, была любезно предоставлена мне его уважаемой вдовой. Я решил добавить к ней, почти в форме длинной примечания, *«Замечания о пытках»*, чтобы удовлетворить любопытство многих, кто жаждал увидеть их опубликованными, и потому что, кроме того, пример жестокого деяния, которое составляет их главную тему, может служить более широким доказательством варварства тех времен». (стр. 53, том XV, современная часть).

Чезаре Канту в своих *«Рассуждениях о истории Ломбардии XVII века»*, опубликованных в качестве комментария к *«Женихам»* в томах 11 и 12 *«Индикатора»* 1832 года, взял из Верри и воспроизвел все самое важное из двух упомянутых брошюр о политико-экономическом положении Милана в то время и о *процессе над «заражателями»*.

В 1839 году в Милане распространился слух, что будет опубликована работа о *Колонне позора*, и об этом много говорили, полагая, что это будет столь желанное произведение Манцони или другая оригинальная работа. Но когда книга появилась, ожидания публики не оправдались, поскольку она оказалась простой перепечаткой *«Оскорбительной части процесса»*, опубликованной, как я уже упоминал выше, в 1630 году, с добавлением двух отрывков из *«Рассуждений»* Чезаре Канту в качестве информации и заключения. Книга не могла понравиться широкой читательской аудитории, потому что нет ничего скучнее процесса, написанного в варварском и многословном стиле; поэтому она лежит забытой, но является важным историческим документом для миланцев. Я выберу несколько примечаний для иллюстрации Рипамонти, как из *Верри*, так и из *Процесса*, цитируя последний из издания 1839 года.

75 Сын Доменико и Паолы, акушерки, я живу в *Порта-Тичино* в приходе *Св. Петра в Каминаделла*, то есть в *Торкио-дель-Ольо*: 26 мая я начал выполнять обязанности комиссара по здравоохранению, чтобы изолировать зараженных, увезти их, а также увезти умерших от чумы на телегах, отдавая приказы монты, и эту должность я занимаю в *Порта-Тичино*; но до того, как стать комиссаром, я занимался сортировкой бумаг. (Процесс, стр. 37.)

76. См. в процессе длинные показания свидетелей, которые единодушно заявили, что около двух часов ночи они видели, как по площади прошел укутанный человек, держась ближе к стенам, и с бумагой в руке потирал то тут, то там стены домов и двери, которые оказались *испачканными каким-то веществом, похожим на жир, имеющим желтоватый оттенок... желтое вещество, которое, казалось, было нанесено в двух местах пальцем*. (Процесс, стр. 30 и далее)

77. В процессе нет упоминания об этом жестоком усугублении наказания; возможно, это риторическое преувеличение Рипамонти.

78. Несчастный в первых допросах заявлял о своей невиновности, но страх ежедневных мучений пытками и обещанная безнаказанность в случае раскрытия преступления и соучастников заставили его, ради спасения жизни, дать самые странные и абсурдные признания.

«Пьяцца попросил и получил безнаказанность, но при условии, что он искренне расскажет о случившемся. Вот почему на третьем допросе он появился и, не подвергаясь пыткам или угрозам, признался, что смазал стены, и, стараясь угодить судьям, начал рассказывать, что мазь ему дал парикмахер, живший на углу улицы Ведро, что эта мазь была желтого цвета и что он дал ему около трех унций. На вопрос, был ли он дружен с парикмахером, он ответил: *«Да, господин, добрый день, счастливого года, он мой друг, господин»*. Как будто признание в столь ужасном преступлении можно было сделать людям, которых едва знаешь, *друзьям, с которыми*

обмениваешься приветствиями «добрый день» и «счастливого года». Как же последовало столь ужасное соглашение? Вот его точные слова. Парикмахер сначала сказал Пьяцце, который проходил мимо лавки: «Я должен вам что-то отдать»; я спросил: «Что это?»; он ответил: «Это что-то маслянистое»; я сказал: «Я потом заберу»; и через три дня он мне это отдал. Это начало романа. Продолжай. Пьяцца говорит, что в тот момент, когда он сделал ему это предложение, там было три или четыре человека, но я сейчас не помню, кто они были, поэтому я спрошу у одного из моих товарищей по имени Маттео, который работает фруктовым торговцем и продает креветок в Карробио, я пошлю его спросить, он сможет сказать мне, кто был с этим парикмахером. Кто бы мог поверить, что в присутствии четырех свидетелей могут замышляться такие жестокие заговоры! И все же тогда верили: I. Что чума, которая, как было известно, пришла из Вальтеллины, была делом рук ядов, изготовленных в Милане. II. Что можно изготовить яды, которые после пребывания на открытом воздухе при одном только контакте приносят смерть. III. Что если такие яды были бы даны, человек мог бы безнаказанно обращаться с ними. IV. Что в человеческом сердце может возникнуть желание убивать людей так случайно. V. Что человек, виновный в такой химере, остался бы беззаботным после двухдневного шума и позволил бы себя арестовать. VI. Что создатель такого предполагаемого яда, вместо того чтобы сам испачкать им стены, излишне искал соучастников. VII. Что, чтобы выбрать соучастника такого отвратительного дела, он обратил внимание на едва знакомого человека. VIII. Что это доверие было оказано в присутствии четырех свидетелей, и Пьяцца взял на себя эту задачу, не зная их и с смутной надеждой получить подарок, обещанный ему бедным парикмахером! Все эти восемь предложений поместите на одну чашу весов. На другую сторону положите живую боязнь мучений и страданий, которые заставляют невинного лгать, и пусть разум взвесит и решит, какая из двух сторон содержит больше неправдоподобия». (Верри, Наблюдения, стр. 215.)

79 Джованни Джакомо Мора был человеком среднего роста, крупным, с лицом скорее круглым, чем иным, с белой и красной кожей, с небольшой светло-каштановой бородой, ему было около тридцати восьми лет. (Процесс, стр. 374.)

У него была жена Кьяра Бривьо, сын по имени Паоло Джероламо, арестованный вместе с ним, и четыре дочери: Анна, 14 лет; Клара Валерия, 12 лет; Тереза, 7 лет, и еще одна Тереза, 6 лет, из чего можно предположить, что предыдущая умерла. (Из приходских книг Св. Лоренцо, цитируемых Верри.)

80 Среди прочего у него нашли: *сосуд с Ellettuario*, с надписью *contra pestem*, изготовленный 21 июня, объемом около четырех дэт. — Если по воле судьбы они пришли ко мне домой, чтобы я изготовил этот Электтуарий, и я не смог этого сделать, я не знаю, что им делать, я сделал это с благими намерениями и для спасения бедных, как будет видно, потому что я раздал его ради любви Божьей. (Процесс, стр. 51.)

Согласно показаниям Мора, эта мазь для защиты от чумы состояла из оливкового масла, масла философорума, лаврового масла и камня; порошка розмарина, шалфея и можжевельника, а также крепкого уксуса. Ею смазывали запястья, подмышки, подошвы ног, тыльную сторону ладоней и колени. (Там же, стр. 75.)

81 Суд вызвал Маргариту Арпизарелли и Джакомину Андриони, прачки, чтобы они осмотрели мазь. Их ответы были столь же глупы, как и следовало ожидать от невежественных и суеверных женщин из простого народа.

Этот смол не чистый, в нем есть примеси, потому что чистый смол не имеет такого цвета и не такой вязкий, как этот. — Ваше Преосвященство знает, что из испорченного смолы делают самые превосходные яды, которые только можно вообразить. А другая сказала: чем

больше смола морщится, тем она становится чернее и гнуснее, а из плохой смолы делают большие гадости и яды. (Процесс, стр. 59-60.)

Абсурд, не заслуживающий опровержения.

82 Джироламо Миальявакка, точильщик, был казнен 7 сентября.

Пьетро Джироламо Бертоне, хозяин гостиницы «Роза», был заточен и обезглавлен 23 декабря вместе с Гаспаре, сыном Миальявакки, и другими.

Джо. Стефано Баруэлло, хозяин гостиницы «Сан-Паоло» и шурин Бертоне, добровольно сдался в тюрьму 1 июля; 11 октября ему был вынесен смертный приговор, однако ему пообещали безнаказанность, если он укажет на зараженных и соучастников зараженных. Он согласился и в показаниях, которые являются абсурдным романом, обвинил Падилью в качестве главаря зараженных.

Баруэлло умер от чумы в тюрьме 18 сентября.

83. Сын кастельяно Милана. После длительного судебного разбирательства в 1632 году он был признан невиновным.

84. Баруэлло, в своем безумном показании, возбужденный желанием сказать правду, корчась и стуча зубами, кричал: *«У-у-у, я не могу это сказать: — Ваше Преосвященство, помогите мне, о Боже мой! о Боже мой! — Там тот французский священник с мечом в руке, он угрожает мне, — посмотрите, он там, посмотрите, он там, над тем окном. Судьи, считая его одержимым, вызвали священника, который применил различные экзорцизмы и освятил окно, указанное Баруэлло, который тем временем кричал, призывая прогнать того Гола Гибла. В конце концов, несколько раз подталкиваемый к разговору, он выпалил следующие слова:*

*«Господи, тот священник был французом, он взял меня за руку и, вынув из-под одежды черную палочку длиной примерно в ладонь, начертил ею круг, а затем взял в руки широкую книгу, похожую на тетрадь для записей, но толщиной в три пальца, открыл ее, и я увидел на страницах круги и буквы вокруг них, вокруг, и сказал мне, что это ключ Соломона, и сказал, что я должен произнести слова «Gola Gibla», а затем произнес другие слова на иврите, добавив, что я не должен выходить за пределы круга, потому что со мной произойдет что-то плохое, и в этот момент в том же круге появился человек в штанах, и тогда упомянутый священник, держа в руках картинку с изображением Бога, сказал: «Прижмитесь ко мне, не бойтесь», а затем, повернувшись ко мне, сказал: «Признаете ли вы этого здесь своим Господом?», давая мне знак, что я должен ответить «да», и я тогда ответил: «Да, я признаю его своим Господом», и он, то есть священник, продолжал говорить: *«nec propter te, nec propter alios», глядя на ампулу с маслом, которую держал в руках, и произнося много других слов, которых я не помню, и пока я находился в этом кругу, я не видел никого, кроме священника и Панталоне: затем Панталоне, услышав, что я признаю его своим господином, вышел из круга, и я увидел... господина Дона Джованни, который сказал мне: «Вы видели того человека? Он не оставит вас без денег». И я спросил его, кто такой этот господин Дон Джованни, и он ответил, что это дьявол. тогда священник вернул ему ампулу, а господин Дон Джованни дал ее мне, сказав: «Вот, я узнал в вас галантного человека, я хочу довериться вам, возьмите эту ампулу, которая принадлежит тем, кто сегодня едет в Милан, и поскольку она не идеальна, найдите гетты и затти, как я уже сказал выше», а затем добавил: Не сомневайтесь, что если дело дойдет до суда, я стану хозяином Милана, а вас я сделаю одним из первых в Милане».* (Процесс, стр. 227.)*

И он продолжил свою песню, обвиняя многих людей, и в частности Карло Ведано, мастера фехтования. Баруэлло был зарегистрированным негодяем, который, притворяясь одержимым

дьяволом, надеялся с помощью выдумок и лжи спасти свою жизнь, пользуясь обещанной безнаказанностью; но он только скомпрометировал новых невинных, и кто знает, сколько еще жертв он пожертвовал бы, если бы через несколько дней не умер, как я заметил, от чумы.

85 Мора и Пьяцца были казнены 2 августа со всеми варварскими усугублениями, предусмотренными приговором от 27 июля следующего содержания.

«Сообщенный в Сенате великолепным сенатором Монти, президентом Управления здравоохранения, процесс против Г. Пьяцца и Г. Г. Мора, которые заразили город чумным маслом, и после слушания великолепного президента и сбора голосов всех сенаторов, было принято решение, что вышеупомянутые Мора и Пьяцца, которым была вынесена смертная казнь, будут подвергнуты пыткам веревкой по усмотрению великолепного президента, а также по другим пунктам и в отношении соучастников; и что после повторного допроса и сопоставления показаний они будут отвезены на телеге к обычному месту казни, а по дороге будут укушены раскаленными щипцами в местах, где они согрешили; обоим будет отрезана правая рука перед парикмахерской Мора, и кости будут сломаны в соответствии с обычаем, и колесо поднимут вверх и закрепят их живыми на нем, и через 6 часов задушат, и сразу же сожгут их трупы, а пепел бросят в реку, а дом Мора разрушат, и на его месте воздвигнут колонну с надписью о преступлении, и никому больше не будет позволено ее восстанавливать. Частные кредиторы должны быть удовлетворены имуществом осужденных, если оно у них есть, а если нет, то из общественного; имущество Мора и Пьяцца должно быть конфисковано. При ведении их на эшафот следует соблюдать следующую форму. Впереди должны идти два трубача, объявляющие народу причину осуждения и наказания. Необходимо обеспечить достаточную охрану, чтобы не произошло беспорядков среди народа, и поэтому следует закрыть дома подозреваемых; и объявить, чтобы каждый оставался дома и был осторожен. Место, где будет совершаться правосудие, должно быть огорожено деревянными заборами, которые, чтобы не заразиться этой смертоносной мазью, должны охраняться специально для этого назначенными людьми; и на этом месте должно быть сооружено навес, чтобы монахи могли с меньшим неудобством присутствовать при казни, и обо всем этом должно быть уведомлено викарий правосудия. Октавиан Перласка подписал и запечатал и т. д.»

Я закончу эту главу очень важным документом, поскольку он явно свидетельствует о глубоком убеждении и одновременно о страхе, который испытывали магистраты перед помазанными. Следует отметить, что этот грозный указ был издан через пять дней после казни Мора.

Филипп IV, по милости Божьей король Испании и т. д., герцог Милана и т. д.

Это несчастное столетие породило людей, если не сказать чудовищ, вышедших из самых ужасных частей ада, которые стали настолько злобными и жестокими, что с варварскими и гнусными целями, превосходящими все пределы человеческой жестокости, осмелились сговориться в убийстве и истреблении народов и городов этого государства, изготовив ядовитые яды и рассыпав их по домам, улицам, площадям и на самих людях, убив таким образом бесконечное число граждан и семей без различия возраста, пола и положения; не довольствуясь этим, они дошли до такой степени безбожия по отношению к Богу, что, совершив святотатство, рассыпали их еще и на священных лицах, и внесли их в монастыри религиозных людей, святых и невинных дев, а также в святые храмы, испачкав ими святые образы и священные алтари, чтобы ни одно место не осталось в безопасности от их безбожности для несчастных, которые для своего собственного и общего спасения прибегали к святым заступникам и самому Богу. И что еще больше усиливает ужас, так это то, что

многие из этих злодеев, движимые позорной и отвратительной алчностью, став отцеубийцами, дошли до такого состояния безбожности, что за деньги предали свою родину и тех граждан, которые их вскормили и воспитали, изобретая и распространяя в ней эти ядовитые яды, разрывая с невиданной жестокостью те священные узы любви, которыми от природы, от самого Бога и от непрерывной привычки человеческие сердца обычно скрепляются и соединяются. Чтобы исправить столь великое преступление и искоренить из мира столь безбожных и бесчеловечных людей, помимо награды в 200 скудов, предложенной Судом здравоохранения тому, кто раскроет упомянутое преступление, и безнаказанности одного из соучастников, объявленной в прокламации от 19 мая т. г., по приказу Его Превосходительства 23 июня был опубликован другой указ с наградой в 200 скудов, выплачиваемой Королевской камерой, и 500 скудов, предлагаемыми городом Миланом, а также освобождением двух бандитов, совершивших тяжкие преступления, и безнаказанностью одного из сообщников для того, кто раскроет это преступление. Затем дело было передано в Сенат, который счел, что данное преступление в этой части равносильно преступлению против величества, даже неразрывно связанным с ним, 11 июля был издан публичный указ, согласно которому тем, кто знал, кто был виновен в таком преступлении, но не раскрыл это, грозила смертная казнь и конфискация имущества, что было предусмотрено законом для тех, кто не раскрывал виновных в преступлении против величества. И в конце концов, другим указом от 13 июля, принятым по мнению того же Сената, чтобы придать больше мужества тем, кто хотел бы прояснить этот факт, было предложено новое вознаграждение в виде безнаказанности для трех соучастников и тысячи скудов, а также освобождение трех бандитов из закрытых дел, при условии, что они получают соответствующие помилования. И Сенат, рассмотрев дела двух из этих предателей родины, приговором от 27 июля применил к ним более суровые законы, которые соответствовали не тяжести преступления, поскольку достичь этого невозможно, а способностям человеческой природы и христианскому милосердию.

Но поскольку не следует оставлять без внимания никакие средства для искоренения из мира столь безбожной злобы и столь жестоких зверей, Его Преосвященство господин Амброзио Спинола и др., с одобрения Сената, решили опубликовать настоящий указ.

В соответствии с вышеуказанным, которое должно оставаться в силе, а также всеми запретами и наказаниями, установленными священными законами, как общими, так и частными этого государства, для общего здоровья и общественной пользы, каждому человеку, независимо от его положения и статуса, без исключения, запрещается изготавливать или заставлять изготавливать эти ядовитые яды, или использовать их под страхом смертной казни, так что, доставленные на место казни, палач с помощью хорошо закрепленного колеса ломает им по одному все основные кости тела, начиная с черепа, чтобы их тела были заплетены заживо между спицами упомянутого колеса, и поскольку в нем, среди тех, кто был казнен за свои злодеяния, в наказание за свою злобу и в качестве примера для подобных чудовищ жестокости, они извергнут ту несчастную душу, которая одушевляла это злодейское тело, то этот позорный труп, как чума мира, будет брошен в огонь и превращен в мелкую пыль, которая будет развеяна в воде ближайшей реки, поскольку ни одна его частица не должна быть похоронена в том городе или месте, которое он так безбожно предал.

И если такие люди будут гражданами или подданными этого государства, Его Превосходительство приказывает, чтобы дома таких вероломных отцеубийц, как гнезда предателей, были разрушены и уничтожены; и чтобы их потомки, как потомки предателей родины, были навсегда лишены всех почестей, удобств, привилегий, благ, принадлежащих гражданам и подданным этого государства, и чтобы они во всех отношениях рассматривались и обращались с ними как с иностранцами и представителями других наций, и

из-за клейма, которое они всегда будут носить с собой, как потомки безбожных отцеубийц, восставших против своей родины, их торговля будет презираться, как если бы они родились среди народов, которые считаются самыми варварскими и жестокими и служат другим примером всякой бесчеловечности и жестокости. Сенат всегда оставляет за собой право добавить к этим наказаниям более суровые меры, которые потребуются в соответствии с правосудием и строгостью законов, учитывая жестокость деяния.

Его Превосходительство приказывает, чтобы все соучастники такого ужасного преступления подвергались тем же наказаниям, и кроме того, предписывает, чтобы ни один человек не смел хранить в своем доме или в любом другом месте под страхом смертной казни этот ядовитый яд, ни пытаться его изготовить или использовать, подвергаясь смертной казни по усмотрению Сената, с учетом факта и лиц, всегда соблюдая должную строгость.

А поскольку различие между ядами может помешать исполнению настоящего указа, Его Превосходительство объявляет, что все яды, которые не находятся в своей простой и естественной форме, а смешаны или преобразованы, считаются опасными, с тем чтобы применить вышеуказанные наказания.

И чтобы такое отвратительное преступление не осталось незамеченным, Его Превосходительство обещает безнаказанность тому из соучастников, который первым сообщит о других властям; и заявляет, что тем, кто позволит себе быть опереженным, Его Превосходительство откажет в милости и пощаде и позволит, чтобы к ним была применена строгость закона.

Кроме того, Его Преосвященство приказывает, чтобы все, кто знает или узнает о виновности кого-либо в совершении всех или некоторых из вышеупомянутых преступлений, были обязаны немедленно сообщить об этом правосудию под угрозой быть признанными соучастниками, и хорошо помнить, чтобы никто не опередил их, потому что, если выяснится, что они знали об этом и позволили опередить себя другим, никакие оправдания не будут приниматься, и они будут наказаны самым суровым и показательным образом.

Его Превосходительство также заявляет, что настоящий указ, касающийся этого опасного яда, не отменяет никаких других законов, запрещающих изготовление, использование, ношение или хранение ядов: напротив, он требует, чтобы все законы, касающиеся этого вопроса, неукоснительно соблюдались и исполнялись.

Его Превосходительство приказывает капитану правосудия, подеста Милана и другим подестам городов и земель, чтобы они опубликовали этот указ, чтобы он стал известен всем.

Дано в Милане 7 августа 1630 года.

По приказу Его Превосходительства Антонио Феррера.

Видит Феррер.

Проверка.

86 Изучая процессы над заразителями, которых в наших государственных и частных архивах очень много, я обнаружил, что многие из них были арестованы именно в сельской местности. Я помню, что читал, среди прочего, процесс над монахом-мирянином, который был арестован в окрестностях Легнано, потому что несколько мальчиков, пасших коров на пастбище, прибежали в деревню и кричали, что он помазал растение, возле которого остановился, чтобы облегчиться.

87. Соседний Лимбиате также остался незатронутым чумой, если верить народной традиции, сохранившейся в деревне до наших дней. Однако в обоих приходских архивах нет никаких упоминаний о заражении 1630 года, подтверждающих столь счастливое исключение из общей катастрофы.

Эту информацию я получил благодаря любезности священника из Лимбьяте Доменико Галли, который по моей просьбе любезно согласился изучить вышеупомянутые архивы.

88. *Plebeij quoque nobilium.*

89. Похоже, что здесь имеется в виду Густав Адольф, король Швеции, прозванный Львом Севера, который в то время вел войну против императора Фердинанда и католических князей Германии, чтобы поддержать Реформацию Лютера.

90 Из этих откровенных слов видно, что наш историк не был убежден в масти. Фактически, в следующей главе он ограничивается переводом Тадино, человека, который благодаря своим талантам и должности хранителя здравоохранения пользовался большим уважением. Нарушать мнение, в которое верили не только народ, но и дворяне и магистраты, и к которому склонялся верить сам архиепископ, было само по себе очень опасно. Добавьте к этому невзгоды, перенесенные Рипамонти, и его многочисленных врагов, и вы поймете, что оставить, как он это делает, сомнение в том, были ли помазания реальными или вымышленными, было все, что можно было требовать от историка, находящегося в его обстоятельствах.

91. *Atque post ejus mortem futurus alter quodammodo Septalius*, говорится в тексте. Фраза *affixus lateri senis hærebat* очень ярко указывает на дружбу и тесную близость, которые связывали этих двух врачей, столь выдающихся своим талантом и добротой души, и которые за выдающиеся заслуги перед родиной на протяжении долгой карьеры, и особенно во время эпидемии, заслуживают того, чтобы их память осталась благословенной среди неблагодарных потомков.

92. Тадино предоставил Рипамонти важную информацию, без которой ему было бы трудно пролить свет на многие моменты истории эпидемии. *А поскольку этот историк лично не был свидетелем жестокости этой опасной эпидемии (до сих пор мне не удалось обнаружить, где уединился наш Рипамонти), он не мог быть осведомлен о некоторых особых и существенных подробностях, которые интересуют город; напротив, его работа была бы очень несовершенной, если бы я, подчиняясь тому, кто мог мне приказывать, а также будучи лично вовлеченным в общее дело моей Родины от начала до конца столь великого бедствия, не помог ему многими советами и наблюдениями, как он свидетельствует в своих книгах, с более подробными и длинными воспоминаниями. (Сведения и т. д. в посвящении викарию Орригони.)*

93 В конце июня на севере появилась очень большая комета, которая продержалась долгое время и была видна многим людям; также были видны некоторые затмения, в частности, Солнца и Луны; явный признак будущего наказания чумой, которое хотел послать нам Господь... Как только комета исчезла, вскоре вновь начались заражения, в первую очередь в городе и его герцогстве, а затем по всему государству. (Тадино, стр. 110.)

94 В этой помпезной похвале Тадино как астролога и в заявлении Рипамонти о своем невежестве и робости в этой же науке, не кажется ли вам, читатель, что проскальзывает очень острая ирония? Наш историк, благодаря остроумию и свободе мнений, значительно опережал своих современников, и во всех его произведениях прослеживается его презрение к большей части предрассудков, распространенных в те дни; но вера в помазания была настолько распространена, что отрицать ее было бы, повторяю, опасно. И Рипамонти, однажды избежавший инквизиции, не был человеком, который мог бы попасть в нее во второй раз, что было бы несложно, учитывая, что

генеральный инквизитор, как мы увидим далее, подтвердил ее, так сказать, авторитетом своих слов.

95. По словам Тадино, они были французами. (Стр. 111.)

96. *Случилось так, что этот человек (француз) случайно обсудил все эти вещи с неким Баттило, прозванным Боргино, который жил по соседству с домом сенатора Арконато, в то время председателя Совета здравоохранения всего государства, и сразу же обсудил это дело с Джо. Баттиста Кольяте, человеком рассудительным и благоразумным, очень заботившимся о здоровье населения и о благополучии в доме вышеупомянутого президента. Получив известие от Кольяте и вспомнив о королевских письмах... на следующий день после получения известия он приказал арестовать его и т. д.* (Тадино, стр. 111).

97. Он был не только не освобожден! Поскольку среди его вещей была найдена одежда Святого Франциска Паола с поясом упомянутого ордена, он должен был признаться, что был монахом. Эта новость дошла до генерального инквизитора, который по долгу службы, поскольку он проживал в Генуе, арестовал его со всеми его вещами и вскоре после этого отправил его в Святую Инквизицию, которая, допросив его о других деталях, помимо тех, которые были рассмотрены Трибуналом здравоохранения в интересах его должности, поняла, что заключенный признался во многих вещах, наносящих ущерб его душевному здоровью и вызывающих всеобщее возмущение; вскоре после этого он был отправлен в Рим по приказу Святой Конгрегации. (Тадино, стр. 112.)

98. Тадино говорит, что заражатели использовали гнилые выделения из бубонов, уголь и зараженный антрацит, смешанные с другими ингредиентами, которые в данный момент нецелесообразно описывать на бумаге... (Стр. 119.)

Невероятны те абсурды, которые распространялись о составе таких предполагаемых мазей. Бедные обвиняемые, чтобы избавиться от ужасных мучений пыток, делали такие безумные и странные признания, что судьям достаточно было бы немного здравого смысла, чтобы с первого взгляда распознать ложь; к сожалению, общее поверье в мази было настолько сильным, что заглушало не только здравый смысл, но и всякий принцип справедливости. *Брали три вещи, по одной части: треть вещества, выходящего из рта мертвецов, треть человеческого помета и треть дна смолы; все хорошо перемешивали, не добавляя других ингредиентов и не кипя.* Так Мора в одном из своих показаний; эти бредовые отклонения, вызванные потребностью избежать мучений, были впоследствии опровергнуты, поскольку последние два отвратительных ингредиента даже в мечтах не являются ядовитыми, а слюну зараженных было нелегко собрать тайно в больших количествах и обращаться с ней, не заразившись чумой.

И Маганца, сын монаха Рокко, другой фигурант процесса. *Зять Баруэлло сказал мне: пойдем за Порта Тичинезе, за Золотой Розой, в сад, который он устроил, искать змей, крыс, крыс и других животных, которых потом заставляют съесть мертвое существо, и как только эти животные съедят это существо, они имеют под землей кувшины, и делают мази, и затем дают их тем, кто мажет двери: потому что эта мазь притягивает больше, чем магнит.*

«Связанный сумасшедший не смог бы сочинить более бессмысленный диалог, чем этот, и тогда он был написан всерьез. Злобное масло, согласно роману Мора, состояло из слюны, навоза и мокрой земли; теперь, согласно сыну монаха Маганца, оно состояло из змей, жаб и т. д., питавшихся человеческим мясом, и тогда не знали, что эти животные не едят мясо! — Такому странному и зверскому рассказу следовало противопоставить несколько необходимых вопросов... Все было промолчано. Фанатизм хотел найти виновного, придумав сначала преступление». (Верри, Наблюдения, стр. 232.)

99. Тадино говорит, что декурионы Палермо, чтобы избавиться от этого жестокого врага, были очень щедры и давали до двух дуплов в день в качестве вознаграждения мортарнам, помимо чрезвычайных расходов и краж, которые они могли совершать... И они (палермитанцы) дошли до такого жалкого состояния, что если чума появлялась в двух домах в одном квартале, то действовали такие строгие правила, что сразу же все сжигалось, что было поистине ужасным зрелищем! (Стр. 119.)

100. Вам интересно узнать, из чего состояла эта знаменитая мазь? Вот рецепт, который вместе с несколькими другими находится в трактате о различных средствах против чумы в книге рыцаря Асканио Чентарио о заражении 1576 года.

Драгоценная и чудесная мазь

против чумы, который был обнаружен человеком, пришедшим заразить Милан, который затем был за это казнен.

Возьмите	Новый воск	унции III
	Оливковое масло	унции II
	Масло геллеры	ана ½ унции.
	Масло камня	ана ½ унции.
	Листья укропа	ана ½ унции.
	Лавровый лист, измельченный	ана ½ унции.
	Salvia	ана ½ унции.
	Розмарин	ана ½ унции.
	Немного уксуса	ана ½ унции.

И все эти ингредиенты смешивают в вышеупомянутых маслах и кипятят до тех пор, пока все хорошо не смешается, получая мазь, которой затем смазывают ноздри, затылок, руки и подошвы ног, предварительно съев чеснок, лук и попробовав уксус.

101. И как будто мази были недостаточны, были найдены также ядовитые порошки.

Кроме того, помимо ядовитой мази, они изготавливали порошок той же природы и качества, который рассыпали в сосуды с святой водой, взятой из церквей, а также в местах бедности, где люди ходили босиком, прилипая к рукам и ногам, он обладал такой силой, что эти несчастные создания незамедлительно заражались и умирали в короткие сроки. (Тадино, стр. 119.)

102. Тадино говорит, что они были дочерьми Антонио Вайлини из Караваджо. (Стр. 121.)

103. Этот Г. Б. Фарлетта, умерший в тюрьме во время судебного разбирательства, был сожжен в виде чучела 7 сентября, когда казнили Маганца и других зараженных.

104. Когда он понюхал поверхность, в ручке или ножке оказался яд, и он умер в короткие сроки. (Тадино, стр. 121.)

105. Он был темно-желтого цвета. Это предполагаемое заражение произошло в сентябре 1630 года, и Тадино опирается на отчет доктора и адвоката Джузеппе Дондео, делегированного в Тортонезе. (Стр. 122.)

106. Поскольку Рипамонти перевел этот безумный рассказ Тадино, я цитирую оригинал, потому что переводить с латыни было бы бесполезно и абсурдно. (Тадино, стр. 123.)

107. В 23 часа, по словам Тадино, который был лучше осведомлен, поскольку Рипамонти не находился в Милане.

108. Но из-за того, что так много людей ходило по улицам, многие из них были заражены и вскоре заболели, и, по правде говоря, в начале августа и в следующем месяце не было ни одного дня, когда бы не поступали сообщения о новых случаях заражения в разных районах города, и все это происходило ночью, и лишь немногие преступники были найдены. (Тадино, стр. 129.)

109 Но на этом наши бедствия не закончились, потому что эти заражения распространились за пределы города, на земли и в деревни, и более того, пошли слухи, что даже фрукты были заражены. Кроме того, заражение и смертность начали распространяться на крупный рогатый скот и лошадей и продолжались в течение длительного времени, вплоть до 1635 года. (Тадино, стр. 129.)

110. *Accidit vero facetum atque elegans quiddam.*

111. Человек без конца целовал.

112 Отец Казати, человек кроткого нрава, и его более строгий товарищ вошли в Лазарет 30 марта: это была Страстная суббота. (Кроче.)

Отец Феличе Казати был в зрелом возрасте, а другой отец, Микеле, был молод, но оба были очень мудрыми и благоразумными гражданами Милана; отцы были настолько милосердны и увлечены служением Богу..., что если бы этих отцов не было, то, несомненно, весь город был бы уничтожен.

Вскоре после этого отец Казати заболел из-за злодея, привратника и судебного пристава Паоло Антонио Галларате, который за кражи, совершаемые им, его сыновьями и дочерьми-прачками, был наказан божьим судом и заражен чумой: не сообщив об этом врачу Аппиано, которому Галларате служил, принося ему книгу, в которую тот записывал лекарства для больных, он сам тоже заразился... и вскоре после этого заболели два отца-капуцина с бубоном в паху, поскольку те же отцы часто держали в руках ту же книгу, так что привратник с детьми скоро умерли, а отцы с упомянутым физиком, слава Богу, выздоровели. (Тадино, стр. 94, 98.)

В мае заразился также отец Микеле Посбонелло, но настолько слабо, что ему почти не приходилось лежать в постели. В начале июня отец Кристофоро из Кремоны, священник, избранный для этой службы, устранив препятствия, которые до сих пор мешали ему, наконец вошел в желанную арену... Желание, которое 10 июня принесло счастливый результат, когда он умер от чумы, служа бедным, в лице которых он служил своему возлюбленному Иисусу. (Кроче, стр. 12.)

113. *Per stragem illam hominum atque tuguriorum.*

114. Выдающееся поведение отца Казати и его товарища Поццобонелло заслуженно получило самое сладкое вознаграждение, которое только может пожелать человек на земле: признательность всего населения. Капуцины не могли желать более лестного свидетельства, чем то, которое дало им министерство здравоохранения с представленной лицензией. И, похоже, в честь Ордена они распространили копии в различных монастырях. Я делаю этот вывод из того, что я видел, и что внизу написано следующее.

«Сверяно с оригиналом мною, братом Иларио из Милана, священником-капуцином и обычным членом, по распоряжению преподобного отца Лоренцо из Новары, провинциала и министра

капуцинов провинции Милан. И поскольку я нашел, что она соответствует оригиналу слово в слово, я подписал ее, приложив печать этой провинции, по поручению вышеупомянутого преподобного отца провинциала. Дан в Милане в нашем монастыре Концепции 21 октября 1646 года.

«Монах Иларио из Милана.

«Президент и консерваторы здравоохранения государства Милана».

«Поскольку память о выдающихся деяниях должна быть укреплена и сохранена в умах людей, чтобы вдохновлять их на славные дела и побуждать их проявлять ту доблесть и добродетель, которые могут сделать их бессмертными в любом веке и оживить их после смерти. По этой причине мы должны возвеличить выдающиеся дела и героические поступки *отца Феличе Казато*, нынешнего настоятеля нового монастыря капучинов в Восточных воротах этого города, который с непоколебимым духом пошел навстречу смерти, подвергнув себя явной опасности для жизни, когда господа Карл Антонио Рома и Джеронимо Легнано, благороднейшими гражданами, от имени этого суда и господ провизии, чтобы он обратился к начальству этого монастыря с просьбой прислать нескольких отцов их религии для помощи и управления лазаретом Св. Григория за воротами Порты Ориентале этого города. Он незамедлительно предложил свои услуги, которые были с большим восторгом приняты указанными господами. И когда этот отец получил необходимое разрешение от своих начальников, он закрылся вместе со своим товарищем отцом Микеле Посбонелло (который, выздоровев от заразной болезни и продолжая свою обычную многомесячную работу в том же лазарете, тяжело заболел и был перевезен из лазарета в свой монастырь, где через несколько дней отдал душу Богу) в вышеупомянутом лазарете 30 марта 1630 года с полномочиями регента и управляющего указанного лазарета, с широкими полномочиями, предоставленными ему этим судом под председательством господина сенатора Марк-Антонио Монте славной памяти, для отправления правосудия, наказания преступников, непослушных и несоблюдающих приказы этого суда; приказывать, распоряжаться, предвидеть и делать все, что по его особой мудрости считалось необходимым для хорошего управления этим Лазаретто и для обслуживания зараженных и подозрительных, которые там находились, а также тех, кто в будущем поступил бы туда для лечения или карантина. Этот отец выполнял указанные обязанности в течение двадцати трех месяцев с предельной тщательностью, бдительностью и милосердием, с помощью двенадцати отцов своей религии, которые умерли от чумы в том же Лазаретто, служа в нем; имея под своим управлением и командованием более шестнадцати тысяч душ, и управляя в течение указанного периода времени сотнями тысяч людей, которым он не только обеспечивал пищу и лекарства, необходимые для тела, но и давал святыне таинства и другую духовную помощь для их душ, ежедневно совершая святую жертву Мессы, проповедуя и часто призывая бедных зараженных к терпению, покаянию и смирению перед волей Божьей. Но, не довольствуясь бесконечными мучениями и необъяснимыми трудами в Лазаретто, он хотел также служить городу и его окрестностям, обеспечивая монэtti и повозки для перевозки трупов на кладбище и для вывоза живых зараженных, хороня мертвых из Лазаретто и тех, кого днем и ночью привозили из города в таком количестве; он также распорядился выкопать несколько ям рядом с Лазаретто и обеспечил другие, разбросанные по разным частям за пределами города, чтобы от них не исходил зловоние, и много раз сопровождал (неся крест) тех же зараженных, вывезенных из упомянутого Лазаретто, в Лазаретто Св. Варнавы, чтобы освободить место для других, более опасных; он также избрал многих священников, которые, едва заняв свои должности, заразились и умерли. Своей работой и усердием в столь бедственное время он в значительной степени обеспечил необходимым пропитанием многие тысячи людей. И наконец, после бесконечных страданий, перенесенных различными болезнями и двух жестоких приступов заразы, которые скорее можно отнести к Божьему промыслу, чем к человеческой

помощи, он выздоровел он вышел с добрым разрешением этого суда, победоносный из упомянутого Лазаретто, в котором он прожил с начала болезни до конца, под руководством господ президентов здравоохранения Монте, Арконати, Висконти; и в последнее время под руководством господина сенатора Сфондрато, нынешнего президента. И поскольку величие заслуг упомянутого отца и обет бедности религии делают его неспособным к земным наградам: мы хотели по крайней мере почтить его настоящим свидетельством несомненной правдивости всего вышесказанного и даже большего, которое послужит вечной памятью и прославлением его, во славу Бога и в пример добрым гражданам и заслуженным людям своей Родины.

«Дан в Милане 20 мая 1632 года.

Д. Джованни Сфондрато, президент.

Джакомо Антонио Тальябуэ, канцлер».

115 Церковь и монастырь *Грации* были построены на месте, где ранее находились казармы солдат Франческо I Сфорца. Граф Гаспаре Вимеркати, генерал этих войск, подарил доминиканцам этот участок и в 1464 году заложил первый камень монастыря. Он умер до завершения строительства церкви и поручил ее Лодовико Моро, который достроил ее с помощью опытных архитекторов, снося главную капеллу и старинный хор: строительство было завершено в 1497 году после смерти его жены Беатриче д'Эсте. Великолепный купол *Грации* является произведением Браманте. Излишне напоминать, что в монастыре находилась знаменитая «Тайная вечеря» Леонардо, от которой сегодня, из-за разрушительного воздействия времени, почти не осталось следа.

116. Генеральный совет 60 декурионов, после торжественного посещения часовни Мадонны Розария в этой церкви 27 мая 1631 года, в знак благодарности постановил установить серебряную лампу стоимостью от 500 до 600 скудов с годовым доходом, достаточным для покупки масла, чтобы она постоянно горела. В 1796 году лампа была украдена через отверстие, проделанное в стене часовни; в 1816 году фабрика *Грации* подала прошение в город, и была возобновлена старая выплата в четыре зекинья в год на расходы по маслу.

Об этом есть упоминание над входом, оборудованным железными воротами, который ведет в старинную часовню Мадонны. В полумесяце находится фреска, автор которой не указан ни Торри, ни Латтуада, ни в самом списке картин, существующих в этой церкви, но я полагаю, что она принадлежит школе Черано. Она изображает Богородицу, появляющуюся между двумя ангелами, один из которых держит лампу с чудодейственным маслом, в которое доминиканец окунает перо, чтобы прикоснуться к прокаженным, которые в нескольких группах расположены внизу. Под ней читается следующая надпись, которую я, как обычно, перевожу с латыни:

А
D. O. M.
ГОРОД МИЛАН
ГОРЯЩИЙ В НЕМ ЖЕСТОКОЙ ЧУМОЙ
В ГОДАХ MDCXXX И MDCXXXI
ИСПЫТАЛ ЛЕЧЕБНОЕ МАСЛО
ИЗ ЛАМПЫ МАРИИ МИЛОСТИВОЙ
В ТОЙ ЖЕ
С СЕРЕБРЯНОЙ ЛАМПОЙ
ЧТОБЫ ОНА ВЕЧНО ГОРЕЛА
ПЕРЕД ЕЕ СВЯЩЕННЫМ ОБРАЗОМ

ОБЕТ БЛАГОДАРНОСТИ
РАДУЮЩИЙСЯ РАЗРЕШИЛ
ГОД ПРИМИРЕНИЯ
MDCXXXII.

117. Там, где умирало 1700 человек в день, массовая гибель прекратилась, и оставалось только три или четыре умерших в день. (Сомалья.)

118. Общая карантина была предложена в июле, но не введена по мнению Министерства здравоохранения, потому что, как говорит Тадино, *никогда еще во время чумы в разгар лета не вводилась карантина... тем более что люди умирали в своих собственных комнатах, где каждый день находили мертвых и зараженных.*

К концу сентября и началу октября был введен общий карантин... Всем зараженным и подозреваемым в заражении было запрещено ходить по городу, им были известны имена и фамилии комиссаров, судебных приставов и монэтти, потому что многие из них, не будучи зараженными, с большой смелостью выполняли свои обязанности, пока могли, чтобы иметь возможность воровать.

В ноябре действительно началась 22-дневная карантинная изоляция, и надзор за каждым воротами города был поручен дворянам, наделенным широкими полномочиями. Каждое утро мэрия выдавала хлеб и рис бедным карантинникам.

В декабре чума разразилась в замке, но, поскольку это было закрытое место, комнаты были продезинфицированы, а зараженные были отправлены в деревню, и вскоре он был очищен. В Милане же в то же время, *слава Богу, полностью прекратились перевозки, и ситуация начала улучшаться, а лавки торговцев начали открываться.*

В 1631 году люди наслаждались почти полным здоровьем, продолжая очистку подозрительных и зараженных домов, которые были закрыты; и хотя были некоторые случаи чумы, хотя и редкие, все же, *слава Богу, они не распространялись дальше. Охрана на воротах города продолжалась, так как многие земли герцогства все еще были заражены. Наконец, после многих приказов и санитарных мер, 2 февраля 1632 года под звуки труб был объявлен конец карантина в городе и герцогстве Милане.* (Тадино, стр. 135 и далее).

119. Было необходимо показать пример строгости. *Не позволяйте хитрым людям совершать кражи и грабежи, где был пойман и осужден монатто, который был повешен. Двое зараженных, которые не хотели подчиняться, были пойманы, когда шли по городу, и им отрубили головы.* (Тадино, стр. 136.)

120. Это заставляет думать, что Сенат опасался восстания, если бы не удовлетворил публику казнью предполагаемых заразителей.

121 Как я уже говорил в своем введении, это пятая декада «Истории Милана» Рипамонти.

122. *Occultum virginale illud.*

123. Сомалья, восхваляя пожертвования Фридриха, сообщает, что только в его приходе Сан-Витторе-Кваранта-Мартири он раздавал *по четверть риса в неделю каждому бедняку.*

124. *Было набрано шесть священников, известных своей добродетельной жизнью и сильным характером, которые, разделившись на три группы, по двое должны были каждый день обходить три части города и т. д.* (Ривола, Жизнь Фредерика, стр. 564).

125. Великолепные пожертвования нашего архиепископа подробно описаны Риволой, Сомальей и другими современниками. Известно его высказывание, которое показывает, как он был вдохновлен подлинной христианской любовью. Федерико намеревался подарить Мадонне дель Альбо в соборе паллиум из чистого золота, усыпанный драгоценными камнями. Но когда наступил голод и чума, он потратил эти деньги на помощь беднякам и, радуясь этому, воскликнул: *«Слава Царице Небесной, которая, дав мне возможность оказать помощь и поддержку беднякам в их крайней нужде, заставила меня сделать паллиум по-своему!*

12630 ноября, находясь в церкви Сан-Дальмацио для переизбрания должностных лиц христианского вероучения, он сказал: *«Если Господь Бог в наказание нам решил послать на нас это великое бедствие, не сомневайтесь, мужайтесь, что ни я, ни мои священники никогда не оставим вас».* (Ривола, стр. 574.)

127Существует смутное и абсурдное предание, что Фредерик во время эпидемии уехал из Милана, и что это было одной из причин, приведенных против его канонизации. Однако, поскольку ни в одном из многочисленных воспоминаний того времени нет никаких указаний на это, я считаю эту традицию ложной. Самое большее, можно предположить, что он на время покинул город, что, возможно, было преувеличено зложелателями, которые обвинили ревностного архиепископа в малодушии и небрежности. (См. Ривола.)

128. В месте, где выходит улица Санта-Кроче, на нынешней площади Сант-Эусторгио, с древнейших времен существовал источник, как переводит Альчати, где, как утверждается, святой Варнава впервые крестил миланцев, отправлял мессу и проповедовал народу. Традиция добавляет, что святой апостол прожил семь лет в этом уединенном месте, что святой Кайо, третий архиепископ нашей церкви, крестил там большое количество язычников, среди которых были самые знатные граждане. Огромно было почитание миланцев, которые в болезни приходили пить эту воду, считая ее чудодейственной по заступничеству святого Варнавы. Поскольку не осталось никаких следов церкви, Федерико Борромео решил построить новую, и 28 октября 1623 года заложил первый камень в присутствии губернатора, судов и города, а также бесконечного множества людей, собравшихся на эту торжественную церемонию. (Так пишет Латтуада.)

129«Он не бросался в опасность безрассудно, как будто отчаяние или скука заставляли его умереть, или как будто он искал славы среди пропастей, как, по преданию, делали некоторые великие люди. Но в то же время он никогда не избегал опасности, в которую было справедливо и законно рискнуть». Так пишет Рипамонти в «Жизни Федерико», стр. 389.

130. Существовала традиция среди отцов-миноритов, что, когда в Милане разразилась чума, хранитель монастыря Мира сказал в трапезной, чтобы все, кто готов был помочь, встали, и ни один из них не остался сидеть. Об этом рассказывал епископ Черина, бывший монах ордена, умерший в Милане в 1827 году.

Достопочтенным свидетельством того, что сделали меньшие наблюдатели во время эпидемии, является следующая надпись, помещенная на мемориальной доске в огороде бывшего монастыря Мира, который сегодня принадлежит сахарному заводу господ Аззимонти и К. Я с тем большей охотой цитирую эту надпись, переводя ее, что, несмотря на ее историческую важность, она до сих пор никогда не публиковалась.

ДЕРЖИСЬ, ПУТНИК, НЕ ПЛАЧ
ГОД РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА MDCXXX
СМЕРТЕЛЬНАЯ ЭПИДЕМИЯ
НАВЕЛАСЬ НА ИТАЛИЮ ОПУСТОШИЛА ЛОМБАРДИЮ
И ПОЧТИ ПОЛНОСТЬЮ УНИЧТОЖИЛ ГОСУДАРСТВО И ГОРОД МИЛАН

ШЕСТЬСОТ ТЫСЯЧ В ПЕРВЫЙ
СТО ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ВО ВТОРОМ УМЕРЛИ
ЭТОЙ МИЛАНСКОЙ ПРОВИНЦИИ
ОСЕРВАНТОВ СВ. ФРАНЦИСКА
БОЛЕЕ СОТНИ МОНАХОВ, ПОГИБШИХ ОТ БОЛЕЗНИ
С ПРАВДИВОЙ БОЛЬЮ ПЛАКАЛА
ОНИ, ОКАЗЫВАЯ ПОМОЩЬ ЗАРАЖЕННЫМ МИЛОСЕРДИЕМ
ПОТЕРЯЛИ ЖИЗНЬ, ПОЛУЧИВ НА НЕБЕСАХ
НАГРАДУ ЗА МИЛОСЕРДИЕ
ДЕВЯТЬ ИЗ НИХ ПОГИБЛИ В ЭТОЙ ЕПАРХИИ
ЧЕТЫРЕ В С. СТЕФАНО В БРОЛЬО
ДВОЕ В САН-БАРТОЛОМЕО В МИЛАНЕ
ДВОЕ В АББИАТЕГРАССО ОДИН В САН-ПЬЕТРО ФУОРИ ДИ МОНЦА
ПОХОРОНЕНЫ
ОДИННАДЦАТЬ ДРУГИХ ВЫДАЮЩИХСЯ СВЯЩЕННИКОВ
ЗА ЕВАНГЕЛЬСКУЮ ДОГМАТИКУ, ПРОПОВЕДЬ И НАБОЖНОСТЬ
ТА ЖЕ САМАЯ ЧУМА ВУЛНЕРО НЕ ИСЧЕЗЛА
ТАК ЖЕ, КАК И ЯРОСТНУЮ СМЕРТЬ И КРОВИСТЫЕ ТРУПЫ
НЕ СМОГЛИ УГАСИТЬ ОГОНЬ МИЛОСЕРДИЯ
СЫНОВЕЙ СВ. ФРАНЦИСКА
НИ ОХЛАДИТЬ СВЯЩЕННЫЙ ПЕПЛ ЭТОГО ОГНЯ
ЭТО СЛУЖБА БОЛЕЕ ВСЕГО МИЛОСЕРДНАЯ
БЕДНАЯ РОДИНА ИСПЫТАЛА
ПОКЛОННО ПРИЗНАЛА И БЛАГОДАРНО ВЫРАЗИЛА СВОЮ ПОДЧИНЕННОСТЬ
О ТЫ, КОТОРЫЙ УХОДИШЬ, УЗНАЙ
ОТ ТАКОГО ВЕЛИКОГО ЗАРАЗЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БЕДСТВО
ОТ ТАКОГО САМООЖЕРТВОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЕ МИЛОСЕРДИЕ
ОТ ТАКОГО УЖАСНОГО БЕСПЕЧИЯ
КАЗНЬ И ВМЕСТЕ С НЕЙ БОЖЕСТВЕННАЯ ПОМИЛОВАНЬ
Монахи-новички из Дома мира
МОЛЯЩИЕСЯ О НЕБЕСНОМ МИРЕ
ЭТУ ПАМЯТНУЮ ПЛИТУ
ВЕЧНОМУ ПАМЯТНИКУ ПОКОЯЩИМСЯ
И ПАМЯТИ БЛАЖЕННЫХ
БЫЛА УСТАНОВЛЕНА
ЧЕТВЕРТОГО ДНЯ ОКТЯБРЯ ГОДА MDCXXXXVI

131. Для пояснения этого отрывка следует обратить внимание читателей на Орден Униженных, который, исчезнув почти три века назад, был забыт, хотя и сыграл важную роль в истории. В начале XI века (1014 г.), во время правления императора Генриха I, некоторые миланские дворяне были увезены в плен в Германию, и там, в условиях изгнания, они дали обет, что если когда-нибудь смогут вернуться на родину, то будут вести святую жизнь, отказавшись от мирских удовольствий и роскоши. Вернувшись на родину, они сдержали обещание и, собрав свои огромные состояния, собрались в монастыре под правилами Святого Бенедикта, взяв себе имя Умилиати в память о скромной жизни, к которой их привела нищета во время плена. Орден быстро рос, и менее чем за столетие в Милане насчитывалось шестьдесят приютов, тридцать для мужчин и тридцать для женщин. Умилиати заслужили признательность страны, возделывая земли во многих местах, создавая шелковые и, особенно, шерстяные мануфактуры, отрасль промышленности, которую они процветали в Ломбардии, развивая обширную торговлю. Их богатство росло без меры, и, как это бывает, извратившись в нравах, орден отклонился от

первоначальных правил. Во времена святого Карла во всей Италии насчитывалось не более ста Умилиатов, включая послушников, которые имели годовой доход в шестьдесят тысяч имперских зекинов, что составляло более миллиона наших лир. Святой Карло, еще в молодости, находясь в Риме, узнал об Умилиатах и, узнав об их упадке, решил вернуть их к соблюдению правил. В 1567 году он созвал генеральный капитул, лишил доходов проповедников (так назывались настоятели различных домов Умилиати, которые в последнее время жили по-княжески, обладая почти деспотической властью) и назначил генералом ордена человека по своему выбору. Тогда несколько проповедников сговорились устранить архиепископа, выбрав для этого миланского монаха Донати, прозванного Фарина. Покушение затянулось из-за нехватки денег и нерешительности Фарина, в сердце которого угрызения совести боролись с жадностью золота. Однажды, украв серебро из своей церкви в Кремоне, он бежал в Мантую, а оттуда в Венецию и на Корфу, растратив добычу на разгульные забавы. Вернувшись на родину, он отправился в Швейцарию, все еще не решаясь стать представителем своих начальников. Наконец, их уговоры победили нерешительность Фарина; вечером 2 октября 1569 года, когда святой Карло, находясь в временной деревянной часовне, поскольку обычная часовня в архиепископском дворце была на ремонте, вместе со своими слугами слушал молитвы, исполняемые музыкантами, нечестивый монах, прицелившись из-за открытой двери, выстрелил в Борромео из ружья, заряженного пулей и крупными дробями (pernigoni); но не ранил его, поскольку пуля застряла в складках его плаща, оставив лишь небольшую царапину.

Сбежав в Савойю, где он вступил в армию, Фарина был позже обнаружен, выдан и вместе со своими сообщниками Пропости 2 августа 1570 года казнен на эшафоте. В том же году Орден Умилированных был упразднен указом папы Пия V, к небольшому сожалению общественности, возмущенной недавним преступлением. Святой Карло, помимо помещений Сан-Калимеро и Сан-Джованни в Порто Ориентале, которые он получил шесть лет назад (1564) и передал первое отцам-театинам, а второе преобразовал в семинарию, получил от папы церковь и монастырь Брера (где разместил иезуитов); — Санто-Спирито (он сделал его Швейцарским колледжем); — Каноника в Порто-Нуова (еще один семинар), — и, наконец, Санта-София вдоль канала в Порто-Романа. Из доходов Умилиатов ему было предоставлено 25 000 имперских зекиньев в год.

132 Он начал церковную карьеру и неустанно изучал гражданское и каноническое право. Как только он был рукоположен в священники, Бескапе, епископ Новары, назначил его викарием этой епархии, где он отличился своими знаниями и усердием. Оттуда он перешел на должность архипресвитера в Монцу, где в 1602 году построил два шкафа, стоящих по бокам главного алтаря в церкви Сан-Джованни, для хранения реликвий и знаменитого папируса, содержащего каталог этих реликвий, отправленный папой Григорием IX королеве Теодолинде. При этих обстоятельствах папирус был утерян, и, если верить преданию, он был похищен самим архипресвитером Сетталой. И действительно, ученые монахи Маурини, Жермен и Мабийон, путешествуя по Италии, обнаружили его в 1638 году в музее семьи Сеттала. Спустя много лет он перешел в собственность графа Фирмиана, а его преемник, полномочный министр в Ломбардии граф Вильцек, 7 сентября 1777 года щедро вернул его базилике в Монце, в сокровищнице которой он и хранится. Специальная надпись, указывающая на этот факт, гласит, что он был случайно найден в музее Сеттала; Фризи в своих «Мемуарах» упоминает об утере папируса, но, по-видимому, из уважения к семье он не назвал имя обвиняемого. Я упоминаю об этом из любви к исторической правде. В 1618 году Сеттала стал каноником Миланского собора и главным капелланом; Фредерик очень его любил и часто прибегал к его помощи для урегулирования споров между церковным судом и

королевскими министрами. В те дни в Риме обсуждался вопрос о канонизации святого Карла, и Сеттала был единогласно избран для поездки туда в качестве архиепископского прокурора. В переписке Федерико сохранилось немало писем, написанных Сеттале во время его пребывания в Риме, которые свидетельствуют о его уважении и привязанности к нему. Вернувшись на родину, во время чумы кардинал назначил его руководителем церковного лазарета, где он и умер в 1630 году. Он оставил после себя пятьдесят рукописей, касающихся вопросов морали, права и т. д. Их каталог можно увидеть в Argelati, *Biblioteca degli Scrittori Milanesi*.

133 Облит Карло Разино был избран духовным руководителем и умер там от чумы: его преемником стал Франческо Вольпи, образцовый священник и один из выздоровевших. В лазарете, который оставался открытым с начала июля до конца сентября, находились шестьдесят зараженных чумой, из которых выздоровели только четырнадцать. (Ривола, стр. 591.)

Согласно некоторым рукописным мемуарам, Конгрегация Облатов потеряла 27 своих членов.

Различные важные сведения о том, что делали облаты в епархии во время этой эпидемии, я нашел в одной из тех книг, которые забыты в библиотеках, но которые очень полезны для исследователей отечественной истории. Она называется: *De origine et progressu Congregationis Oblatorum ab anno congregationis conditæ 1678 ad 1737*. М.º 1739. Автором является Бартоломео Росси, облат из Милана () и доктор из Амброзианы (Ambrosiana), впоследствии настоятель в Канту (Cantù) и, наконец, миссионер в Доме Ро (Casa di Ro), где он умер около 1750 года. В этой книге, написанной на хорошем латинском языке, можно прочитать следующее:

«Не меньше было милосердие облатов за пределами Милана. Адамо Мольенти и Дж. Баттиста Басси, первый — приходской священник в Монце, второй — в Бьяске, умерли от чумы. Потомкам будет трудно поверить в то, что подтверждается серьезными документами, что был человек, который с такой покорностью встретил смерть, что сам отслужил себе похороны и спустился в могилу еще живым. Такую твердость духа, я бы сказал, чудесную, проявил Дж. Баттиста Ро, проповедник из Леджоно, который, исповедуя и принося причастие умирающим, заразился чумой, и, чувствуя, что жизнь покидает его, спустился в могилу, которую он сам заказал выкопать для себя. Там он сказал несколько коротких слов о нищете благ этого мира своим прихожанам, которые толпились вокруг него, привлеченные новым зрелищем, аккуратно уложил свои члены и скрестил руки на груди, тихо испустив дух».

134. Рипамонти, всегда загадочный, не говорит, что это была за церковь, и мне не удалось выяснить это путем расследования.

135. *Halitusq: tuos cum ipsius anima et spiritu quam minime consociabis.*

136. Это мудрое распоряжение еще раз доказывает, насколько Фредерик старался избежать контакта, столь опасного во время эпидемий; и если он сначала согласился на перенос тела святого Карла, то нужно сказать, что на это его подтолкнуло желание магистратов и всего населения, поскольку невозможно предположить, что он не осознавал неизбежной опасности еще большего распространения заразы в результате этой неосторожной церемонии.

137. В городе умерли 62 священника и 33 помощника, а в епархии — бесчисленное количество. (*Puo della Croce*, стр. 62.)

По данным Риволы, 64 священника и почти столько же викариев.

138. История MS. чумы, см. Введение, стр. XXXI.

139. Этот отрывок, по мнению Верри, также доказывает, что Рипамонти, скорее из робости, чем из убеждения, поддерживал мнение о злобных помазанниках.

140. Отсюда Манцони взял эпизод с Ренцо, который спасается на телеге могильщиков.

141. Этот Аппиани был одним из врачей, которые с наибольшим рвением помогали во время эпидемии. Будучи человеком здравого смысла, он не верил в помазание (см. Приложение I к Книге II). Он заболел чумой в Лазаретто, куда его направил медицинский совет, и, выздоровев, решил служить своей родине, продолжать дело до конца, несмотря на то, что суд уже назначил ему сто скудов в месяц. Не считая важным свой интерес, а скорее общественное служение, и жаждущий славы, он хотел продолжать служить при условии, что после лечения этих существ с должной осторожностью он сможет продолжать служить городу... но прихоть одного врача все испортила, потребовав, чтобы он постоянно проживал в лазарете, что вскоре привело бы к его смерти. Поэтому он ушел, и лазарет остался без врачей (Тадино, стр. 103).

Следующее письмо, которое сохранил его коллега Тадино, важно, потому что в нем излагаются физические и моральные последствия чумы, тем более что они описаны врачом. Я перевел его с латыни, борясь с двусмысленностями и напыщенностью, которые местами делают его очень трудным для понимания.

«Иллюстрирейший президент здравоохранения и коллегии, уважаемые сенаторы».

«Вот я, новый и возрожденный человек, но по-прежнему ваш слуга. Потеряв всякую надежду, оплаканный моими родными в городе и даже в дальних деревнях как мертвый, только трое друзей, не теряя надежды, еще не вычеркнули меня из числа живых. Теперь я живу не для себя, а для вас, достопочтенные и уважаемые господа, мои дорогие родственники, которым я обязан гораздо больше, чем самой жизнью. Но как я страдал! Не только болезнь, но и сами руки врачей были жестоки: вскрыв вены, они дважды пустили мне кровь, наложили четыре припарки, которые своим жгучим теплом вызвали волдыри на онемевшей коже. Ах, какая мука! Какие зловонные и гнилые язвы! Какой ужасный запах! Угрожали даже огнем, и его использовали. Однако это не легкие боли, а скорее полезные; но о, как ужасно и страшно было это зло, которое нельзя было бы лучше охарактеризовать, чем самим названием чумы! Ничто не может быть гнуснее этого, что поражает мозг, резиденцию интеллекта, все функции которого гнусно испорчены, ослаблены, разрушены. Какой шум в ушах, которые гудели от несвязных звуков! Глаза были ослеплены ложными цветами и пустыми бликами: плохо удерживаясь, они боялись, что шаткие крыши рухнут, и видели, как стены колеблются с непостоянным и головокружительным движением. Но еще более горьким был вкус, который мучил рот неприятным ощущением. К последней муке добавилась жажда; и поскольку питье усугубляло боль, то приходилось в некотором роде терпеть ее, чтобы не ухудшить состояние. Какую борьбу я вел против тяжелой сонливости, которая угнетала все чувства, какие усилия я прилагал, чтобы не заснуть и отгонять сон и его позорную сестру смерть, я не могу выразить словами. Сердце, источник жизни и ложе души, было ошеломлено этой болезнью. Оно изо всех сил пыталось дрожащими ударами оттолкнуть смертельный яд, но как уйти от него, если со всех сторон ядовитые дуновения способствовали его гибели? Поэтому сердце, угнетенное таким грузом, побежденное вражеской силой, ослабевало, не бдя так, как должно было бы, из-за лихорадочного жара. Чем здоровее был бубон, тем он был более неприятен, и если он давал какую-то надежду на выздоровление, то она уравнивалась нынешней болью. К этому добавлялась мучительная слабость всех членов и невозможность найти покой из-за язв на ногах и спазмов в паху. И какое облегчение я имел от стольких бедствий? Никакого.

Да, никакого, Illustris. Господа, поскольку слуги и друзья ненавидели больного и избегали его, то ни ласковых разговоров, ни какого-либо утешения, способного вернуть жизнь, не было. Надежда, сладчайшее облегчение во всех бедах, которая может вдохновлять даже ложными радостями и с помощью веселых образов, которые она представляет воображению, смягчает страдания и едва позволяет почувствовать боль, к моему еще большему несчастью, ускользала от меня, делая меня еще более несчастным, поскольку я был глубоко убежден, что чума смертельна. Я видел столько похорон! И столько людей, умирающих под лечением или даже во время еды! Ужасные образы этих умирающих, которые появлялись перед моими глазами, наполняли мою душу страхом. Но хватит, я не хочу больше утомлять вас такими неприятными разговорами. Будьте здоровы, и с вами весь город».

«С уважением, доктор медицины
Дж. Баттиста Аппиани».

142. Купцы, избранные для этого в присутствии комиссаров здравоохранения, *выплатят заинтересованному и законному лицу, которое явится для этого, справедливую половину стоимости наличными, а для тех, у кого не будет законного представителя, деньги будут депонированы в Банке Сант-Амброжо.*

И эта льгота по оплате половины стоимости распространяется только на бедных людей, не включая купцов и других состоятельных людей, которые не могут понести значительного ущерба от такой потери.

Указанная мебель будет доставлена в Фолппоне ди Сан-Грегорио, где после сбора будет отправлена в место, предназначенное для этой цели в Фолппоне ди Порта Комасина.

Никто не должен из-за неосторожного любопытства или злобы приближаться к повозкам или к месту, где проводится оценка, под страхом наказания в виде трех ударов веревкой; ни голосами или действиями нарушать или беспокоить эту операцию под страхом пяти лет тюремного заключения, в чем обязаны родители своих детей под страхом денежного и телесного наказания по усмотрению суда, и будет вериться достоверному свидетелю. (Провозглашение от 7 июня 1630 г.)

143. *Дым от зараженных вещей, таких как постели, перья, шерсть, лохмотья, вынесенных ночью на улицу Св. Дионисия возле Св. Примо для сжигания, был настолько ядовитым и зловонным, что, проникнув в окна комнат отцов-капуцинов, когда они отдыхали, он настолько заразил их дух, что в течение короткого времени пять из них умерли. (Тадино, стр. 101-126.)*

144. Колледж также предлагал много почестей и привилегий тем сельским врачам, которые соглашались на опасную работу в Милане. Он принял одного Романо, *но этот несчастный, пробыв в Лазаретте 15 дней, заразился и умер через семь дней. После этого ни один человек не захотел работать в этом Лазаретте.* (Тадино, стр. 108).

145. См. примечание на стр. 121.

146. Вероятно, автор имел в виду десять наших обычных перчин.

147. О смертности и населении Милана в это время см. приложение в конце книги.

148. Однако Суд здравоохранения, учитывая бедственное положение государства из-за прохождения войск, *несколько смягчил свою строгость, разрешив содержать гусениц с надлежащими инструкциями.* (См. Тадино, стр. 97).

149. Несмотря на все мои исследования в публичных архивах этой регистратуры, столь важной для определения хотя бы приблизительной численности населения Милана, я не нашел никаких следов.

150. *Линдо — это общий рынок, то есть место, где собираются все товары, поступающие в Италию из всей Германии, где большую часть года многие города и места заражены этой инфекционной болезнью.* (Тадино, стр. 13.)

151 *По просьбе города 17 июля 1629 года было принято решение о его приостановке до осени, несмотря на то, что многие соседние с нами города Германии были заражены чумой.* (Тадино, стр. 14.)

152. *Который обеспечил бы всеми полномочиями и силой правосудия необходимые потребности... С обязанностью посетить все земли, деревни, замки и порты всего озера Комо, всей Вальсассины, горы Брианца и Джера-д'Адда.* (Тадино, стр. 24).

153. *На обратном пути мы встретили там (в Ольдинате) большое количество мужчин и женщин, которые, по их словам, днем и ночью жили в поле из-за страха заражения, покинув свои дома и удобства, и они казались нам дикими существами, несущими в руках мятную траву, руту, розмарин, кто-то флакон уксуса; честно говоря, они вызывали у нас слезы, и мы утешили их и сразу же позаботились об их нуждах, поскольку у них не было соли, хлеба, уксуса и масла.* (Тадино, стр. 26).

154. *Sed belli graviores esse curas.*

155. Тадино подробно рассказывает о том, что он наблюдал в той части страны, которую он прошел; я выделяю некоторые наиболее важные и характерные факты.

Из Гальбiate они перешли в Кьюзо, а затем в Мальграте. *В тот же день нашего прибытия мы обнаружили молодую женщину, умершую четыре дня назад; мы приказали вынуть ее тело из могилы, на котором были обнаружены признаки чумы, такие как высыпания на подмышечных впадинах, кровоподтеки, черные точечные высыпания, синяки и гниль на всей спине вплоть до крестца. Когда мы спросили гробовщицу, которая занимается омовением тел, по имени Тредиса, старую, но крепкую женщину, замечала ли она другие признаки, похожие на эти, на других телах, она ответила, что не помнит, но было видно, что эта старуха Габрина извинялась и скрывала чуму, за что вскоре поплатилась за свою ложь, потому что через три дня умерла. В Мальграте было найдено 29 больных, которые через семь дней после их возвращения умерли. Легко оставалось здоровым, но не Олате, Балабио и Вальсассина.*

Спускаясь с вершины горы к Беллано, мы почувствовали невыносимый зловоние, и, спустившись вниз, не встретили ни одного человека, как в лесу, и это вызвало у нас не мало ужаса. Наконец, прибыв на площадь, мы увидели в окне священника с лицом, почти похожим на лицо мертвеца, которого было очень трудно уговорить пойти с нами, несмотря на то, что с нами был человек из этой деревни. И когда мы спросили его о здоровье жителей этой несчастной земли... он ответил, что беда началась около 6 октября и к тому времени умерло около 64 человек... и что примечательно, вечером люди были здоровы, а утром умирали.

Из Беллано комиссары отправились в Варенну, где мы нашли женщину, умершую три дня назад с чумным угрем на груди, рядом с ней лежали ее муж и сын, также с бубонами... Белладжо оказался здоровым, но не так Дорио и Колико, называемые Тадино, не знаю почему, «радостью озера Комо». И эта земля была самой разрушенной и зараженной из всех, которые мы посетили, потому что она была первой, куда вторглись немцы.

Даже на противоположном берегу озера, от Каденаббиа до Домазо, они обнаружили распространение заразы. Прибыв в Комо и дав необходимые распоряжения, они вернулись в Белладжо, а затем через Лекко и Валмадрера начали посещение Брианцы, следуя вдоль реки Адды. Пройдя через Тревильо, Караваджо, Кассано, Камбьяго и другие деревни в Герададде, где начали появляться первые случаи чумы, два комиссара вернулись в Милан 15 ноября. Для более подробной информации об этом путешествии я отсылаю читателей к Тадино. (Стр. 25-50.)

156. *Et ferebat id vorato jam quæstu mercimonium in Urbem.*

157. *Et ipsa pestilentia submoverat punieratque commode aliquem.*

158. Тадино, рассказывая эту историю, говорит: «Как Господь наш лишил разума свой народ Израиль, так и в настоящее время он еще больше ослепил город Милан, который дал себя убедить одной женщиной и т. д.». Хотя обещание освобождения сына приносило ему большое утешение, тем не менее, зная, что нет лекарства от этой болезни, его ложь не продлилась долго, что стало причиной его смерти. И хотя он говорил, что у него еще есть лекарства, он все же тяжело заболел и получил заслуженное наказание в виде смерти от чумы, как в конце своих дней, признав свою ошибку, он сказал отцам-капуцинам, что сделал это, чтобы помочь своему сыну из-за безграничной любви, которую он к нему испытывал. (Стр. 110.)

159. Учитывая, что уже было найдено много мертвых без исповеди и помощи, как скот. (Тадино, стр. 125.)

160См. в Тадино два оригинальных декрета Сената от 6 июля. (Стр. 125.)

161Эта прачечная, построенная из-за заражения, состояла из 24 столов с чистой и обильной проточной водой, однако столы для стирки грязного и чистого белья были разделены... Кроме того, со стороны прачечной было расположено много комнат, часть для обработки зараженных вещей, а часть для очищенных.... По правде говоря, архитектура, по мнению Карло Буттио, архитектора во всех вопросах своей уникальной профессии, и устройство были очень хорошо продуманы. Хотя вскоре после этого прачечная была закрыта, что нанесло серьезный ущерб общественному благу, тем не менее, желая, чтобы суд всегда помнил о столь почетном и знаменательном деле на протяжении будущих веков, было дано распоряжение указанным физикам Тадино и Сеттала разместить под портиком боковых комнат напротив упомянутой прачечной, на видном месте, похвальную надпись, что они и сделали в следующем духе. (Тадино, стр. 69.)

НАДОХОДЯЩАЯ ОПАСНОСТЬ

ЧУМЫ, ЗАВЕЗЕННОЙ

ЭТО МОЙКОЕ

ЗАКАЗАННАЯ Г. БАТТИСТА АРКОНАТИ

СЕНАТОРОМ И ПРЕЗИДЕНТОМ МАГИСТРАТА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

ВЫПОЛНЕННЫЙ ПОД РУКОВОДСТВОМ ЕГО ПРЕЕМНИКА

МАРКО АНТОНИО МОНТИ, ПРЕЗИДЕНТ
КОНСЕРВАТИВНЫЕ ВРАЧИ
АЛЕССАНДРО ТАДИНО И СЕНАТОР СЕТТАЛА
ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЧЕТ ПОВЫСИЛИ
В 1729 ГОДУ

162. Это был представитель здравоохранения Марк Антонио Ареше, который, вернувшись в Милан после посещения побережья Лекко и Валассина, раскритиковал специальную прачечную Лазаретто, построенную с большим искусством. Поэтому он заслуживает оправдания, поскольку это не его профессия, желая среди прочих ошибок, чтобы проточная вода оставалась, пока в нее бросают зараженные вещи после получения штампа, что далеко от разума и опыта..... в то время как зараженные вещи никогда не могут быть очищены и промыты, пока вода остается мутной и грязной..... Делегат (Ареше) предложил городу построить новую общую прачечную на встрече с Лазаретто, что обошлось городу в 4000 скудов без какого-либо результата. (Тадино, стр. 98-99.)

163. Римляне давали это название участку земли вдоль стен снаружи или внутри них, освященному религией, на котором было запрещено строить или возделывать землю.

164 Вот еще одно доказательство того, что Рипамонти был выше своего времени, отличая искреннюю набожность от преувеличенных и невежественных практик.

165. Аллюзия на дракона из сказки, хранителя золотого руна, или, скорее, на народное суеверие, что дьявол в образе дракона хранит зарытые сокровища.

166 Вот оригинал на латинском языке, рифмованный в соответствии с дурным вкусом той эпохи:

Stella cœli extirpauit

Quæ lactavit Christum Dominum

Mortem pestis quam plantauit

Первый Родитель человеческий.

Ipsa Stella nunc dignetur

Sydera compescere,

Quorum bella plebem cædunt

Diræ mortis ulcere.

O piissima Stella maris

A peste succurre nobis;

Audi nos, Domina,

Nam Filius tuus, nihil negans,

Te honorat.

Спаси нас, Иисус,

За которых молится Мать.

Другие молитвы находятся в Тадино. (Стр. 108.)

167. *Mors et Fames vigebit ubique.*

168. *Mortales parat morbos: miranda videntur.*

169. *Numeris modisque diversis includitur.* И он с плохим вкусом того времени играет словами *numerus*, которые можно понимать как стихи и цифры.

170. Тадино называет двадцать полков и подсчитывает их общее число в 36256, то есть на 800 солдат больше. Переход длился с 20 сентября по 3 октября 1629 года.

171. Кассано был одним из первых очагов чумы в герцогстве и сильно страдал от голода, размещения солдат и чумы. Но когда он думал возблагодарить Святое Божественное Величество за милосердие, проявленное к нему за избавление от болезни, вот что произошло, когда он хотел отпраздновать один день и порадоваться за полученную милость: Джованни Пелегато, управляющий маркиза д'Адда, который во время прохождения германцев купил мешочек порошка, желая использовать его для этой цели, почувствовал настолько невыносимую головную боль, что упал на землю, и, уложенный в постель с чумной лихорадкой и бубоном в левом паху, умер на четвертый день; что было поистине чудом, что он не умер. (Тадино, стр. 71.)

172. Книга, в которой описаны имена умерших граждан и тела святых монсеньоров, составленная мною, Трагллум Зумалум, лейтенантом Нота. Д. Кристофори Зумали Канцель. Санитарный врач. В присутствии Его Преосвященства Д. Д. Симоне Боссио, председателя Управления здравоохранения.

173. О пытках, § VII.

174. Рипамонти перевел этот отрывок из знаменитого описания Боккаччо. Я перевел его заново, используя те же слова, что и автор из Чертальдо, к которому я отсылаю читателей также для продолжения настоящей главы.

175. Святой Карло называет Милан городом с многочисленным населением, тесными домами, полным бедности, оживленным торговлей и коммерцией. (Святой Карло, Мемориал, стр. I, гл. I.)

176. Святой Карло получил от Папы этот Юбилей Святого года и для Милана, где он был торжественно объявлен в начале Великого поста. Чтобы получить небесные сокровища его индульгенций, к этому богослужению присоединилось такое количество людей как из города и государства, так и из-за его пределов, что это вызвало удивление. Из земель и деревень прибывали благочестивые процессии к четырем святым церквям: Дом, Св. Лоренцо, Св. Амброджио, Св. Симпличиано, по пятьсот, семьсот и даже тысячу душ за раз. Среди прочих, земля Монцы с прекрасным порядком, с двумя знаменами и Святым Иоанном посреди них, появилась в количестве восьми тысяч человек, раздавая всем милостыню в виде еды и питья в некоторых специально отведенных местах. Не могу не сказать о том, что в течение дня во всех приходах с таким благочестием, что было великим чудом, кто в одежде паломников, кто в мешках, а кто в других самых скромных одеждах. Из-за большого скопления людей, опасаясь, что среди людей, пришедших на это богослужение, могут быть те, кто прибыл из зараженных или подозрительных мест, господ-хранители здравоохранения приказали ограничить эти процессии и сократить их число до десяти или двенадцати на каждое место. (Centorio, стр. 21.)

177. Я кратко упомяну о происхождении и развитии этой эпидемии. В 1575 году она проявилась в Швейцарии, в Тренто, затем в Венеции, Генуе и Пьемонте, так что, окружив Ломбардию со всех сторон, было почти невозможно остановить ее распространение. Фактически, 19 марта 1576 года она вспыхнула в Парузерио, деревне с 600 жителями, расположенной в двух милях от Арони. В июле чума проявилась в Меленьяно, затем в Монце, куда ее занесла женщина, привезшая из Мантуи кораллы и другие вещи. Деревня Сан-Бьяджо была полностью заражена, и за три недели в Монце умерло сто пятьдесят человек.

3 августа двое умерли от чумы в фермах Комино, расположенных всего в трех милях от города. 11 августа из этих ферм болезнь распространилась на деревню Ортолани, за воротами Комаска, отделенную от города, и поразила шесть тысяч человек, из которых каждый день многие выходили, чтобы заниматься различными ремеслами в Милане, помимо работы в огородах, которые были созданы для общественного удобства и использования (), где каждый день умирали некоторые, которые были подозреваемы в заражении чумой..... Продолжаясь, эта беда перекинулась на город Милан, и сначала на деревню Сан-Семпличано, как ближайшую к нему из-за практики огородников с теми, кто был внутри... Распространяясь, болезнь достигла Сан-Марко и Кордузио, а с этой стороны — деревни Порта-Романа и Лагетто, места, где собирается большая часть лодок, которые из Тичино в Милан доставляют вино, дрова, уголь и другие товары, а также продовольствие, необходимое для жизнеобеспечения города. А в самом Милане оно распространилось на Порта Верчеллина и все остальные. (Центорио, стр. 7.)

178. Трибунал здравоохранения, о котором так много говорилось в этой истории, был учрежден герцогом Франческо II Сфорца в 1534 году. Беспорядки, произошедшие в Милане во время эпидемии 1524 года из-за отсутствия санитарных мер, послужили поводом для создания этого предусмотрительного судебного органа. Перед Рождеством герцог, а затем сенат избирали членов этого суда: двух врачей с титулом консерваторов, — президента, который всегда был сенатором, — трех комиссаров, — одного писаря, — одного хирурга, — двух санитарных инспекторов, или судебных приставов, — одного швейцара, — одного регистратора умерших, — смотрителей карантинных лазаретов. — Во время чумы Суд здравоохранения обладал очень широкими полномочиями.

179. Город Милан должен воздвигнуть ему мраморный памятник и установить его на вечную память на общественной площади в знак великой заботы, благоразумия и внимания, которые он проявлял к своей родине, а также в знак его неизменной честности, благодаря которой он будет вечно жить в памяти людей. (Centorio, стр. 336.)

180. Изоляция, в которой каждый старался жить, чтобы не заразиться чумой, а также то, что дворяне, мастера и лавочники из соображений экономии уволили большое количество слуг и рабочих, которые жили на дневной заработок, привело к чрезмерному росту нищеты. В результате за короткое время в Милане оказалось огромное количество людей обоих полов, доведенных до крайней нужды, поскольку бедняки не находили в городе никакого приюта, а выйти за пределы города не могли, поскольку Милан был осажден и окружен со всех сторон соседними землями, чтобы никто не мог выйти из него. Не зная, что делать, бедняки, вдохновленные Богом, собрались вместе и вместе пошли к кардиналу, как к общему отцу, чтобы он позаботился о них... Благочестивый пастырь был очень тронут, увидев перед собой такое множество бедняков, и, как будто они были его любимыми детьми, принял их, пообещав, что им обязательно будет оказана помощь и предоставлено все необходимое... Некоторых он направил в солдаты для несения

караульной службы, других — на службу к зараженным чумой, третьих — для очистки одежды, подозрительной на заражение чумой. Остальных, которых он счел непригодными для подобных занятий, а их было от трехсот до четырехсот человек, после того как он продержал их несколько дней под портиками церкви Сан-Стефано-ин-Брольо, он отправил за пределы Милана, примерно в восемь миль, в место под названием Виттория, на дороге в Меленьяно, где находится большое здание в форме дворца, построенное Франциском, королем Франции, в память о победе, которую он одержал в этом самом месте над армией швейцарцев, в связи с чем это место и получило название Виттория. Он поместил всех в этом отеле, обеспечив их всем необходимым для жизни и духовного благополучия... Он сам иногда навещал их и заботился о них, как мог. (Джуссани, Жизнь святого Карла, Книга IV, гл. III.)

181. *Majestatem quoque regis ære alieno pene esse demersam.*

182. Магистраты не хотели разрешать процессии из-за опасений, что из-за скопления людей чума распространится. Но Св. Карло, движимый, возможно, чрезмерным рвением, но простительным ввиду его праведности намерений, настоял на своем и провел три торжественных шествия 3, 5 и 6 октября, посетив церкви Сант-Амброджо, Сан-Лоренцо и Сан-Чельсо; в первые две он принес распятие, в последнюю – Святой Гвоздь. На следующей неделе неутомимый пастырь начал еще одну процессию, более длинную и утомительную, чем первые, в ходе которой он обошел весь город, неся в руках Святой Гвоздь в большом кресте, который он специально заказал, идя босиком, в одежде и с веревкой на шее, в сопровождении всего духовенства и народа. В тот день он проделал невероятную работу, идя натощак почти до самой ночи.

Для более подробной информации я отсылаю читателя к упомянутому Giussani. (Книга IV, глава III.)

183. Около Казальпустерленго.

184. Поскольку предыдущая глава была чрезмерно длинной, я разделил ее на три части, что способствует ясности и удобству чтения благодаря разделению, присущему самому повествованию.

185. *Spatiumque capere illud, unde pars nulla versa tantæ civitatis in mortem tabemve et pericula mortis excluderetur.*

186. Джуссани говорит, что ямы были высоки почти как бастионы.

187 Святой Карло рассказывает о следующем случае, произошедшем там:

«Был один зараженный чумой, считавшийся мертвым, и как таковой отнесенный вместе с другими мертвыми к задней двери Св. Григория, чтобы затем быть похороненным на том кладбище... Итак, этот бедняга лежал среди кучи из 50 или 100 тел людей, умерших накануне ночью, чтобы вскоре быть похороненным вместе с ними, как мертвый, но он был еще жив, или находился между жизнью и смертью. Когда утром рано священник, который ухаживал за зараженными в Сан-Григорियो, как обычно, нес Святое Причастие своим больным, он прошел мимо этой двери, которая была тогда открыта, и вот вдруг этот человек, встав на колени среди этих мертвых и, полный горячего желания не остаться без этого святейшего причастия в своем уже близком переходе, обратился к священнику голосом, полным любви, достойным всякого сострадания, и сказал: «Отец, ради Бога, дайте мне Святое Причастие». Больше он не смог сказать, но этого было достаточно, чтобы выразить свое желание и нужду в милосердии этого священника, который сразу же пошел утешить его, причастив его

Святым Причастьем. А он, приняв его с величайшей любовью и почтением, сразу же вернулся на прежнее место и ушел из этой жизни, едва успев вернуться в мир живых». (Мемориал, стр. 11, гл. III.)

188 Святой Карло, сравнивая Милан с деревом, описанным пророком Даниилом, которое символизировало наказание и прощение Навуходоносора, также описывает вид города во время чумы.

«О город Милан, твое величие возвышалось до небес, твои богатства простирались до пределов вселенной; люди, животные, птицы жили и питались твоим изобилием! Сюда со всех концов стекались люди низкого происхождения, чтобы прокормиться своим трудом в твоей тени; знатные и именитые люди собирались, чтобы жить в твоих домах, наслаждаться твоими удобствами и устроить себе гнездо и жилище в твоих местах. И вот вдруг с неба пришла чума, которая является рукой Божьей, и в одно мгновение твое высокомерие было унижено, к твоему огорчению. Ты превратилась в , сразу же став предметом презрения в глазах всего мира, ты ограничена своими стенами: твои товары, твои богатства, твоя торговля заключены в твоих границах. Больше не было тех, кто приходил жить с тобой, питаться твоими плодами, удовлетворять свои потребности твоими товарами, одеваться твоими одеждами, отдыхать в твоих постелях, наслаждаться твоими удобствами, даже украшать себя твоими изобретениями новых моделей, ни брать у тебя образ новых роскошных нарядов.

«Бежали великие, бежали низкие, тогда тебя покинули многие дворяне и плебеи.

Те, кто не бежал, часто из-за болезни или подозрений в болезни оказывались в стесненных условиях Лазарета или за стенами города, живя в маленьких хижинах и считая большим счастьем иметь солому, чтобы укрыться, и столько же, чтобы устелить постель, которая уже была изношена на многие мили вокруг деревни. И поэтому очень часто им служила постель твердая земля, а иногда вода или лед. Так выглядело ваше жилище, в значительной степени сокращенное до открытого неба, подверженное воздействию росы, расположенное посреди сельской местности, в полях, в местах, где пасутся животные и дикие звери; и там вас охраняли стражи и оружие солдат, чтобы вы не выходили за пределы этих границ; что еще? (это нужно сказать и запомнить навсегда, чтобы всегда помнить о полученной милости) остались одинокими окрестности, дома, площади, церкви, а лавки были полностью закрыты.

«Ты, Милан, голодный, страдающий и нуждающийся в постоянной помощи для выживания от городов, замков и бедных деревень вокруг, остался как бы вне себя, ошеломленный, зачарованный; так в те первые дни божественный гнев в одно мгновение уничтожил все твоё величие».

«О дети, когда мы шли по тем полям, по хижинам, по лазаретам, по зараженным домам и кварталам и видели повсюду мертвые тела, умирающих мужчин и женщин, других, настолько тяжело больных, что по лицу и силе они мало отличались от мертвых, тех, кто кричал от мучающих его болей, кто-то жаловался на голод, кто-то просил врачей или цирюльников, кто-то боялся приближающейся смерти, кто-то желал похоронить своих детей. Казалось, что все было полно отчаяния и безнадежности, что мы были покинуты Богом, и что, хотя это бедствие было великим, тем не менее еще большие страдания и разрушения ждали нас впереди». (Мемориал, гл. I.)

189. Помимо Бониперти, отличился и Чезаре Ринчо. Те, кто хочет узнать имена врачей, назначенных на различные посты, найдут их в Centorio, стр. 322. Их было 33, среди которых был молодой Лодвико Сеттала, впоследствии достигший большой известности.

190. В XVI веке Джован Франческо Раббиа, миланский аристократ, основал институт Санта-Корона, чтобы лечить бедных больных в их домах и раздавать лекарства. Он выделил для аптеки и других учреждений свой дом, расположенный недалеко от Сан-Сеполькро; над входом висела мемориальная доска с надписью на латыни.

ХРИСТУ-Искупителю
ОБЩЕСТВО, ПОСВЯЩЕННОЕ СВЯЩЕННОМУ ИМЕНИ
СВЯТОЙ КОРОНЕ ЕГО
ЗДЕСЬ
БЕДНЫМ И ОСОБЕННО БОЛЬНЫМ
СВОЮ ПОМОЩЬ
ОЩЕРЕСТВЕННО ОКАЗЫВАЕТ.

Этот институт, вместе с другими, в прошлом веке был объединен с Ospital Maggiore и, как известно, существует и по сей день.

191 15 октября 1576 года.

192 Среди этих богатых милосердных людей главными были два брата Кузани, Помпонио и Агостино, причем последний после смерти Св. Карло был возведен в кардиналы Сикстом V. (Джуссани, кн. IV, гл. V).

И Св. Карло в Мемориале: *Миланцы помогали и поддерживали в жизни около шестидесяти или семидесяти тысяч бедняков, лишенных всякой другой помощи. Сколько раз они давали и приносили в наши руки ожерелья, кольца, серебряные чаши для помощи беднякам, не зная даже сами, от чьей руки поступала эта милостыня.* (Стр. I, гл. II.)

193. Магистраты, которые в то время носили знаки своей должности, были очень привязаны к ним, и сенаторы считали бы унижительным выходить в обычной одежде, если бы не серьезная опасность заразиться чумой в широких и развевающихся тогах. Поэтому это обстоятельство, отмеченное Рипамонти, отражает смятение великих людей больше, чем может показаться на первый взгляд.

Беста также вспоминает об этом факте: *Был найден новый способ одеваться, потому что тогаты и сам Сенат носили короткие одежды и другие скудные и менее подходящие для заражения одежды. Больше не было видно разнообразия пышных и украшенных одежд, которыми раньше так кокетливо гордился город, и вокруг слышались только печальные, скорбные голоса, и не было видно ничего, кроме могильщиков с телегами, некоторые из которых были загружены зараженными больными, другие — мертвыми телами; а бедные женщины в скудной одежде следовали за ними, провожая безжалостные, скорбные и мучительные похороны, кто мужа, кто отца, кто брата, с маленькими детьми за руку или на руках и с кроватками на плечах, которых затем уводили в хижины.* (Стр. 58.)

194. Тысяча бедных священников содержалась за государственный счет во время карантина и в течение 123 дней после него: на это было потрачено 15 493 лиры. (Centorio, стр. 306.)

195 Святой Карло велел воздвигнуть много алтарей на перекрестках и видных местах города, чтобы все могли с удобством слушать мессу, оставаясь в своих домах, и обеспечил их священниками, которые ежедневно отправляли там богослужения. То же самое он сделал со споведниками, которые ходили от дома к дому, исповедуя весь народ; а по воскресеньям все причащались в одном и том же месте... Он распорядился, чтобы каждый район семь раз в день и ночью молился двумя хорами... Они пели псалмы, литании и

другие молитвы, соответствующие потребностям того времени. Часы были распределены упорядоченно, и каждый из них отмечался звоном самого большого колокола собора, и тогда все семьи выходили к окнам, и священник или другое уполномоченное лицо начинало молитву, а все остальные, преклонив колени, отвечали. (Джуссани, кн. IV, гл. 7.)

196Отсутствие губернатора по праву вызывало недовольство миланцев; они хвалили Сербеллони, хотя и не без некоторой пристрастности.

Мне недостаточно того, что вы оставили здесь моего Габрио Сербеллони, очень уважаемого рыцаря, достойного наивысших почестей и чести, который делает все, что может, для моей службы, и очень помогает мне. Однако он не может делать то, что делаете вы, поскольку он гражданин, и иногда не может и не должен отказывать в услугах друзьям, родственникам и слугам... А ты, Габрио Сербеллони, оставленный с полномочиями моим губернатором... будь сдержан в выдаче разрешений на выезд и въезд людей; проявляй большую осмотрительность... Ты поставил несколько виселиц, и солдаты и полицейские ходят по улицам днем и ночью... Принимай меры, наказывай и используй свою власть, как того требует время, и ты принесешь пользу обществу и т. д. (Плач Милана по поводу чумы, Оливеро Паниццоне Сакко, гражданин Александрии. — Александрия, 1578 г.)

197. Похоже, что монатты были активированы в 1576 году. Указ от 12 сентября того же года запрещает, под страхом трех ударов веревкой, особенно женщинам и детям, *когда они встречаются и видят монаттов на телегах или в другом месте, приближаться к ним. А другие наглые люди еще и камнями в них бросают...* Другой указ от 12 февраля 1577 года предписывает, *чтобы ни один монатти не смел в любое время и по любой причине выходить в любую часть этого города и его окрестностей, а также за пределы, где находятся дома, без очень длинной палки в руке и очень громкого колокольчика, который может быть хорошо слышен каждым из них, и всегда в сопровождении своего комиссара.* (Centorio, стр. 89-257.)

198. Подробный отчет обо всех расходах, связанных с этой чумой, находится в Centorio, стр. 305.

199. Здесь он пытается скрытно оправдать Фридриха за отказ от десяти тысяч зекинов, предложенных Ломэллини. (См. стр. 173.)

200. Необходимо отметить, что Рипамонти всегда говорит об имперских лирах, номинальной валюте, стоимость которой претерпела значительные изменения с 1200 года до Марии Терезии, которая ввела новую монету. В 1576 году вышеупомянутая лира равнялась двум миланским лирам, то есть 1,44 франку. В 1630 году она упала до 1,15,6 миланских лир, то есть 1,36 франка. С помощью этих данных легко сопоставить все суммы, упомянутые Рипамонти. Золотой зекино в 1630 году стоил около 11 миланских лир, то есть 8,47 франка.

201*Это было около 800 брентов, доставленных за его счет до границы 23 ноября 1576 года.* (Centorio, стр. 191.)

202. Из *Кастра Майора*, по мнению некоторых антикваров.

203. Грида 5 января 1577 года, а также другая от 28 января лишили его этой привилегии, возможно, из-за злоупотребления ею. См. предыдущую примечание, стр. 316.

204. Узнав, что священник, которого он с самого начала назначил ответственным за лазарет, скончался, не оценив опасность заражения, поскольку в первую же ночь он безрассудно уснул в постели зараженного, он немедленно прислал другого священника из тех же швейцарских деревень; а также поставил во главе этого лазарета очень ревностного и достойного человека, капуцина по имени брат Паоло Белинтано из Сало на озере Гарда, чтобы предотвратить беспорядки, которые могли бы возникнуть, с полномочиями применять порку и другие наказания к тем, кто их заслуживал. Этот отец совершал удивительные дела и держал в страхе всю эту толпу людей, заставляя каждого полностью выполнять свои обязанности, как тех, кто ухаживал за этим местом, так и тех, кто обслуживал больных. (Джуссани, кн. IV, гл. 6.)

205. Брат Паоло подвергал мужчин и женщин порке, иногда прибегая к веревке, а не просто обещая ее, и назначал им другие наказания умело и любезно. (Бугато, стр. 51.)

206 Когда наступила зима, не найдя никаких запасов, чтобы одеть их и защитить от холода, не вынося видеть их страдания, но не зная, как обеспечить одеждой такое множество людей, он придумал хороший выход: взять всю одежду из своего дома и порезать ее на множество одежд... Он велел опустошить гардероб и все комнаты своего дворца, убрав оттуда все ткани... и превратить их в одежду для бедняков: он велел сшить из них одежду разных фасонов с прикрепленными капюшонами, чтобы она служила всем и в качестве головного убора. При этом было измерено восемьсот локтей красной ткани и семьсот локтей синей, помимо зеленых и других цветов... И было очень приятно видеть такое множество бедняков, одетых в разные одежды: одни в красное, другие в синее, третьи в зеленое, а четвертые в другие цвета, как будто они были армией солдат в разных ливреях и с разными знаменами. (Джуссани, Жизнь святого Карла, Книга IV, гл. III.)

207. К рассказу о чуме 1576 года я добавлю, что в те дни верили в заразителей. В прокламации от 12 сентября 1576 года говорится: «До губернатора дошло известие, что некоторые люди, не отличающиеся особым благотворительным рвением, с целью навести ужас и страх на народ и жителей города Милана, а также поднять их на бунт, мажут маслом, которое, по их словам, является заражённым и заразным, двери и замки домов, а также углы кварталов указанного города и других мест государства, под предлогом того, что они приносят чуму в частные и общественные места, что приводит к многим неудобствам и немалым волнениям среди людей, особенно среди тех, кто легко поддается убеждению в таких вещах... Дайте понять каждому, что в течение сорока дней он раскроет личность или личности, которые дали указание, помогали или знали об этой НЕВЕЖЕСТВЕ, если ему дадут пятьсот скудов, и он сможет освободить двух бандитов.

Слово «наглость» указывает на то, что помазанники считали это скорее бравадой, чем обдуманнным преступлением. К счастью, вскоре об этом перестали думать. После объявления, говорит Центорио, больше ничего подобного не слышалось, в то время как в 1630 году та же самая вера, воспроизведенная с большей силой и в других обстоятельствах, принесла большой вред.

208 Монти был избран архиепископом Милана 28 ноября 1632 года Урбаном VIII. Джовиннет отправился в Рим, где, войдя в прелатуру, был назначен апостольским протонотарием Павлом V, который превзошел его возраст своим выдающимся умом. Григорий XII очень его любил: Урбан VIII послал его своим нунцием в Неаполь, затем в Мадрид, где он находился во время своего избрания. Вернувшись из Рима, он получил кардинальскую шапку с титулом Санта-Мария-ин-Транстевере. Только в мае 1635 года он смог приехать в Милан, где его с

большим восторгом встретили сограждане. Следуя по стопам Боромеев, он посетил епархию и продолжил реформу духовенства, проведя в 1636 году тридцать второй епархиальный собор и еще два в 1640 году. Он основал в Консесе монастырь босоногих кармелитов. Он завершил строительство двора семинарии в Милане и в 1644 году перенес в Монцу, в помещение, где сегодня находится госпиталь, семинарию, основанную святым Карлом под руководством облатов в *Санта-Мария-алла-Ноче*. Здание было скромным и в 1687 году было в значительной степени перестроено; в 1755 году была возведена еще одна сторона, на что было потрачено 115 000 лир. В 1768 году по указу монарха епископские семинарии были упразднены и сосредоточены в общей семинарии в Павии, семинария в Монце постигла та же судьба, и она была преобразована в госпиталь. После повторного открытия семинарий в 1791 году семинария в Монце переехала в бывший монастырь капуцинов на площади Пьяцца дель Меркато, где находится и по сей день. Только в 1822 году был перестроен фасад по проекту архитектора Гилардони, на что было потрачено 100 000 лир; наконец, в 1832 году приступили к строительству великолепного внутреннего двора, работы талантливого архитектора Джакомо Моралья, на что уже было потрачено огромная сумма в 544 000 лир. Надеемся, что через несколько лет этот семинар будет достроен, что станет свидетельством для потомков архитектурного таланта Моралья и великолепия тех, кто взялся за его реконструкцию.

Но вернемся к архиепископу Монти, который расширил и украсил архиепископский дворец и завещал свою ценную коллекцию картин навечно архиепископам Милана. Этот заслуженный человек умер 16 августа 1650 года в возрасте всего 57 лет и похоронен в соборе перед часовней Мадонны, называемой dell'Albero.

209 См. стр. 45.

210. Этот отрывок подтверждает мнение, которое я высказал о *процессе над заразителями*. См. *Приложение II* ко *Второй книге*.

211. Справа от главного алтаря можно прочитать, помимо упомянутой, еще несколько надписей. Бесплезно приводить их здесь, поскольку они не имеют отношения к теме этой истории.

212. Тот, кто сможет отыскать ответ сенатора Тротти в архивах Мадрида, где хранятся наиболее важные документы нашей истории периода испанского владычества, вероятно, найдет новые и очень важные разъяснения по поводу Процесса заразителей.

213. *As rex ipse regum*; так наш историк, копируя в целях лести известный эпитет, который Гомер дает Атриду.

214. Он намекает на набег, совершенный принцем Роханом, который в 1635 году продвинулся из Вальтеллины до Лекко, где ему преградили путь вооруженные брианцуоли.

215. Рипамонти писал пятую декаду «Истории родины», которая была опубликована после его смерти.

216. *Hora erat diei fere undecima tenebræque jam appetebant*. Я не понимаю, как это сочетается как с итальянскими, так и с французскими часами. Я полагаю, что из-за опечатки вместо *vigesima* стоит *undecima*.

217. Завершение этой напыщенной речи более чем странно: пообещать кардиналу Монти урну на случай его смерти! Думаю, что, несмотря на испанскую надменность, многие из присутствующих были возмущены или рассмеялись.

218. Ровно двадцать один год и четыре месяца, то есть с 7 ноября, когда святой Карло, умерший 3-го числа того же месяца, был похоронен в свинцовом гробу, покрытом еще одним гробом из толстых досок (Джуссани, Жизнь), до 6 марта 1606 года, когда было проведено осмотр тела святого Карла, последний акт, который оставался для завершения процесса его канонизации. Федерико Борромео с делегированными епископами, врачом и хирургом спустились в подвал. Войдя в гробницу, которая в течение двадцати двух лет хранила в себе это драгоценное сокровище, они увидели, что гробница была сильно повреждена из-за неудачного расположения места, хотя и была поднята над землей на двух железных стержнях, и в основном из-за капли, которая капала из холодных вен мраморного надгробного камня и постоянно падала на гробницу, проделав в крышке большую дыру..... Приостановив осмотр из-за сырости подвала, было решено перенести гробницу в ризницу, где, после того как тело пролежало семь дней на воздухе, чтобы высохнуть, епископы, оставив открытыми лицо, руки и ноги, одели его в пурпурную сутану: сверху на нее надели тончайшую льняную ризу, папские далматики и архиепископский паллиум, а на голову надели драгоценную митру, украшенную драгоценными камнями. После этой церемонии Фридрих поместил ее в упомянутый ковчег.

Поскольку Фридрих считал неуместным вновь помещать этот священный залог в том же месте, он приступил к поиску другого, более подходящего места в митрополичьем храме. После долгих обсуждений, чтобы не противоречить воле блаженного, который перед смертью выбрал это место для вечного упокоения своего тела, было решено не менять место, а только изменить форму гробницы, превратив ее в красивую и благочестивую молельню. Этот храм, обычно называемый Скуроло, хотя и не был большим, из-за раскопок земли и оштукатуривания стен серебряными листами, был закончен только в марте 1607 года. Тогда Фредерик вместе с епископом Арчинти, апостольским уполномоченным, открыли замурованную ризницу, вошли в нее и, найдя в гробе тело в том же состоянии, в каком оно было признано епископами-уполномоченными, шесть первых рыцарей города с максимально возможной почтительностью перенесли его на плечах и поместили на алтарь оратория в присутствии всех, кто был приглашен на это событие. (Ривола, Жизнь Фредерика, кн. III, гл. XXV.)

219. Мы вспомним 28 картин необычайных размеров, которые выставляются в промежутках между колоннами во время восьмидневного праздника Святого Карла, и еще 28 меньших по размеру, висящих под ними. Они изображают основные события его жизни и принадлежат кисти известных ломбардских художников XVII века. Креспи, Черано, Мораццоне, Прокаччино, Ланзани, Парравичино, Джаноли, Дукино; некоторые из них неизвестных авторов.

Но кто придумал этот грандиозный проект? Кто покрыл расходы? Обратитесь к Риволе в «Жизни Федерико», Торри, Латтуаде и всем старым и новым путеводителям по Милану, к работе Франкетти о Дуомо, к другой работе с элегантными гравюрами, опубликованной Артарией, и т. д., и вы найдете... ничего!

Мы знаем только по преданию, что когда в 1610 году был канонизирован святой Карло, Федерико, человек великих замыслов, о чем свидетельствует Библиотека Амброзиана, не говоря уже о прочем, решил увековечить память о святом таким образом, который наиболее ярко отражался бы в глазах всех. Также известно, что некоторые из вышеупомянутых картин были подарками от облатов, монахов и частных верующих. Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь прояснил этот важный факт, особенно для истории живописи Ломбардской школы.

220 Хотя наш историк преувеличивает это с присущей ему напыщенностью, участие было чрезвычайным благодаря живой и всеобщей преданности святому Карлу, которая началась сразу после его смерти. *Эта преданность была постоянной и обычной до 1601 года, когда слава о многих чудесах, которые вновь совершал святой Карл, разлетелась по всему миру Карло, вызвала такое волнение и пыл во всех народах Ломбардии и других более отдаленных стран, что можно было увидеть огромный поток людей всех сословий и положений, которые приходили поклониться его священному телу И помимо бесчисленного множества людей, которые в любое время дня и даже в течение двух-трех часов ночью смешивались друг с другом, туда приезжали еще и многочисленные группы мужчин и женщин из других мест, сопровождаемые процессией с музыкой и трубачами... некоторые в мешках в знак покаяния, более того, часто появлялись целые земли с духовенством и всем народом, которые проходили много миль. Паломники были очень частыми гостями из всех стран, и многие из них были из-за границы.* (Джуссани, Жизнь, кн. VII, гл. 8, гл. XVIII).

Примечание переписчика

Оригинальная орфография и пунктуация были сохранены, с исправлением минимальных типографских ошибок без примечаний.

Обложка создана переписчиком и находится в общественном достоянии.